

КЛАССИЧЕСКАЯ

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

А. А. СВЕЧИН

Искусство вождения полка

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Аннотация издательства: Настоящая книга есть описание боевых действий 6-го Финляндского полка во время мировой войны в бытность автора командиром этого полка. Ценность книги заключается в тех жизненных подробностях, которыми насыщено все ее содержание. В дополнение к своей памяти автор использовал имеющиеся в наших архивах материалы и, не гоняясь за прикрашиванием действительности, старался изложить положительные и отрицательные стороны событий с возможной для участника беспристрастностью. Книга дает богатый материал для ясного представления того, как на самом деле происходят военные действия, как воплощаются в жизнь высокие оперативные соображения, в какой тяжелой среде приходится работать небольшим начальникам. Книжка предназначена для широкого распространения среди командного состава Красной армии.

- [Свечин Александр Андреевич](#)
 -
 - [Содержание](#)
 - [От редакции](#)
 - [Часть первая. Основные линии](#)
 - [Глава первая. Вместо предисловия](#)
 - [Глава вторая. Крестьяне и помещики{15}](#)
 - [Глава третья. Командный состав](#)
 - [Глава четвертая. Полковая экономика](#)
 - [Часть вторая. Потухшие вулканы{31}](#)
 - [Глава пятая. Бразды правления](#)
 - [Глава шестая. Первый бой](#)
 - [Глава седьмая. На подступах к Вильне](#)
 - [Глава восьмая. Отступление](#)
 - [Глава девятая. История одного стыка](#)
 - [Глава десятая. Неудавшаяся смена](#)
 - [Примечания](#)

Свечин Александр Андреевич

Искусство вождения полка (Том 1)

Свечин Александр Андреевич

Искусство вождения полка. Том I

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста каждой главы.

А. Свечин. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. Том I. С 7 схемами. Государственное издательство. Отдел военной литературы. Москва Ленинград. 1930. Гиз № 37301. Тираж 5 000.

Содержание

От редакции

Часть первая. Основные линии

Глава первая. Вместо предисловия

Искусство командира полка. Тактическая история. Архивы. Мемуары и дневники. Объективность. План труда. 2-я Финл. дивизия, артиллерия, полки, начальники, 6-й полк. Кареев, Кельчевский. Подготовка и настроение автора. Разнобой в боеспособности русского солдата. Работник 12-го часа.

Глава вторая. Крестьяне и помещики

Порка. Несгоревшие избы. Княжна Радзивилл. Яблоки. Последняя корова. Признание крестьянских интересов. Половцев и галицийские помещицы. Херсон. Маначин. Тяжба с польским магнатом. Страховая премия. Муштра. Песни. Лагери и квартиры. Стрельбище. Подарки и игры.

Глава третья. Командный состав

Начальник дивизии. Начальник штаба дивизии. Командир бригады. Шиллинг и его "подвиг". Марушевский. Командиры батальонов. Молодежь. Штаб полка. Капитан Мячин и его контузия. Потери в офицерах. Выдерживание молодых прапорщиков. Равноправие. Козлов, Ходский, Роотс, Зноско, Ющенко, Красовский, Эланский, Триандафиллов. "Париж стоит обедни". Работа среди солдат. Сестры, алкоголь, карты. Городков. Самострел К. и его процесс. Офицерское собрание. Кудрявцев и его трофеи. Прапорщики из фельдфебелей — Сметанка, Иванов, Данилов; трудность их положения в царской армии. Занятия с офицерами. Тактические учения. Отрешение старшего врача. Врачи Краузе, Файн. Еврейский вопрос. Священники. Похоронное дело.

Глава четвертая. Полковая экономика

Бухгалтерия. Мертвые души. Учет личного состава. Интендантское и строевое исчисление. Умышленное сокращение числа бойцов. Официальная отчетность. Учет лошадей — казенные, полковые, собственные. Беззаботность штабов и рост обоза. Движение перекатами. Склады в тылу. Полковой патриотизм. Заготовка впрок. Свидетельства на утрату снаряжения.

Часть вторая. Потухшие вулканы

Глава пятая. Бразды правления

Общая обстановка. Прорыв между 10-й и 5-й армиями. Противодействие Алексеева усилению северного крыла. Падение Ковны. Разложение и сдача 315-го полка. Григорьев. XXXIV

корпус. Неманское сражение. Ковенский гарнизон. Ополченцы. Оборона шаг за шагом. Новое развертывание 10-й армии. Беспризорность 2-й Финл. дивизии. Связь. Состав 6-го полка и его подготовка. Обезд полка. 104-й арт. дивизион. Отправление артиллерии в тыл. Стягивание на вилькомирские позиции. Отступление. Соловьев. Проводники. В боковом арьергарде. Немецкий разъезд. Марш на Мусники. Ошибка на стыке — подчинение 2-й Финл. дивизии интересам V корпуса. Керновский отряд. Лицом к лицу с VI германским конным корпусом. Решение отходить. На ложной дороге. В лесу под конвоем конницы. "Больше шаг". Песни. Проводник. Муштра на походе. Прибытие на Мейшагольскую позицию. Выговор. Постановка задач штабом V корпуса. Перерыв связи. Объяснение с начальником дивизии. Инцидент с очищением д. Буйвиды. Всегда виноваты подчиненные.

Глава шестая. Первый бой

Укрепленная позиция. Состав V Кавказского корпуса; перемешивание частей. Пограничники — обучение, снаряжение, комсостав. 124-я дивизия. В Шавлишках. Маскировка. Стык с V корпусом: двухсторонняя сторожевка по Вилии. Связные командира полка. Самострелы. Демонстрация. Артиллерийская подготовка. Разброд 5-го полка. Сон командира горной батареи. Батальон на помощь 5-му полку. Бегство соседа. Загиб фланга. Только устный приказ для отхода. Развертывание на новом рубеже. Наступление гвардии. План штаба 10-й армии. Данные разведки. Усиление пассивного участка. Переход в наступление. Поддержка артиллерии. Задачи батальонов. Без резерва. Конница. Связь. Выталкивание частей. Помощь батарей 65-й артиллерийской бригады. Переезд в Шавлишки. 9-я рота. Гибель ландверного артиллерийского дивизиона. Путь в Дукшты. Встреча боевой группы. Забота о правом фланге. I батальон. Огонь гаубиц. Умышленная ложь штаба дивизии. Пленные. Взятие с. Гени. Промедление III батальона и 494-го полка. Бой II батальона у Адамчишки. Расположение на позиции. Потери. Разговор с начальником штаба дивизии. Действия прапорщика К. Откатка орудий. Ночная атака с тыла. Боевые качества ландвера. Немецкая реляция. Запоздавший приказ по дивизии. Сохранение направления при наступлении. Управление, лишенное резерва. Сила первого удара и риск обнаженного фланга. Всадник без головы. Движение по перекрещивающимся направлениям. Награды.

Глава седьмая. На подступах к Вильне

Мотание резервов и обучение. Атаки с. Кемели. Белые негры. Артиллерийская поддержка. Экономия на снарядах. Сдача в плен

роты 8-го полка. Потери. Запоздание смены. Окопы на среднем участке. Состояние гвардии. Дезертиры. На помощь 2-й гвардейской дивизии. Боевой командир бригады Гальфтер и его стоянка. Воздержание от наступления. Начало Свенцянского прорыва. Оперативные ошибки. Орановский и Флуг. Рота понтонеров — в бой. Просьбы об уходе в резерв за небоеспособностью. Смена 8-й Сибирской дивизии. Гвардия не дает батарей. Бой непосредственно после смены. Без продовольствия. Угон обозов. Бой у Тартака. Артиллерийская подготовка немцев. Действия 2-й батареи II финл. дивизиона. Бой в сообщениях начальника штаба гвард. корпуса. Констанполь. Увольнение заведующего хозяйством в отпуск. Штаб дивизии сообщает полку о прорыве его фронта. Изготовка полкового резерва. Уход батареи. Беглецы 6-й роты в роли разведчиков. Ликвидация неустойки. Вялость немецкой пехоты. Запоздание в ориентировке высших штабов. Потери в людях и оружии. Работа на фронте с наступлением темноты.

Глава восьмая. Отступление

Обстановка на фронте Флуга. Требования штаба 10-й армии. Директива армии для отхода. Группы корпусов. Ночной отход на Виленский тет-де-пон. Столкновение двух конных дозоров. Тыловые хищники. В боковом арьергарде. Кошмар на большаке. Запоздание. Отход к Осиновке. Приказ штаба дивизии. Главные силы позади арьергарда. Преждевременный отход бокового прикрытия. Тщетная предусмотрительность штаба армии. Коллективное надувательство. Скольжение вдоль немецкого фронта. Батареи остаются в колонне. Пронесло! Жалоба 28-го Сибирского полка и ее участь. Упущение штаба дивизии. Огонь 37-миллиметровой пушки. Катастрофический бой III Сибирского корпуса. Причины отсутствия сопротивления сибиряков — директива штаба армии. Уход штабов в тыл: оттягивание резервов. Оперативный перелом и несогласованность попытки уменьшить размах отступления. Воздержание начальства приводит к катастрофе. Паника. Борьба с ней. Порядок сохранен в ущерб тактике. Взрыв на дороге и паника в батареях. Артиллерия не прикрывает отступления пехоты.

Глава девятая. История одного стыка

Участок для обороны. Группировка полка. Во внутреннем положении. Отсталые. Отсутствие продовольствия. Ночная атака и одиночество 6-го полка: утрата связи с 8-м полком, уход дивизионного резерва. Прорыв III батальона. Успокоение. Ночь во II батальоне в описании Штукатурова. Настроение соседей и их реяции. 28-й Сибирский полк поднимает тревогу в армейском масштабе. 7-я Сибирская дивизия организует уступ за 6-м полком.

Тревога Флуга. Потеря связи штаба армии со штабом V Кавказского корпуса. Решение штаба армии протянуть фланг V Кавказского корпуса вправо. Призрак гигантского прорыва и ночная тревога Мехмандарова. 2-я Финляндская дивизия приблизительно на своем месте, по ней строится фронт. Переезд в Задворники. Неудачная атака по инициативе командира III батальона. Мои отношения к капитану Р. Работа нашей артиллерии. Осведомленность Чернышенко. "Наступление" Марушевского. Чернышенко выталкивает II батальон на болото. Паника в изложении Штукатурова. Паника в изложении командиров полков, батальонов и рот 7-й Сибирской дивизии. Действия Марушевского. Дальнейшая тревога III Сибирского корпуса и Флуга. Бюрократизация штабов. Угроза предания суду. Гембицкий. Обвинения соседей.

Глава десятая. Неудавшаяся смена

Обстановка в конце сентября. Французское наступление в Шампани. Назначение в резерв. Расположение 2-й и 4-й Финляндских дивизий. Лесные участки фронта. Укрепление позиции и подход немцев. Наступление немцев вечером 26 сентября. Подкрепления. Паника. Расходование резервов по частям. Организация командного пункта 4-й Финляндской дивизии. "Окружение" 16-го полка. Отказ от смены. Сменяющие части расходуются на поддержку. Утренняя контратака. Изба Ларионова. Находка пограничников. Утреннее развертывание. Постепенное угасание тревоги. Контакт с соседями. Чересполосица. Задержка смены на 2 суток. Эпилог. Был ли ночью бой? Ошибочный характер управления 4-й Финляндской дивизией. Конец кампании. Общие замечания.

Примечания

Настоящая книга есть описание действий 6-го Финляндского стрелкового полка в эпоху империалистической войны в бытность т. Свечина командиром этого полка. Мы привыкли к военно-историческим трудам, в которых история преподнесена с лицом напомаженным и подкрашенным. В настоящей книге автор беспощадно вскрывает былую действительность, выявляя ошибки, допущенные не только высшим командованием, но и свои собственные. По мере сил и возможности автор пытается быть объективным, но это не всегда ему удается, — во многих местах проскальзывает субъективизм автора, субъективизм, который в большинстве случаев не только не мешает читателю получить пользу от прочтения настоящей книги, но вскроет много теневых сторон системы управления в царской армии. Название книги не совсем соответствует содержанию, так как для решения вопроса об искусстве вождения полка необходимо было бы проследить целый ряд этапов, через которые должен был пройти командир полка и его штаб в смысле управления своими подразделениями в различные периоды боевой обстановки. В 6-м Финляндском полку, как и в большинстве полков царской армии, все вопросы управления сосредоточивались в руках одного командира полка. Штаб полка в большинстве случаев состоял далеко не из лучших офицеров части. Адъютант полка был в большинстве случаев только опытный "бумажный крючкотворец", составлявший гладенькие, в случае неуспеха, и напыщенные, в случае даже небольшого успеха, реляции и донесения. Во многих местах текста читатель найдет подстрочные примечания редакции, в которых даются дополнения и разъяснения по поводу некоторых неудачных мест книги. В общем и целом книга представит исключительный интерес для читателя, польза ее несомненна.

В редактировании книги принимали участие представители кафедры общей тактики, истории мировой войны, и кафедры политработы.

Редакция

Часть первая. Основные линии

Глава первая. Вместо предисловия

Успешность боевых действий зависит от многих факторов, не всегда лежащих в центре внимания тактики. Эти факторы в особенности обязан иметь в виду командир полка — инстанция, переводящая замыслы высшего командования на язык жизни; не малый скачок от бумаги к живым людям, от писанины и приведению в движение мыслей, чувств, костей и мускулов, и особое искусство командира полка — ежедневно этот скачок осуществлять. Теория освещает искусство командира полка только частично, на своей периферии. Для работы командира полка решающее значение имеют разнообразные политические и психологические данные, лишь с трудом улавливаемые при абстрактном исследовании этой области. Поэтому мы решили очертить искусство командира полка на конкретном случае. Таковой взят из мировой войны. Ценность опыта мировой войны для Красной армии в данном случае может оспариваться. Действительно, революция самым решительным образом изменила условия командования. Достаточно упомянуть о политическом аппарате и партийной организации, на которых опирается современный красный командир в своей работе и которые являются могущественным рычагом политического воздействия на красноармейскую массу. Поучительность настоящего труда выиграла бы в огромной степени, если бы он вдохновил одного из командиров красных полков, успешно работавших в гражданской войне, написать к нему дополнение по собственному опыту. Но и в настоящем своем виде труд может помочь многим разобраться в тех практических преломлениях, которые получает тактика в зависимости от различного уровня боеспособности войск и характерных изменений в обстановке. Каждый частный случай требует своего подхода, и командир полка прежде всего должен быть подготовлен к тому, чтобы отбросить заученный тактический шаблон и действовать, сообразуясь с конкретной обстановкой. Гражданская война 1918 — 1921 гг. также отошла уже в прошлое; будущее несомненно потребует от командира Красной армии нового творчества; и к нему-то и надо готовиться.

Настоящий труд является тактической историей одного из пехотных полков во время мировой войны. Наши военно-исторические работы главным образом, к сожалению, пишутся в стратегическом и оперативном разрезе и базируются на архивном исследовании переписки Ставки, фронтов, армий, в лучшем случае штабов корпусов. А между тем какой бюрократической, не

реальной, оторванной от жизни, тусклой представляется хранящаяся в военно-историческом архиве мировой войны переписка высших штабов по сравнению с сочным, если не правдивыми, то все же близкими к жизни документами архивов пехотных и артиллерийских частей, с полевыми книжками, исписанными под огнем, в цепях или на наблюдательных пунктах. Наша тактическая любознательность лишь в слабой степени удовлетворена в отношении событий мировой войны.

Исследование истории тактики до крайности затруднено состоянием наших архивов, отрывочностью сохраняемых в них документов, почти полным отсутствием мемуаров по мировой войне, которые пролили бы свет на извращения, содержащиеся в оставленных ею письменных памятниках. Можно впасть в грубейшие ошибки, если без надежного путеводителя, не запасшись большой дозой скептицизма, начать восстанавливать тактические эпизоды по уцелевшим обрывкам документов. Это обстоятельство в связи с необычайной кропотливостью работы и отпугивает большинство исследователей от изучения военных событий прошлого под тактическим углом зрения.

Оригинальная форма настоящего труда требует некоторых пояснений. С августа 1915 г. по февраль 1917 г. я командовал 6-м Финляндским стрелковым полком, и события, коих я был свидетелем, ложатся и основу моего изложения. Теперь, через промежуток в 11 лет, мне кажется, я способен довольно объективно разбираться в условиях своего командования.

Этот бойкий командир 6-го Финляндского полка представляется мне другим человеком, а не мной, когда я роюсь в памяти, чтобы восстановить мотивы его действий. Есть еще много живых современников описываемых мною событий; я был бы чрезвычайно благодарен им, если бы они огласили свои поправки к обрисованным здесь фактам и данным оценкам; несмотря на добросовестность моих усилий, я конечно далеко не достиг совершенной истины.

Однако настоящий труд отнюдь не имеет чисто мемуарного характера. Мои воспоминания являются преимущественно лишь светочем для архивных розысков и попыток на основании документов восстановить небольшие детали боев. При этом я базируюсь не на архиве своего полка, который почти не сохранился, и даже не на жалких остатках архива своей дивизии, а на архивах соседей — полков, батарей, дивизионов, дивизий и корпусов, с которыми приходилось работать по соседству, на просмотре уцелевших полевых книжек всех лиц, которые могли хотя бы отдаленно соприкасаться с изучаемыми событиями.

Удалось ли мне собрать достаточное количество документов,

достаточно достоверно установить факты, приблизить хоть сколько-нибудь свое изложение к научному — пусть судит читатель. Во многих случаях я не нашел достаточных опорных пунктов в архивном материале, а памяти своей не доверял; тогда я просто пропускал данный эпизод. На этом же основании я пропускаю много своих распоряжений, которые могли бы интересовать читателя. Протоколом моего пребывания в полку эта работа вовсе не является, и мое законное право промолчать о том, что не представляет сейчас общего интереса, и что мной полузабыто. В II томе настоящего труда мне удалось дать более последовательное описание работы командира полка, притом в крупных наступательных операциях.

Я был слишком занят во время командования полком, чтобы вести какие-либо записи; а журнал военных действий полка сохранился только за несколько месяцев спокойной жизни в позиционный период. Но в моем распоряжении имеются два дневника; первый дневник унтер-офицера Штукатурова, напечатанный в 1-и и 2-м сборниках Военно-исторической комиссии в 1919 г. (охватывает первый период моего командования); ко второму периоду относится дневник прапорщика 6-го Финляндского полка В.К.Триандафиллова, ныне заместителя начальника штаба РККА, любезно предоставленный автором в рукописи в мое распоряжение.

Я могу спокойно утверждать, что хотя и допускал порой довольно грубые ошибки, но моя работа в полку содействовала подъему его боеспособности и активному использованию благоприятных случаев, которые встречаются на войне более часто, чем обычно предполагают. Но я ни на минуту не забываю, что успешным действиям 6-го Финляндского полка благоприятствовали объективные условия, и прежде всего — выдающиеся качества самого полка и его традиций. Если бы мы попытались наметить лучшие полки царской армии, то 6-й Финляндский стрелковый полк оказался бы вероятно в первом десятке.

Труд мой состоит из 4 частей. В первой части я стараюсь обрисовать проблемы, которые мировая война ставила командиру полка в вопросах воспитания солдата, в отношениях к офицерам, в руководстве полковым хозяйством, и основные линии их решения. Вторая часть рисует ряд тактических эпизодов в условиях обороны Вильны и Свенцянского прорыва; войска находились на дне царская армия едва ли когда-нибудь достигала большего разложения и так опускалась, как в эти конечные месяцы полугодического отступления 1915 г. Факты, описываемые мной, несмотря на подтверждение их рядом документов, могут

показаться очень странными, анекдотическими иным критикам, знакомым с боевой действительностью только по чинному развитию обстановки при решении тактических задач на картах или на военной игре. Но что может быть конкретнее на войне, чем истрепанные до последней степени войска; и было бы крайне ошибочно применять к таким войскам нормально изучаемые в школе методы управления: это было бы все равно, что говорить глухому или дать читать слепому. Читатель, помнящий впечатления подлинного боя или несколько знакомый с пониманием войны Клаузевица, отнесется внимательнее к моей попытке передать живую тактическую действительность.

Остальные 2 части составят второй том. Содержанием его является зимняя кампания 1915/16 г. в Галиции и Луцкий прорыв.

Чтобы читатель имел все данные для тактического анализа, я, возможно кратко, обрисовываю и рамки операции, в которой действовал полк. Это повествование об операции имеет для меня чисто служебный характер; но читатель все же заметит, как то или другое понимание операции отражается на чисто тактических решениях командира полка.

Несколько слов о 2-й Финляндской стрелковой дивизии. Эта прекрасная дивизия выступила на войну в составе четырех 2-батальонных полков и одного 3-батарейного дивизиона; одна батарея была горная. На батальон приходилось нормальное в русской армии количество орудий — 3. Но затем полки дивизии развернулись сначала в 3-батальонный, а затем в 4-батальонный состав, батареи же перешли к 6-орудийному составу; фактически, осенью 1915 г., в батареях имелось только по 5, даже по 4 орудия. Горная батарея бралась иногда в отдел от дивизии: например в период 9-25 сентября 1915 г., излагаемый во второй части настоящего труда. Таким образом в лучшем случае дивизия при мне была обеспечена полутора орудиями на батальон, а иногда всего одним орудием, что являлось совершенно недопустимым в условиях мировой войны. Мы с завистью смотрели на нормальные дивизии, располагавшие 6 батареями, а о германской норме — 12 батарей — и мечтать не могли. За недостаток артиллерии приходилось расплачиваться дорогой ценой пехоте.

Приходилось быть очень строгим в требованиях к пехоте, она должна была проявлять свое искусство в полной мере, малейшее упущение строго наказывалось. Еще Наполеон отметил по опыту польской кампании конца 1806 г., что пехота, вынужденная сражаться против сильнейшей артиллерии, быстро портится. Во 2-й Финляндской дивизии эта порча в особенности сказалась на более слабых полках.

Таковым являлся 7-й и в некоторые периоды войны 8-й полки, имевшие в мирное время лучшую стоянку — Выборг и сильно гвардейский пошиб. Офицеры в них не жили полковыми интересами и потому не занимались воспитанием солдатской массы. В начале 1915 г. 8-м полком командовал полковник генерального штаба Иностранцев, читающий теперь иногда военные лекции в Праге. Профессорское красноречие Иностранцева совмещалось с поразительной физической трусостью. Он серьезно разложил 8-й полк и не пользовался никаким авторитетом; молодые офицеры смеялись над ним и распустились. Но все же в 8-м полку сохранилось много хорошего элемента. 7-м полком долго командовал гастроном, генерального штаба Орлов; австрийская граната убила его в Карпатах в избе, за ужином. Офицерским собранием 7-го полка заведовал прапорщик Александров, владелец известного крупнейшего петербургского ресторана Аквариум{1}. Первый начальник дивизии Нотбек высоко ценил кулинарные связи Александрова и стремился всегда держать 7-й полк в резерве, около штаба дивизии. Целыми месяцами другие полки дивизии несли тяжелую работу, а 7-й полк бражничал в тылу. В минуты же кризиса 7-й полк вводился в бой и оказывался далеко не в такой степени втянутым в требования боя, как другие, менее свежие, но не так избалованные полки. Брошенный в контратаку, 7-й полк с большим искусством умел изображать шаг на месте.

Главную силу дивизии представляли 5-й и 6-й полки. В противоположность 7-му и 8-му полкам, которыми в мирное время всегда командовали офицеры генштаба, 5-м и 6-м полками, квартировавшими в неприглядных стоянках, командовали выдающиеся пехотные специалисты. 5-й полк был очень хорошо обучен и вымуштрован, но гвардеец Шиллинг, командир полка, придавал дисциплине бездушный, формальный характер, и дисциплина 5-го полка, уже через полгода войны, дала сильные трещины. Полк не достаточно успешно ассимилировал в своей среде прапорщиков. Объективные условия вели к тому, что армия перестраивалась на новый лад, а кадровый состав 5-го полка стремился сохранить прежний строй полка, и отрывался таким образом от своих пополнений.

Несомненно, лучшим в дивизии был 6-й полк{2}. Воспитателем 6-го полка был полковник Кареев, вышедший с ним на войну. Кареев был в свое время петербургской знаменитостью как командир батальона Павловского военного училища. Бесконечная требовательность, безжалостная строгость, соблюдение всех статей устава на 100 %, жесточайшая муштра, энергия и настойчивость при ведении строевых занятий и

обучении стрельбе, отсутствие каких-либо личных интересов вне службы характеризовали Кареева. В полку он стремился добиться в подготовке своих стрелков такой же отчетливости, какой он достигал при обучении павловских юнкеров. При этом он проявлял и большую заботу о развитии спорта среди солдат. Особенно велики были достижения в лыжном деле. Но если в училище Кареев получил репутацию истязателя юнкеров, то в полку он явился истязателем одних офицеров; его бесцеремонные замечания производили такое впечатление, что офицер, которому приходилось идти к Карееву со служебным докладом, задумывался над вопросом — не лучше ли подать в отставку и идти хотя бы на самую черную работу, но быть избавленным от столь требовательного и резкого начальства{3}. Солдаты же не имели злого чувства к Карееву, ощущали его непрерывную заботу о них, мирились с его суровостью, так как справедливость была налицо{4}. К начальникам Кареев был еще требовательнее. Подготовка унтер-офицеров в полку была идеальная. Мне пришлось иметь дело уже со вторым поколением учеников-воспитанников Кареева; трудно было себе представить в полку, чтобы унтер-офицер отправил солдата в наряд или на работу, не прорепетировав с ним все обязанности, выпадающие на него в данном случае. После тяжелого перехода, в ненастную погоду, я обходил окопы или бивак полка, опрашивал часовых, дневальных, старших в секрете, наблюдателей, разведчиков — и всегда получал четкие, уверенные ответы. Только добившись полного уяснения солдатом его обязанностей, унтер-офицер ставил его на работу. Неоценимое достижение{5}. Рукоприкладство преследовалось Кареевым жесточайшим образом и встречалось в полку только как редкое исключение. Тем не менее, муштра в полку была жесточайшая; она поддерживалась и в течение всей войны, но в сильно смягченной форме. Несомненно, блестящие результаты подготовки достигались полком только ценой мучительно напряженной работы.

В боевой обстановке Кареев разбирался не слишком искусно. Крепко спаянный суровой дисциплиной, богатый индивидуальной подготовкой каждого бойца полк мог бы достигнуть и более крупных результатов{6}. Такие командиры, как Кареев, сами обычно не достигают крупных боевых успехов. Им не хватает той легкости, увлекательности, энтузиазма, умения добиваться добровольного подчинения, которые так важны в числе прочих способностей вождя. Но они оставляют своим преемникам богатейший вклад. После их грузного прижима каждый начальник будет казаться очаровательным и сможет долго жить на накопленный капитал дисциплины.

Преемником Кареева{7} и моим непосредственным предшественником был полковник генштаба Кельчевский, преподаватель тактики артиллерии Академии генерального штаба. Он представлял само воплощение деликатности и мягкости. Все внимание Кареева было обращено на строевые требования, а Кельчевский как будто не замечал людей и весь ушел в тактику. Он мог, упершись взором в карту, анализировать и мечтать 4–5 часов под ряд. Это был его способ отдыхать; с этой стороны он представляется мне немного звездочетом. В дивизии он пользовался репутацией большого тактика, и под его командованием штаб дивизии охотно объединял управление всей боевой частью дивизии. На Карпатах, в первую зиму войны, Кельчевский утратил последние кадры полка. Состав полка был разжижен пополнениями и включением III батальона, составленного из рот пограничников.

4 июня 1915 г{8}. дивизия отходила сверхфорсированным маршем к с. Журавно на Днестре. "Люди смертельно устали от жары", "позиция никуда не годится и растянута", — доносил Кельчевский. С 4 ч. 30 м. утра 5 июня начался обстрел, а в 16 ч. 10 м. австрийцы повели решительную атаку. В 17 ч. 40 м. наступила катастрофа для большей части фронта дивизии. В 19 ч. 40 м. Кельчевский доносил: "Мой 1 батальон и 2-я горная батарея (4-го Сиб. горного дивизиона) погибли". В действительности, полностью были уничтожены или взяты в плен 8 рот 6-го Финляндского полка и все пулеметы. Связь работала, и телефонисты из взятых австрийцами окопов еще доносили, что делают австрийцы, кто из офицеров убит, а кто взят раненым в плен. Иностранцев бежал, но Кельчевский продолжал организовывать действия остатков дивизии на фронте, и удостоился ответной записки начальника дивизии Нотбека: "Ваши действия признаются блестящими". От 6-го полка осталось 300 человек. Но закваска сохранилась. Через несколько дней учебная команда с прапорщиком Даниловым захватила австрийскую батарею, и Кельчевский получил орден Георгия.

28 июня 6-й полк с прибывшими пополнениями насчитывал 612 штыков, 412 безоружных. 1 июля полк потерял еще 300 человек. 7 июля остатки дивизии были выведены с фронта. В это время произошла полная перемена начальства. Ушли, получив повышение, Нотбек, Кельчевский, начальник штаба дивизии Марушевский; отправился преподавать военные науки Иностранцев. 25 июля дивизия была посажена в Тарнополе в вагоны, 29 июля — высажена в Вильне и направлена в Вилькомир, где имела ряд стычек с германцами. 10 августа в бою со спешенной частью 6-й немецкой кавалерийской дивизии

особенно отличился I батальон 6-го полка, под командой подп. Патрикеева, произведший внезапно довольно значительный прорыв и захвативший до 70 пленных. Таким образом известная боеспособность еще сохранилась; но все же мне предстояло вступить в командование очень обессиленным 6-м Финляндским полком. Однако в августе 1915 г. положение других полков русской армии было не лучшим. На мое счастье почти в течение целого года бои 6-го Финляндского полка складывались так, что он имел возможность подбирать и эвакуировать в тыл своих раненых; сдались 5 июня роты, состоявшие главным образом из пополнений; в лазаретах дальнего тыла полк располагал весьма ценным в будущем кадровым пополнением. Отчаиваться не приходилось.

Теперь несколько слов о лице, вступившем в командование 6-м Финляндским полком 18 августа 1915 г., являющемся и автором этого труда. Первой предпосылкой успешного командования является наличие чувства ответственности, проникающего все действия — ответственности перед собой, перед общественностью и государством, а не только перед начальством. Без этого чувства ответственности командование непременно пойдет по руслу отбытия номера, формального исполнения, неудач, более или менее искусно затушеванных. Мало тактически развитый командир полка, ощущающий, что на войне он делает свое дело, связывающий полностью свою судьбу с конечным успехом или поражением, стоит много дороже способнейших людей, видящих на войне только эпизод своей служебной карьеры, внимающих равнодушно добру и злу, скользящих по поверхности событий и стремящихся лишь не обострять отношений.

Такое чувство ответственности у меня имелось налицо. 6 лет я работал в Главном управлении генерального штаба над различными крепостными, техническими, разведывательными вопросами; в то же время это был период моей особенно напряженной военно-литературной деятельности. Подготовка к войне протекала конечно далеко не в полном соответствии с моими взглядами; мне пришлось быть творцом лишь нескольких компромиссов — небольших винтиков того гигантского механизма, который начал функционировать с началом войны. Но я отчетливо сознавал, что являюсь участником коллективного творчества; моя роль была скромной в бюрократической области и довольно заметной в идейной; многое делалось вопреки мне, многое оставалось тайной для меня, и все же я живо ощущал свою ответственность за целое.

Первый год войны я провел в спокойных условиях Ставки. Я

являлся докладчиком по вопросам прессы, крепостей, тяжелой артиллерии, выступал, часто непрошенно, в роли оперативного критика, через мои руки проходил тактический опыт союзников. Эта оторванная от войск работа перестала меня удовлетворять уже на четвертый месяц войны; мне пришлось съездить на фронт и ознакомиться с печальным состоянием истощенных войск, с жалким состоянием наших укрепленных позиций, с хаосом в армейских тылах. Войска на фронте выглядели совершенно иначе, чем это рисовалось в Ставке. Между сокрушительными стремлениями верховного командования и объективными возможностями развернулась пропасть. Работа Ставки получила уклон к построению воздушных замков; мне захотелось отречься от нее; я в сущности с началом войны продолжал ту же научно-литературную работу, которой занимался и в мирное время. Мне захотелось держать настоящий ответ, перенесаясь непосредственно к войскам. Полгода меня не отпускали. Но я все резче расходился с господствовавшим течением и все более желчно и пессимистично критиковал предпринимаемые операции. Наконец Ю.Н.Данилов, генерал-квартирмейстер, относившийся ко мне всегда чрезвычайно благожелательно{9}, признал, что без меня будет спокойнее; он не согласился на назначение меня командиром 2-батальонного Туркестанского полка, первого сделавшегося вакантным ("на командование двумя батальонами жалко расходовать полковников генерального штаба"); следующий 3-батальонный 6-й Финляндский стрелковый полк уже не вызвал возражений.

Я не преуменьшал всей трудности предстоящей мне задачи. Я помнил свою службу в 22-м Восточносибирском полку в русско-японскую войну, в котором два опытных командира, один за другим, быстро и бесповоротно себя скомпрометировали. Меня не обманывало молчаливое послушание русского строя. Легкомысленному французскому наблюдателю перед мировой войной казалось, что русский солдат столь нетребовательный, что русскими солдатами бесконечно легче командовать, чем французскими. Это абсолютно неверно, Войсковые организмы царской России являлись очень нежными и чувствительными и весьма восприимчивыми к началам разложения. Я убедился в этом еще весной 1904 г. под Тюренченом, когда наблюдал почти мгновенный переход от ура-патриотического настроения к грабежу денежных ящиков и офицерских чемоданов, к самой бесшабашной панике. Бессловесной и безропотной русская армия казалась только на поверхностный взгляд; русский офицер не имел дисциплинированного мышления; политическая подготовка его имела крупные пробелы; начальству он мало верил и мало его

уважал; а солдаты являлись в конечном счете представителями крестьянского анархизма, сомнения и восприимчивости{10}. Русские полки успешно работали только в атмосфере порядка и авторитета; а обстановка современного боя сковывала возможности проявления личности начальников и создавала хаос. Это противоречие нужно было перекрыть энергичной и целеустремленной работой командования{11}. В немецкой армии существовал определенный "стандарт" боеспособности полевой, ландверной, ландштурменной части; в русской же армии существовал удивительный разноречивый: иные второочередные полки дрались превосходно, а другие первоочередные при малейшем активном усилии сразу переходили в полное расстройство. Контроль сверху совершенно отсутствовал, критика снизу оставалась тайной, и командование в каждом полку получало самые причудливые, разнообразные формы.

Моя строевая компетентность была невысока. Я так и не одолел премудрости несложных команд для церемониального марша и всегда нуждался в подсказке. Хотя я сидел в Ставке над французскими тактическими выводами, но они вовсе не были применимы в наших маневренных условиях; а от русского тактического опыта я отстал на весь первый год войны.

Последнее меня впрочем не пугало. Непосредственный тактический опыт дается такой затратой моральных сил, что свежесть нервов и мускулов стоит его. В русско-японскую войну для меня обстановка сложилась наоборот: мне пришлось уже 12 раз отступать под обстрелом японцев, когда мои товарищи, заведомо более слабые, чем я, приезжали из России в Манчжурию. И что же? Они смотрели орлами в сравнении со мной, несмотря на то, что я был весьма умудрен опытом поля боя XX века. С моей наблюдательностью, умением владеть пером, физической выносливостью, незаурядными знаниями, знакомством с особенностями Манчжурии, с горной тактикой, я был отброшен на второй план. Меня забивали работники 12-го часа являющиеся в мастерскую за несколько минут до перерыва и приступающие к работе темпом, совершенно отличным от тянущего лямку с рассвета.

Такова жизнь, таково вечное практическое превосходство юного, свежего поколения над сработавшимся поколением отцов. В мировой войне козыри свежести находились на моей стороне, и я решил их использовать полностью. Я знал, что застаю людей, которые не слишком будут гордиться приобретенной ими тактической мудростью: ведь последняя далась им слишком дорого, ценой тяжелых испытаний и разочарований, отступлений, моральных и физических ударов, унижений, необходимости

скрывать и переваривать внутри себя многие, жалкие явления, неизбежно связанные с поражениями; как отзывается например одна потеря товарищей, с которыми сжились и сражались рядом! Много остроумия вызывало положение плацпарадной тактики, что войска на войне забывают свое обучение. Конечно оно неверно; конечно обстрелянные войска постигают тактику много глубже, чем это доступно хорошему профессору тактики; бой — несравненная школа по сравнению с наилучше организованными маневрами; какой посредник может заменить свист пуль или гром разрыва бомбы? Но войска в обстановке империалистической войны морально расходятся, и мировая война могла продолжаться лишь благодаря непрерывному притоку свежего человеческого материала{12}. Как быстро свернулась германская армия во второй половине 1918 г., когда тыл перестал поставлять ей новую кровь...

Год относительно спокойной, регулярной работы в Ставке давал мне в отношении нервов огромное преимущество по сравнению с людьми, у которых ночью, при грохоте проехавшей телеги, рождалось сновидение с участием пулеметного огня. Я знал, что встречу больных людей. Я описываю порой совершенно негодные войска и начальников; но для оценки старой русской армии надо помнить, что на войне день на день не приходится; если дать тем же войскам спокойно отдохнуть три-четыре ночи, окунуть их в атмосферу известного распорядка и справедливости боеспособность их изменяется радикально.

Я тогда был еще молод — мне шел 37-й год. Молодость — крупный плюс, но при непременно условии успеха. Старому начальнику солдат и командир всегда охотнее простит ошибки и упущения; у крестьянских парней седина всегда легко заслужит снисхождение{13}. Молодой начальник нравится, но горе ему, если он не окажется на уровне более строгих требований, предъявляемых ему.

Наконец командование полком отнюдь не являлось для меня отбыванием определенного ценза, ступенью к дальнейшей карьере. Я готов был закончить свою жизнь на посту командира полка. 7 раз я отказывался от предлагаемых мне генеральских должностей, и пробыл командиром полка полтора года. Во главе 6-го полка я чувствовал себя сильнее, чем во главе другой дивизии. Это отсутствие какого-либо стремления к дальнейшему повышению и наградам придавало мне большую независимость. Начальство часто было мной недоволено: штаб дивизии устраивал мне неприятности, но меня побаивался; я получил десяток выговоров, но сохранил доброе имя.

Перехожу к повествованию. Постараюсь, чтобы оно было в

возможно меньшей степени похоже на ту далекую от боевой действительности, сухую, геометрическую, лживую историю мировой войны, к которой мы все привыкли{14}.

Уже мое первое впечатление при приеме полка заставляло задуматься над некоторыми широкими вопросами. Когда 18 августа 1915 г. моя бричка подкатила к небогатому крестьянскому хутору в 6 км к юго-востоку от Вилькомира, где был расположен штаб полка, на крыльцо вышел временно командующий полком подполковник Древинг и офицеры штаба полка. Они начали мне представляться, но внимание мое было отвлечено криками, долетавшими из сада. Не могло быть сомнения — там происходила экзекуция. Пороли солдата. На моем лице отразилось совершенное недоумение. Древинг поспешил меня уверить, что он также держится отрицательного мнения на такие способы воздействия, но что здесь случай совершенно особенный: у крестьянина, хозяина дома, пропала чуть ли не единственная его чайная серебряная ложка; обида, нанесенная хозяину, возмутила писарей и телефонистов штаба полка; они постановили произвести повальный обыск у всех солдат, ночевавших при штабе полка, и после тщательных розысков нашли серебряную ложку в сумке одного телефониста. Ложку возвратили хозяину, а виновный был присужден товарищами к жестокой порке, которая и приводится сейчас ими в исполнение. Древинг обратил мое внимание на то, что солдаты относятся чрезвычайно чувствительно к каждой обиде, наносимой крестьянам; со своей стороны он предпочел предоставить им свободу и не вмешиваться в организованную ими борьбу за свою репутацию.

Чувствительность солдат к кражам произвела на меня в общем ободряющее впечатление. В солдатской массе, так резко реагировавшей на покражу, несомненно таились какие-то значительные моральные силы; надо было только умело взяться за них и направить их в нужное русло.

Мы укреплялись; на четвертый день моего командования стали надвигаться немцы. Я приказал сжечь несколько крестьянских хат, расположенных на расстоянии прямого выстрела от окопов и стеснявших обстрел. Бывают приказы, которые мгновенно переходят в жизнь, и бывают приказы, которые явно идут против течения и встречают при своем исполнении тысячи препятствий. Мне пришлось трижды повторить свое распоряжение; прапорщики уныло повторяли "слушаюсь", а хаты все не горели. Я стоял у окопа роты, когда вернулся дозор с унтер-офицером, посланный сжечь хату; унтер-офицер со слезами на глазах докладывал, что в хате — три

женщины и пятеро детей; уступая их просьбам, он вернулся доложить об этом ротному командиру. Я постарался объяснить солдатам те выгоды, которые немцы смогут извлечь в бою из наличия этих хат. И прапорщик, и командир роты и солдаты хором меня заверяли, что за ними остается преимущество хорошо устроенного окопа, что они мне все ручаются, что своего окопа они немцам не отдадут, лишь бы я помиловал хаты или хотя бы отсрочил их сожжение.

Я уступил; половину более дальних хат я разрешил не жечь вовсе, а половину более близких оставил стоять до последней минуты; я был убежден, что роты их умышленно не сожгут в последний момент; что же, придется израсходовать несколько лишних артиллерийских снарядов — граната, по крайней мере, не знает тех угрызений совести, которые одолевают крестьянина, переодетого в солдатскую шинель и подносящего спичку к соломенной крыше...

Я хорошо сделал, так как драться в этих окопах не пришлось, вследствие отхода на Мейшагольскую позицию. Сожженные хаты сильно подорвали бы мой авторитет среди солдат; я оказался бы барином, совершенно чуждым, даже враждебным крестьянским интересам.

В момент приближения немцев к Вилькомирской позиции я перенес свой штаб в усадьбу Леонполь, — пункт, тактически очень выгодно расположенный для управления участком моего полка. Усадьба, расположенная на берегу Свенты, отнюдь не блистала особой роскошью; в имении было всего, кажется, 700 га. Но хозяйка ее носила громкую фамилию Радзивилл; некрасивая тридцатилетняя княжна эксплуатировала свое имение с удивительной энергией; она сразу же предъявила полку точный счет за все произведенные потравы, за скошенный клевер и овес, взятые материалы. Подполковник Борисенко, временно заведывавший тогда хозяйством, очень не хотел платить что-либо энергичной княжне: ведь через несколько времени здесь будут немцы, и все достанется им; вместо того чтобы платить, хорошо было уничтожить, вытоптать весь урожай, стоявший на полях, и сжечь княжеские скирды. Но диалектика Борисенко была еще мало доступна мне, прибывшему из Ставки и не впитавшему еще в себя армейские настроения. Я приказал заплатить по умеренной цене за все, что полк взял, отбросив претензии за потравы. Это распоряжение в общем было не понято не только солдатами, но и офицерами. На меня начали коситься, в особенности когда княжна предоставила мне комнату с лучшей мебелью, в которую раньше не пускала других офицеров, и начала по своим делам обращаться непосредственно ко мне.

Я почувствовал, что стою на ложном пути; на мой вопрос Радзивилл, почему она не эвакуируется и не боится оказаться в районе занятом немцами, она объяснила мне, что у нее есть не только кузены, служащие в русской гвардии, но и кузены служащие в прусской гвардии и австрийской армии; что за год до войны к ней из Германии приезжали ее родственники офицеры, с несколькими приятелями, тоже знатными офицерами, и с большим удовольствием гоняли борзых по полям в окрестностях Вилькомира, и она уверена, что германские офицеры отнесутся к ней по-рыцарски... Фамилия Радзивилл действительно на редкость являлась интернациональной.

Я решил, что когда мы отступим на другой берег Вилии, моим первым приказом командиру моей батареи явится распоряжение капитально разрушить приютившую меня усадьбу Леонполь, которое должно будет засвидетельствовать в глазах полка мою полную объективность. К сожалению, мы получили приказ сняться скрытно и сразу откатиться на два перехода. Уходя, глубокой ночью, я доставил себе все же удовольствие сказать княжне, что получил приказание занять позицию на южном берегу Свенты и, к сожалению, завтра буду вынужден открыть огонь по ее дому, в который, впрочем, рассчитываю скоро возвратиться. "Пожалуйста, только чтобы кадрили между вами и немцами в районе моей усадьбы не затянулась на слишком долгое время. Я уже давно обдумала положение своей усадьбы и нахожу, что она хорошо укрыта от огня с немецкой стороны. Но она прямо подставлена под расстрел русских батарей с южного берега Свенты — это мой кошмар..."

После этого случая я раз навсегда отдал своим квартирьерам распоряжение никогда не отводить под штаб 6-го Финляндского полка помещичий дом. За полтора года войны мне пришлось ночевать лишь два раза в Галиции в обитаемых помещичьих домах, причем я демонстративно не входил ни в малейшее соприкосновение с помещиками, и с самого начала занимал явно враждебное к ним положение. Нормально, штаб полка располагался в поповском доме, на площади села, около церкви, и офицеры и солдаты в незнакомом селе всегда легко могли находить штаб полка.

Ряд мелких инцидентов напоминал мне о правильности избранной линии. Крестьяне жаловались, при отступлении от Вилькомира, что на большом привале несколько солдат нарвали у них в саду яблок. "Мы можем сами с удовольствием угостить солдат яблоками", говорили крестьяне и в доказательство принесли огромную корзину яблок: "но нам обидно, что рвут яблоки без спроса". Я повел жалобщиков к находившейся близ их

сада роте. Приказ выдать яблочных грабителей был исполнен мгновенно. Было ясно, что рота одобрит самую жестокую расправу. Тогда сами жалобщики крестьяне со слезами на глазах начали просить за своих грабителей, что предоставило мне удобный случай простить их и отдать под надзор их товарищей, которые торжественно обещали отбить у них всякую охоту тянуться к крестьянским яблокам.

В середине октября 1915 г., после отхода на те позиции впереди Молодечно, на которых фронт замер на два года, начались перебои с довольствием мясом. Войска при отступлении довольствовались местными средствами, а тут они, после остановки, быстро иссякли, а подвоз скота еще не был налажен. 16 октября полк направлялся из резерва в боевую линию, атаковавшую, или скорее делавшую вид, что атакует немецкие позиции, а мяса для варки пищи вовсе не было. Между тем в деревушке, где остановился полк, очевидно имелись коровы. Атака без мясной порции — плохая атака, и я приказал реквизировать у жителей и зарезать три коровы, оплатив их по полной стоимости. Исполнение моего приказа задерживалось. Прапорщик обратился ко мне с просьбой войти лично в рассмотрение дела. Я вышел из избы. Перед ней были выстроены 6 или 7 коров, остававшихся в деревне и приведенных производившими реквизицию солдатами. Около каждой коровы стояло по несколько женщин и чуть ли не по десятку детей. Ни у кого из жителей не имелось двух коров. Реквизиция последней коровы почти смертный приговор для крестьянских детишек. Ни у прапорщиков, ни у солдат не поднималась рука сделать выбор — и я был приглашен арбитром. Сплошной плач и ужас. Когда я заявил, что на сегодня ограничусь распределением в котлы по одной четверти фунта на бойца и обрекаю на заклятие только одну корову, отобранную у семьи с наименьшим количеством ребят, с тем, что она делается совладелицей другой коровы, тоже сравнительно малосемейного хозяина, и что деньги за реквизированную корову обе семьи должны поделить между собой, то последовало общее облегчение, и мой Соломонов суд высоко поднял мой авторитет.

Крестьянские настроения в армии{16} были настолько сильны, что на путь подчеркнутого уважения к крестьянству невольно становился не только я, но и все лучшие, боевые офицеры полка{17}. По моим наблюдениям такая же крестьянская линия поведения, своеобразная смычка, хотя бы чисто внешняя, наблюдалась и во многих других полках, отчетливо стремившихся к повышению своей боеспособности. И я не думаю, что та или другая линия поведения командного состава

в очерченных мелочах имела бы второстепенное значение. Солдату было много легче простить своим командирам многие недостатки, порой даже отсутствие их личной доблести, чем идти на смерть под знаменами, где подчеркивалось высокомерное игнорирование крестьянских интересов{18}.

Самое жалкое впечатление оставляли начальники, державшиеся противоположной ориентации. Самым ярким воплощением их являлся Николай Петрович Половцев, начальник штаба V Кавказского корпуса, в рядах которого мне пришлось провести первые полгода моего командования. Человек с большими средствами и ничтожного ума, кавалергард по началу службы, этот представитель русской аристократии получил отметку "неудовлетворительно" за время своего цензового четырехмесячного командования пехотным батальоном перед войной, что представляло почти неслыханное явление в прохождении службы русского генерального штаба. Но как ни хотело Главное управление генерального штаба убрать этого полукретина из генерального штаба, оно не оказалось в силах преодолеть связей последнего. На войне, в особенности когда наш корпус располагался в Галиции, Половцев хронически путался с польскими помещицами, искавшими у него облегчения от тягестей войны.

В зиму 1915/16 г. все польские помещицы, мужья которых воевали против нас, оставались в своих имениях, и в пределах района корпуса обеспечили себя записками от Половцева, что все их запасы продовольствия, фуража, скот, даже лес взяты на учет штабом корпуса и никаким реквизициям со стороны частей корпуса подвергаться не могут. Полки ставили перед штабом корпуса вопрос, как им быть с постройкой блиндажей, если нельзя рубить помещичьего леса — а в Галиции все леса являлись помещичьими; и Половцев цинично отвечал предложением рубить лес в 50 км в тылу и возить его по раскисшему чернозему на позиции. Конечно я приказывал рубить бревна и дрова в ближайших же рощах, в 15–20 км за фронтом; и в тех случаях, когда интендантство вовремя не подвозило снабжения, захватывал на месте нужный скот и фураж — ценой поднятия весьма неприятной переписки с начальством по поводу моего самоуправства. Я довел до сведения академического штаба 11-й армии (Щербачев, Головин, Незнамов, Кельчевский) о странной сердечной слабости Половцева. Я получил ответ, что это "уездный случай", над которым в штабе армии много смеялись — и только. Слабость государственных устремлений и здесь ярко чувствовалась. Штаб 11-й армии малоуспешно стремился сплавить Половцева, рекомендуя его на высшие посты; наконец

ему удалось пристроить Половцева начальником штаба к Зайончковскому, отправлявшемуся командовать отдельным корпусом в Добруджу.

Зайончковский приглашал и меня в свой штаб на роль оберквартирмейстера, но я не испытывал конечно ни малейшей охоты принять участие в добруджинской катастрофе, развитию которой Половцев оказал несомненно всевозможное содействие.

Русская армия позади своего фронта не имела вовсе благоустроенных лагерей, в которых потрепанные на фронте войска могли бы приводиться в порядок. Может быть первым образцовым лагерем являлся лагерь, устроенный мной в лесу между Бродами и Радзивилловым в октябре — ноябре 1916 г. Нормально войска, отходившие на отдых, располагались по селениям, и крестьянские настроения в эти периоды давали о себе знать наиболее сильно.

Первый крупный отдых полк получил в глубоком тылу, в районе Херсона, с 4 ноября по 12 декабря 1915 г. Полк должен был расположиться в огромном селе Арнаутовке, в 7 км от Херсона. Это село представляло сумасшедший дом на 5 000 человек. Сумасшедшие являлись местным промыслом. Каждый хозяин брал на полный пансион человек 4–5 сумасшедших, получал от земства по 12 рублей в месяц с человека, и еще эксплуатировал вверенных ему сумасшедших для легких работ. Сумасшедшие стекались сюда не только из Херсонской губернии, но со всего Юга, так как содержание их здесь обходилось много дешевле, чем в особых учреждениях, а статистика показывала, что состояние физического здоровья сумасшедших в крестьянском пансионе весьма недурно.

Когда меня осведомили о том, что полк после года горячих боев на фронте должен расположиться в сумасшедшем селе, меня охватил припадок ярости, и я написал херсонскому губернатору изрядно дерзкое письмо за отвод нам квартир. К моему удивлению стрелкам эта Арнаутовка понравилась до крайности: после голодных деревушек Белоруссии и Литвы, разоренных военными действиями, Херсонщина производила действительно впечатление "страны, где все обильем дышит", где медовые реки текут в кисельных берегах. Стрелков угощали белым хлебом, арбузами, помидорами, сушеной рыбой, за ними ухаживали, их обшивали и им чистили котелки. Через две недели, по моему протесту, губернатор перевел полк в самый город Херсон, что едва ли особенно обрадовало стрелков. Стрелки на Херсонщине хорошо отдохнули и запаслись силами для тяжелых зимних месяцев.

Другой отдых полка приходится на весну 1915 г. (13 марта —

27 мая). Непосредственно перед Луцким прорывом полк простоял 2 месяца в резерве в с. Маначин, в полупереходе от Волочиска. Полк положительно пустил в Маначине корни и почти официально занял чисто крестьянскую позицию{19}. Штаб стоял в поповском доме — а на помещичьем фольварке расположился околоток полка. Но фольварк принадлежал польскому магнату, владельцу всего района Волочиска; у этого же магната, в его лучшем замке, квартировал штаб 7-й армии (командующий армией — Сахаров, начальник штаба — Шишкевич), довольно тусклый по своему составу. Польский магнат был очень гостеприимен по отношению к высокому начальству, и этим обеспечил себе его содействие. Весной 1916 г. все войска и учреждения, расположенные в окрестностях Волочиска, получили приказание очистить все помещичьи постройки, так как присутствие войск препятствует производству полевых работ и обсеменению полей помещичьих хозяйств. Мой околоток ушел из фольварка, но военные действия начались сейчас. В Маначине имелось прекрасное рыбное озеро, находившееся в аренде; арендатор уже три года судился с магнатом, суд наложил на рыбу запрещение; рыба подросла и размножилась. Весной рыба шла метать икру, большие рыбыны подплывали непосредственно к самому берегу и терлись о него. Берега озера покрылись моими стрелками, слышался редкий ружейный огонь — стрелки выбирали рыбу покрупнее и подстреливали ее. Разумеется, сейчас же последовала на нас жалоба в штаб армии.

Испокон века скот помещика прогонялся на помещичий луг через крестьянскую землю. Но мои стрелки подбили крестьян загородить прогон; управляющий был поражен такой дерзостью, но ему пришлось сдаться и купить у крестьян право прогона на одно лето за 500 рублей.

В Маначине имелась полуразвалившаяся водяная мельница, принадлежавшая помещику. Очень может быть, что мои стрелки взяли себе на дрова несколько гнилушек с этой руины. Но полк получил через штаб армии от помещика счет на весь недостающий на мельнице лес — что-то около 400 рублей. Тут на помощь пришли крестьяне, выдвинувшие десятки свидетелей, что недостающий лес уже четырежды оплачен четырьмя полками, квартировавшими до нас в Маначине. Опираясь на эти показания, я перешел в наступление, требуя следствия над ложными счетами, травлей и придирами помещика к русскому полку. Штаб армии постарался замять эту неприятную ему историю.

Стрелки же блаженствовали. Позанимавшись в строю часа 4, они пахали, чинили, строили заборы, являлись, одним словом, полными заместителями отсутствующих хозяев. Нередко

приходилось мне замечать пашущими или боронящими казенных полковых лошадей. Приходилось убеждаться в отсутствии состава преступления: и лошади, и стрелки работали даром, помогая беднейшим хозяйствам.

Некий стрелок, любезничая на сеновале с хозяйкой, обронил окурок, и весь крестьянский двор сгорел. Имущество и скот успели спасти, остановили распространение пожара, но одного двора не стало. Все стрелки чувствовали свою коллективную ответственность за происшедшее и ходили унылыми; прапорщики мои также были очень огорчены. Я собрал комиссию, оценил сгоревшие постройки, определил размер страховой премии, которую следовало бы получить хозяйке, если бы постройка была застрахована; получилось около 250 руб., которые и были выплачены из полковых сумм. Я думаю, едва ли когда старая Россия израсходовала более производительно 250 руб. Стрелки были в восторге, довольны сами собой и мной, и полностью расплатились с казной за эти мелкие побрякушки своей кровью на полях Луцкого прорыва.

А когда полк ночью уходил из Маначина, во всех окнах светилось по огоньку, прощались и навзрыд плакали.

Избранная линия поведения позволила мне в сильной степени перекрыть пропасть, всегда готовую раскрыться между командиром полка — полномочным представителем правительства и массой, одержимой крестьянскими настроениями. Опираясь на достигнутый успех, я мог потребовать в полку такой муштры, какой не существовало ни в одном даже гвардейском полку. Читатель жестоко ошибется, если на основании предшествующего изложения предположит во мне мягкотелость, стремление плыть по течению. Репутация справедливости нужна была мне, чтобы проводить в нужном случае расстрелы, репутация разумности — чтобы требовать жестокой муштровки, примирить солдата с очень тяжелым и суровым режимом полка. Без этих проблесков служба стрелка в 6-м полку являлась бы настоящей каторгой; в малейших деталях требовались чеканка и отчетливость, никакой распушенности не допускалось. И стрелки гордились тем, что они в 6-м полку, бежали в полк, если после ранения получали другое назначение.

Вечерами, во время империалистической войны, при расположении в резерве всегда раздавались песни. Усталые, лишенные свободного времени стрелки не всегда охотно становились после вечерней зари в круг петь песни — фельдфебеля подгоняли. Я спросил старого, опытного офицера: — "зачем это насильно заставляют петь, пока у всех уже глаза не начнут смыкаться" — и получил ответ: — "Чтобы не оставлять

стрелкам времени для разговоров и размышлений". Эти песни являлись моментом оригинальной политработы в старой армии. Подумав, я сохранил и у себя в полку песенный режим; при расположении по деревням я его мог значительно ослаблять, а в зиму 1916–1917 г., при расположении на отдыхе в образцовом лагере, я уже чувствовал себя много хуже, классовая подпорка исчезала, и пели в полку свирепо.

Как только полк уходил в резерв, устраивалось стрельбище; стреляли иногда на 500–600 шагов, иногда место позволяло стрелять только на 200 шагов, по головкам и глазным мишеням. Я практиковал стрельбу с движением с расстояния 100 шагов, чтобы обеспечить обстрел штурмуемого окопа в момент преодоления проволочных заграждений. При слабом противнике, каким являлась австрийская пехота 1916 г., этот прием давал прекрасные результаты. Я любил выйти на стрельбище, потребовать из полковой лавочки несколько ящиков папирос (за счет полковых сумм) и мечтать; каждый стрелок, попавший 4 пули, получал десяток папирос, попавший 5 — двадцать пять штук. По воскресеньям я развлекался устройством конкурсов: каждая землянка выбирала лучшего стрелка, и в случае его удачи коллективно награждалась папиросами и стеариновой свечкой предметом огромной роскоши.

Когда я вступил в командование полком, у солдат, в особенности у только-что прибывших в полк, было представление о командире полка, как о каком-то страшилище. Я подзываю к себе идущего мимо стрелка, а он, увидев меня, обращается в дикое бегство. Я вхожу в дом в сотне шагов за окопами там, с разрешения фельдфебеля, двое стрелков стирали свое белье. Когда я вошел в дом, они выпрыгнули в окно и пустились на утек. Я приходил от этого бегства в бешенство, стрелял из браунинга по бегущим, скакал верхом за ними и нагонял людей, смотревших на меня так, как индус смотрит на тигра, собирающегося его растерзать. Так было на первых шагах{20}.

В полк подарков не присылали, так как по месту стоянки мирного времени он был связан только с Финляндией. Но в деньгах у нас не было недостатка, и на отдыхе мы закупали иногда на тысячу рублей гармоний, перочинных ножей, маленьких зеркал, гребешков, кошельков и лакомств и устраивали состязательные игры — перетягивание каната, борьба на вертящемся бревне, борьба между стрелками, оседлавшими других стрелков, бег с яйцом в ложке и т. д. Большим организатором был командир батальона Васильев. Удавалось добиться общего непринужденного веселья. Я помню такие игры весной 1916 г. в Маначине, под ярким солнцем. Я гулял среди

играющих. Вдруг меня кто-то сильно потянул за рукав. Я обернулся. Тянул меня молодой стрелок, желавший обратить мое внимание на то, что в одном состязании между ротами противная сторона применяет недозволенные приемы, передергивает. В том жесте, с которым стрелок в минуту борьбы ухватился за меня, заключался максимум доверия. Якорь спасения, последний верховный арбитр. Будучи деревенским мальчишкой, он вероятно в критическую минуту хватался также за полы кафтана своего тятки. 8 месяцев моего командования полком не пропали даром — я мог гордиться им. Обласкав опешившего вдруг стрелка, я со спокойствием думал о том, что через несколько дней полк будет брошен на прорыв австрийских позиций: полк пришел в норму, достиг высшей степени боеспособности, на которую может подняться русский боец в условиях царской армии.

Глава третья. Командный состав

Начальником 2-й Финляндской стрелковой дивизии был генерал-майор Кублицкий-Пиотух, седенький старичок, уже сильно одряхлевший. По существу, он был не плохой человек, но конечно по своей природе он отнюдь вождем не был. При первом же моем представлении он стал извиняться перед мной за то, что командует дивизией, не будучи к этому вовсе подготовлен; он много лет заведовал хозяйством гвардейского пехотного полка и рассчитывал в лучшем случае дослужиться до командира армейской бригады и уйти в отставку. Но как-то на войне он оказался за старшего, а австрийцы как на зло пришли и сдались большой гурьбой. Кто-то постарался ему поворожить, и, совершенно для него неожиданно, он оказался в роли начальника дивизии. В течение последующих полутора лет он считал своим долгом каждый раз извиняться, когда посылал мой полк в атаку — "ничего конечно из предпринимаемой атаки не выйдет, но ничего не поделаешь — высшее начальство требует; не хорошо, а атаковать надо". Начальства он боялся панически и считал своим долгом подписывать то, что ему давал начальник штаба дивизии или что предлагали вертевшие около него люди. Не мало выговоров надоумили они его написать по моему адресу. Я отводил порой душу, ругаясь по телефону; у начальника дивизии выработалась постепенно привычка — звонить сначала к полковому адъютанту, спрашивать у него, в каком я настроении, и лишь затем вызывать меня к телефону.

Начальником штаба дивизии был подполковник Шпилько — матерой аппаратчик, редкий мастер по канцелярской части, избегавший работы в поле, над живою действительностью, над реальными людьми и способный только обрабатывать бумагу во имя святого Бюрократия. Во всяком случае, чисто штабная работа, без проявления какой-либо инициативы, была поставлена им образцово.

Но кто-нибудь должен быть "душой" операции. Оперативным деятелем штаба являлся командир бригады полковник Нагаев. Долгое время он служил в Главном управлении генерального штаба, ведая спокойным канцелярским делом назначениями по генеральному штабу — и упорно отказываясь от командования полком; он не хотел расстаться со своей чернильницей, несмотря даже на утрату старшинства. Ему теперь не хотели давать ответственного назначения, и он попал в чистилище — на должность командира бригады, занимаемую офицерами генерального штаба только в совершенно исключительных

случаях. Значительно помогал ему опыт русско-японской войны; я с ним вскоре поссорился, но должен признать, что он, несмотря на свой почтенный возраст, в общем пристойно справлялся со своей боевой ролью.

Сменивший его в 1916 г. полковник Шиллинг, до того командир 5-го Финляндского стрелкового полка, был несравненно слабее. Шиллинг — гвардеец, с репутацией безукоризненного строевика, по-видимому исходил из убеждения, что армия существует для того, чтобы кадровые офицеры имели пристойные должности, а война является лучшим средством, чтобы они могли быстрее совершать свою карьеру. В мирное время его полк был образцово, на старый лад, дисциплинирован и обучен. В первые месяцы войны он, должно быть, проявил известную энергию. Но к осени 1915 г., когда я прибыл в дивизию, Шиллинг уже почил на лаврах, ожидая назначения командиром бригады.

Держался он неукоснительно в тылу, что не слишком шло к его статной, бравой фигуре англо-сакса; штаб его полка представлял уютный уголок, в которой были сосредоточены все кадровые офицеры полка. Отсюда они уходили в строй исключительно на должность батальонных командиров. Командовали ротами и взводами в 5-м полку исключительно прапорщики. Деление кадровых и прапорщиков — белой и черной кости — подчеркивалось весьма сильно. На долю одних выпадали все преимущества, на долю других — все жертвы. Штаб 5-го полка отличался, между прочим, своим красноречием. Представления офицеров к наградам составлялись с изысканной тщательностью и любовью. Несмотря на гораздо большую боевую работу моего полка, в 5-м полку офицеры получали больше наград, в особенности орденов Георгия: я не располагал ни временем, ни аппаратом дружеских свидетелей, которые имелись у Шиллинга, чтобы все его представления без задержки проходили через Георгиевскую думу.

По рассказам моих офицеров, сам Шиллинг был увенчан георгиевским крестом за следующий подвиг. Уже в зиму 1911 г., в Карпатах формальная дисциплина 5-го полка начал разваливаться, и на участке 5-го полка происходило в широких размерах "братание" с австрийцами, т. е. базар, на котором наши стрелки спускали австрийцам сапоги и хлеб в обмен за спирт и ром. Австрийцы заходили в наши окопы, мы — в их окопы, лежавшие в нескольких десятках шагах на том же гребне. Шиллинг, осведомившись об этом, вызвал учебную команду и батальон резерва, распределил роли, и в момент разгара торга австрийские офицеры оказались арестованными в своих

землянках, а батальон захвачен в плен. В реляции эта милая операция была описана как внезапная штыковая атака, предпринятая по инициативе командира полка, позволившая нам с малыми жертвами овладеть важной вершиной и захватить крупные трофеи. Морально же в 5-м полку оправдывались тем, что австрийцы вели минные работы под наши окопы, и под прикрытием братания австрийские саперы мерили шагами расстояния до наших окопов и производили рекогносцировку пулеметных гнезд и блиндажей.

Во время боев в декабре 1915 г. в боевой части дивизии были 7-й и 6-й полки; затем в промежуток между ними перелился из резерва 5-й полк. В с. Петликовице-Нове, вместе с резервом своего полка, я расположил свой штаб и офицерскую столовую; до австрийцев было меньше 4 км, а 5-й полк имел участок без одного домика; командир полка оставался в 13 км от неприятеля, вместе со своим кадровым окружением и прекрасно организованной кухней. Прапорщики 5-го полка положительно голодали. Я пригласил их заходить обедать к нам, в теплую, хорошо устроенную столовую. В течение 3 дней я получил среди них колоссальную популярность, какую только может получить человек, отогревший и накормивший умиравших от холода и голода. На четвертый день явился Шиллинг и попросил меня уступить ему из моих владений одну избу. Он выглядел мрачнее ночи, был убежден, что я кормил его офицеров обедами из демагогических целей, и никогда мне этого потом не простил. Короткое время потом он был у нас командиром бригады, затем командовал гвардейским Измайловским полком. На конечном пункте своей карьеры — в 1920 г. он у белых был главноначальствующим Новороссийской областью. Часть подвигов его описана Шульгиным в книге "1920-й год". За разложение Одессы, темные махинации и паническое бегство он кажется был расстрелян Врангелем.

Из других командиров полков яркую личность представлял Марушевский. Очень способный офицер генерального штаба, он в первый год войны был начальником штаба нашей дивизии и в качестве такового стяжал себе редкую популярность. Всегда о всем осведомленный, он каждому в нужный момент давал правильную ориентировку, напоминал, объяснял — всегда с редким тактом, предвидел развитие действий и всегда заблаговременно подготовлял все нужное.

Командиром полка он приехал на 3 недели позже меня. Он был умен и дальновиден по-прежнему, но нервы ему изменяли; он правда вступил в командование изрядно развращенным 7-м полком; он умел ладить с людьми, но не приказывать и не

перевоспитывать их. Блестящий советник, но отнюдь не вождь. В момент начала Луцкого прорыва в 1916 г. ему предложили бригаду во Франции, он ухватился за это назначение и уехал, даже не простясь с полком, который каждую минуту мог быть брошен в штурм{21}.

Офицерский состав в моем полку был чрезвычайно удачен. У меня было несколько прекрасных помощников в лице командиров батальонов. Лучшим из них был подполковник Патрикеев, офицер пограничной стражи, командовавший сначала I, затем IV батальоном. Он был чужд другим кадровым офицерам и особенно хорошо умел ладить с прапорщиками, которые отвечали ему большой любовью и преданностью. Порядочный, горячий, он мало был пригоден для сложного маневрирования; но можно было быть уверенным, что батальон, выпущенный с ним во главе, понесется вперед, как стрела. Патрикеев сам бежал вперед, пока это допускало его большое, расширенное сердце; затем можно было видеть его бледную шатающуюся фигуру, которую поддерживали с двух сторон под руки, волочили вперед его стрелки связи. В трудных же тактических случаях он консультировал своего начальника штаба, коим являлся командир 14-й роты прапорщик Триандафиллов.

Другим видным командиром являлся подполковник Гроте-Де-Буко. Это был бесхитросный старик, перед войной лидский исправник, по своей доброй воле променявший свою спокойную полицейскую должность на тяжелую профессию сначала командира роты, затем батальона. Добрая воля, благожелательность, достаточно крепкие нервы, а затем седина — производили на стрелков неотразимое впечатление. Солдаты еще не освободились от оков патриархальных представлений, для них дедушка Гроте являлся несомненным вождем-старейшиной; повиновались они ему с глубоким почтением и любовью, и после штурма офицеры I батальона рассказывали, как они наблюдали стрелков, хватающих дедушку в критическую минуту за фалды, прячущих его в воронку, закрывающих его своими телами. Молодость — сила, но в известной обстановке седая борода, приставленная к доброй голове, также является крупной моральной силой, при условии непосредственного соприкосновения с солдатско-крестьянской массой.

II батальоном командовал сначала Чернышенко — черный, широкий, приземистый. Ему не везло. В начале войны ему прострелили грудь, при мне спину поперек, с некоторым повреждением спинного хребта. Вначале очень храбрый, он стал затем осторожным. Любимым его делом была маскировка. Сколько художества затрачивал он, чтобы стоящие рядом со

штабом батальона патронные двуколки и лошади были укрыты от наблюдения с аэроплана! Не всегда он был достаточно находчив, хотя прекрасно знал детали пехотного ремесла. Его легко запугивало соседнее начальство. Он не всегда проявлял нужную жесткость к подчиненным. Все же он не был плох в иные критические минуты, когда все начинало бежать. Однако я испытал значительное удовлетворение, когда получил известие, что этот заслуженный офицер назначен командиром нашего запасного батальона, что избавляло меня от многих хлопот.

Его преемником был Васильев{22} — порт-артурский георгиевский кавалер, человек с очень острой тактической сметкой, очень неглупый, но любитель посидеть за столом и выпить, и притом растративший уже часть своих нервов. В тактических вопросах, в трудных случаях я часто обращался к его консультации и раскаиваться мне не приходилось.

Третьим батальоном командовал Борисенко. Полтора года он стойчески подставлял свой лоб под пули, вынашивая идеал — получить должность заведующего хозяйством полка. Прекрасный хозяин, любовно относившийся к каждой повозке и лошади, разумный и строгий администратор, он на линии фронта видел одну Голгофу; бой его не интересовал, он плохо ориентировался, старался укрыть свою землянку и всегда ее устраивал тылом к немцам, на самом расстреле; в тактике он был решительно неудачник, но всегда стремился с достоинством выполнять свои нелюбимые обязанности. Между прочим, в его представлении твердо улеглась мысль, что место командира батальона — по середине расстояния между ротными командирами и командиром полка. В бою подойти к нему для меня было истинное мучение. Весной 1916 г. в лице его я получил образцового, заботливейшего заведующего хозяйством.

Его заместил подполковник Древинг, не раз временно командовавший полком, порядочный и во всех отношениях прекрасный офицер. Древинг оказывал мне существенную помощь в организационных вопросах и в вопросах строевого обучения, в которых он был выдающимся специалистом. Несчастье Древинга заключалось в том, что он вышел на войну заведующим хозяйством полка. А на этой должности нельзя быть произведенным за боевое отличие в следующий чин. Я предоставил на его усмотрение, когда он захочет променять свое спокойное место на трудную роль командира батальона. А у Древинга были нехорошие предчувствия. Он 7 месяцев колебался, наконец взял батальон, и в первом же бою под Красным, при форсировании р. Иквы, был сначала ранен в ногу, а когда начал перевязывать рану — убит. По крайней мере, и ему улыбнулось

боевое счастье, так как он впал в десятке шагов по ту сторону взятых им австрийских окопов.

В лучшие дни, когда было много выздоровевших от ранений, я располагал 17 кадровыми офицерами — благополучие, совершенно исключительное по сравнению с другими полками. Некоторые из них были прекрасны, например Сережа Тимофеев, тонкий, стройный, красивый, которого всегда надо было удерживать от какой-нибудь глупости: например, прикинувшись дезертиром, он хочет идти на австрийский пост, чтобы неожиданно выхватить ручную гранату и увести австрийцев в плен. Тяжело раненый в начале войны, он был убит в один день с Древингом, в ближнем бою в селе Красном, где стреляли из каждого угла, окна, ямы и где он, вооруженный легкой тросточкой, прогуливался, посмеиваясь, вдоль своей роты.

Пулеметной командной начальствовал штабс-капитан Колтышев, большой специалист своего дела, всегда державший меня в неведении, сколько в полку пулеметов: пулеметная команда при моем вступлении в командование имела на вооружении австрийские пулеметы, за утратой своих; у Колтышева всегда был по крайней мере один пулемет, разобранный на составные части, чтобы тайно от меня собрать его взамен утерянного. Летом 1916 г. в полку было уже 32 известных мне и неопределенное количество неофициальных пулеметов. Пулеметные двуколки Колтышева при наступлении подбирали ценные трофеи, вроде кожанного товара и прочие. Колтышев был очень хозяйственный человек, и на него все смотрели, как на будущего преемника Борисенко по заведыванию хозяйством.

Полковым адъютантом вначале был поручик П., хороший офицер, но истрепавший себя физически и нервно за первый год войны. Он прекрасно выполнял свои функции, но своей нервностью производил на меня неприятное впечатление. Я решил избавить себя от затраты дополнительных усилий внутри своего штаба; поручик П. отправился курсовым офицером в какую-то школу прапорщиков, а я взял вместо него офицера пограничной стражи — поручика Козинцева — кровь с молоком, бычачьи нервы, волчий аппетит, немного заgreбастые руки; но зато его присутствие веселило и подбодряло, он был тактически сообразителен, я мог лечь спать, предоставив ему решение второстепенных вопросов; путал, но редко.

На ряду с этими работоспособными кадровыми офицерами, попадались и никуда негодные. Таковым заведомо был капитан Мячин, командир 6-й роты, о совершенной физической трусости коего меня предупреждали со всех сторон. Как с ним быть? Я

решился, на первых шагах своего командования, прибегнуть к консультации опытного командира, каким казался мне тогда Шиллинг. Я отправился к нему с визитом и спросил, как мне поступить с Мячиным. Насколько эта консультация являлась ложным шагом, я узнал лишь потом: Мячин приходился Шиллингу племянником. Командир 5-го полка объяснил мне, что обижать кадрового офицера никак нельзя, а надо постараться его пристроить к какой-нибудь спокойной должности — например, помощником дивизионного интенданта. Мячин как раз эту должность и занимал, но был отчислен за лень и нераспорядительность и возвращен в полк.

В первом же бою 30 августа 1915 г. я лично отдал роте Мячина приказ наступать. Грузный, ожиревший, с бледным потным лицом, командир роты Мячин подошел ко мне и доложил, что у него болит голова, и он просит разрешения уйти в тыл. Я ему ответил жестко, что или он будет немедленно наступать, или я его сейчас же застрелю. Он повел свою роту вперед. Вечером в день этого крайне успешного боя, где нам легко достались германские батареи, старший врач мне доложил, что вначале боя к нему на перевязочный пункт, под предлогом контузии, явились капитан Мячин и капитан Н. Каких-либо признаков контузии нет. Старший врач спрашивал указаний, выдать ли им перевязочное свидетельство и эвакуировать ли их в тыл. Я отчетливо ощущал, что мое снисхождение в данном случае вызовет разложение среди офицеров: как я буду требовать самопожертвования от молодежи, от прапорщиков, если старым кадровым офицерам спускаю с рук самые вопиющие гадости. Трудный вопрос я решил так: перевязочное свидетельство на контузию было отдано мною в приказе по полку для обоих капитанов, но с припиской, что вследствие позорного поведения их в бою я воспреещаю этим эвакуированным офицерам когда-либо возвращаться в полк. Им выдали копию этого приказа, и с этими позорящими документами они были отправлены в тыл. Один из них где-то там устроился, а Мячин в ноябре, когда полк стоял на отдыхе в Херсоне, прибыл туда. Дядюшка его уверил начальника дивизии, что я превысил свою власть, так как какие-то циркуляры воспрещают позорить офицеров в приказах. От имени начальника дивизии Шиллинг явился ко мне для производства расследования: он мне грозил чуть ли не судом за превышение власти, умолял меня отменить приказ, обещал, что Мячин ко мне не покажется, и он устроит его в другом месте. Я наотрез отказал и объяснил, что Мячин будет застрелен первым же офицером моего полка, если нарушит мой приказ и явится в наше расположение.

В периоды затишья в полк иногда возвращались офицеры, исчезнувшие под каким-либо предлогом в начале войны. Я относился к ним с изрядным недоверием и выдерживал их. Одного из них, капитана Березовского, имевшего в мирное время в полку репутацию лучшего работника, я имел слабость после смерти Древинга, временно допустить к командованию батальоном. Пришлось горько раскаяться. Батальон понес тяжелые жертвы и притом даром, расплодилось переписка, я был ранен и не мог убрать его немедленно; на мое счастье он сам вновь сбежал в тыл под благовидным предлогом.

Другую категорию офицеров составляли прапорщики. Как ни ценны были для поддержания на высоте строевого обучения и сохранения традиций полка кадровые офицеры, на какие жертвы ни шли многие из них, раненые по несколько раз, но все же главную массу боевых начальников — командиров рот и взводов представляли прапорщики. Они же давали главную цифру убитых и раненых офицеров. А потери в офицерах в 6-м полку всегда были колоссальными.

В других полках офицеры группировались в тылу, и с ротами наступали только ротные командиры — очередные жертвы. В 6-м полку деление на очереди для офицеров не существовало и все шли в бой на своих местах. Бывали только случаи, что перед штурмом заботливый ротный командир уйдет под каким-нибудь предлогом фельдфебеля в тыл — чтобы было кому-нибудь собрать и привести в порядок после боя остатки роты.

31 декабря 1915 г., после двух первых дней зимней атаки австрийских позиций, я получил выговор от командующего 11-й армией Щербачева за то, что мой полк потерял на 600 солдат 13 офицеров, в том числе 3 убитых. Командующий армией указывал, что ресурсы государства в офицерах, даже прапорщиках, ограничены, и что нельзя швыряться офицерами так, как делаю я: в 6-м полку процент выбывших офицеров по сравнению с солдатами значительно превосходит общий уровень, что Щербачев приписывал моей чрезвычайной требовательности. Я не мог с этим согласиться. Мне самому очень тяжело было в течение трех суток наблюдать тела двух прапорщиков, висевшие на австрийской проволоке, но посылку солдат в бой без офицеров или с минимальным их числом я считал верхом безобразия. Выговор командующего армией не заставил меня изменить моей точки зрения на необходимость присутствия обильного количества офицеров в цепях, и через 3 дня после него, в результате неуспешной атаки I батальона 6-го полка на высоту 370, оборонявшуюся хорошим австрийским полком, в соседнюю со мной комнату принесли 10 раненых офицеров — весь

офицерский состав трех атаковавших рот I батальона.

Чтобы уменьшить потери в офицерах, я принял лишь одну меру: чрезвычайно велики потери молодых прапорщиков, только что прибывших, незнакомых с условиями поля сражения, с необходимостью применяться к местности; масса их гибнет в первом же бою; насколько допускали условия, я решил выдерживать молодых прапорщиков в тылу, при учебной команде или при ротах пополнения в течение одного-двух месяцев, чтобы они освоились с требованиями боя, с традициями полка, и только затем вводил их в бой. Такая роскошь стала доступна мне только в 1916 г., когда фабрикация прапорщиков шла полным ходом. В конце концов удалось поставить дело так, что молодые прапорщики считали за большую честь быть поставленными в строй полка. Двух неподходящих, из массы в полторы-две сотни прапорщиков, поступивших в полк, я даже изгнал в тыл.

При широком расхождении офицерского состава мне конечно приходилось делать ставку на прапорщика по преимуществу, и этим определялась моя линия в офицерском вопросе. Прапорщик в 6-м Финляндском полку пользовался полным равноправием. Прапорщик командовал конными разведчиками, прапорщик был помощником полкового адъютанта, прапорщик командовал обозом II разряда. Прапорщик, успешно командующий ротой, мог быть спокоен, что он не будет смещен на должность взводного командира в случае прибытия из тыла кадрового офицера. В наградах прапорщикам отдавалось даже преимущество.

Прапорщика Козлова, получившего орден Георгия, и другого, еще более достойного прапорщика Косолапова, идеально спокойного командира 8-й роты, получившего в Германии высшее образование по химии красящих веществ, меня лишила мобилизация промышленности. Мне было бы очень легко задержать в полку этих надежных помощников; мне было очень тяжело расставаться с ними; уход их не мог произвести на их товарищей благоприятного впечатления; сами они инициативы не проявляли: и все же я не считал в праве эгоистические интересы полка поставить поперек интересам мобилизации промышленности и командировал их по их специальности в тыл. Но конечно было бы несравненно лучше, если бы лица, нужные промышленности, вовсе не привлекались в армию, чем отрывать их потом от нее с болью.

9-й ротой командовал студент Лесного института, прапорщик Ходский, серьезный, худой, высокий, пользовавшийся общим уважением, имевший громадное влияние на своих стрелков. Первое мое знакомство с ним было в бою 30 августа 1915 г., когда

я верхом догонял его роту, оторвавшуюся при атаке вперед на 3 км, от своего батальона. В д. Шавлишки я наткнулся на раненого его роты; на вопрос, здоров ли его командир, раненый стрелок объяснил мне, что Ходский на его глазах первым вскочил в 3 избы этой деревни, занятые немцами: "Выстрелит в дверь из револьвера, шибанет ее ногой, крикнет что-то по-немецки, двух-трех немцев выволочит и бежит дальше". О подвигах Ходского мне еще много придется рассказать во II томе настоящего труда. Ему все удавалось, ни разу он не был ранен, пока 23 июня, при неудачном штурме, пуля не уложила наповал этого удивительного бойца в 20 шагах перед австрийским окопом.

Высокий красавец-весельчак, родом из Тифлиса, прапорщик Нижницкий, всегда имел в запасе уморительный кавказский анекдот. Один из них, передававший речь гласного тифлисской думы о пользе намордников для собак, для защиты от укусов малолетних учащихся, нам особенно памятен, так как, во время одного ночного наступления в Галиции в конце декабря 1915 г., когда под австрийским огнем в батальоне воцарилась сумятица, всех отрезвил звонкий голос Нижницкого, произнесший фразу из известного в полку анекдота: "куда мы идем, куда мы заворачиваем?". Одна рана Нижницкого прошла благополучно; вторая оказалась смертельной.

Другой прапорщик Роотс, деликатный, глубоко порядочный эстонец, вносил удивительную серьезность в исполнение своих обязанностей. Можно было быть уверенным, что отданный ему приказ будет выполнен до конца. 20 сентября 1915 г. он лежал тяжело раненый перед г. дв. Дровеники, который он неуспешно атаковал. Ему удалось растянуться в небольшой впадине, а германский пулемет с удаления в 50 шагов, старался его добить. Торчавший на животе Роотса футляр от бинокля был пробит 4 пулями. Ночью его удалось унести. В Бродах, глубокой осенью 1916 г. Роотс имел несчастье заболеть легкой, но мало почтенной болезнью. Он был слишком застенчив, чтобы посоветоваться с кем-либо, слишком подавлен, считал себя тяжелым преступником, нарушившим свой долг, и застрелился. Смерть этого бесконечно славного и порядочного мальчика тяжело сказалась даже на наших закаленных нервах.

Самым молодым, из 18-летних гимназистов, был прапорщик Зноско, высокий, худой, с ярким туберкулезным румянцем на щеках. В окопе чахотка сгубила бы его в несколько недель, об эвакуации он и слышать не хотел. Я взял его в пулеметную команду, и держал больше при штабе полка, под опекой старшего врача. В день боя под Красным, 10 июня, у него процесс обострился, температура поднялась до 39,5. Велико было мое

удивление, когда я увидел во главе 4 пулеметов Максима, наступавших с резервным батальоном на Красное, прапорщика Зноско. Он сбежал от старшего врача и прятался не от австрийцев, а от меня, чтобы я не воротил его назад. Трясая от лихорадки, он успел вскочить в Красное и выставить два пулемета вдоль главной улицы села, по которой шла контратака венгерского батальона, только что переколовшего до последнего нашу пулеметную команду Кольта и взвод 6-й роты. Пулеметы Зноско покончили с этой контратакой мгновенно.

Двух прекрасных прапорщиков я переманил из гвардейского егерского полка. Один из них, Ющенко, пришел ко мне тем более охотно, что ему, с его студенчески-социалистическими убеждениями, атмосфера гвардейского полка казалась непривлекательной. Он был искусным и разумным командиром 6-й роты. Он очень отважно бросался в атаку, но, захватив у неприятеля удобный для обороны пункт, немедленно устраивался в нем и образовывал устой боевого порядка, выдерживал самые яростные контратаки. В бою 10 июня он в брод, вдоль берега Стыри, обошел австрийскую проволоку, взял во фланг австрийскую позицию, пробежал вдоль окопов трех австрийских рот, уничтожая их защитников, вскочил в г. дв. Красное и защищался в помещицьем доме, пока не подошли наши резервы. А когда я приезжал в отпуск в Петроград, ко мне заходили его отец, профессор медицины, специалист по сердцу, и его мать; последняя очень просила меня беречь ее сына и не пускать туда, где летают пули и снаряды и где витает смерть. Как будто прапорщика Ющенко можно было бы запереть в обозе! Я ее успокаивал, что конечно все будет сделано. Потом в 1917 г. я предлагал Ющенко перейти ко мне, в штаб 5-й армии. Он ответил отказом — он в дивизионном комитете, он не может прекратить борьбу с разложением дивизии. В конце наступления Керенского, когда дивизия отказалась сражаться, а нужно было произвести разведку, Ющенко с тремя другими прапорщиками и двумя стрелками пошли вперед; все они были перебиты австрийцами.

Его товарищ, прапорщик Красовский, начальник команды конных разведчиков, мой телохранитель, отличался личной мне преданностью; свою массивную фигуру он в бою все время стремился держать, как бруствер, защищающий меня от неприятельских пуль. Конная разведка работала прекрасно; когда при позиционном сидении, штаб дивизии приставал с контрольным пленным, а роты такового не давали, Красовский спешивал 5–6 своих молодцов, уходил ночью и притаскивал австрийского дозорного. Когда я шел в опасное место, Красовский наярал ко мне гиганта Чистякова, известного тем, что в снегах

Карпат, глубиной выше пояса, он спасал раненых, оставшихся между нашими и неприятельскими окопами: санитары не могли работать на таком глубоком снегу, а Чистяков, схватив под мышку, как перышко, раненого, протапывал себе путь. Пулемет, который ранил меня 14 июня 1916 г. в шею, одновременно пробил и фуражку Красовского{23}.

Когда осенью 1915 г. полк отошел на отдых в Херсон, в него прибыло одновременно свыше 20 прапорщиков — воспитанников учительских семинарий или народных учителей; типичным для этой партии был Эланский, очень надежный и серьезный человек, лидер социалистически настроенных прапорщиков, и Триандафиллов. Это были очень хорошие офицеры, лучшие, чем прапорщики из студентов — более избалованные городской жизнью и более оторванные от крестьянства. Эланскому для пробы я немедленно предоставил командование ротой. Он сразу вошел во все детали солдатского обихода, сам раздавал сахар стрелкам, выучил мгновенно весь состав своей роты на-зубок, приобрел огромный авторитет. Прекрасный командир, он был убит вместе с Ющенко при разведке дивизионного комитета летом 1917 г. Триандафиллов вскоре был дважды ранен, с большим успехом командовал ротой, оставил мне свой любопытный дневник, был сначала начальником штаба (тактическим советником) командира IV батальона Патрикеева, а затем заместителем начальника штаба РККА.

Все эти учителя были социалисты разных направлений; в этом я себя не обманывал. Хотя в ту эпоху я сам был далеко не сторонником социализма, но мне не оставалось ничего другого, как примириться с фактом, что я буду опираться преимущественно на социалистически настроенных офицеров. Как я, тогда либерал-индивидуалист, мог недурно ладить со своими прапорщиками? У меня была одна политическая цель — оказание немцам возможно более сильного отпора, и все подчинялось ей. Поглядывая на свою молодежь, на чрезвычайно по-крестьянски настроенных стрелков, я повторял себе, что еще Генрих IV заметил, что Париж стоит того, чтобы отстоять обедню. Социальная база царской России — помещики и буржуазия — была очень узка; она не охватывала полностью даже зажиточные верхи крестьянства. На такой социальной базе невозможно было вести затянувшуюся мировую войну. Необходимость расширения этой социальной базы за счет мелкой буржуазии и крестьянства может быть инстинктивно, но достаточно остро ощущалась многими командирами на фронте затянувшейся войны. Как показал опыт, полк, взяв новый курс, стал сражаться не хуже, а лучше. Той вспышке своей боеспособности, которую проявила

царская армия в 1916 г., она обязана почти исключительно этому новому слою русской интеллигенции, влившейся в ее ряды{24}.

Если при расположении рот в резерве прапорщики значительно уступали в технике обучения кадровым офицерам, то у них было и преимущество: они часто беседовали со стрелками и вбивали им оборонческую точку зрения. Я вспоминаю, что, прибыв в Севастополь формировать Черноморскую десантную дивизию, я в начале февраля 1917 г. производил смотр полку, составленному из черноморских матросов, долженствовавшему войти в мою дивизию. Морские офицеры этого полка тщательно готовились к смотру: к их ужасу я отказался считать и смотреть белье и содержимое вещевых мешков, а подходил поочередно к нескольким матросам каждой роты и задавал такие вопросы: С кем мы воюем? За что воюем? Какие цели ставим себе? Какой интерес у русского крестьянства в этой войне и т. д. Ни одного отдаленно вразумительного ответа я не получил. Морские офицеры остолбенели и мямлили, что они этого со своими подчиненными не проходили. Они были совершенно оторваны от своих матросов; все это были офицеры кадровые или приближающиеся к кадровым, никого похожего на моих прапорщиков не было. Я прогнал полк, заявив, что если через три года войны они еще не знают, с кем и за что воюют, то дальше мне смотреть их не приходится. В 6-м Финляндском полку такой анекдот был совершенно невозможен.

Я поддерживал среди офицеров полка суровый режим. Женщины, хотя бы в облике сестер милосердия, в район полка не допускались. Алкоголь — только в исключительных случаях, в ограниченных дозах. Относительно карт мной было сделано предупреждение, что в моих глазах человек, обыгравший товарища, будет шулером, независимо от того, честно или нечестно соблюдал он правила игры, и я дал честное слово, что назову его шулером перед собранием всех офицеров. Когда, в спокойное время, я уезжал в отпуск, режим несколько нарушался, и появлялись по-видимому в небольших дозах сестры, вино, карты. Свою угрозу мне пришлось выполнить по отношению к прапорщику Городкову, влившемуся в полк с пулеметной командой Кольта, присланной из Ораниенбаума. Начальник команды Пчелин был достойный прапорщик, честно убитый у своих пулеметов в с. Красном. Но его помощник был явно опустившийся человек. Он играл в пьяном виде в орлянку с фельдшером, обыграл его; произошел спор, они подрались. Собрав всех офицеров, я объявил прапорщику Городкову, что он шулер, предложил ему уйти в землянку с предупреждением, что в его распоряжении 5 минут, чтобы застрелиться. Все ждали;

выстрела не последовало; Городков был немедленно арестован и предан суду по обвинению в обыгрывании подчиненного; суд присудил ему 4 года каторжных работ.

Мне пришлось вести другой процесс, несравненно более затяжной. Древинг, сдавая мне командование полком, дал отчетливую характеристику всех офицеров; но когда дело дошло до прапорщика К., он затруднился — все данные о нем были противоречивы: красавец, прекрасно физически развитой, любезный и приятный собеседник, очень подвижной и предприимчивый, он имел какие-то странности, проявлял порой удивительное легкомыслие, вызывал редкие оценки со стороны своих товарищей. Его упрекали между прочим в том, что он одолжил у жителей велосипед, а при отступлении обстановка сложилась как будто так, что он не успел его отдать. К. мне лично на первых шагах очень понравился; поражали только его бродяжнические инстинкты — он как будто чувствовал себя очень мало связанным с ротой, в которой командовал взводом.

Когда 30 августа были захвачены германские батареи, я решил представить к ордену Георгия, помимо Патрикеева, одного прапорщика. Кто первый был у захваченных орудий? Прапорщик К. прибежал первым и сел верхом на пушку. Правда, его роль в бою оставалась темной. С дюжиной стрелков он отбил от роты, обстрелял немецкую цепь во фланг, затем пробежал к орудиям. Будь я поопытнее, я конечно предпочел бы Ходского или многих других офицеров, которые вынесли на себе всю тяжесть этого боя. Прапорщик К. был представлен и получил в командование роту. В бою 16 сентября на его роту идет главный натиск немцев; в ней какая-то неустойка; часть убежала. Впоследствии я узнал, что убежал первым из окопа сам командир — прапорщик К.; при этом он увлек с собой большую часть роты; но так как окоп был наполовину завален обстрелом тяжелых гаубиц и сквозного сообщения не было, то часть роты К. не сразу узнала о бегстве командира и другой части роты, осталась в окопах и отбила немцев, подошедших к полуразрушенной проволоке. Офицеры полка знали о проделке К., но стеснялись мне донести на товарища; так как все окончилось благополучно, я остался в неведении.

Наконец в ночь на 20 сентября 1915 г. полк переживал очень критические минуты; III батальон выставил сторожевое охранение, которое было прорвано; но бой батальона продолжался. К. командовал ротой сторожевого охранения и вдруг, около полуночи, приводит роту к д. Задворники, где располагался полковой резерв, и встречает меня. "Где ваш командир батальона?" "Там, впереди, ведет бой". "Как же вы — его

резерв, решились без его приказа уйти? Немедленно возвращайтесь на ваше место в г. дв. Задворники и установите связь с командиром батальона". "Но там на моем месте теперь немцы". "На выбор — вы их выбьете, или я стреляю". Мой браунинг уперся в грудь К. Он ответил отчетливое "слушаюсь" и увел роту в темноту, где раздавались выстрелы и мгновениями вспыхивали огоньки. Минут через 6 после ухода К. раздалось несколько выстрелов совсем близко от резерва, в том месте, куда направился К. Через час я был на перевязочном пункте полка — в хате, расположенной на южной окраине той же д. Задворники. Старший врач доложил мне, что приходил раненый в ладонь прапорщик К. Делавший перевязку фельдшер обратил внимание на нагар, осевший на края раны; ясно, что выстрел был произведен в упор. Старший врач хотел задержать К. до моего распоряжения, но он самовольно, без перевязочного свидетельства, ушел в тыл. Я распорядился об уничтожении его представления к Георгию, находившемуся в штабе дивизии, и о предании его суду за бегство с поля сражения и за самострельство. Прапорщики, товарищи К., дали уничтожающие показания. По нескольким пунктам военных законов К. должен был подвергнуться высшей мере наказания. Но у него оказались связи, полк переходил из одной армии в другую, и соответственно передавалось и судебное дело о нем, тянувшееся почти полтора года.

Однажды, проходя с полком через какой-то этап, офицеры увидели в окно К., устроившегося временно в этапном батальоне. Я послал дозор арестовать его, чтобы расстрелять на месте и тем закончить затянувшееся следствие. Но длинные ноги и сильное сердце К. и тут ему не изменили — он удрал от дозора быстрее лани. Когда я лежал в тылу раненый, К. приходил просить меня о прощении его вины. Я отказал. Наконец, когда я уже покинул полк, К. судили, приговорили к смертной казни. Но понятие государственного интереса уже ослабело в развалившейся России — Брусилов заменял все расстрелы вечной каторгой. Когда наступила революция, К. оказался в числе жертв царского режима, был освобожден и восстановлен в звании прапорщика.

Я его встретил в 1920 г. на улице Москвы близ Ревсовета; он был штабным работником Красной армии, широко раскрыл мне свои объятия и хотел поделиться со мной воспоминаниями о дорогом прошлом, но я уклонился... Я должен был проявить к К., во многом симпатичному малому, полную твердость, так как то же преступление совершали стрелки; и какое право имели бы мы карать жестоко самострельство среди солдат, если офицеру оно сходило бы с рук?

Штаб полка неотлучно сопровождался офицерским собранием. Столовая подчас раскладывалась в 2 км от неприятеля. Хозяйственный Колтышев даже протестовал, утверждая, что я не в праве подставлять под расстрел кухню и столовую, купленные на частные средства офицеров. Однажды после обеда в Тарговицах, над столом, где только что закончили обедать офицеры, разорвалась шрапнель, перебила тарелки, ранила убиравших стол стрелков. Но я придавал огромное значение тому, чтобы офицеры были всегда хорошо накормлены, по возможности горячей пищей, чтобы я имел возможность оказать известное влияние на пришедших обедать офицеров резерва; наконец, спокойное, уверенное расположение штаба оказывало большое влияние на стойкость полка. Я слышал, как в начале войны капитальный трус ген. Раух привел в полную негодность свою прекрасную 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию требованием, чтобы в штабе, при первом вторжении в Восточную Пруссию, на ночь лошади не расседывались и ни один офицер не снимал сапог. Дивизия смеялась над начальником дивизии, лично поверявшим ночью, все ли офицеры спят в сапогах, чтобы в случае нужды можно было мгновенно испариться. Поэтому я всегда демонстративно раскладывал весь свой скромный багаж и раздевался на ночь, как дома{25}. Роты должны были знать, что я им верю и сплю спокойно вблизи неприятеля под их охраной.

Столовой заведовал симпатичный прапорщик Кудрявцев, киевский статистик, конечно народный социалист чистейшей воды. Ему было под пятьдесят лет, он имел право служить только в ополчении, по ошибке был зачислен в наш полк, кормил нас и был всеми почитаем, хотя за обедом мы любили подшутить, затронув его демократические идеалы, которые он сейчас же с яростью начинал отстаивать. Как только мы захватывали какой-нибудь рубеж у неприятеля, было известно, что командир полка начнет ругаться — почему нет артиллерийского наблюдателя и где копаются в тылу прапорщик Кудрявцев.

Пусть не подумает читатель, что я, так высоко оценивающий роль Кудрявцева и офицерской столовой, предавался, командуя полком, обжорству. Я совершенно не выносил примеси сала, мясная пища обостряла у меня катаральные явления, и, опасаясь, что я скисну не от неприятельской пули, а от желудочного катара, первые два месяца командования полком я ел только манную кашу, а впоследствии — изредка суп, изредка котлеты; перед ночным маршем, чтобы отбить сон — стакан черного кофе, иногда стакан красного вина.

Помимо перечисленных прапорщиков, я мог бы остановиться

еще и на десятках других, очень достойных и ценных, выдающихся командирах. Но и сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть, что прапорщики отнюдь не представляли собою какой-то серой, малоценной, второсортной массы; наоборот, среди этой молодежи было удивительно много сильных, красочных личностей, готовых к большим усилиям и полному самопожертвованию при наличии сколько-нибудь толкового руководства, малейшего внимания и элементарной справедливости к ним.

В полку имелась еще третья категория офицеров, произведенных из фельдфебелей и сверхсрочных унтер-офицеров. Пешими разведчиками заведовал прапорщик Сметанка. Лет двадцать он прослужил фельдфебелем гвардейской батареи, прекрасно знал артиллерийскую стрельбу, вел себя в боях блестяще, был лично известен многим высоким особам мира сего. Все к нему благоволили, но этика не только гвардейской, но и армейской артиллерии почему-то исключала возможность производства в артиллерийские офицеры этого очень достойного, но лишенного "манер" и внешнего культурного лоска бойца. В результате мне предложили, не возьму ли я Сметанку в свой полк, с производством в прапорщики. Я согласился; потеряла только артиллерия, в которой многие командиры батарей были значительно слабее Сметанки. Однажды, глубокой осенью 1916 г., он с моими разведчиками выследил идеально замаскированную австрийскую батарею, стоявшую почти в линии пехотных окопов, соединился по телефону с нашей батареей, попросил выполнять его команду и вдребезги разбил австрийскую батарею. Когда этот разгром совершился и остатки разбитой батареи стали ясны и нашим артиллеристам, они поражались искусству офицеров 6-го полка даже в артиллерийской стрельбе.

Был прапорщик Иванов, произведенный по моему представлению из фельдфебелей. В бою за Красное он бросился со взводом на австрийскую полуроту, выскочившую в контратаку, лично убил австрийского офицера, после чего полурота сдалась. Через несколько дней, 23 июня, мимо меня несли его с раздробленной пулей ногой, тяжелой навесной шрапнели. Он под огнем показывал австрийцам кулак, кричал, что они от него так легко не отделаются, что он скоро вернется, и призывал стрелков "нажимать".

Но самым выдающимся был Данилов, дослужившийся при мне уже до штабс-капитана и имевший офицерский орден Георгия за взятие весной 1915 г. австрийской батареи. Из псковского крестьянина выработался удивительный боевой организм. Имея перед фронтом неприятеля, Данилов не знал ни

минуты покоя: его окопы были всегда в блестящем виде, блиндажи — в чистоте, выметены, в мокрых местах в ходах сообщения был устроен дощатый тротуар. А все свободные минуты он проводил на избранном им наблюдательном пункте; когда я видел его, застывшего с биноклем у глаз, не моргая высматривающего часами слабое место в расположении неприятеля, не обращающего внимания на падающие "чемоданы" и тяжелые мины, мне так и напрашивалось сравнение Данилова с хищником, подстерегающим у водопоя свою жертву. Ни один кадровый офицер не мог так подробно и толково доложить о недостатках нашей и неприятельской позиции, как этот прирожденный боец.

В начале декабря 1916 г., находясь в отпуску в Петрограде, я ехал ночью очень долго на извозчике. Разговорились: оказалось, что мой возница в мирное время отбывал воинскую повинность, в 6-м Финляндском полку. Так как он был того же года призыва как и Данилов, я спросил — оказалось хорошо его помнит, из соседней деревни. Я начал расписывать Данилова — теперь штабс-капитан, а уж верно и до генерала дослужится, самый исправный офицер, рота его работает, не покладая рук, все у него — чисто и на месте. Мой возница слушал меня, но вдруг, совершенно неожиданно разразился потоком брани: "крестьянин, свой брат, а как тянет, с... с..." и т. д. Я был поражен этим тогда удивившим меня отрицанием заслуг Данилова: ни малейшей гордости достижениями своего соседа, а только голое обвинение его в классовой измене.

Когда я вернулся в полк, я увидел к удивлению, что петербургский извозчик не одинок в своем приговоре — в роте Данилова шло глухое брожение, его могли убить, унтер-офицеры и притом хорошие, отказались отвечать ему на приветствие. Кое-как удалось, с постановкой на карту всего своего авторитета, ликвидировать эту историю. Данилов резко ушел вправо, и с развитием революции из него выработался один из самых опасных белых партизан{26}.

Характеризуя в общем три категории офицеров, я должен отметить прекрасные качества кадровых офицеров; но лучшие из них уже были перебиты в первый год войны, а у остальных мысли вертелились на тему о будущности полка после окончания войны; они наводили на войне экономию, чтобы у полка "потом" были средства.

Их волновало расхищение запасным батальоном в Фридригсгаме оставленного полкового имущества; они хотели бы, чтобы имевшиеся в полку большие денежные средства были спасены от присвоения казной или от обесценения закупкой

второго или третьего комплекта музыкальных инструментов для хора, разного оборудования и пр.

Их мысли невольно тянулись к будущему миру. При нахождении полка в резерве кадровые офицеры являлись несомненно более ценными по своему умению организовать занятия с солдатами. Прапорщики, напротив, на фронте жили полной жизнью; в сравнении с кадровыми они были много свежее, и отдавали свою кровь с большим рвением. Наконец прапорщики из унтер-офицеров представляли прекрасный боевой материал, но не находили в условиях царского строя, того общего языка с солдатами, который так легко давался учителям, статистикам, студентам. Для них дорога в офицеры шла через резкий разрыв со своим классом. Что-то, что должна была опрокинуть Октябрьская революция, мешало разворачиванию богатых имевшихся среди них сил. Мой общий вывод — людей, способных, преданных, с доброй волей, готовых на жертвы — вокруг нас гораздо больше, чем мы это обыкновенно думали. Но любой талант нуждается в создании условий, где он мог бы развернуться.

При расположении в резерве изредка, в меру я устраивал занятия с офицерами. Однажды это было занятие в комнате, где мы обсуждали французские данные о новых приемах тактики пехоты при атаке укрепленных позиций. Другой раз это было показное учение взвода с боевой стрельбой. Прапорщик с наибольшей тактической сметкой, Триандафиллов, командовал взводом под наблюдением сотни офицеров.

В Маначине была устроена специальная укрепленная позиция, которую сначала тоже штурмовали показным образом в присутствии всех офицеров. Позиция была вырыта только коленной профили, но на ней были устроены все способы фланкирования; занятие должно было подчеркнуть опасность фланкирующего огня для наступающего и необходимость направления всех усилий на борьбу с кинжальными пулеметами всех сортов. Такие показательные занятия были полезны не только прапорщикам, но и всем кадровым офицерам — потом они повторялись во всех ротах, и каждый стрелок имел ясное представление о необходимости сосредоточения всех усилий против пулеметов и против фланкирующих фокусов.

Но в основном тактическая работа связывалась с работой на фронте; позиционная жизнь давала ежедневно богатый тактический материал. При ежедневном обмене мнений с офицерами мне приходилось не только учить, но и учиться.

Существенное значение для устанавливаемого в полку режима имеет санитарная часть. Офицер может быть уволен в

отпуск не только командиром полка, но и старшим врачом, эвакуирующим его под предлогом контузии. Всякая система принуждения в полку теряет смысл, если санитарная часть открывает лазейку. Доброта врачей обращает обязательную службу в добровольчество. Чрезвычайно пагубна для дисциплины распространенная среди врачей теория, что субъекту, которому испытания войны становятся явно непосильными, лучше дать возможность уклониться от них: проку от него все равно не будет. Эта теория вызывает соблазн — доказать свою небоеспособность, чтобы получить отдых. Задача каждому давать посильную нагрузку — может быть успешно решена лишь под углом общих, а не только медицинских соображений, и потому подлежит компетенции командира полка. Врачи часто неохотно ведут борьбу с самострелами, не понимая, какое разложение вносит в роту эвакуация хотя бы одного самострела, провоцируя появление десятка новых. А у комсостава они очень легко признают наличие контузии. В мировую войну процент контуженных, или, как говорили, "сконфуженных" офицеров в десятки раз превышал процент контуженных солдат. Полковой врач прежде всего должен согласовывать свои действия с необходимостью поддерживать авторитет командира полка и устои дисциплины.

Когда я прибыл в полк, обязанности старшего врача временно исполнял врач-акушер Краузе, в мирное время являвшийся руководителем земского родильного дома в Полтавской губернии и ежегодно содействовавший рождению 5 6 тысяч граждан. У меня с ним имелась полная договоренность: все, что для жизни полка являлось вопросом внутренней политики, он решал, только переговорив со мной. Но через месяц в полк был назначен постоянный старший врач, который почему-то стремился завоевать среди офицеров широкую популярность; для начала он, без моего ведома под предлогом контузии, эвакуировал двух приличных прапорщиков, истомленных и выбившихся из сил, как и все другие. На это самоуправство я реагировал отрешением старшего врача от должности и направлением его в распоряжение корпусного врача.

Медицинское начальство подняло целую бурю; полк был отведен на отдых в Херсон, и Шиллингу, производившему дознание об оскорблении мной Мячина в приказе по полку, было одновременно поручено произвести расследование и о превышении мною власти: оказывается — по закону я мог только отстранить старшего врача от исполнения его обязанностей, но не отрешить. Я мог только ответить, что всегда был плохим юристом, плохо усваиваю себе различие между отстранением и отрешением, но знаю твердо, что не потерплю возвращения в

полк старшего врача, пытавшегося изобразить какое-то средостение между мной и командным составом и своими действиями лишившего меня доверия к нему. Ввиду моего упорства корпусный врач уступил, тем более охотно, что должности полковых врачей котировались во врачебном мире несравненно ниже, чем заведывание тыловыми лечебными учреждениями.

Краузе был утвержден старшим врачом; если я ревниво смотрел на малейшее вмешательство в устанавливаемый мною в полку режим, то для развертывания каждой работы я предоставлял самую широкую инициативу; и Краузе сумел проявить полностью свой удивительный организаторский талант: он как бы заранее угадывал количество раненых; в самых тяжелых условиях у него всегда оказывались для них кров, солома, продовольствие; раненые были аккуратно перевязаны, ружья собраны, разряжены, санитары — в должном порядке; к перевязочному пункту вовремя оказывались собранными в строго нужном количестве крестьянские подводы, и эвакуация протекала без сучка, без задоринки. Краузе смело брал на себя необходимые расходы и мог твердо рассчитывать на мою поддержку в случае возникновения трений с хозяйственной частью или с распределяющими помещения квартирьерами. При существовавшей атмосфере доверия и инициативы я был совершенно разгружен от санитарных вопросов.

Младшим врачом был зауряд-врач Файн. Это был еврей, в течение десятка лет тянувший тяжелую лямку медицинского фельдшера в глухом углу, самостоятельно подготовившийся в Московский университет; война застала его уже на последнем году пребывания на медицинском факультете, курсовым старостой. У него был несомненный хирургический талант и очень болезненное самолюбие.

Все офицеры его глубоко уважали и ценили, но иногда, забыв что Файн еврей, кто-нибудь, по старорежимной привычке, допускал в его присутствии какую-либо антисемитскую выходку — например огульное обвинение евреев в трусости. Я узнавал об этом в первом же бою: врач Файн бросал перевязочный пункт, бежал в стрелковые цепи и весь красный, взволнованный, начинал перевязывать раненых среди дня, под самой проволокой противника. Это была единственная месть, которую позволял себе врач Файн. Мне однажды, 10 июня 1916 г., пришлось поймать врача Файна в тот момент, когда он подъехал верхом к полосе австрийского заградительного огня, которую все стремились миновать как можно скорее, слез с лошади, привязал ее, и начал под сильным шрапнельным обстрелом перевязывать раненых,

группировка которых точно обрисовывала полосу заградительного огня. Я пытался вернуть врача Файна назад, но убедился, что это значило бы нанести ему глубокую обиду. Когда я лично был ранен и лежал в 300 шагах от австрийских пулеметов, врач Файн разыскал меня, хотя ему пришлось пройти по фронту цепей целого батальона, прикрываясь только рожью, перевязал, собрал санитаров и использовал огневую паузу, чтобы меня вынести. При этом, когда один из несших меня санитаров был ранен в руку, которой держал носилки, Файн закричал на него, чтобы не смел бросать носилки, а сам подскочил сменить его.

Благодаря Файну еврейского вопроса в 6-м Финляндском полку не существовало. Антисемитская выходка становилась поперек горла самого ограниченного человека. Солдат-евреев, прибывавших с пополнением, я лично приводил к присяге, указывал им на пример врача Файна, уничтожавший самую возможность постановки вопроса о неравноправии евреев в полку, и высказывал убеждение, что, следуя за Файном, евреи-солдаты в мировую войну сотрут в сознании русского народа все предрассудки, на которых зиждется гражданское неравноправие евреев{27}. В 6-м полку евреев было не слишком много, но полк мог гордиться тем, что дезертиров среди них не было ни одного. К сожалению в некоторых русских полках антисемитизм был так велик, что евреев умышленно заставляли идти в плен к немцам, чтобы избежать их будто разлагающего действия.

Несколько слов о священниках. Самым заметным из них был священник 7-го Финляндского полка Соколовский. Он несомненно вел большую работу среди солдат, очень часто толкался в окопах, беседовал, наблюдал, организовывал стирку белья, ходатайствовал за солдатские нужды перед командиром полка. Мне самому приходилось видеть его в 7-м полку под выстрелами. Но я сомневаюсь, чтобы его деятельность приносила пользу. В нем жил удивительный дух интриги. Обойдя окопы, он считал своей обязанностью информировать командира 7-го полка о всех замеченных им упущениях, хвалил одних офицеров, которых брал под свою протекцию, и искусно набрасывал тень на других, державших себя независимо.

В результате его доносов была постоянная склока среди офицеров 7-го полка. До приезда Марушевского в моем полку говорили, что 7-м полком незримо командует его священник. Соколовский был благочинным нашей дивизии и пытался даже вмешаться в командование 6-м полком: у меня менялись священники; три дня в наличии были оба; за эти три дня некоторую часть содержания полкового священника мог получить

только один из них. Я решил, приказом по полку, вопрос в пользу вновь прибывшего. Ко мне прибыл Соколовский отстаивать интересы сменявшегося с должности. Это был конечно только предлог, для вмешательства в дела внутренние. На мой вопрос, на каком основании он вмешивается, Соколовский разъяснил, что он благочинный, следовательно должен чинить благо подведомственным ему священнослужителям. Я ответил, что вопрос о суточных и столовых деньгах полностью входит в мое ведение, и я лишен возможности беседовать с ним по материальным вопросам; а что касается до духовных, то в них я совершенно не компетентен, и он может непосредственно сноситься с моим священником. Соколовский обиделся, и вышел с несколькими словами, звучавшими, как угроза.

Мой первый священник совершенно не обладал иезуитскими навыками Соколовского. Он был не красноречив, но каждое пополнение, приходившее в полк, встречал краткой речью, в которой указывал, что им выпало великое счастье служить в 6-м полку: в других полках убитых бросают на поле сражения, а в 6-м полку — всех зарывают, и он считает своим долгом каждого отпеть по обряду религии. Каждый прибывший может быть уверен, что он его в надлежащий момент отпоет; если он не верит этому, пусть справится у стрелков, бывавших уже в бою. Речь была неказиста, пугала новичков, но похоронное дело, к чему сводились обязанности священника 6-го полка, действительно было солидно поставлено.

В 6-м полку муштра была на первом плане. Однажды вечером я сидел с командным составом в офицерской столовой, под деревьями, а тут же в лесу священник устроил походную церковь и готовился служить всенощную. Мимо нас проходила в церковь полковая учебная команда. Вдруг раздается резкое "стой" и затем следует гневнодокторальная сентенция фельдфебеля, высказанная уверенным, вполне безапелляционным тоном лица, знающего истину во всей ее полноте: "хождение в церковь не в ногу теряет всякий первоначальный смысл".

Глава четвертая. Полковая экономика

В комнате, отведенной для меня в полку, была сложена основательная кipa толстых книг. Древинг предложил мне ознакомиться по ним с хозяйством полка и принять денежный ящик. Имущества и денег в полку было на сотни тысяч, надо было подать рапорт о приеме полка и взять на себя ответственность за бесконечные колонки цифр.

Я был изрядный профан в бухгалтерии, но все же понимал, что поверхностное ознакомление с отчетностью никакой пользы принести не может. Ковыряться — так уже до самых корней, а на это нужны недели. Да и это едва ли могло принести пользу. Острые отчетности направлено против внешнего врага — контроля{28}, и самые основы ее более чем сомнительны. Через несколько дней должны были начаться решительные операции, я мог затратить свое время значительно производительнее, чем на просмотр бабушкиных сказок, содержащихся в хозяйственной отчетности. Древинг был несомненно честнейший человек в мире. Я подписал свою фамилию там, где он мне сказал, что это нужно сделать, и в течение всех полутора лет командования так и не удосужился взглянуть на книги еще раз.

Древинг мне все рассказал толком и очень быстро.

В полку деньги имеются, почти сто тысяч, и экономия нарастает с большой быстротой. Основным источником благополучия является несоответствие между наличным составом и числящимся по строевой отчетности. В полку около 800 мертвых душ; стоимость всего их продовольствия ежедневно наращивает полковые суммы. Злого умысла тут нет; просто полковая канцелярия не справляется в течение крупных боев с исключением из наличности полка каждого убитого, раненого или пропавшего без вести. Эта задача очень трудна, в особенности когда потери получают массовый характер и кадры роты исчезают почти полностью.

Полковую канцелярию соединяет с ротами очень тонкая, рвущаяся нить ротные писаря. Иногда острая, быстро меняющаяся обстановка в течение целой недели препятствует канцелярии разложиться и заняться своим хлопотливым делом. Ротный писарь хлопочет о соответствии действительности со списками, которые ведутся в полку, ежедневно циркулирует между штабом полка и ротой, представляет данные об убыли; но весь этот механизм функционирует до того момента, когда потери начинают принимать катастрофические размеры, роты исчезают целиком со своими командирами, фельдфебелями и писарями, в

них спешно вливаются новые пополнения, и состав роты неожиданно оказывается почти полностью неизвестным полковой канцелярии. И в эти моменты полк марширует чуть ли не по 20 час. в сутки, новый ротный писарь старается разобраться в составе роты, люди которой плохо знают друг друга, собирает слухи, куда делся тот или иной стрелок, числящийся в ротном списке, а этот список длинный и заключает в себе порой до 800 безвестных фамилий, часто повторяющихся. Заприходываются прибывающие в полк солдаты канцелярией очень аккуратно, а выводятся в расход естественно с большим опозданием. Был солдат и нет его. Какова его судьба? Убит ли, попал ли в денщики, устроился при обозе, послан в командировку или эвакуирован — может быть через перевязочный пункт соседнего полка или попал в плен. Пачкать строевую отчетность непрерывной ссылкой на без вести пропавших не хочется. А пока разберутся, получается естественный приток мертвых душ, которые для полка, впрочем, представляют только доходную статью.

Конечно было бы невыгодно, если бы полк, показывающий в своих списках, идущих в интендантство, 3000 человек и имеющий только 800 бойцов, получал бы от начальства тактическую нагрузку, вдвое или втрое превышающую его наличный состав; но об этом заботиться не приходится. Одни списки идут в интендантство — их выгодно преувеличивать, другие списки — о числе штыков — идут по штабной линии, и их выгодно преуменьшать. Параграф устава, возлагавший на всех начальников обязанность — выводить в бой возможно большее количество людей, остался во время войны мертвой буквой. Полки, вступая в бой, весьма часто оставляли умышленно в тылу массу людей — не только на весьма широко толкуемые хозяйственные надобности, но и просто на племя — учебные команды, особенно ценных фельдфебелей и специалистов. Таким путем в течение всей войны шло быстрое нарастание числа нестроевых по отношению к строевым, и процесс этот совершенно не регламентировался сверху. А что касается мертвых душ, то известна разница в 3 млн человек по исчислению действующих армий Ставкой и интендантством в 1917 г. Интендантство кормило и расплачивалось за в полтора раза большую армию, чем та, которая существовала в действительности по данным штабов.

6-й Финляндский полк во всяком случае своей лепты в это заблуждение не внес. Я дал полковому адъютанту срок в две недели, в течение которого обязал его привести полковые списки в согласование с действительностью. Помимо писарей я вовлек в эту работу ротных командиров, которые должны были поставить

учет своих людей на реальную почву. Однако, несмотря на весь нажим с моей стороны и трудолюбие полкового адъютанта, учет людей полка был закончен не раньше, чем через семь недель, вследствие разыгравшихся оживленных операций. В свободный от боев и маршей трудовой канцелярский день удавалось сбросить со счетов от полусотни до сотни мертвых душ. Вероятно, если судить по сокращению состоящих на довольствии людей, первые бои 6-го Финляндского полка отличались особой кровопролитностью, так как мертвые души юридически заканчивали свой век в ближайшем к их установлению бою, задним числом, дабы не слишком обижать полковую экономию.

Как верить после того официальной отчетности? Если в количестве наличных людей не было твердой уверенности, то еще большая неясность заключалась в определении количества лошадей в полку. Оказывается, их можно было считать различным образом. С интендантства фураж или фуражные деньги требовались на полный штат полка; кроме казенных лошадей, полк имел около сотни своих полковых лошадей, представлявших его частную собственность; но в казенных лошадях полк показывал большой некомплект, требуя от государства его пополнения; государство на лошадей было несравненно экономнее, чем на людей; пополнения лошадей поступали очень скудно, и некомплект все рос. Убыль казенных лошадей была тем значительнее, что каждая павшая полковая лошадь в момент составления акта о ее падеже становилась немедленно казенной; в обозе руководствовались убеждением, что человеческая мудрость начинается с установлением различия между казенным и полковым имуществом, и что полковая лошадь должна быть на войне бессмертной, так как если она сдохнет, то как доказать, что сдохла не казенная лошадь? Я незнаком с нашими ветеринарными отчетами на войне, но убежден, что в основе их лежат совершенно ложные данные.

После Луцкого прорыва, осенью 1916 г., положение было таково: полки имели от 75 до 100 % сверхкомплекта лошадей, а показывали некомплект около 50 %, чем ставили высшие штабы и Брусилова перед тяжелой проблемой — способны ли мы еще вести подвижную войну, при таком катастрофическом положении с лошадьми. Я также не смог стать в этом вопросе на государственную точку зрения, так как тайный сверхкомплект лошадей был нужен мне для многих целей — в том числе для запряжки 8 нештатных австрийских пулеметов, чтобы довести количество пулеметов в полку до жизненно необходимого максимума — 32.

Но зато в другом вопросе я оказался на высоте положения.

Древинг мне заявил, что он затрудняется указать мне и точное количество полковых лошадей, так как нелегко установить, какая лошадь полковая, а какая — собственная офицерская. Несколько лошадей в полку осталось после офицеров, зарытых в сырую землю; несколько лошадей были взяты полком, когда в Восточной Пруссии сквозь его охранение прорвался немецкий разъезд; окруженные нами, всадники были перестреляны; лошади также были поранены, но потом частью выздоровели; участвовавшие в этом эпизоде ездят теперь на них и считают этих лошадей, по-видимому, своей собственностью, ибо еще Спиноза{29} сказал, что военному не следует рассчитывать на другое вознаграждение, кроме добычи. А что может быть более законной добычей, чем отбитая из-под неприятельского всадника лошадь. Некоторые лошади, явно Тракененского завода — почти жеребята, приобрели себе в полку хозяев, по-видимому, менее воинственным путем. Вопросы темные и сложные. Я разрешил их так: довольствие лошади на войне обходится около 30 рублей в месяц, 360 рублей в год. Каждый офицер, представивший мне ясные доказательства, что он заплатил полку в течение 10 месяцев 300 руб. за фуражное довольствие лошади и собирается в будущем платить по 30 рублей в месяц, признается мной собственником одной лошади; все же прочие лошади, кормившиеся на полковой счет, являются собственностью полка и продолжают оставаться во временном личном пользовании их владельцев. После такого разъяснения неполковыми лошадьми оказались только мой верховой конь, да еще один Тракененский жеребенок, к которому хозяин сильно привязался.

Одной из существенных причин, вызывавших увеличение неофициального полкового обоза, являлась полная беззаботность высших штабов относительно позиционного имущества. Занимая участок укрепленной позиции, полк нуждался в перископах, пистолетах для стрельбы светящимися пулями, стальных щитах, больших лопатах и кирках, продольных пилах для пилки досок под нары и для бойниц, железных скобах для скрепления бревен в перекрытии блиндажей, дверях и небольших застекленных рамах для окошечек землянок; если дело происходило зимой — в чугунных плитах для устройства маленьких очагов для разогревания кипятка, в керосиновых лампочках и пр. и пр. А высшее начальство отпускало только проволоку; остальное имелось, поскольку об этом заботился сам полк. В августе 1915 г. полковой обоз был еще очень скромным; в полку имелось свыше трех десятков стальных щитов, весом каждый около 30 кг. Для перевозки щитов средств не было. От Вилькомира и до Крево каждая рота несла свои 3–4 щита на руках. Переходы правда были

не слишком велики, но зато сплошь ночные; тяжело было смотреть, как два стрелка, помимо своего нормального снаряжения, шествовали, взвалив на свои плечи концы палки, к середине которой подвязывался щит. Хорошим показателем стремления стрелков сражаться было то, что роты ценили эти щиты; серьезная дисциплина полка объясняет то, что большая часть этих щитов уцелела, несмотря на длинный путь. Впоследствии я мог выделять повозки для перевозки добавочного позиционного груза. Последний со временем так разросся, что в момент Луцкого прорыва обоз II разряда полка шел перекатами; не имея возможности поднять все имущество полка сразу, он возвращался назад за оставленными вещами, и каждый переход совершал в два приема.

Если бы русские войска не были вынуждены ездить в Тулу со своим самоваром, если бы штабы корпусов представляли не сборище бюрократов, а действительно вели позиционное хозяйство, количество полкового обоза можно было бы сократить на 40 %.

Неуклюжесть полка, не имеющего никакой оседлости и таскающего за собой огромное имущество, иногда ненужное ему в данный момент операций, невольно наводило на мысль о том, чтобы нанять в дальнем тылу, в 200 — 300 км от фронта, хороший домик или амбар и складывать там до поры до времени лишние тяжести. Это делалось некоторыми полками, но не разрешалось. 6-й Финляндский полк такого склада не имел. Все полковое имущество, оставленное им в Фридрихсгаме, до винного склада офицерского собрания включительно, к великому содроганию кадровых офицеров, было реквизировано с составлением соответствующих описей сформированным там запасным батальоном.

Если бы полкам было разрешено устройство складов, то нет сомнения, что полковые патриоты исподволь начали бы обращать излишки денежной экономии полка в вещевые запасы, ценные для того периода, который должен следовать за демобилизацией. Громадные экономические суммы, выброшенные на рынок, совершенно дезорганизовали бы его и отвлекли бы работу промышленности от удовлетворения нужд, вызванных войной. Итак многие полки завели например по третьему комплекту инструментов для духового оркестра. Никогда производство музыкальных инструментов в России не работало так напряженно и не поглощало столько меди, как во время войны. Алексеев только осенью 1916 г. раскачался скостить со счетов всех полков по сотне тысяч рублей — мероприятие необходимое, но запоздалое; все полки ожидали его гораздо раньше и

заблаговременно занимали оборонительное положение, переводя экономические суммы в имущество, хотя бы и ненужное на время войны{30}.

Полки деморализовывались в экономическом отношении и той легкостью, с которой удовлетворялись все их претензии на утраченное снаряжение и одежду. Начальники дивизий подписывали, замуря глаза, свидетельства на утрату любого количества предметов снаряжения, заявленных полками, а интендантство должно было немедленно отпускать по этим свидетельствам шинели, пояса, патронташи, палатки и пр. Этим путем все крестьянские женщины сшили себе юбки из палаток. Полк мог доносить после каждого сражения, что он раздет до нитки, и это не накладывало никакой ответственности ни на командира полка, ни на офицеров, и ни в малейшей степени не отражалось на количестве распределяемых между полками наград.

Руководимый исключительно полковым патриотизмом, Борисенко предлагал мне подписывать рапорты начальнику дивизии на заведомо большее число утерянных полком вещей. Заботясь о добром имени полка, а не о накоплении запасов впрок, я безжалостно уменьшал цифры. Поле сражения осталось за нами; почему же показывать количество пропавших шинелей в полтора раза больше количества убитых и раненых? Но когда я попробовал уменьшить количество пропавших вещей ниже количества выбывших солдат, мой заведующий хозяйством становился совершенно непреклонным и доказывал, что если уже убыл человек, то не может быть никакого сомнения, что мы должны через начальника дивизии выводить в тираж погашения все его вещи; другие полки на одного убитого теряют десяток шинелей и вещевых мешков, а мы... — да неужели нам ходить хуже одетыми, за то, что мы деремся лучше всех? На том я и согласился. 6-й полк выводил снаряжение в тираж погашения в строгом соответствии с убылью людей. Но другие части, в особенности слабые, разболтанные, разложенные, продававшие свое снаряжение в тылу за деньги, бросавшие его просто в грязь на походе, обменивавшие его на фронте австрийцам на ром — сколько они стоили бедной, ободранной, крестьянской России? Мы позволяли себе роскошь не по карману — держать дырявые, как решето, части, сквозь которые просеивались бесконечные материальные средства.

Старая русская армия не имела представления о том, что представляет собой экономическая дисциплина.

Часть вторая. Потухшие вулканы{31}

Глава пятая. Бразды правления

Северная оконечность русского фронта не пользовалась большим вниманием нашего стратегического руководства. После двух катастрофических отступлений из Восточной Пруссии — осеннего Ренненкампа и зимнего 10-й армии, этому участку фронта придавалось исключительно пассивное значение. Он был перегружен второочередными дивизиями и новыми формированиями. Хороших войск здесь было очень мало. Ни начальники, ни войска здесь не знали удач и, несмотря на спокойные периоды, находились в худшем моральном состоянии, чем армии, действовавшие против австрийцев, и даже армии, боровшиеся с германцами на центральном направлении. Когда нажим немцев в Курляндии, к началу июня 1915 г., обозначился совершенно определенно, севернее 10-й русской армии была образована слабая 5-я армия.

Положение северного участка русского фронта стало особенно угрожающим с того момента, когда борьба на Висле закончилась не в нашу пользу, русские армии начали выползать из "Передового театра", и у немцев освободились значительные силы. В конце июля 5-я армия покатила назад и с середины августа продолжала настойчиво уходить к Двине, задерживаясь на ее левом берегу только впереди Риги и Двинска. Германская "Неманская" армия, располагавшая сильной кавалерией, наступая вдоль железной дороги Поневеж — Двинск, уже 2 августа миновала меридиан Вилькомира. Части русской 5-й армии, действовавшие на Двинском направлении, в течение 8 дней вели бой на меридиане Вильны (так называемое сражение Понедели — Шиманцы), но к началу немецкой операции, последовавшей за падением Ковны, находились уже восточнее меридиана Вильны. В расположении и немецкого и русского фронтов уже в середине августа образовался разрыв протяжением в 125 км (Вишинты — Ковна). Этот прорыв наблюдался отдельными кавалерийскими и небольшими пехотными частями.

Еще при мне, 20 июля, в Ставке возникла мысль о необходимости существенного усиления северного района путем образования здесь самостоятельного Северного фронта. Но это мероприятие уменьшало бы в значительной степени компетенцию главнокомандующего Северо-западным фронтом ген. Алексеева, и встретило с его стороны энергичное противодействие. Так как северный участок очевидно должен был рано или поздно от него оторваться, то Алексеев не слишком принимал к сердцу его интересы и задерживал переброску на него подкреплений с

других участков своего фронта. Только падение Ковны 17 августа заставило ген. Алексева отказаться от очень характерного для него оперативного эгоизма и начать перегруппировку войск на север. 27 августа в районе Риги была образована новая 12-я армия; железные дороги полным ходом выбрасывали подкрепления в район Вильны, Двинска, Риги. Но было уже поздно. 5 сентября ген. Алексеев сам был призван на пост начальника штаба верховного главнокомандующего и должен был на первых же шагах своего руководства пожать плоды своей первоначальной колокольной точки зрения.

Мне пришлось принимать полк, когда над северным крылом русских армий разразилась гроза. 17 августа я вышел из поезда, привезшего меня из Ставки в Вильну, и был поражен картиной вокзала: он был усеян беглецами из Ковны крепостными артиллеристами и пехотинцами, унесшимися из атакованной крепости на железнодорожных поездах. А в это время восточная часть крепости еще держалась. Никаких мер борьбы с массовым дезертирством принято не было.

Город Вильна еще не приспособился к требованиям фронтовой жизни. В Вильне располагалось управление Двинским военным округом — глубоко тыловое учреждение; противник же находился только в 3 небольших переходах к северу. В ближайшее время управление военным округом переместилось в Витебск, а в Вильну из Гродны переехал штаб 10-й армии.

О степени разложения войск на севере русского фронта могут свидетельствовать следующие документы, которыми начинается дело по разведке (№ 366 — 014, Военно-исторический архив) 2-й Финляндской дивизии за август 1915 г. Письмо офицера прусской кавалерии гласит о том, что слабые разъезды берут в плен целые русские батальоны, а теперь 6 русских полков прислали к ним в дивизию делегацию с просьбой взять их скорее в плен, и что сейчас эти полки окружены у Бейсаголы (ж.-д. станция, 90 км севернее Ковны, недалеко от реки Дубиссы) и хотят сдаваться. Письмо немецкий офицер не успел дописать и был по-видимому убит. Мне казалось сначала, что здесь дело заключается в обычном хвастовстве немецкого офицера, в стремлении бодрыми письмами с фронта поддержать настроение внутри Германии. Но если здесь было допущено преувеличение, то не слишком большое: рядом с этим письмом было подшито показание русского солдата, бежавшего из плена: он находился у Бейсаголы в составе 315-го полка; в начале августа весь полк с командиром во главе сдался в плен; предлог — патроны были расстреляны.

Непрерывный фронт 10-й армии протягивался в первой половине августа западнее Немана и оканчивался в Ковне.

Гарнизон Ковны образовывали слабая 104-я дивизия, сильно разложившаяся 124-я дивизия (только что сформированная из ополченских дружин) и сводная пограничная дивизия. Ввиду обозначившегося наступления на Ковну, Ставка имела в виду усилить гарнизон численно слабой, но морально сохранившейся 2-й Финляндской стрелковой дивизией. Но комендант крепости, кретин Григорьев{32}, воспользовавшись тем, что передовые части немцев, установив контакт с крепостной позицией, остановились для прикрытия развертывания тяжелой артиллерии, и что эта перестрелка происходила в день какого-то семейного праздника Николая Николаевича, — донес, что в этот столь торжественный день гарнизон крепости блестяще отбил первый приступ, стремясь тем самым подчеркнуть свой героизм и боеспособность своего гарнизона. В Ставке Григорьев единогласно лишний раз был назван болваном, но все же 2-ю Финляндскую дивизию свернули на Вилькомир для борьбы с попыткой дальнего обхода Ковны. В приличных дивизиях всегда имеется острая надобность и в поле для маневренной борьбы.

Различные дивизии, собиравшиеся для борьбы с обходом Ковны и прикрытия фланга 10-й армии, обнажившегося с отходом несколько разложенной 5-й армии, составили XXXIV корпус ген. Вебеля. Помимо дюжины казачьих полков, в него входили 2-я и 4-я

Финляндские дивизии, 56-я и 65-я пехотные (хорошие) второочередные дивизии, а с падением Ковны и ее бежавший гарнизон — 104-я, 124-я и сводная пограничная дивизия. На линию рек Вилии и Свенты XXXIV корпус выдвинул сильный Вилькомирский отряд ген. Тюлина — 7 казачьих полков и 12 батальонов 2-й Финляндской дивизии и вдвое слабейший Яновскиф отряд. В двух переходах к северо-востоку от Вилькомира находились части конницы ген. Казнакова — крайний левый уступ 5-й армии{33}.

Когда 17 августа пришло совершенно умопомрачительное известие о бегстве из крепости коменданта Григорьева (оказалось, вопреки предрассудку аттестационного совещания, что и совершенно глупые люди могут быть перворазрядными трусами) и большей части гарнизона Ковны в район Вильны, спешно были направлены V армейский, II Кавказский и гвардейский корпуса. Высшее командование распорядилось, чтобы XXXIV армейский и III Сибирский корпуса, действуя по обоим берегам Немана, отобрали бы Ковну, этот устой нашего северного крыла, с ее стомиллионными техническими средствами и колоссальными запасами у неуспевших еще устроиться немцев. Но командир III Сибирского корпуса, мало энергичный ген. Трофимов, достаточно

осведомленный о плоховатом моральном состоянии своих войск, предпринял только робкие попытки. А XXXIV корпус развернул свои главные силы — 56-ю и 4-ю Финляндскую дивизию, а также 3 дивизии беглого ковенского гарнизона — на удалении пушечного выстрела к востоку от фортов крепости.

Уже 18 августа обнаружился серьезный натиск немцев как из самой Ковны, так и севернее ее, на Янов. XL германский резервный корпус ген. Литцмана, только что взявший Ковну, продолжал наступать. Его атакой начиналась операция 10-й германской армии против 10-й русской армии — операция, названная впоследствии немцами Неманским сражением и растянувшаяся на период с 19 августа по 8 сентября. XXXIV корпус вступил в напряженный бой; части ковенского гарнизона, развернутые на его левом фланге, совершенно разбрелись. 22 августа в 9 ч. 45 м. утра командир XXXIV корпуса докладывал по телеграфу, что 124-я и 104-я пехотные дивизии — только по названию: по численности они представляют полки, и никакого сопротивления оказывать не могут. С. Румшишки отдано без боя; как только и на новом фронте обнаружится наступление немцев — уйдут без боя.

"На помощь этим дивизиям направлены 2 роты 4-й Финляндской дивизии — и надежда только на эти две роты." Эта надежда командира корпуса не оправдалась. Части 4-й Финляндской дивизии, прибывавшие в сильно пощипанном виде из Галиции, попав в гущу ковенских беглецов, вскоре сами разложились. На следующий день (в 12 ч. 45 м. дня) командир корпуса рапортует командующему 10-й армией, что "признает несоответственным оставление 124-й и 104-й дивизий среди доблестных дивизий отряда", и просит разрешения отправить их в Вильну. В корпусе кроме того имелись ополченские дружины, но их положительно боялись ставить под огонь{34}.

В создавшихся условиях самое разумное было бы немедленно, 18 августа, отвести XXXIV корпус на 2 перехода назад, на укрепленную позицию, защищавшую подступы к железной дороге Вильна — Гродна; это дало бы выигрыш в несколько дней, можно было бы одновременно ввести крупные свежие силы — 65-ю дивизию, V армейский и II Кавказский корпуса, а также притянутые с других участков сокращаемого фронта 10-й армии II армейский и III Сибирский корпуса. Создавался бы достаточно насыщенный и настолько боеспособный фронт, что можно было бы рассчитывать не только остановить немцев, но и дать им жестокий урок.

Основная задача 10-й русской армии в этот период времени должна была бы заключаться в выигрыше времени, хотя бы ценой

потери участка территории, для возможно беспрепятственного выполнения нового развертывания, каким по существу являлось прибытие массы новых дивизий. Развертывание следовало бы, естественно, производить не на линии фронта, а отнести его несколько назад, обеспечивая лишь сохранение в наших руках вильенского узла и железной дороги Двинск — Гродна. Но подобная серьезная игра была совершенно не в духе Алексеева. По его требованию ген. Радкевич, командующий 10-й армией, предписал ген. Вебелю держаться во что бы то ни стало. В ответ на его отчаянные донесения, что лучшие полки пятятся шаг за шагом, а худшие разбегаются, штаб армии сообщал ему свои блестящие перспективы на получение подкреплений и переход в наступление{35}. Боевые действия затянулись на две недели{36} и поглотили последовательно все 9 брошенных на помощь XXXIV корпусу дивизий. Немцы в районе ковенской железной дороги прервали это наступление 26 августа, а несколько западнее продолжали его еще 5 дней; подойдя у Оран, по середине между Вильной и Гродной, к варшавской железной дороге, они задержались, так как заканчивали последние приготовления к Свенцяньскому прорыву, и не в их интересах было выталкивать русских далее из района, намеченного к окружению{37}.

Яновский отряд, отошедший на правый берег Вилии, был подтянут за центр XXXIV корпуса на железную дорогу Кошедары — Ландварово и поглощен общей свалкой. Из состава Вилькомирского отряда 8-й Финляндский стрелковый полк был подтянут к с. Кейжаны, на Вилии, для непосредственного наблюдения за правым флангом Вебеля; но последний, в минуту неустойки, и его увел на левый берег Вилии и ввел в бой на своем правом крыле; та же участь грозила и остальным частям 2-й Финляндской дивизии, которая получила вечером 23 августа приказ Вебеля — следовать из Вилькомира через Мейшаголу — Дукшты на присоединение к его войскам. А казалось бы, вместо того чтобы наслаивать дивизии на расстроенном фронте ген. Вебеля, следовало бы подумать о сосредоточении на правом берегу Вилии боеспособной группы для нажима на фланг и тыл немецкой фаланги, действовавшей между Вилией и Неманом. Но эту заботу ген. Вебель оставлял на усмотрение штаба 10-й армии. На левом берегу Вилии, где пролегалось столь важное направление на Вильну в охват всей 10-й армии, 2-я Финляндская дивизия осталась только случайно вследствие перерыва связи со штабом XXXIV корпуса{38}.

Вечером 24 августа в Вильну прибыл штаб V Кавказского корпуса, предназначенный руководить действиями дивизий, которые развернутся на правом берегу Вилии. Но так как этот

штаб корпуса нуждался во времени, чтобы осмотреться и развернуть свои средства связи, то на 25 и 26 августа 2-я Финляндская дивизия, отошедшая в район Мейшагольской позиции, была временно подчинена командиру V корпуса Балуеву, который вступил в командование частью фронта XXXIV корпуса между Вилией и железной дорогой на Ковну; здесь оказалась одна из его коренных дивизий — 7-я, и 65-я дивизия XXXIV корпуса. Связь 2-й Финляндской дивизии с V армейским корпусом также не скоро наладилась{39}.

Для помощи угрожаемому правому флангу 10-й армии 5-я армия двинула 23 августа в вилькомирском направлении конницу Казнакова. Последний, гвардейский кавалерист, был не плохим усмирителем лодзинских рабочих в 1906 г., завоевал сердца всех фабрикантов обращенной к ним на немецком языке речью (русский врем. ген. — губернатор!), но вождем конницы был по недоразумению. Боеспособностью среди подчиненных ему частей отличалась лишь слабая числом Уссурийская конная бригада, энергично предводимая ген. Крымовым{40}.

В этих условиях беспризорности 2-й Финляндской стрелковой дивизии, подчинение которой в эти дни болталось между ген. Тюлиным, штабами XXXIV, V армейского корпуса и V кавказского корпуса, мне пришлось, 19 августа 1915 г., вступить в командование полком. Остановлюсь несколько на своих первых шагах.

Официальные цифры о составе 6-го Финляндского стрелкового полка к 19 августа 1915 г., когда я его принял, гласили: 13 кадровых офицеров, 22 прапорщика, 1 614 штыков, 519 безоружных, 267 — младший командный состав, 113 — учебная команда, 66 телефонистов и ординарцев, 63 для связи, 98 — пулеметная команда, 57 — конных разведчиков, 90 каптенармусов, кашеваров и рабочих на кухне, 118 — санитаров, ротных и полковых, 111 — денщиков и конюхов, 31 слабосильных; последние по-видимому представляли неофициальное увеличение штата обоза II разряда. Безоружные представляли ценную рабочую силу для своевременной подготовки тыловых позиций. Свои пулеметы Максима были потеряны; на вооружении имелось 8 австрийских пулеметов, обеспеченных запасом патронов в 10 000 на каждый, но без перспектив на дальнейшее питание.

Пулеметчики в полку были прекрасные, так как начальнику пулеметной команды было предоставлено право преимущественного выбора людей из приходявших рот пополнения. Чрезвычайно ограниченное количество пулеметов толкало полк на тактическое использование всех пулеметов в

первой пинии, в исходящих пунктах, на холмиках с большим обзором, где маскировка пулеметов встречала большие трудности. К более правильному тактическому использованию пулеметов полк смог перейти лишь в 1916 г., когда количество пулеметов увеличилось вчетверо. Пока же приходилось мириться с огромной убылью пулеметчиков в каждом бою; немцы удивительно искусно сосредоточивали ружейный и пулеметный огонь на наших стреляющих пулеметах; наводчики пулеметов выбывали в каждом бою чуть ли не на 50 %, преимущественно убитыми; сильно страдала даже материальная часть: пробивались кожухи, и вытекала вода. Средний расход патронов на один пулемет в день боя не превышал 1 500, так как немцы оказывались вовсе не охотниками долго маршировать под пулеметным огнем, и цели для обстрела подставляли не часто.

Учебная команда, в которой заканчивало подготовку новое поколение унтер-офицеров, была обучена прекрасно. Это было будущее полка; но состав 12 рот был очень слаб — по сотне винтовок с небольшим. Учитывая ответственные дни, которые переживала русская армия, и желая быть возможно сильнее на первых шагах своего командования, я решил временно пожертвовать будущим в пользу настоящего и распустил учебную команду по ротам. Временно я остался без своей гвардии и без какого-либо обеспечения на случай гибели рот. Но в этот момент каждый хороший боец, с винтовкой, был для меня слишком дорог. Кадровых офицеров я успокоил обещанием собрать новую учебную команду при первом признаке затишья на фронте.

Телефонисты и писаря были хорошо грамотны и опытны в своем деле. Обоз был в очень приличном виде; за лошадьми ухаживал заботливо. Денежный ящик полка возился в обозе II разряда. Несколько раз в течение войны обоз оказывался в районе паники, поднятой слухами о прорвавшихся немецких разъездах. В других частях при этом иногда происходили недоразумения с денежными ящиками, которые таинственно исчезали. В 6-м Финляндском полку, во избежание такого саморазграбления денежного ящика, с началом войны была принята следующая мера: заведующий хозяйством отобрал из мобилизованных 12 пожилых, заведомо богатых, хозяйственных мужичков; они были избавлены от боя непосредственно, но поклялись не отходить и умереть около денежного ящика, и несли около него в течение всех трех лет войны караул. Эта дюжина вооруженных, степенных кулачков являлась и опорой начальства для поддержания строгой дисциплины в обозе II разряда. Числилась она в графе "слабосильные".

Конные разведчики представляли исключительно надежных

кадровых солдат. За недохватком шашек при мобилизации, они, кроме винтовок, были вооружены внушительными кирасирскими палашами в гремящих металлических ножнах. Для рубки палаши были малогодны, владели они ими плоховато.

В общем полк имел явно здоровый, хороший костяк. Но роты на три четверти состояли из необстрелянных пополнений, которые предстояло еще переработать.

Наша дивизия, расположенная в Вилькомире, выделила в боевую часть 3 полка, из которых каждый занимал на правом берегу Свенты свой сектор; в каждом секторе на 15 км вперед было выдвинуто по батальону, которые образовали отряды — Коварский, Товянский, Шинкунский. Мой полк занимал левый, Шинкунский, сектор.

Первой моей задачей было конкретизировать мою личность в глазах всего личного состава полка. Через 3 — 4 дня могли начаться серьезные бои, я должен буду отдавать ответственные распоряжения, и надо, чтобы мои приказы исполнялись как следует. Приказ анонимный, от абстрактной начальственной инстанции — это полуприказ, допускающий отписки, препирательства, вялость исполнения. Другое дело, когда приказ дается определенным, лично известным нам лицом, перед которым придется держать ответ — такой приказ конечно будет авторитетнее. Бюрократическое управление может быть и анонимным; циркуляры, подлинность коих не заподозривается, могут иметь под собой совершенно неразборчивые подписи. Но командир полка должен быть не бюрократом, а вождем, воплощающим в своей личности волю всего коллектива; вождь анонимом очевидно быть не может.

Я приступил к объезду рот, который отнял у меня около 3 суток. III батальон был разбросан в районе Шинкун; II батальон нес сторожевое охранение на широком фронте в направлении на Ковну. В резерве находился только I батальон да сонмище безоружных. Я побывал в самых отдаленных частях полка и убедился, что не только заставы, но и роты, выдвинутые в охранение, совершенно не избалованы визитами не только полкового, но даже батальонных командиров. В одной роте происходила перестрелка с небольшой кавалерийской спешившейся частью (3-й германской кавалерийской дивизии). Командовавший ротой прапорщик Роотс угощал меня чаем, я болтал со стрелками. Небольшое впечатление было произведено, крошка авторитета нажита. Изучению местности и боевой задачи полка я почти не уделял внимания; меня интересовали только люди; управление полком я оставил на эти дни в руках Древинга и полкового адъютанта и огульно одобрял все их распоряжения.

В Шинкунах моему батальону была придана вновь сформированная полубатарея 104-го артиллерийского дивизиона, вооруженная японскими пушками. Командовавший ею капитан доложил мне, что стрелять вообще он умеет, но из японских пушек ни ему, ни его артиллеристам стрелять не приходилось. В 3 км впереди были немцы. Я предложил ему поупражняться, на что он с охотой пошел. Стрельба показала, что искусство использования незнакомой пушки дается не так легко. Как только обстановка над Вилькомирским отрядом сгустилась, вся гастролировавшая у нас, в сущности ополченская, артиллерия была собрана в одну колонну и было с ней поступлено, как с обозом II разряда; она была отправлена в ближайший к Вильне район. Ввиду слухов о появлении в нашем тылу, со стороны Янова и Кошедар, немецких разъездов, для конвоирования этих бесполезных в бою батарей от моего полка были взяты 3 роты — 25 %. Неумение использовать артиллерию было впрочем характерно для нашего штаба дивизии, привыкшего быть обремененным только 2-м Финляндским артиллерийским дивизионом. Все же, когда через 3 дня началось надвигание немцев, я был в полку еще незнакомцем и нетвердо еще знал по фамилии три десятка наличных офицеров. У меня не было той способности, которая десятками лет воспитывается у строевого командира: запечатлевать в своей памяти сотни лиц и фамилий.

В связи с тяжелым положением XXXIV корпуса наша дивизия оттянула передовые отряды и 22 августа собралась в ближайших окрестностях Вилькомира. Штаб полка переехал на берег Свенты, в ф. Леонполь. В 2 — 3 км впереди спешно возводились окопы. Инициативу в расположении их на первый раз я предоставил батальонным командирам. Система полка заключалась тогда в устройстве непрерывных, почти на целый батальон окопов: шаблонная канава с траверсами; окопное искусство, к моему удивлению, оказалось отнюдь не замечательным; ясно ощущалось предпочтение, отдаваемое сохранению самой тесной связи, локоть к локтю, с соседом, над применением к местности и организаций системы огня. Фланкирующий огонь вовсе не применялся; стремление к маскировке было огромное, но технически решить задачу маскировки бесконечного окопа, да еще построенного так, чтобы давать обширный фронтальный обстрел, было невозможно.

Немцы, наступавшие на Вилькомир, представляли части I кавалерийского корпуса Рихтгофена, отдельную пехотную дивизию ген. Бекмана, надвигавшуюся со стороны Коварска и Товян на правую половину Вилькомирской предмостной позиции, и 3-ю кавалерийскую дивизию, выдвинувшуюся на участок

Кураны — Таткуны, частью против позиций 5-го, частью против 6-го полка. 3-я кавалерийская дивизия донесла своему штабу корпуса, что перед ней, к западу и северо-западу от Вилькомира, находится сильно укрепленная позиция. С такой лестной оценкой нашей работы согласиться было бы трудно.

Но до боя здесь не дошло. В связи с катастрофическим положением XXXIV корпуса в ночь на 24 августа полки внезапно получили приказ об отступлении. Обстановка и задача оставались для нас темными — какие-то несчастья и прорывы в глубоком тылу и на фланге. Из разговора со штабом дивизии я понял только, что и штаб дивизии находится в полном тумане. 8-й полк был уже раньше изъят на помощь XXXIV корпусу; теперь 5-й и 7-й полки отходили по большаку, а 9 рот моего полка должны были отходить проселками западнее, составляя боковой арьергард. И в дальнейшем штаб дивизии всегда хронически назначал мой полк в прикрывающие, особенно фланговые части; предлог — я опытный генштабист и менее рискую заблудиться, следуя по проселку. Я с этим мирился, так как вскоре убедился, что движение в отделе имеет свои плюсы, притом весьма значительные. Выступление было назначено на час ночи.

Я конечно умею читать карту, и в одном 1904 г. имел практику в следовании на протяжении не одной тысячи километров по весьма неважным картам; а тут к моим услугам была прекрасная двухверстка. Но к чему было мое искусство и эта карта, если ночь была темная, дождливая, не было видно ушей собственной лошади; электрического фонаря для чтения карты на походе не было, да и как могла помочь карта, если ориентировочных пунктов видно абсолютно не было.

В моем прошлом были аналогичные случаи, но я тогда шествовал во главе маленького разъезда; если и приходилось уклониться с пути истинного, то я рассмеявшись шпорил коня, проходил рысью лишние 3 — 4 км или переваливал через какую-нибудь гору по козьей тропинке — и оказывался там, где нужно. Теперь же мне приходилось держать экзамен перед 2 000 стрелков, и я положительно побаивался срезаться на таком пустяке. Но ведь и днем можно быть гарантированным от всяких блужданий лишь в том случае, если непрерывно следить за дорогой по карте. Это хорошо для начальника разъезда, но отнюдь не отвечает условиям работы командира полка, которому в течение перехода приходится уделять внимание сотне других актуальных вопросов. Я пожелал сохранить свою свободу и предпочел наблюдать за людьми, а не за ориентирами. Для заботы о сохранении полком правильного направления я решил назначить специалиста.

Кто в полку лучше всего ориентируется по карте, особенно в ночное время? Оказалось, что таковым является унтер-офицер конный разведчик Соловьев; он свободно читает карту, а с его зрением ночью могут спорить только кошки. Древинг мне пояснил, что Соловьев в этом отношении надежнее любого офицера полка. Первый ночной марш был организован так: Соловьев с командой конных разведчиков выехал за полчаса до нашего выступления и от первой деревни послал нам навстречу двух разведчиков. А когда голова полка подходила к первой деревне, там уже дожидались нас два других разведчика, которые вели до второй деревни и т. д. Впоследствии я разгадал секрет "кошачьего" зрения Соловьева. В первой же деревне он хватал проводника, в крайнем случае хотя бы бабу, сажал на смирную заводную лошадь или заставлял следовать вприпрыжку до следующей деревни. Он действовал разумно, хотя действительно обладал необычайно острым зрением и хорошо читал карту{41}...

И этот первый ночной марш, а вслед за ним и многие другие прошли для меня при содействии Соловьева вполне благополучно. Соловьев оставался моей маленькой штабной тайной, которой масса стрелков конечно не интересовалась; а уверенное следование полка в непроглядную ночь по захолустным проселкам производило благоприятное впечатление и поднимало авторитет управления. В колонне не видно ни одного огня, абсолютно темно, а командир полка не сомневается. Чуда конечно здесь нет, но умение, ловкость рук, организацию отрицать трудно.

Штаб дивизии по-видимому допускал возможность столкновения моего боевого арьергарда с немцами, но не придал в мою колонну артиллерии, боясь потери орудий. Ночью действительно орудия были бесполезны; но вообще относительно артиллерии я держался другого взгляда, чем штаб дивизии; потери орудий я никогда не боялся, а опасался, в случае встречи с бронированным автомобилем или с германской конной батареей, оказаться со своим боковым арьергардом в глупом положении. Как только начало светать, в 4 ч. 35 м. утра 24 августа я послал в штаб дивизии конного с просьбой прислать мне на большом привале, намеченном в 7 ч. 15 м. утра для бокового арьергарда в районе д. Шавли, в 3 км от большака, хотя бы пару орудий. Просьба была уважена.

Утром наш марш продолжался. С юго-запада, на открытом фланге, несколько впереди, на гребне возвышенности показались 5 — 6 всадников. Дистанция от колонны была около 1 км. Колонна заволновалась — свои или немцы. Застава шла в двухстах шагах, дальних дозоров не было. Со мной было 4 конных

разведчика. Случай мне понравился. Я со своими разведчиками поскакал навстречу всадникам широким галопом{42}. Мы еще не успели пронестись и 1 км, как разъезд, к которому мы стремились, повернул и скрылся. Кто были эти всадники, осталось неизвестным{43}. Мы вернулись шагом. Чернышенко стал меня деликатно укорять, что так полк может остаться без управления, что вблизи могли быть спешившиеся немцы, которые легко могли нас подстрелить, и т. д. Но я знал хорошо, что делал: риск был для меня явно ничтожный, но представлялась возможность сосредоточить внимание полка на его незнакомце — командире и показать, что он не гнушается и ролью дозорного; если он требует от других идти на явную опасность, то и сам готов выполнить рядовую роль. Конечно в моем поведении было чутье шарлатанства, но без него быстро войти в критические дни в роль вождя невозможно.

Ночь на 25 августа полк провел в с. Даркушки. Три полка дивизии собрались вместе. Связи с XXXIV корпусом не было. Штаб дивизии совершенно был дезориентирован. По слухам с. Мусники было занято слабыми силами немцев. Начальник дивизии решил их атаковать. Дивизия утром пришла в Мусники — немцев не оказалось. Вблизи бродили немецкие разъезды. На восточном берегу Вилии XXXIV корпус явно сильно подался назад, в сторону Вильны. Начальник дивизии не представлял себе, что делать дальше. Тюлин, которому дивизия раньше подчинялась, отпустил ее из своего подчинения с очень общими указаниями следовать на присоединение к войскам ген. Вебеля (командир XXXIV корпуса). 24 августа в 21 ч. ввиду неизвестности, где находится штаб XXXIV корпуса, Тюлин доносил, что 2-я Финляндская дивизия направляется в район Чабишки или Попорце, где будет 25 августа вечером. Оставаться в районе с. Мусники, на отлете, на переход впереди общего фронта, представлялось опасным. Уже 24 августа немцы форсировали р. Свенту на широком фронте ниже с. Видишки; от Вилькомира двигалась пехотная часть, м. Побойск прошла германская кавалерийская бригада; вдоль р. Ширвинты, против левого крыла Тюлина, энергично подвигалась крупная кавалерийская часть с тяжелой артиллерией; в районе Чабишки германцы переправились на правый берег Вилии, а у д. Зубишки навели на Вилии понтонный мост{44}. 25 августа натиск на ген. Тюлина продолжался; казачьи полки последнего располагали только слабыми огневыми средствами (14 конных орудий и 6 пулеметов на 7 казачьих полков) и не могли сыграть роль заслона против немцев, наступающих с линии р. Свенты; таким образом, если бы 2-я Финляндская дивизия направилась для атаки немцев на

Вилии, у Чабишек, ее 7 слабых батальонов оставили бы на своем фланге и в тылу огромную кавалерийскую массу, поддержанную тяжелой артиллерией, егерским батальоном и каким-то ландвером. В то же время за последние двое суток фронт XXXIV корпуса на левом берегу Вилии осадил на целый переход. Дела там обстояли явно плохо. Действительно начальник 5-й дивизии Альфтан настаивал 25 августа на выводе своей дивизии в резерв как израсходовавшей уже в три очень горячих дня свою боеспособность; 56-я дивизия чувствовала себя серьезно прорванной, и ее энергичный начальник дивизии Мадритов доносил, что не может отвечать за устойчивость своих полков; что касается 4-й Финляндской дивизии, то она просто перестала сражаться и находилась в полном отступлении. Все это происходило уже, правда, без всякого нажима со стороны также выдохшегося XI германского корпуса.

Начальник дивизии решил отвести свои главные силы на Мейшагольскую позицию, укрепления которой прикрывали Вильну, но никем заняты не были. Но так как начальство могло не одобрить этот единственно разумный, но пассивный образ действий, то был допущен компромисс: на северной опушке большого леса, протягивавшегося впереди Мейшагольской позиции, в районе д. Майлуны, был оставлен сильный арьергард — 9 рот 6-го Финляндского полка, 54-й казачий полк и горная батарея. Дивизия ослабляла себя на целую треть и возлагала на эту треть задачу, являвшуюся непосильной для дивизии в целом.

Поздно вечером отошедший в Мейшаголу штаб 2-й Финляндской дивизии, установив связь со штабом V армейского корпуса, уточнил мою задачу. Я был произведен в звание начальника Керновского отряда; мое назначение заключалось в том, чтобы располагаться вдоль Вилии, прикрывать и поддерживать огнем действия левого крыла (65-я дивизия) V корпуса; я должен был, оставаясь уступом впереди, непременно удерживать Керново, но один батальон с батареей выделить срочно в с. Буйвиды, чтобы создать прочную огневую точку за Вилией, непосредственно на продолжении фронта V корпуса. Командир V корпуса требовал направления в Буйвиды целого полка, но в таком случае дивизия была бы совершенно раздергана, и главные силы на направлении Вильны уменьшились бы до 2 батальонов; поэтому штаб дивизии, вполне правильно, послал батальон в Буйвиды, вместо целого полка.

Происходила типичная грубая ошибка на стыке: для штаба V корпуса 2-я Финляндская дивизия и в частности мой арьергард являлись не своими частями, а соседями, временно, на двое суток, ему подчиненными. Командование V корпусом (ген.

Балуев), работавшее в общем неплохо, стало на резко эгоистическую точку зрения: помогайте нам, становитесь вдоль Вилии, хотя бы это выходило боком к вашему противнику и ставило вас в самое нелепое положение. А между тем удар немцев по левому берегу Вилии был уже наизлете, а по правому берегу только нависал.

5 батальонов и 2 батареи 2-й Финляндской дивизии отошли и заняли участок Мейшагольской позиции от района Мейшаголы включительно до с. Малюны. Самый важный левофланговый участок Малюны — Дукшты, предназначавшийся для моего полка, оставался незанятым. Штаб армии спешно направлял на занятие Мейшагольской позиции те самые остатки ковенского гарнизона — Пограничную, 124-ю и затем имел ввиду и 104-ю дивизии, от которых Вебель наотрез отказался. Правда, в Вильне начала высаживаться гвардия, но ни одной гвардейской батарее еще не прибыло.

Штаб 2-й Финляндской дивизии, как это видно из его донесения штабу V корпуса от 12 ч. 26 августа, представлял себе, что я точно держусь указаний Балуева: "в район Керново — Буйвиды выделен полк с батареей, всего 2 батальона, 6 орудий и 54-й Донской казачий полк. Пехота наблюдает фронт Чирки — оз. Гейшишки (в 2 км против разрушенной переправы у Грабиялы), а конница фронт Куншишки (около д. Чирки) — Витчуны — Паперня, Плекишки (2 км восточнее Паперня). Ночью выделен батальон с 4 орудиями в Буйвиды". В действительности я никак не мог довериться казакам и подставить свой фланг и тыл основательной группе немцев, наступающей по правому берегу Вилии. Отправив батальон с батареей в Буйвиды, я поручил конным разведчикам наблюдать берег Вилии от Кернова до Буйвиды, а 5 рот, остававшиеся под моим командованием, собрал в районе Майлуны, за центром жидкого расположения казачьего полка, растянувшегося на 7 км. Такое смыкание всех моих слабых сил вправо, к северу, являлось тем более понятным, что на меня штаб дивизии возложил и поддержку, в мере возможности, конницы Тюлина, находившейся в полупереходе к северу, уступом впереди моего правого фланга.

Ночь на 26 августа прошла довольно напряженно. Роты вырыли окопы коленной профили. Утром немцы энергично приступили к дальнейшему развитию своего наступательного марша. В 9 ч. 5 м. немцы вступили в Мусники и продолжали марш на Витчуны. В эту деревню на поддержку казаков я выдвинул 5-ю роту с одним пулеметом. Началась энергичная перестрелка. Около 10 час. утра неприятель это был VI кавалерийский корпус Гарнье — развернул редкий, но

непрерывный фронт из частей пехоты и спешенной конницы на протяжении 12 км от Вилии почти до большака; на востоке распространению германской конницы никто не препятствовал. Как только выехало несколько германских батарей, казаки на всем фронте полностью снялись и умчались из района моей деятельности. Моя рота из Витчуны спешно отходила, отстреливаясь из пулемета. В направлении на Керново проскочил немецкий эскадрон. Немецкая артиллерия, выпустив несколько снарядов, прекратила огонь, очевидно не улавливая, где неприятель.

Оценивая обстановку, я пришел к заключению, что мои 5 рот, без артиллерии, смогут оказать неприятелю, располагающему явно превосходными силами, лишь очень скромное сопротивление. В течение самого короткого времени немцы имели возможность окружить нас. На помощь дивизии аррьергард, конечно, рассчитывать не мог. Гибель его могла отозваться самым невыгодным образом и на обороне Мейшагольской позиции, имевшей очень крупное оперативное значение. Было разумно приберечь имеющиеся силы для боя на Мейшагольской позиции. Эти соображения заставили меня прервать начавшийся бой в его зародыше. Я послал в штаб дивизии в Мейшаголу уведомление, что собираюсь отступать, и выехал к отходившей из д. Витчуны 5-й роте. Командир II батальона Чернышенко взял на себя заботы о знамени и должен был в течение моего кратковременного отсутствия вытянуть 4 роты моих главных сил по дороге на с. Кемели{45}.

Дорога эта углублялась в большой лес, тянувшийся почти до самой укрепленной позиции. В течение истекшей ночи, проведенной в неприятном соседстве с немцами, рассматривая по карте этот лес, я усматривал в нем хороший козырь для моего аррьергарда, облегчающий ему ускользание из-под удара немецкой конницы.

Далеко ездить к 5-й роте мне не пришлось. Она спешно отходила к д. Майлуны; немецкая цепь была удалена от нее приблизительно на 1 км. Левее к лесу скакали отдельными группами немецкие кавалеристы. Сказав несколько ободряющих слов, я отправился догонять свои "главные" силы. К моему ужасу я увидел свои 4 роты, со знаменем и Чернышенко во главе,двигающимися не на юго-восток, к Кемели, а на северо-восток, к д. Паперня. Казаки, несмотря на свое быстрое отступление сообщили мне о крупных кавалерийских частях немцев, проследовавших в район Паперня — Даркушки. Но Чернышенко не был в этом ориентирован. Местность скрывала немцев в районе Паперня и позволяла наблюдать их к западу от Майлуны.

Едва ли Чернышенко сбился с дороги; вероятно он проявил частную инициативу, решил, что указанный мною путь отхода слишком рискован, вследствие прорвавшихся к западу в лес немецкой кавалерии, и решил перейти на большак, пролежавший восточнее, известный Чернышенко и казавшийся ему вполне безопасным. Предшествуемый в сотне шагов небольшим дозором, Чернышенко со знаменем направлялся в пасть 4-й германской кавалерийской дивизии. Чернышенко — 33 несчастья — был великий маскировщик, но не был Соловьевым, надежным путеводителем полка.

К счастью походная колонна 4 рот — всего около 500 бойцов — не слишком длинна и достаточно удобоуправляема. Я резко остановил колонну и повернул ее кругом. Но вернуться через Майлуны можно было уже только ценой боя. 5-я рота уже вытягивалась на восток от д. Майлуны, к которой стремились немецкие всадники и пехотинцы. А бой заставил бы меня потерять столько минут, сколько немцам было бы нужно, чтобы окружить мои роты. На юг, в лес, втягивался небольшой, слабо наезженный проселок. Колебаться не приходилось. Я двинул по нему батальон; роты шли теперь в обратном порядке, со своими патронными двуколками и фельдфебелями впереди, а правофланговыми отделениями и ротными командирами позади. 5-я рота выгадала нам те 5 — 6 минут, которые потребовались, чтобы ускользнуть в лес. Последний был довольно редкий. Я позаботился выслать на сотню шагов вперед взвод в заставу, дозорных — влево и вправо шагов на 50.

Заранее обдуманый порядок движения был сбит. Чернышенко был совершенно обескуражен допущенной им ошибкой, хотя я ему не сделал ни малейшего упрека; это было тем более досадно, что за исключением меня, он был единственный офицер верхом — остальные офицеры отправили своих лошадей с обозом. А в момент паники только конные офицеры имеют сколько-нибудь значительную сферу действия. Стрелки были сбиты с толку, и у них зародилось сомнение в разумности руководства остатками раздерганного полка. А тут, шагах в 200, сначала с одной стороны колонны, затем с другой, между деревьями леса, промелькнули всадники нас конвоировали какие-то разъезды. Дозорные открыли беспорядочную стрельбу. Сзади яростно стучал пулемет 5-й роты, уже втянувшейся в лес и налезший вплотную на колонну. Из 5-й роты вдоль по колонне передавались крики "больше шаг", а колонна и так почти бежала по никому неизвестной дороге.

Я постепенно переходил в яростное настроение. Такой плачевный дебют мало отвечал моим чаяниям: правда, и Зейдлиц,

и Фридрих, и Наполеон имели в своей военной карьере первый блин комом; но обстановка для них затем сложилась удивительно благоприятно; а какой авторитет будет у меня в полку, если я, после жалкой перестрелки, приведу печальные остатки рот! А при скорости марша в 8 км в час сейчас же полетят в сторону предметы снаряжения, патроны, даже ружья, сердце у пожилых стрелков начнет сдавать, появятся отсталые; пройдет четверть часа, и роты могут так выдохнуться, что сдадутся первому наглому немецкому разъезду, который подскочет к ним. Ай да ударник командир полка! К какой бесславной чепухе приводят мои лучшие намерения! Что же, плыть мне по течению? Нет, если умирать, так лучше с музыкой.

Вскипев, я поскакал к голове колонны, приказал двигаться самым маленьким шагом и петь песни. Изредка дозорные продолжали стрелять; пулемет в арьергарде надрывался. Мой приказ — запеть песню — вызвал общее недоумение. Учили маскировке, а тут за деревьями уланы, не хватает дыхания, и вдруг "пой". Сзади по колонне передается умоляющее "больше шаг — на 5-ю роту насаждают". В ответ я послал по колонне предупреждение, что если я услышу еще раз "больше шаг", то остановлю всю колонну на 10-минутный привал. Затем я наскочил на старого фельдфебеля, дисциплинированного служаку, и дико заревел на него "пой!" Раздался голос фельдфебеля, сначала одинокий, слабый, неуверенный; но постепенно к нему присоединились другие, напев стал громким и твердым, зазвучал мощный хор, скорость движения уменьшилась до 3 км. Дозорные прекратили стрельбу, как-будто в песне заключалась магическая сила, отпугнувшая немецких улан; просто они успокоились, и призрак улана перестал им рисоваться за каждым деревом. Да и для немецкой конницы колонна, которая поет, перестала конечно рисоваться желанным объектом, готовым сдаться в плен. Продолжал только стучать пулемет в арьергарде, изредка оттуда доносилась робкая просьба "ради бога, прибавьте ходу". Но стрелки уже ухмылялись и острили "пятая рота, привала захотела?"

В самых укромных местах леса пасся скот. Крестьяне, в той полосе, которая готова перейти из рук одной стороны в руки другой, очень боятся того, как бы отступающие не угнали с собой самое ценное для крестьянина — его скот; да и реквизиции другой стороны, самые безжалостные и самые неупорядоченные, могут иметь место в момент первого вступления во владение новым участком территории. Самым неверным местом, для того чтобы в эти переходные моменты сберечь скот, являются деревенские хлева и конюшни; сверх прочих соображений,

деревенские службы в эти переходные моменты, часто связанные с боем и артиллерийским обстрелом, могут сгореть. Поэтому, когда один фронт отступает, а другой надвигается, деревни пустеют, а леса оживают.

Около пасшегося скота дозор задержал и привел ко мне крестьянина, который объяснил нам, что проселок выведет нас к с. Кемели. На всякий случай я оставил его в качестве проводника, пока мы не выйдем на южную опушку леса. Когда мы увидели издали с. Кемели, я отпустил беспокоившегося за свое возвращение крестьянина, подарив ему из своих денег 5 рублей. Но я не догадался дать нашему проводнику провожатого, и он был задержан, несмотря на все свои объяснения, моей арьергардной 5-й ротой как лицо, стремившееся пройти навстречу немцам и подозрительное по шпионажу. Не скоро бедный проводник смог попасть к себе домой.

Я дал первый импульс восстановлению порядка, а дальше подтяжка пошла уже самотеком. Фельдфебеля, унтер-офицеры начали подсчитывать "левой, правой", добиваясь, чтобы такт отбивался ногой достаточно четко, чтобы головы не вешались, уточняли дистанции и равнение, проверили снаряжение. Колонна, продвигаясь неторопливым шагом, отчетливо и успешно парадировала. Погода была ясная, летняя, дорога — сухая, лес, — очаровательный; не доходя 1 км до нашей окутанной проволокой позиции замолчал и нервный пулемет 5-й роты.

Село Кемели являлось центром участка 5-го полка. Последний располагался совершенно беспечно: у проволочных заграждений стрелки купались, стирали белье, разлеглись живописными группами. Мой арьергард проходил их линию окопов в ногу, с песнями, в полном порядке. Я тщетно пытался обратить внимание прапорщиков 5-го полка на то, что непосредственно на моем хвосте идут крупные силы немцев. Эти слова, в глазах 5-го полка, опровергались нашим парадным и уверенным видом. 5-й полк остался по-прежнему беспечным; он оставил свое прекраснодушие только через полчаса, когда германская батарея выехала на опушку, в 1 500 м от окопов и произвела внезапное огневое нападение.

Я донес, о своем отходе начальнику дивизии и двинулся занимать предназначенный 6-му полку левофланговый участок. Я был хорошо настроен и доволен собой: обстановка, правда, скорее по внешности казалась трудной, но я не поплыл по течению и овладел положением, подчинил своей воле 500 близких к панике людей, накопил известный запас доверия к себе, облегчил на будущее воплощение в жизнь отдаваемых мною приказов. И вся эта передышка обошлась полку ценой 1 раненого и 1 без вести

пропавшего стрелка 5-й роты. Я решил в ближайшее время сменить командира 5-й роты, прапорщика Галиофа, слишком нервного{46}.

Я чувствовал себя героем, примерно так, как Александр Македонский, когда последнему удалось удержаться на спине своего Буцефала. Не всегда так дешево удастся отделаться, побывав с горстью молодых, плохо обученных солдат в соприкосновении с предприимчивой вражеской конницей. Но наши тактические бюрократы стояли на другой точке зрения. На позиции меня разыскивало следующее извещение начальника дивизии, очень напоминавшее выговор: "Спешно.

Полковнику Свечину.

26/VIII. 13 час.

№ 93 из Мейшаголы на № 580.

Отход ваш на линию Буйвид — Кемели без боя считаю преждевременным и невызванным обстановкой. Приказываю исполнять приказание командира V корпуса обстреливать подступы к правому флангу корпуса и оставаться у Керново до последней возможности — переданное вам по телефону капитаном Щербовым-Нефедовичем и полковником Нагаевым. При невозможности держаться, под натиском противника, в случае отхода на укрепленную позицию — займите участок от р. Вилии до высоты д. Малюны, где находится левый фланг нашего 5-го полка, с которым и установите теперь же самую тесную связь. Прошу иметь ввиду, что отряду у с. Буйвид (1 батальон 4 орудия) дана особая задача — содействовать огнем V корпусу, что будет невыполнимо при занятии только одной укрепленной позиции. 54-й Донской казачий полк в вашем полном распоряжении.

Ген. — майор Кублицкий-Пиотух.

Верно: подполковник Шпилько".

Это сочинение начинается с выговора; оно не желает считаться с изменившейся обстановкой, с реальными условиями, в которых приходилось действовать; штаб дивизии явно не хочет брать на себя ответственность за отступление от неосуществимых более указаний командира V корпуса; он не учитывает то обстоятельство, что распоряжается с большим опозданием, когда отход был уже два часа в ходу, и поэтому свое волеизъявление вкладывает в условное наклонение — как будто я еще не приступал к отходу. Рекомендую вникнуть в этот текст, чтобы понять, как не надо распоряжаться и как легче всего уронить свой авторитет в глазах подчиненных.

Для уяснения обстановки нелишне ознакомиться с тем, как высокие штабы пришли к постановке таких жестких требований к 5 ротам, оставленным перед широким фронтом нового

германского развертывания. Командующий 10-й армией Радкевич, удрученный новым отходом XXXIV корпуса и жалким состоянием войск на его фронте, накануне вечером, в 20 ч. 20 м. 25 августа, распоряжался о стягивании всего фронта к XXXIV корпусу и о переходе в короткие наступления на его флангах — слева III Сибирского, справа V армейского корпуса. Командиру V корпуса Балуюеву, вступившему в командование своим участком только в этот день в 10 час. утра, подтверждалась особо необходимость помочь XXXIV корпусу переходом в наступление V армейского корпуса, совместно с 2-й Финляндской дивизией и конницей Тюлина. Одну (10-ю) свою свежую дивизию Балуюев должен был изъять из своего командования и передать непосредственно XXXIV корпусу; взамен он получил совершенно истощенную 65-ю дивизию; другая его дивизия (7-я) двумя полками уже участвовала в тяжелых отступательных боях XXXIV корпуса.

Утром 26 августа Балуюев имел основание быть не в духе. Приказано наступать, а сосед — штаб XXXIV корпуса — снялся без предупреждения и ушел из Н. Трок по неизвестному назначению. Ген. Вебеля там нет — фактически вместо него командует ген. Гаврилов. В 65-й дивизии от полков остались небоеспособные группы по 200 — 300 человек. Утром 26 августа 65-я дивизия в расстройстве, без особых причин, отходила назад. Командует ею неплохой ген. Альфтан, но где он: "Несмотря на мое категорическое приказание не терять связь со штабом корпуса, ген. Альфтан сегодня утром без предупреждения снял связь и до настоящего времени (15 ч. 40 м.), несмотря на высланный офицерский разъезд, местопребывание генерала не найдено, сам он о себе не дает знать... Ввиду этого всю боевую линию подчинил начальнику 7-й дивизии с приказанием разыскать части 65-й дивизии, привести их в порядок и поставить в корпусный резерв".

В излучине р. Вилии, подходящей близко к Дукштам, Балуюев приказал поставить, под прикрытием двух казачьих сотен, 2 батареи 65-й артиллерийской бригады, а они, вопреки его приказанию, переправились на правый берег Вилии, где — подальше от своей пехоты — обстановка казалась им спокойнее. Уже из частей 7-й дивизии 26-й пехотный полк доносил, что держаться не может, а части Мадритова — влево — отходили, обнажая фланг и тыл V корпуса. Как тут наступать? Но если наступление, о котором хлопочет командующий армией, не удастся, можно по крайней мере удерживать всех на своих местах. В 11 ч. 40 и. 26 августа за № 27 начальник штаба V корпуса Ливенцов телеграфировал в штаб 2-й Финляндской дивизии

капитану Щербову-Нефедовичу, в ответ на сообщение о намерении командира 6-го Финляндского полка отойти: "По докладу командиру V корпуса вашей телеграммы приказано: 1) отряду вашему у Керново оставаться до последней возможности и затем отходить на Буйвиды, прикрывая все время правый фланг корпуса; 2) вместо полка вышлете в Буйвиды батальон с батареей для обстрела подступов к правому флангу корпуса на западном берегу Вилии (так дивизия и поступила с самого начала. — А. С.); 3) распоряжение о поддержке ген. Тюлина командир корпуса одобряет (вероятно моими 5 ротами. — А. С.); 4) при отходе на позицию обратить внимание на ее левый фланг".

Еще в 14 ч. 50 м., за № 2480 начальник штаба V корпуса доносил начальнику штаба 10-й армии: "Начальник Керновского отряда донес о своем намерении отойти на левый фланг Мейшагольской позиции. Я приказал удерживаться на передовых позициях. Сейчас к Мейшаголе подходит пограничная дивизия".

К этой телеграмме имеется приписка: "в 14 ч. 55 м. штаб 2-й Финляндской дивизии снял станцию, не предупредив куда переходит" В телеграмме командиру 10-й армии от 15 ч. 40 м. командир V корпуса повторяет жалобу на 2-ю Финляндскую дивизию: "Также легко отнесся к связи и начальник 2-й Финляндской дивизии; установленная мной с ним телеграфная связь в Мейшаголы без предупреждения меня им снята, и мне неизвестно, куда отошел штаб дивизии. Поэтому приказание № 2481 мною передается ген. Тюлину с просьбой войти в связь с начальником 2-й Финляндской дивизии а также передать ему приказание о расположении прибывающих пограничной и сводной дивизий".

Конечно не совсем нормально, чтобы приказ от командира корпуса к расположенному рядом начальнику дивизии шел по телеграфу через штаб армейской конницы.

Разрыв связи с штабом 2-й Финляндской дивизии объясняется тем, что штаб дивизии расположился на фронте укрепленной позиции, в Мейшаголе, так же беспечно, как и 5-й полк. Узнав, что мой арьергард более не прикрывает подступы к позиции и услышав беглый огонь немецкой конной батареей по с. Кемели, штаб 2-й Финляндской дивизии снялся в один миг из Мейшаголы и перешел в ф. Галин; аппарат был снят так поспешно, что штаб V корпуса остался без уведомления о переходе штаба дивизии на новое место.

Но если командир V корпуса оценивал до сих пор всю обстановку на правом берегу Вилии с точки зрения тактической поддержки своего правого фланга огнем из-за Вилии, то штаб 10-й армии конечно должен был предъявить к действиям на правом

берегу этой реки гораздо более широкие оперативные требования прочного обеспечения Виленского направления. За Мейшагольскую позицию штаб 10-й армии сильно побаивался и даже просил 26 августа штаб 5-й армии помочь ему удержать Мейшаголу переходом в наступление конницы Казнакова. Необходимо было предупредить немцев в занятии Мейшагольской позиции. Соответственные требования штаб 10-й армий предъявил штабу V корпуса, и уже в 15 ч. 28 м. 26 августа за № 2481 ген. Балуев предписывал по телеграфу: "Командующий армией приказал экстренно занять частями 2-й Финляндской дивизии Мейшагольскую позицию, а нашу конницу держать возможно дальше к северу от позиции, дабы успеть занять ее более значительными силами. Пограничная дивизия выступила на эту позицию сегодня в 4 часа утра, 53-я дивизия сегодня начинает сосредоточение. С полуночи в командование 2-й Финляндской и 53-й дивизиями (в действительности 53-я дивизия была поглощена левым берегом Вилии, а на ее замену прислали совершенно скомпрометировавшую себя 124-ю дивизию), равно как пограничной дивизией и конницей ген. Тюлина вступит ген. Истомин, но организация занятия позиции сегодня всеми собранными частями возлагается на V армейский корпус. Ввиду потери связи с начальником 2-й Финляндской дивизии прошу войти в связь, передать настоящее распоряжение и мое приказание расположить на позиции свою и пограничную дивизии. Приказание о занятии Буйвиды батальоном с батареей и 54-м казачьим полком остается в силе. Кроме того в з. Кармазин отправлены 2 батареи 65-й бригады под прикрытием 2 сотен 40-го Донского полка".

Получив свой первый выговор, я, оставив полк располагаться на укрепленной позиции, поскакал к начальнику дивизии. Жизнь еще не успела меня в то время вооружить надлежащим философским отношением по отношению к канцелярской стряпне штаба дивизии. Я обратился к начальнику дивизии с просьбой разъяснить, что мне следовало делать у д. Майлуны; мне отнюдь не желательно, чтобы меня рассматривали как агента по сдаче русских солдат в плен немцам. Я ожидал различных ответов от начальника дивизии на мой наскок, но не тот, который последовал: начальник дивизии уверял меня, что он полностью одобряет мои действия и не имел ни малейшего желания делать мне выговор; напротив, он мне очень благодарен за то, что я отвел свои части в полном порядке. Дело в том, что начальник штаба боялся неприятностей с V армейским корпусом — чужое, незнакомое командование — и подsunул ему бумажку, которая для него могла являться оправданием, а он ее подписал, не читая.

Если я буду настаивать, начальник дивизии готов аннулировать ее особым предписанием. Напротив, и штаб армии и штаб V корпуса с тех пор, как на дивизию возложена задача обороны Мейшагольской позиции и восстановилась связь, — очень интересовались тем, успел ли мой отряд отойти без больших потерь, и командир корпуса высказал начальнику дивизии свое удовольствие благополучным исходом. Я пользуюсь полным доверием, которое я могу усмотреть из того, что на левом фланге Мейшагольской позиции мне подчиняется 4-й пограничный полк во главе со своим командиром Карповым, несмотря на то, что я полковник, а Карпов — генерал. Я только развел руками и принял за правило — не принимать больше к сердцу того, что будет мне адресовано штабом дивизии.

Остановлюсь еще на двух мелких эпизодах, явившихся отзвуками очерченных отношений. Уже 27 августа, на другой день после описанного отхода на укрепленную позицию, от 65-й дивизии, через штаб V армейского корпуса, штаб 10-й армии, штаб группы Олохова, куда были включены, штаб V Кавказского корпуса в штаб 2-й Финляндской дивизии поступила жалоба на то, что немцы заняли на моем фронте д. Буйвиды. Штаб V армейского корпуса доносил 27 августа в 12 ч. 10 м. за № 45: "54-й Донской казачий полк отошел из Буйвиды на Антокольцы; противник накапливается в районе Белозоришки — Веркшаны, правый фланг корпуса обнажен. Нет сил для занятия излучины Понары — Буйвиды".

По-видимому от меня хотели, чтобы я держал свою конницу в Буйвидах, в 1-километровой полосе между нашей и немецкой позицией.

Дер. Буйвиды, изобиловавшая хорошими яблочными садами, была расположена шагах в 700 от укреплений левого фланга позиции, приблизительно по середине между нашими окопами и немцами, укреплявшимися на правом берегу ручья Дукшты. Обращенная к Дукштам излучина Вилии была прочно занята приданным 65-й дивизии 8-м Финляндским полком и 3 батареями. Оставить в Буйвидах батальон с батареей на неудобном для обороны участке в полукилометре от солидных, заблаговременно устроенных окопов — было бы совершенно неосмотрительно; провололочные заграждения устраиваются, чтобы сидеть за ними, а не перед ними{47}. В 65-й дивизии установилось — и надолго — полное затишье; выдвижение к Буйвидам имело бы значение 25 августа, пока 65-я дивизия не осадила на уровень Дукшт; теперь же оно теряло всякий смысл. Я отвел батальон и батарею на главную позицию, а в деревню Буйвиды, где дома были брошены населением, попеременно

ходили за яблоками то наши, то неприятельские разведчики. Об очищении мною д. Буйвиды штаб дивизии был поставлен в известность.

Получив через высшие инстанции жалобу на очищение Буйвиды, мой штаб дивизии сейчас же вскипел справедливым негодованием и писал мне: "27/VIII,

14 ч. 15 м.,

№ 86/н из

ф. Галин полковнику Свечину, в д. Шавлишки.

В штабе армии получены сведения от штаба V корпуса, что противник занял д. Буйвиды и накапливается севернее этой деревни. Крайне удивлен, что подобные сведения получены штабом армии ранее чем мной. Приказываю 6-му полку немедленно выбить противника, занимающего высоты восточное реки Дукшты и занять фронт 3. Войсенишки левый берег Дукшты до впадения в Вилию, где и укрепиться".

Я был далек от того, чтобы без какой-либо подготовки, без артиллерийской поддержки, втягивать полк в серьезный бой из-за обиженного штабного самолюбия и выслал в д. Буйвиды взвод, который и обеспечил за нами яблоки. Уже в 16 час. 65-я дивизия успокоилась и признала, что из д. Буйвиды ей не угрожает фланговый удар сосредоточенным кулаком; она доносила: "Разведкой выяснено, что в Буйвидах и в излучине Вилии у Веркшаны конница и небольшие части противника".

Капитан Запольский (штаб 10-й армии) говорил по телеграфу с капитаном Яхонтовым (штаб V Кавказского корпуса): Запольский: "Атака 6-го Финляндского полка на Буйвиды имела успех, атака на Бредалишки — крупные силы, отошли, Буйвиды оставлены. Начальник дивизии спрашивает, имеет ли смысл новая атака с. Буйвиды, когда правый фланг V корпуса южнее Подлесья. Штаб армии придает (ли?) большое значение Буйвидам?"

Яхонтов: "Сами по себе Буйвиды, думается мне, значения большого не имеет, важно лишь удержание всей Мейшагольской позиции до стыка с V корпусом, и в частности очень важно обеспечение правого фланга V корпуса и недопущение переправы немцев через Вилию в стыке вашего и V армейского корпуса".

В результате этого разумного разговора были даны надлежащие инструкции, и вечером того же дня штаб 2-й Финляндской дивизии доносил: 27/VIII, 22 ч. 45 м. № 88/н из ф. Галина в Вильну, н-ку штаба V Кавказского корпуса: "6-й Финляндский полк около 15 час. дня перешел в наступление и занял д. Буйвиды; дальнейшее наступление задержалось, так как противник с большим количеством пулеметов занимал позицию

по фронту Русяны — Бредалишки — з. Кармазин (западный). Ввиду последних полученных указаний наступление 6-го Финляндского полка отменено, ему приказано занять участок укрепленной позиции, занимая передовыми частями, как позволит обстановка, ф. Буйвиды...{48}".

Недоразумение свелось к анекдоту. Но менее самостоятельный командир полка мог бы на этом глупом деле порядочно расстроить свой полк. Я отделался десятком с небольшим раненых. 6-му полку всегда приходилось действовать на стыках, а здесь, как увидит читатель, всегда оказываются заложенными элементы драмы, и в минуты кризиса они дают знать о себе чрезвычайно чувствительно.

Другой эпизод. Штаб дивизии за свой быстрый уход 26 августа из Мейшаголы, связанный с потерей связи с V армейским корпусом, получил по-видимому соответствующую нахлобучку. Связью в штабе дивизии заведовал на редкость грубый, не симпатичный, добычелюбивый и не слишком расторопный офицер. Тяжелую работу по поддержанию связи с полками он стремился переложить преимущественно на плечи последних, сохраняя свои силы и средства большей частью в резерве. Связью в полку заведовал подпоручик Травинский, прекрасный офицер, но сильно тронутый туберкулезом; он не мог бы выдержать и месяца окопной жизни, охотно выезжал под огонь, спокойно неустанно работал над ремонтом телефонного имущества и линий и над подготовкой телефонистов полка. Он был в контрах с начальником связи штаба дивизии.

По доброму бюрократическому правилу, в упущениях всегда виноваты подчиненные. Поэтому, получив реприманд за разрыв связи с Балухевым, штаб дивизии стал искать виноватых и таковых неожиданно нашел в 6-м полку. 4 сентября в 10 ч. 40 м. за № 157 начальник штаба дивизии Шпилько писал командиру 6-го полка: "Начальник дивизии обращает внимание на неудовлетворительное состояние службы связи во вверенном вам полку, чему доказательством служат многочисленные случаи неисполнения вашими телефонистами своих обязанностей. Если начальник связи не в состоянии наладить важную службу связи, то его следует заменить".

Я в полемику не вступал — комары на то и существуют, чтобы кусаться.

Глава шестая. Первый бой

Участок укрепленной позиции 6-го Финляндского полка от с. Малюны до берега р. Вилии протягивался на 4 км. Позиция была заблаговременно построена инженерами, но готов был лишь остов ее — непрерывная проволочная сеть и одна линия окопов. Между отдельными ротными участками имелись солидные неукрепленные промежутки, протяжением до 600 шагов. Ходы сообщений имелись только в зародыше. Блиндажей не было; но в окопах протягивались почти сплошные массивные козырьки из довольно толстых бревен. Козырьки были большей частью устроены для стрельбы из-под них, через бойницы, но попадались и глухие козырьки, без бойниц, для стрельбы через козырек. Козырьки были излишне массивны для предохранения от шрапнельных пуль, и в случае попадания в них даже легкой гранаты обрушивались, давили стрелков. Окопы были удачно применены к местности. В общем для валовой работы по укреплению десятков тысяч километров тыловых позиций, это был хороший результат. Опираясь на имеющийся остов, можно было приступить к дальнейшему совершенствованию позиции. Мы начали работать над маскировкой, над устройством второй линии окопов, над развитием ходов сообщения; резерв начал возводить в 2 км позади эмбрион второй полосы.

На этой позиции мне пришлось совместно поработать — сначала со сводной пограничной дивизией, затем с 124-й дивизией. На обеих дивизиях лежало пятно сдачи Ковны; мелкие подразделения частью здесь не имели за собой никакой вины. 124-я дивизия сверх того заслужила себе позорную аттестацию в боях XXXIV корпуса. Высшее начальство не оказывало этим дивизиям никакого доверия.

При наличии 3 дивизий и имея ввиду предстоящее в ближайшем будущем окончание сосредоточения гвардейского корпуса, казалось бы следовало развернуть на позиции по меньшей мере 2 дивизии, поделив между ними дивизионные участки. Но за исключением 2-й Финляндской дивизии другие части не пользовались ни малейшим доверием штаба армии. Оборона всей позиции была поручена 2-й Финляндской дивизии, а на бывших защитников Ковны смотрели как на белых негров, пригодных для всякой черной, вспомогательной работы, но не способных выполнять ответственные задачи. 8 батальонов 2-й Финляндской дивизии растянулись на протяжении 10 км, а 19 батальонов пограничников и 124-й дивизии распределялись по финляндским полкам для их поддержки и усиления. Таков был V

Кавказский корпус: впоследствии в него влилась еще 4-я Финляндская дивизия, в виде, чрезвычайно приближающемся к 124-й дивизии, и гвардейская стрелковая бригада, вначале сносная часть.

Само высокое начальство толкало V Кавказский корпус на перемешивание частей. Начальник штаба 10-й армии телеграфировал например 17/VIII Олохову начальнику группы, развернутой на правом берегу Вилии, в которую входили V Кавказский и гвардейский корпуса: "Командующий армией просит обратить серьезное внимание на Мейшагольскую позицию и не допустить потери ее ни в каком случае. Необходимо иметь ввиду, что финляндцы — части стойкие, чего нельзя сказать о пограничной и 124-й дивизии, роль которых едва ли может быть ответственной; они годятся для поддержки, для занятия неугрожаемых или слабо угрожаемых участков, но не для задач, требующих упорства и стойкости".

Но когда все части перепутались, начальство стало относиться к перемешиванию неодобрительно. Начальник штаба группы Олохова Антипов телеграфировал 2/IX 18 ч. 20 м. за № 384 ген. — квартирмейстеру 10-й армии на его запрос: "9052. По имеющимся в штабе группы сведениям все части V Кавказского корпуса перемешаны и расположены на позиции. Правый участок ген. Транковского (начальник пограничной дивизии. — А. С.) составляют 7-й Финляндский стрелковый полк, II батальон 4-го пограничного полка, 1-й и 2-й пограничные полки. Средний участок полк. Шиллинга составляет 5-й Финляндский стрелковый полк, II батальон 8-го Финляндского полка, 3-й пограничный полк, 493-й и 494-й полки. Левый участок полковника Свечина составляют 6-й Финляндский стрелковый полк, 495-й полк, II батальон 4-го пограничного полка, I батальон 8-го Финляндского полка и 40-й Донской казачий полк. Средний и левый участок объединяются под командой ген. Кублицкого-Пиотух, у которого в резерве I батальон 6-го Финляндского полка. Корпусного резерва нет. 496-й полк у Тюлина и 54-й Донской полк наблюдают за участком Вилии. По получении из V Кавказского корпуса более подробных сведений будет сообщено дополнительно".

Несмотря на некоторые неточности, эта телеграмма достаточно ярко освещает характер перемешивания частей{49}. Мне представляется, что его можно было провести искуснее, но в основе своей оно было неизбежно. К сожалению, командование русскими войсками обычно не оказывалось достаточно на государственной точке зрения, чтобы объективно отнестись к чужим войскам, оказавшимся во временном подчинении, и не

валить на них все неудачи, и этот эгоистичный подход к белым неграм заставлял последних окончательно опускаться, подрезал их волю и энергию и вызывал ряд излишних тренировок. Но управление конечно серьезно затрудняется, когда приходится в бою командовать не только своим полком, но и батальонами и ротами двух-трех других полков.

Пограничная дивизия в личном составе своем мало пострадала при защите Ковны; ее потери были — 787 без вести пропавших, 319 убитых, 300 раненых. Она насчитывала в своих рядах 12 батальонов, 74 офицера, 9124 винтовок. Но в строю находились 6 900 совершенно необученных новобранцев; пограничная дивизия комплектовалась непосредственно новобранцами, а не людьми, прошедшими хотя бы некоторый курс обучения в запасных батальонах. Из числа винтовок около 40 % (3 787) были без штыков — штыки может быть были брошены при отступлении из Ковны; это обстоятельство, во всяком случае, в пользу дисциплины не говорило. Частью новобранцы были еще не одеты; шинели впрочем были у всех. Но снаряжения не было; почему-то вовсе не имелось хотя бы самых примитивных патронташей; начальство не употребляло вовсе усилий сшить хотя бы простейшие сумочки, и пограничники размещали патроны только по карманам, в среднем около полусотни патронов на бойца. Имущество, архив дивизии и главное шанцевый инструмент остались по-видимому в Ковне. Дивизия имела всего 3 пулемета; вскоре к ним прибавились еще 2; все эти 5 пулеметов, захваченные из Ковны, были старого крепостного образца, на высоких колесных лафетах, придававших им облик пушки. Половина пограничников не имела котелков; некоторые сотни имели кипятивники, другие нет. Пограничные солдаты значительной частью были лишены таким образом возможности вскипятить себе чай и пили воду из луж; горячая пища на позиции могла выдаваться только раз в сутки; начались желудочные заболевания. Равнодушие пограничного начальства было достойно удивления. Архив сохраняет мое ходатайство перед начальником пограничной дивизии об облегчении хозяйственных лишений подчиненных мне пограничных батальонов. Что же касается санитарных учреждений, то пограничная дивизия их вовсе не имела.

Иные офицеры пограничной дивизии выделялись своей энергией и свежестью; они явно еще только приступали к расходованию своих сил. Но их было очень мало, и скоро их не стало хватать хотя бы по одному на сотню. Третью часть состава сотен представляли хорошие кадровые пограничники; в этом отношении пограничная дивизия являлась вероятно

единственной в русской армии. Несомненно пограничная дивизия заключала в себе элементы боеспособности, но выявлению их препятствовало низкое качество, незаботливость и нераспорядительность высшего комсостава. Благоприятное впечатление оставлял только командир бригады ген. Кренке. Мне пришлось иметь дело по преимуществу с командиром 4-го пограничного полка, ген. Карповым. Я его знал еще как командира новогоргиевской крепостной артиллерии, откуда он ушел в отставку вследствие "хозяйственного" недоразумения, которое начальство не пожелало предать огласке. Это был тонкий, но незадачливый бюрократ, обиженный жизнью, равнодушный к солдату и к войне, незнакомый с пехотным делом, охотно устранившийся от работы и использовавший свободное время на сочинение канцелярских подвохов. Сключник и крючкотворец.

124-я дивизия родилась из московских дружин ополчения только 31 июля 1915 г. Командовал ею старый генерал, пошедший на войну из отставки, Лопушанский, когда-то видный работник Главного штаба. По дивизии сочинялись безукоризненные боевые приказы, а начальству лишенный энергии Лопушанский честно рапортовал, что дивизия все же разбредается. Тем не менее Лопушанский почемуто рассчитывал в этот период на скорое получение корпуса. При защите Ковны 124-я дивизия сильно пострадала; телефонная связь была разрушена артиллерийским огнем, и при общем отступлении многие роты и батальоны были просто забыты в укреплениях Ковны. Например 496-й полк потерял в Ковне 11 убитыми, 95 — ранеными. и 1 638 без вести пропавшими. 124-я дивизия по численности была почти вдвое слабее пограничной; вместо 16 батальонов она состояла всего из 7 батальонов, представлявших 3 515 солдат, 64 офицера, 7 пулеметов, 18 орудий, 123 шашки. Дивизия находилась еще в стадии перевооружения трехлинейками, и некоторые роты, например в 495-м полку, были еще вооружены берданками. Шанцевого инструмента в дивизии тоже не было; она побросала его, вероятно при отходе из Ковны в составе XXXIV корпуса.

Младший офицерский состав 124-й дивизии был своеобразен. Здесь еще господствовали ополченские традиции, и ротами командовали не прапорщики, а зауряд-прапорщики; впрочем, многие из них были не плохими бойцами и даже грамотными людьми. Но моральное состояние 124-й дивизии было явно слабым. Высшее начальство включало много отставных. В строю даже зауряд-прапорщики попадались редко, еще реже, чем у пограничников. После первых боев на Мейшагольской позиции в обеих дивизиях впрочем осталось всего по 1 — 2 офицера на

батальон. Надо признать, что обе эти дивизии, являвшиеся плодом нашего организационного творчества в мировую войну, имели еще изрядно недоношенный вид.

Для занятия моего участка мне было предложено взять весь 4-й пограничный полк; но я признал достаточным оставить себе 2 батальона пограничников, а 2 другие батальона остались позади, в дивизионном резерве, и могли воспользоваться еще 4 днями для своего сколачивания. Один батальон 4-го пограничного полка я оставил в своем полковом резерве, где он работал над тыловой позицией и продолжал учиться, а другой распределил по-ротно по своему фронту. Чернышенко побаивался вверить пограничной сотне целый ответственный участок и разорвал пограничную сотню повзводно между нашими ротами, для постепенного обстрела.

Штаб 6-го Финляндского полка расположился в крестьянской избе, в д. Шавлишки, в 1 км за передовыми окопами и в 2 км от немецкого фронта. Это был крупный риск; было бы разумно рядом с избой соорудить блиндаж для обеспечения надежного руководства полком под артиллерийским обстрелом, но я умышленно запретил строить блиндаж. Деревушка была расположена на небольшом пригорке, и из своего окошка я мог наблюдать расположение неприятеля. Маскировка составляла особенно большой пункт в мышлении офицеров, особенно в штабах полка и батальонов; они уже получили ряд тяжелых уроков. Меня поразила художественная маскировка штаба II батальона. Он был расположен в землянке, в ложине; об избе Чернышенко не хотел и думать; уже на второй день были устроены прекрасно замаскированные от аэропланов навесы для лошадей и патронных двуколки и создавались основательные блиндажи для людей. Другие командиры батальонов также в общем следовали примеру Чернышенко и отказывались размещаться в деревнях. Я поступил наоборот; за необдуманность и дерзость в других условиях я мог быть жестоко наказан; но расположившись раз в избе, я решил удерживать свою позицию; с целью маскировки был лишь выставлен пост в деревне, который останавливал и спешивал всех конных за три двора не доезжая до штаба полка, чтобы немцы не могли точно ориентироваться по движению в деревне. Немцы стреляли почему-то перелетами, по южной части деревни, за пригорком; они ее непосредственно наблюдать не могли и рассчитывали вероятно, что там группируется наш резерв.

В штаб полка я вытребовал офицерское собрание, на ночь раздевался, и подчеркнуто уверенным поведением стремился изгнать в полку всякую мысль о непрочности нашего положения

здесь, в одном переходе впереди Вильны. Но в общем мой преемник по командованию левым участком Мейшагольской позиции, командир бригады пограничной дивизии Кренке, сделал правильно, что не остался в Шавлишках, а ушел в Леvidаны. Правда и его фронт по прочности не мог сравниться с моим.

По другую сторону Вилии, к которой примыкал мой участок, начиналась позиция 65-й дивизии V армейского корпуса. Вилия представляла границу между группой Олохова (V Кавказский и гвардейский корпуса) и V армейским корпусом. Взаимное недоверие было таково, что V армейский корпус выставил по берегу, фронтом на восток, глубоко в тыл, охранение в составе 40-го казачьего полка. А в мое распоряжение был дан 54-й казачий полк с специальной целью организовать наблюдение за V армейским корпусом, по реке Вилии, от самой Вильны вплоть до фронта. Мой 54-й казачий полк стоял фронтом на запад, как раз лицом к лицу с охранением 40-го казачьего полка; по иронии судьбы 40-й и 54-й казачьи полки, распределенные по двум соседним корпусам, представляли полки одной и той же казачьей бригады; командиру бригады, генералу Шишкину, при таком употреблении его полков оставалось очевидно играть роль лишь посредника. Результатом наблюдения моих казаков являлись донесения о передвижении обозов и резервов V армейского корпуса. Более того, из состава 124-й дивизии был выделен 495-й пехотный полк, которому было приказано дублировать работу 54-го казачьего полка на участке от с. Шиланы до фронта. Вилия представляла уже не границу между корпусами, а какой-то оперативный отсек.

Меня по неопытности поражал вид двух русских линий охранения, поставленных одна против другой. Я тщетно доносил в штаб 2-й Финляндской дивизии об этой чепухе; поднятый мною вопрос штаб дивизии перенес в штаб V Кавказского корпуса, последний разъяснил, что все это правильно и делается по приказанию высших начальников — Олохова и Балугева. В основе ясно лежала не тактическая безграмотность, а нежелание дать себя подсидеть, полное отсутствие доверия, вызванное многими месяцами постоянных неустоек.

При расположении полка на позиции основная моя работа заключалась в том, чтобы ежедневно обойти все мои роты и сотни пограничников, поздороваться, побеседовать. Я продолжал изучать главным образом людей, а не позицию, и стремился познакомиться с собой поближе роты. Расположение в Шавлишках было для меня особенно удобным тем, что все свои функции я мог выполнять пешком. Верхом я тогда ездил очень охотно; но приехав издали, я не мог захватывать с собой пеших стрелков

своей связи, гулять с которыми по позиции было очень удобно. При мне под командой пожилого, но надежного унтер-офицера состояла команда пешей связи, около 10 человек. Команда охраняла знамя и штаб, занимала и приводила в порядок для него помещение; в спокойное время она выделяла пару стрелков при моих ежедневных обходах для охраны и передачи распоряжений командира полка; в дни боя командира полка, если он шел пешком, сопровождало до 6 стрелков связи, и когда я уезжал от них верхом, управление сильно страдало, и я ощущал известное чувство беспомощности. При расположении на позиции связные обязательно устраивали на холмике, вблизи штаба, пост для наблюдения за неприятелем, причем пользовались оборудованием захваченного немецкого батарейного наблюдательного пункта; в нужных случаях им же полагалось строить для командира полка блиндаж, если бы таковой понадобился; они заботились о маскировке штаба полка. Это были очень полезные люди в организации управления полком. Независимо от писарей, телефонистов, денщиков такие же команды, поменьше, имелись и при батальонных и ротных командирах; они представляли совершенно необходимый, хотя и нештатный, орган управления и комплектовались на выбор исключительно надежными, хотя бы и не особенно крепкого здоровья людьми.

Настроение в полку было еще не блестящим. За трое суток расположения на Мейшагольской позиции в полку, в различных ротах, было отмечено 5 самострелов, отстреливших себе умышленно по пальцу. Я сразу не раскачался принять крутых мер. Самострелы не были эвакуированы в тыл, а оставлены в ротах, хотя временно потеряли работоспособность; по традиции, три раза в день, их заставляли становиться во весь рост на бруствер передовых окопов, и прикладывать руки к глазам, как будто они наблюдают в бинокль. Немцы, принимая их за наблюдателей, давали из своих окопов, удаленных на 700 — 800 шагов, несколько выстрелов по ним, после чего им разрешалось спуститься в окоп. Наказание, не предусмотренное дисциплинарным уставом, но бросавшее в пот самострельщиков. На третий день немцы, к сожалению, сообразили, что их заставляют играть странную роль, и перестали стрелять по выставляемым на бруствер самострельщикам. По соседству же борьба с самострелами совершенно отсутствовала, и они сотнями и тысячами эвакуировались в тыл{50}.

Немцы начинали готовить Свенцянскую операцию. В план ее подготовки входило производство сильного нажима в направлении на Вильну, чтобы оттянуть сюда внимание русских и

разрядить их силы на свенцяном направлении.

Против Мейшагольской позиции, между Вилькомирским большаком и р. Вилией, собиралась масса германской конницы и довольно неуклюжий по своей маневренной подготовке, но стойкий во фронтальном бою ландвер.

Уже 25 августа ген. Литцман, командир XL германского резервного корпуса, пришел к заключению, что дальнейшее наступление его корпуса по левому берегу Вилии не обещает никаких успехов, и предложил перенести центр тяжести его действий на правый берег

Вилии для непосредственной атаки города Вильны с севера. Командующий 10-й германской армией ген. Эйхгорн с ним не согласился, однако также пришел к заключению, что необходимо усилить конный корпус — левое крыло армии. С этого момента положение в 10-й германской армии характеризовалось тем, что подкрепления направлялись исключительно на левое крыло (виленское направление), но продвигаться удавалось только на правом крыле армии (III резервный корпус — гродненское направление) и в центре (XXI корпус — оранское направление).

Невысокая тактическая подготовка немецкого ландвера [выявилась] в демонстрациях, предпринятых против участка 6-го Финляндского полка. Немцы как будто взялись показать нам свое бессилие. После слабого шрапнельного обстрела окопов двух или трех рот, совершенно безвредного при наличии в наших окопах прочных козырьков, ландверная рота вечером 28 и утром 29 августа выходила из своих окопов, находившихся на удалении 700 шагов, проходила вперед редкой цепью на 200 шагов и ложилась под нашим пулеметным и ружейным огнем. Через 2-3 часа прикрываясь огнем 2 — 3 плохоньких батарей, ландверная рота, несомненно понесшая значительные потери, уползала в свои окопы.

Мы недоумевали, чего собственно хотят немцы. Только когда вечером 29 августа началась атака на моего соседа, 5-й Финляндский полк, я понял, что против моего полка немцы демонстрировали. Но у немцев такие демонстрации, разлагающие свои войска и ободряющие противника, являлись редким исключением, проявлением случайного тактического убожества ответственного командира, а у нас они являлись широко распространенным явлением; многие части настолько вошли во вкус такой лающей, но не кусающей атаки, что действовали совершенно аналогично даже и тогда, когда они получали задачу вести самое решительное наступление. Командующий 10-й армией генерал Радкевич 1 сентября писал, что наступаем мы много, но войска, в известном отдалении от немцев — кто в 200

шагах, а кто даже в 50 — непременно останавливаются. Но если русские войска осенью 1915 г. готовы были изображать из себя в бою только жертву, то во многом вина лежала на высшем командовании, на том же Радкевиче, который швырялся приказами о переходе в наступление, совершенно не считаясь ни с тактическими условиями, ни с состоянием войск, ни с возможностью организовать достаточную подготовку атаки. Начальники, неосмотрительно расходуя силы войск обречены командовать частями, утратившими всякую ударность.

Около 16 час. артиллерийский огонь по ближайшей ко мне половине участка 5-го полка значительно усилился. Немцы направляли главные усилия своей артиллерии против с. Кемели. Однако с удаления в 3 — 4 км, в Шавлишках, откуда я наблюдал события, сидя у окна избы за стаканом чая, впечатления урагана не получалось. Со стороны немцев стреляли 5 — 6 полевых батарей; разрывов тяжелых "чемоданов" не наблюдалось. Артиллерийская подготовка имела вполне будничныи вид. У нас особенно острого снарядного голода не было; тем не менее, наша артиллерия, разбитая побатарейно между полками, почти не отвечала. Снаряды имелись, но наш II Финляндский дивизион был совершенно деморализован неудачными боями на Днестре в июне 1915 г.; артиллеристы не верили в стойкость своей пехоты и на атакованных участках, как только события принимали серьезный оборот, сейчас же начинали укладываться.

Плохонький немецкий артиллерийский огонь по-видимому все же оказывал свое действие на стрелков 5-го полка. Им надоело оставаться в окопах; под разрывами гранат и шрапнелей окопы стали неудобными. Лишенные энергичного руководства, стрелки начали использовать моменты затишья, чтобы ускользнуть в тыл. Основная линия окопов на угрожаемых участках постепенно пустела. Командир полка Шиллинг собирался на другой день уехать в отпуск и видел в начавшемся на его участке бое прежде всего досадную помеху для своего отдыха, о котором он мечтал уже в течение целого года войны; отпуск был так близок и грозил теперь ускользнуть.

В восемнадцатом часу немцы заметили шатание на участке 5-го полка; немедленно показалась немецкая пехота. В бинокль из моего окна было видно, как на опушке леса, левее с. Кемели, разъезжал верхом какой-то немецкий офицер, по-видимому командир полка. Он проезжал по фронту выходивших на опушку рот, напутствовал их и бросал в атаку на с. Кемели и окопы левого участка 5-го полка. Подчиненная мне горная батарея, расположенная юго-западнее Шавлишек, заметила движение немецкой пехоты и открыла оживленный огонь. Командиром этой

батареи был подполковник Горбаконь, неплохой стрелок, стоявший во главе батареи с начала войны, георгиевский кавалер. Весной в Галиции его на наблюдательном пункте немного опалил разрыв австрийского снаряда; в ближайшие дни ожидалось повышение его на должность командира дивизиона; он готовился сдавать свою батарею.

Другие батареи почти не стреляли по немецкой атаке; может быть они ее не замечали или собирались переезжать в тыл. Я обратил внимание на странный характер стрельбы горной батареи. То клевок в стороне, то разрыв высоко в небе; громадные недолеты, перелеты, шатание в направлении, длительные перерывы перед внесением каждой поправки — так мог стрелять только совершенно неопытный артиллерист. Я вызвал по телефону наблюдательный пункт горной батареи, мне ответил молоденький подпоручик, только что выпущенный из артиллерийского училища и два дня тому назад прибывший в батарею. Из горных пушек он стрелял впервые; по-видимому и в стрельбе из полевых пушек он также был не тверд; командир батареи направил его на наблюдательный пункт попрактиковаться в стрельбе, а сам мирно спал в своей землянке. Почтенному украинцу война по-видимому уже надоела погорло, и он был совершенно равнодушен к горю соседнего полка. Я принял меры к скорейшему его пробуждению. Через десять минут шрапнели стали ложиться нормально; очевидно Горбаконь прибыл на наблюдательный пункт и вступил в командование. Немецкий командир полка скрылся в лес, наступление на Кемели потеряло свой парадный характер; но было уже поздно, многие окопы 5-го полка находились уже во владении немцев; просачивание их замедлилось, но продолжалось.

О действительном положении, создавшемся на участке 5-го полка вечером 29 августа, можно судить по следующему: из штаба дивизии, когда уже темнело, я получил по телефону приказ немедленно двинуть батальон в распоряжение командира 5-го полка; на границе наших участков батальон должен был получить проводников от левофлангового батальона 5-го полка. Я должен сознаться, что отправленные мною роты не принадлежали к числу лучших рот, находившихся в моем распоряжении. Я выторговал в штабе дивизии разрешение послать сводный батальон — из двух моих стрелковых рот и двух пограничных, находившихся в полковом резерве у Шавлишек. В число своих рот я включил слабую 5-ю роту прапорщика Галиофа, составлявшую мой арьергард 26 августа и внесшую тогда и наше отступление такую нервность. Она составляла батальонный резерв моего правого батальонного участка. Я счел за благо увести Галиофа от

Чернышенко, в котором Галиоф развивал слишком пессимистическое настроение. Такой подбор войск, выделяемых в распоряжение попавшего в критическое положение соседа, вечно составлял жестокую немощь русской армии — так грешили и все высшие начальники, до командующих фронтом включительно, которые умышленно держали на позиции лучшие корпуса, а полуразложенные — в резерве, у железнодорожных узлов, предвидя возможность, что Ставка их отберет. Однако бороться с собственным эгоистическим чувством, когда начальство начинает раздвигать полк, крайне трудно. Много значит и недоверие к соседу, к обстановке дезорганизации, которая имеет у него место, и в которую жаль бросать свои лучшие части, так как трудно рассчитывать, что их жертвы принесут какой-либо толк. Особенную остроту эгоистические соображения приобретают в такие периоды общего упадка, в котором находилась русская армия в августе 1915 г. Общие моральные условия были таковы, что поступить иначе можно было бы, только поднявшись на высшую ступень геройства.

В данном случае начальник дивизии поступил бы лучше, передав, ввиду прорыва 5-го полка, его левофлаговый батальон в мое распоряжение и обязав меня восстановить здесь положение; такой распорядок обеспечил бы несравненно более энергичную помощь центру дивизии всеми силами, находившимися в моем распоряжении. Но Шиллинг пользовался в штабе дивизии большим кредитом, изменение границ полковых участков могло быть для него обидным, я был моложе Шиллинга, и штаб дивизии захотел оставить за ним руководство боем на атакованном участке.

Когда мой сводный батальон подошел и в темноте развернулся, вышедшие из окопов роты 5-го полка еще держались и вели бой; но прежде чем мои и пограничные роты успели приблизиться к цепям 5-го полка, последние обратились в бегство, налетели и смяли мой сводный батальон. Что творилось в темноте, установить нельзя. Но к рассвету одна полурота 5-й роты с прапорщиком Галиофом, значительным количеством стрелков 5-го полка и пограничников находилась в 25 км позади, считал по прямой линии, в Вильне, и только поздно вечером 30 августа вернулась в полк. Это был последний дебют Галиофа в строю 6-го полка... Остальные мои полторы роты и небольшая кучка пограничников, в сильном расстройстве, еще до полуночи отошли на правый фланг моего полка, куда я успел уже стянуть две хороших роты; вместе с ними они образовали загиб фронтом на север, против Кемели протяжением около 1 км. Главная масса двух пограничных рот собралась у своего обоза и штаба полка,

находившегося не у дел, недалеко от нашего штаба дивизии.

Что же касается положения 5-го полка по официальным данным; то в ночь на 30 августа оно рисовалось так: первые данные гласили, что 5-й полк осадил на 2 км на фронт Утеха — Видавчишки, но по следующим донесениям отход определялся в 3 — 3,5 км на фронт Сангуйнишки — Гени. Но эти официальные данные были верны только по отношению к правому участку 5-го полка, почти остававшемуся вне района немецкой атаки и имевшему опору в 7-м Финляндском полку, который спокойно оставался в своих окопах. Этот правый участок держался на пространстве между участком 7-го полка и районом с. Сангуйнишки. Южнее же никого вообще не было — все разбрелось. В центре дивизии образовался разрыв около 3 км, и в нем распространялись немцы, занявшие с. Гени, в 3 км в тылу окопов моего правого фланга{51}.

Если бы немцы располагали здесь достаточными силами, а главное — своей энергичной, предприимчивой, первоклассной пехотой, положение 6-го полка между Вилией и районом прорыва могло бы стать критическим. Но немцы получили успех много больший, чем рассчитывали, и не имели возможности его эксплуатировать. Мы этого однако не знали; никакой общей ориентировки я не получал. Предполагаю, что обстановка в армейском масштабе представляла до утра 30 августа тайну и для штаба дивизии. Начальник дивизии около полуночи принял решение — вывести дивизию из критического положения путем ночного отхода. Мне указывалось к утру 30 августа отойти на неукрепленный рубеж Медведзишки Леvidаны — ф. Юркишки — Антокольцы — р. Вилия и задержаться здесь до дальнейших распоряжений. Дивизия передавала в мое распоряжение полубатарею XXX мортирного дивизиона — 3 гаубицы. До этого момента гаубичная батарея находилась в непосредственном распоряжении штаба дивизии и являлась символом централизованного управления боем штабом дивизии. Теперь, в начавшейся передрыге, гаубицы подвергались опасности попасть в руки немцев, и штаб дивизии спешил перенести ответственность за них на командиров полков{52}.

При изучении этого боя в архиве меня поразило одно обстоятельство: память моя отчетливо сохраняет воспоминание о полученных для отхода распоряжениях; дела штаба полка в архиве исчезли; в делах же штаба дивизии не сохранилось ни одного письменного намека на отданные по инициативе штаба дивизии распоряжения для отхода. Всякий приказ наступательного порядка или отступательного, но отданного по распоряжению свыше, переданный по телефону, фиксировался

затем штабом дивизии посредством отпечатанных на шапирографе приказов по дивизии и заносился сверх того очень аккуратно в журнал военных действий. В данном случае — ни слова. Распоряжение для отхода на 4 км назад встретило полное неодобрение сверху, и от телефонных манипуляций не осталось в штабе дивизии ни малейшего следа. Нигде нет упрека 6-му Финляндскому полку за отход, но нигде нет и объяснения, по чьей инициативе он произошел — просто констатируется факт его отхода и развертывания на новом рубеже{53}.

Спать в ночь на 30 августа в 6-м полку никому не пришлось; русские войска имели в это время огромный навык к ночным отступлениям. Весь отход был организован командирами батальонов идеально; правда немцы не делали ни малейшей попытки помешать нам; мне оставалось только наблюдать и восторгаться высокой техникой отступления. Все позиционное имущество было навьючено на стрелков; находившиеся в окопах цинковые ящики с запасом патронов были бережно унесены; пограничники запряглись в свои тяжелые, колесные пулеметы. Оба батальонных участка, оставив в окопах разведчиков, стянулись к Шавлишкам, прошли в д. Леvidаны; когда осталась только одна аррьергардная рота (от правого участка) и одна аррьергардная сотня пограничников (от левого участка), я переехал из Шавлишек в Леvidаны.

В девятом часу утра мои части развертывались на новом рубеже: Медведзишки — Леvidаны — Антокольцы. Приходилось расползаться на фронт до 7 км, не представлявший особых удобств для обороны. Хлопот было много; надо было устроить всех на определенном месте, установить точно границы батальонных участков, развернуть телефонную сеть, распределить пулеметы, наблюдать за горной батареей и 3 гаубицами; я не успел лично осмотреть левого участка полка, не успел выбрать места под штаб полка, что сделал бы с самого начала, если бы работал более организованно. Центральная телефонная станция полка расположилась пока в ф. Юркишки.

Я большей частью провел это утро в районе д. Леvidаны, на стыке своих II и III батальонов. Меня тревожили: отсутствие связи моего правого фланга с 5-м полком и присутствие немцев в районе Гени; разрыв в центре дивизии, несмотря на растяжку 6-го полка, утром еще не был заполнен. К этой тактической работе нужно прибавить еще: объезд всех рот и краткое подбадривание тех после ночного отхода, заботу о том, чтобы обед был роздан стрелкам пораньше, связь с 65-й дивизией, оставшейся на другом берегу Вилии в своих окопах и опасавшейся за свой правый фланг, оказавшийся навесу, разговоры с пограничниками,

сношения с штабом дивизии, распоряжения подходящим подкреплениям — нагрузка была очень велика. Разведка выяснила, что утром 30 августа немцы осторожно заняли оставленные нами окопы; около 5 рот наступали на оставленные нами деревни Шавлишки и Адамишки. Чем немцы располагают в районе Гени — оставалось вопросом.

Утром в районе Леvidаны я свиделся с приехавшим командиром бригады Нагаевым. Последний мне сообщил, что 5-й полк находится в очень плохом состоянии, но что общая обстановка исключает всякую возможность дальнейшего отхода. За правым флангом нашего V Кавказского корпуса в глубокой тайне, по крайней мере от нас, сосредоточился гвардейский корпус и вчера, 29 августа, вышел на продолжение нашего правого фланга{54}, а сегодня с раннего утра ведет решительную атаку в глубокий охват немецкого расположения. Отход 5-го и 6-го полков идет совершенно вразрез с намерениями высшего командования. От дивизии требуются активные действия, а чем их предпринять, когда нечем заполнить занимаемого фронта? На поддержку нам спешно двинута 124-я дивизия, более чем сомнительного качества. Тем не менее необходимо что-нибудь предпринять. Было бы очень не плохо, если бы 6-й полк предпринял активные действия против д. Гени. Это облегчило бы положение 5-го полка, уменьшило бы разрыв с ним и позволило бы рассчитывать на его скорейшее пополнение. Я обещал выдвинуть в направлении на Гени не меньше 2 рот и отдал соответственное приказание командиру своего правофлангового III батальона.

Армейскому командованию обстановка утром 30 августа рисовалась так: на правом берегу Вилии немцы развернули только слабую и второклассную пехоту 21-ю ландверную дивизию и бригаду Эзебека и 1-ю кавалерийскую дивизию, поддержанную II егерским батальоном, всего не более 15 батальонов пехоты и 1 кавалерийской дивизии. Мы располагали в группе Олохова, помимо 27 батальонов V Кавказского корпуса (2-я Финляндская сводная пограничная, 124-я дивизия), и 40 батальонами гвардейского корпуса (1-я и 2-я гвардейские дивизии, гвардейская стрелковая бригада), двумя десятками кавалерийских полков (конница Тюлина, часть Казнакова, гвардейская казачья бригада, Донская казачья ббригада). Численное превосходство наше оценивалось в четыре раза по меньшей мере.

Не менее существенно было превосходство нашего оперативного положения. Противник ввязывался в бой за Мейшагольскую позицию на участке между р. Вилией и большаком, а наш гвардейский корпус, собранный к востоку от

этого большака, за участком Мейшагольской позиции, против которого немцев не было, нацеливался для охвата немцев на переход в глубину{55} и нанесения удара на всем пространстве между Мейшагольской позицией и рекой Ширвинтой; правый обходящий фланг гвардейской пехоты нацеливался на д. Тоувчули, в 5 км к северо-востоку от м. Мусники, и этот фланг охранялся гвардейской казачьей бригадой. А еще севернее, на протяжении одного перехода, преимущественно по правому берегу Ширвинт, на тылы немцев нацеливались кавалерийские массы Тюлина, бригада Крымова и подкрепления, которые мог выделить Казнаков. Обстановка казалось была многообещающей. С 5 ч. 30 м. утра 30 августа 1-я гвардейская дивизия уже ввязалась в бой; перед ней были явно только спешенные кавалерийские части, которые постепенно оттеснялись к большаку на участке до Явнюны включительно; а 2-я гвардейская дивизия еще маневрировала, беспрепятственно продвигаясь позади фронта 1-й гвардейской дивизии на север; Тюлин и Крымов находились в нескольких километрах восточнее Вилейки. Небольшой нажим — и левый фланг немцев могла постигнуть основательная катастрофа.

В этом плане имелись существенные просчеты. Немцы успели значительно усилиться. В их составе несомненно находилась 14-я ландверная дивизия, которую разведывательное отделение штаба 10-й армии еще предполагало на левом берегу Вилии. Кроме того имелись или находились на пути на правый берег Вилии ландштурменная бригада Пфейля и 115-я дивизия. Кавалерия немцев была в действительности в три раза сильнее, чем мы предполагали. Вдоль большака, к югу от р. Ширвинты, располагались 1-я и 4-я кавалерийские дивизии корпуса Гарнье, а севернее р. Ширвинты, против Тюлина протягивалась 3-я кавалерийская дивизия — крайний правый фланг Неманской армии. Превосходство русских в действительности было не в 4 раза, а в лучшем случае в 2 раза. Затем необходимо учесть истощение русских войск, малочисленность русских батальонов, бедность в пулеметах, слабость нашей артиллерии — и по количеству орудий и по наличию снарядов, а также устойчивость, которую получали немцы вследствие их непрерывного победного шествия. И надо иметь ввиду и то недоверие к своим войскам, которое воспиталось в высшем командовании длинным рядом неудач, особенно неотступно преследовавших 10-ю русскую армию, и которое препятствовало дружному введению всех сил в бой.

Группой из V Кавказского, гвардейского корпуса и конницы руководил ген. Олохов (командир гвардейского корпуса).

Первоначальное его решение — оставить на фронтальном участке 27 батальонов V Кавказского корпуса на фронте в 12 км, а 40 батальонами гвардии нанести решительный удар в охват — надо признать соответственным. Однако отход 2-й Финляндской дивизии в ночь на 30 августа несколько растянул и расшатал фронт V Кавказского корпуса, лишил его опоры укрепленной позиций; с утра, после вступления в бой гвардии, получались сведения о движении немецких подкреплений. Эти подкрепления немцы могли брать только из состава своей же 10-й армии, с левого берега Вилии. Подкрепления эти могли быть обнаружены воздушной разведкой только в районе переправ через Вилию; далее их движение против нашего гвардейского корпуса маскировалось лесами. При недостаточно критическом отношении к данным разведки, обнаружение движения немцев в районе переправ через Вилию могло повести к ошибочному заключению, что немцы сосредоточивают свои силы против левого фланга V Кавказского корпуса, т. е. против 6-го Финляндского полка.

В весьма неполном Военно-историческом архиве{56} мне удалось найти только две точные разведывательные данные: одна из них — о движении в утренние часы 5 немецких рот против 6-го Финляндского полка, другая — от 15 час. дня, исходящая от 65-й дивизии: "Колонна противника силой до батальона около 15 час. дня двигается от Грабиалы на правый берег Вилии в направлении на Пустельники". Правда, штаб 2-й Финляндской дивизии в 9 час. утра еще доносил, что неприятель накапливается в районе восточнее д. Гени. Он мог в данном случае основываться на дошедшем к нему донесении командира мелкого подразделения 5-го Финляндского полка; последний вероятно имел ввиду накопление взвода, максимум роты; но такое донесение, правильное по существу, но составленное в общей форме, передаваясь буквально по инстанциям вверх, растет, и масштаб его, первоначально даже не тактический, а стрелковый, раздувается пессимизмом в оперативный.

Как бы то ни было, опираясь на это донесение, или на неизвестные мне данные воздушной разведки, штаб 10-й армии в 14 часов 30 августа пришел к ложному выводу: значительные силы немцев собираются в направлении левого фланга ген. Истомина. Отсюда последовало губительное вмешательство штаба 10-й армии в деятельность группы Олохова: в течение 30 августа последнему неоднократно подтверждалось, что как ни важен успех решительной атаки гвардии, но Вильна представляет бесконечно важный центр, и надо иметь полную гарантию, что V Кавказский корпус Истомина удержится в занимаемом

положении. 8 финляндских батальонов много сделать не могут, остальные части 124-й и пограничной дивизий не надежны, а потому штаб армии предъявил Олохову категорическое требование — взять из гвардейского корпуса стрелковую бригаду (4 полка) и направить ее в резерв в м. Судерва (4 км в тылу 6-го Финляндского полка). Около 17 час. голова гвардейских стрелков начала подходить к м. Судерва, хотя здесь в них никакой надобности не было.

По плану Олохова гвардейские стрелки должны были представлять резерв гвардии при выполнении ею решительной атаки в обход немцев. Он предупреждал, что изъятие этого резерва заставит его ослабить боевую часть гвардии на два полка для образования нового резерва и сократит на 3 км размах охвата — правое крыло будет наступать уже не на д. Тоувчули, а на м. Мусники; из сообщений Олохова было ясно, что раздвигание гвардии произведет на последнюю отрицательное впечатление и значительно ослабит интенсивность ее натиска. Штаб 10-й армии однако предпочел получение полного обеспечения пассивного участка сохранению предпосылок успеха ударного. На пассивный участок назначалось 35 батальонов, на активный — только 32 батальона. В сущности, этим жестом штаб 10-й армии обрекал уже начатую операцию на конечный неуспех. Доверие высшего командования к своим войскам представляет столь же ценный элемент боеспособности армии, как и дисциплина войск. Если бы наша дивизия имела ориентировку в замыслах командования, отступательное движение 5-го и 6-го полков после боя 29 августа едва ли получило бы такой размах.

Около 13 час. дня меня вызвал к телефону командир бригады Нагаев. В мое распоряжение, сверх двух батальонов 4-го пограничного полка, поступал весь 494-й полк (1 батальон из 6 сводных рот, 1 160 штыков); этот полк хотя не слишком надежен, но лучший в 124-й дивизии; командир бригады сам его направляет от Паужели для развертывания на участке Козлишки — Медведишки, в направлении на д. Гени; полк изготовится к 14 час. и будет наступать; кроме того, в мое распоряжение поступает часть 495-го полка{57}, которая стянулась с охранения р. Вилии. К нам подходят другие резервы, в том числе гвардейские стрелки. Гвардия глубоко охватила немцев и ведет в районе большака севернее Мейшаголы успешные бои. Высшее командование предъявило 2-й Финляндской дивизии категорическое требование — перейти в наступление. 5-й полк постарается сделать все, что можно при его расстройстве. Начальник дивизии и командир бригады главные свои упования возлагают на всегда являвшийся надежной опорой дивизии 6-й

полк и просят меня — атаковать противника всем фронтом.

Я ответил Нагаеву, что целиком присоединяюсь к его оптимистической оценке положения, и 6-й Финляндский полк, как только изготавится, перейдет в подлинную атаку всеми силами. В 13 ч. 40 м. штаб 2-й Финляндской дивизии доносил в штаб корпуса, что 2 роты 6-го Финляндского полка уже начали продвигаться к д. Гени, и в скором времени все части левого участка перейдут в наступление. Высшее командование еще имело время повернуть гвардейских стрелков к своему корпусу, но оно изверилось уже в слова.

Я себе ясно представлял, что начатая с утра атака гвардии должна была притянуть к себе все германские резервы, и что если я встречу не 5 рот, а больше, то во всяком случае силы, уступающие в числе моим 8 батальонам. При этом немцы дезориентированы нашим отступлением, находятся в состоянии движения на местности, не дающей выгоды для обороны, занимают прерывчатый фронт, не успели укрепиться и создать организацию огня. Тактически немцы сидят в мешке; 65-я дивизия, занимая обращенную к Буйвидам петлю р. Вилии на фланге и отчасти в тылу немцев, чрезвычайно стесняет их маневрирование и оборону; немецкое руководство против меня не слишком искусное. Едва ли может представиться более удобный случай ударить по немцам. И если до сих пор я берег полк и проявлял максимальную скупость в расходовании сил полка, то теперь представлялась оказия пустить их в дело, и надо использовать ее с наибольшим посылом и жесткостью.

В недалеком расстоянии перед всем моим фронтом тянулась сплошная линия леса, на опушку которого немцы еще не вышли. Эта линия леса закрывала за собой весь горизонт; с лучшего наблюдательного пункта, занятого командиром гаубичной батареи, можно было увидеть только шпич костела в Дукштах. Следовательно на артиллерию в предстоящем бою, значительная часть коего должна была развернуться в лесу и перелесках, рассчитывать не приходилось. Некоторую помощь мог бы оказать дивизион 65-й артиллерийской бригады, расположенный вдоль хорды излучины Вилии. Но одна его батарея (4-я батарея 7-й артиллерийской бригады, временно вошедшая в состав дивизиона) имела крайний обстрел вправо на Буйвиды, а две других (4-я и 5-я батареи 65-й артиллерийской бригады) имели крайний правый обстрел на Дукшты и не просматривали лесного пространства, лежавшего между мной и Дукштами, где должно было протекать наступление.

Приходилось основывать успех на действиях исключительно пехоты; я организовал наступление так, чтобы в обстановке

предстоящего боя, встречного по существу, получить сразу же перевес над неготовыми и изолированными друг от друга частями немцев. С этой целью я вытянул все свои силы в одну линию батальонов. На правом фланге, на участке Козлишки — Медведзишки, находился сводный 6-ротный батальон 494-го полка. На участке Медведзишки — Леvidаны находился мой III батальон, усиленный 9-й сотней пограничников; остатки 10-й сотни, ходившей накануне вместе с 9-й поддерживать 5-й полк, были разобраны по отделениям ротами III батальона. Задача здесь являлась для 494-го полка атака д. Гени, для III батальона — участие двумя ротами и сотней пограничников в атаке д. Гени и наступление остальными силами на промежуток Гени — Шавлишки. I батальон и 7-я сотня пограничников развернулись в центре и имели задачей наступать на фронт Шавлишки — Дукшты.

На левом крыле находился II батальон Чернышенко; я передал в его распоряжение 5-ю и 8-ю сотни пограничников и просил его использовать, насколько это можно, части 495-го полка. Задачей Чернышенко являлось энергичное наступление вдоль дороги Адамчишки — Дукшты, левым флангом вдоль р. Вилии. В исходном положении фронт моих разношерстных 8 батальонов был растянут от д. Козлишки до г. дв. Эльнокумпе, на 7,5 км. Количество бойцов было близко к 4 000. Командиры моих батальонов, к которым я предъявил требование возможно энергичного приступа к атаке, вытянули все свои роты в одну линию; я пытался удержать в своем резерве, в д. Геляжи, 6-ю и 2-ю сотню пограничников, но Чернышенко, которому в исходном положении приходилось растягиваться на 3 км, вытянул у меня их и развернул по сторонам своего батальона (5-я рота к нему еще не собралась после движения на поддержку 5-го полка) по две роты пограничников, чтобы не оставлять промежутков на фронте. Я отдал все в пользу первого удара, но лишил себя возможности регулировать и управлять течением боя. В резерве оставалась только моя особа.

В моем распоряжении находился еще 54-й Донской полк. 65-я дивизия, тщательно наблюдавшая за моим полком своими агентами связи, и V армейский корпус, выдававший теперь большую предупредительность к моему переходу в наступление, сделали мне подарок, передав в мое распоряжение 40-й Донской полк и ген. — майора Шишкина, который, под моим началом, должен был вступить в командование своей казачьей бригадой (40-й и 54-й полки). Присутствие Шишкина было бы для меня чрезвычайно ценным, так как казаки, как правило, не выполняли боевых приказов случайных, временных начальников, коим их

подчиняли. Но ген. Шишкин, может быть, был обижен подчинением его молодому полковнику; он запоздал, перешел на правый берег Вилии с 40-м казачьим полком только когда уже все было кончено, старался уклониться от встречи со мной и организовал лишь много насмешлившее нас преследование немцев на другой день, 31 августа, когда мы и немцы сидели уже за непрерывной проволокой, в 800 шагах друг от друга: при мне казачьи разъезды храбро перескакивали через наши окопы и просили открыть им проходы в проволоке; мы им показывали на немцев, а они ссылались на твердый приказ — двигаться вперед, данный Шишкиным. Та же энергия, проявленная накануне, могла дать огромные результаты. Пока же я, без особой надежды на успех, писал командиру своего 54-го полка грозный приказ прорваться к Дукштам и старался при этом объяснить всю авантюристичность сложившейся обстановки, широкую возможность захватить обильную наживу, пленных и трофеи. Моему красноречию однако не суждено было поколебать скептицизм стреляного воробья и расшевелить столь мощное у казаков тяготение к добыче.

Гаубичная полубатарея, богатая снарядами, открыла наугад стрельбу по району костела Дукшты. Горная батарея стрелять не могла и была мной предупреждена — быть в готовности переехать вперед, на северную опушку леса, для поддержки второй стадии наступления полка.

Печально обстояло дело со связью. Все телефонные средства были размотаны в исходном положении для связи вдоль 7 км фронта, а также до стыка с телефонным постом штаба дивизии; последний, пользуясь своим начальственным положением, доводил свои линии только на половину расстояния до штабов полков, и полки должны были расходовать значительные средства на связь со штабом дивизии. Резерва провода для меня и командиров батальонов почти не оставалось, и с началом наступления связь могла поддерживаться лишь конными разведчиками.

В 15-м часу дня я отдал по телефону командиру II батальона и лично командирам I и III батальонов приказ — перейти в энергичное наступление и дойти до линии оставленных ночью окопов. Не все обошлось благополучно; новая оптимистическая ориентировка, явившаяся на смену пессимистическим ночным настроениям, была сообщена мной всем командирам батальонов, но медленно распространялась по полку и встречалась порой с недоверием ротными командирами. Несколько рот мне пришлось самому вытолкнуть вперед. Произошел инцидент с капитаном Мячиным, у которого приказ о наступлении вызвал головную

боль и желание полечиться в полковом околотке. Был и другой инцидент.

Во время расположения нашего в исходном положении район Леvidаны — Юркишки прикрывался 4-й ротой, представлявшей арьергард; она задержалась в перелесках, на дороге в Шавлишки и заняла среднее между сторожевым и боевым положение. В момент общего перехода в наступление 4-я рота под неслишком сильным нажимом немцев сжалась в одну стрелковую цепь и отходила ускоренным шагом на главную позицию. Командир 4-й роты поручик Тимофеев (Михаил) — бывший начальник учебной команды, дисциплинированный офицер, находился еще целиком во власти отступательных настроений; новая ориентировка еще не дошла до него. Я подошел к нему и после самого краткого объяснения потребовал от него перехода в наступление. Между нами произошел такой диалог: "Куда наступать?" "Да в лесок, откуда вы сейчас выбежали". "Но ведь там немцы?" "На них-то и надо наступать". Переход от арьергардной психологии к наступательной не легок, судя по реплике Тимофеева: "В случае неудачи куда отходить?"

Разговор происходил в 600 шагах от опушки, на которую каждую минуту могли выйти немцы и взять нас под обстрел. Было ясно, что Тимофеева невидимые силы не притягивают, а отталкивают от этой опушки. "Идти только вперед, только в тот самый окоп, который вы оставили ночью". И так как разговор затягивался, я в глазах Тимофеева отражалось полное непонимание моей точки зрения, я взял его за плечи, резко повернул на 180° и скомандовал: "4-я рота, шагом марш". Тимофеев двинулся со своей ротой в лес, пожимая плечами и оглядываясь на меня так, как будто спрашивал себя, не завелся ли в 6-м Финляндском стрелковом полку сумасшедший командир. Через 5 минут рота скрылась в лесу, и послышался сухой треск выстрелов — Тимофеев примирился со своей задачей и постепенно входил в нее.

Преодоление отступательной инерции, переход от обороны к наступлению составляют труднейшую проблему военного искусства; успешное ее разрешение часто ведет к блестящему успеху. В данном случае я использовал всю ту муштру, в которой годами воспитывался 6-й полк. Без той автоматической дисциплины, которая заставляет в самые критические минуты прислушиваться к голосу командира, я развалил бы полк, но не бросил бы его в энергичное наступление на немцев. Но и в данных условиях далеко не все роты вложили в наступление полностью всю свою энергию.

Сосед — V армейский корпус — так регистрировал

наступление 6-го Финляндского полка: "13 час. На фронте ген. Альфтана (65-я дивизия) оказывается содействие 2-й Финляндской дивизии артиллерийским обстрелом наступления противника и принимаются меры к обеспечению правого фланга корпуса, обнаженного отходом этой дивизии". "15 ч. 45 м. Получено сообщение от связи 65-й дивизии, что 6-й Финляндский полк перешел в наступление, которое поддерживается нашим артиллерийским огнем". "17 ч. 30 м. На участке 65-й дивизии наша артиллерия обстреливает отходящего перед финляндцами противника, цепи коего замечены около 17 час. дня в районе Буйвиды. 54-й казачий полк содействует наступлению 6-го Финляндского полка. Ливенцов (начальник штаба V корпуса)".

Казаков мы однако не видали, а артиллерийская поддержка, оказанная 65-й дивизией, в действительности была более скупой, чем этого можно было ожидать по этим сообщениям. Из изучения батарейной отчетности 65-й артиллерийской бригады вытекает, что стреляла по правому берегу Вилии одна 4-я батарея 65-й артиллерийской бригады, выпустившая за сутки 21 гранату и 13 шрапнелей. Если учитывать даже только 3 стрельбы, о которых штаб V корпуса доносил в штаб армии, и то на каждую стрельбу приходится только 7 гранат и 4 шрапнели; это не ураган; мы, наступая, вовсе не заметили этой оказанной нам помощи; я о ней осведомился только из изучения архивного материала.

В донесении штаба 2-й Финляндской дивизии в штаб V Кавказского корпуса, в 15 ч. 45 м., когда штаб V армейского корпуса телеграфировал только о переходе 6-го Финляндского полка в наступление, уже было зарегистрировано взятие деревень Гени и Шавлишки. Данные штаба 2-й Финляндской дивизии внушают более доверия, так как он получил информацию скорее, чем V армейский корпус.

Около 15 часов командиры батальонов, размотав полностью имевшиеся у них короткие концы провода, оторвались от своих телефонных станций. Я мог говорить по телефону только с штабом дивизии и с командиром гаубичной батареи, наугад посылавшей по своей инициативе снаряды в сторону костела Дукшты. Офицеры моего штаба разъехались с разными поручениями. Резерва у меня не было. Ружейный огонь явственно удалялся, со стороны немцев слышался пулеметный и сильный пушечный огонь, однако отнюдь не ураганного пошиба. В районе Леvidан, где я находился с 6-конными разведчиками, все было пусто и тихо.

Около 20 — 30 мин. просидел я, ожидая информации; но никаких донесений не приходило. Я ничего не видел и не знал, и связь с штабом дивизии и артиллерией являлась бесполезной.

Мне оставалось одно — попробовать самому посмотреть тот бой, о котором я оставался в неизвестности, а за недостатком технических средств связи попробовать покомандовать по старинке. Я приказал приступить к свертыванию провода, чтобы подать вперед телефонные средства, сообщил в штаб дивизии, что вследствие продвижения полка произойдет временный перерыв связи со мной, и поскакал широким галопом с моими разведчиками по пути в Шавлишки.

До избы, где был расположен вчера мой штаб, мне предстояло проехать немного более 2 км. Я тщательно озирался по сторонам, стараясь найти следы какой-нибудь роты или раненых, которые должны были бы стекаться к этой сравнительно большой дороге, но не заметил никаких следов боя. На последнем километре перед Шавлишками, когда мы выехали из леса, высоко над нашими головами, в 50–60 м, начали рваться бризантные гранаты. Небо было пасмурно, собирался дождь, и бризанты производили впечатление эффектного, декоративного, но совершенно безобидного грома. Стреляющие немецкие батареи нас видеть не могли, никого другого по соседству не было. Чувствовалась какая-то растерянность у тех артиллеристов, которые вдруг нервно зачастили и яростно обстреливали небо над пустынным участком поля боя. Разброска немецких снарядов увеличивалась. Не успел я еще въехать в Шавлишки, как впереди послышался взрыв ружейной трескотни, и немецкие пушки круто оборвали свою бесплодную работу. У околицы Шавлишек лежали тела двух убитых немцев. Было около 15 ч. 30 м., когда я въехал в Шавлишки и повстречал раненого стрелка 9-й роты, который сообщил, что его рота взяла Шавлишки, и командир ее прапорщик Ходский, бегло осмотрев избы и захватив немногих пленных, стремительно помчался с ротой вперед. Из хаты, в которой я ночевал накануне, я послал с конным разведчиком на ближайшую телефонную станцию, в Леvidаны, сообщение в штаб дивизии об успешном развитии наступления и о взятии Шавлишек; о взятии д. Гени я не знал, и штаб дивизии получил вероятно непосредственное сообщение от 494-го полка. Если роты получили задачи — вернуться в свои старые окопы, то и штаб полка был морально обязан вернуться на свое старое пепелище. Одновременно я послал приказание своему штабу и горной батарее следовать в Шавлишки. Пара конных разведчиков была оставлена в Шавлишках, чтобы собирать донесения, которые могли бы поступать в штаб полка, и направлять их ко мне. А я сам, с двумя конными разведчиками, поскакал в Благодатное (развалины деревни), так как от Шавлишек открывался кругозор только в сторону Кемели и никаких подчиненных мне войск

видно не было.

Непосредственно севернее Благодатного находились следы позиции трех поспешно снявшихся германских батарей — брошенный зарядный ящик, передок, клетки со снарядами, обозначавшие расположение каждого орудия, какая-то повозка, телефонное имущество, треноги с цейссовскими биноклями, несколько убитых артиллеристов и лошадей. За артиллерийской позицией окоп был занят, и из него раздавались выстрелы в сторону немцев. К окопу вел знакомый мне ход сообщения. Я спешил, оставил разведчиков в Благодатном и пешком, быстрым ходом, достиг окопа. В нем оказалась 9-я рота прапорщика Ходского. Против него немцы уже ушли в свои старые окопы, находившиеся в 700 шагах, и вели ружейный и пулеметный огонь. В промежутке между окопом Ходского и Дукштами и впереди были разбросаны 12 пушек и гаубиц и довольно много зарядных ящиков. Орудия были надеты на передки, и тут же валялись застреленные лошади; немецкий дивизион, запоздавший сняться с позиции, должен был отходить через узкий проход в проволочном заграждении, сделанный им утром, когда он выезжал вперед, и здесь был накрыт ружейным огнем; все же немцам удалось протащить через линию проволоки большую часть орудий и здесь они их бросили. Судя по тому, что далеко не по шестерке лошадей лежало убитыми возле каждого орудия и зарядного ящика, надо было думать, что под сильным ружейным обстрелом в следовавшем в колонне по-орудийно дивизионе наступил момент паники, головные орудия остановились из-за отдельных убитых лошадей, ездовые обрубали построики и частью ускакали; иные артиллеристы честно старались спасти свои орудия и ящики, и наиболее удаленные орудия были дотащены до середины расстояния между нашими и немецкими окопами. В м. Дукшты в это время несомненно находились наши стрелки; можно было различить отдельные группы наших стрелков, подходивших к Дукштам с юга; но там по-видимому имелись и немцы и раздавались характерные для ближнего боя вспышки нервного ружейного огня. Вправо от окопа Ходского все было тихо и спокойно.

Прапорщик Ходский на мой вопрос, не он ли захватил батарею, скромно ответил, что он их не брал, а его рота обстреливала их издали — и на позиции, и когда они пробовали уйти. При его движении от Леvidаны до Шавлишек он встречал только небольшие группы немцев, сопротивление коих его почти не задержало; вправо от него нет никого; он оторвался от других рот своего батальона, которые ввязались в бой у д. Гени, в 2,5 км позади. Настроение в роте Ходского было высоко праздничное:

стрелки целовались, хохотали, острили; на посвистывавшие пули никто не обращал ни малейшего внимания; я обнял Ходского, похлопал по плечу самых задорных, веселых стрелков, поздравил роту. Мне хотелось попасть в Дукшты; окопы здесь прерывались шагов на 600, и приходилось следовать открыто в 700 шагах от немецких окопов; однажды, до этого боя, обходя фронт в спокойное время, я проделал эту операцию, но привлек на себя огонь 2-3 неприятельских стрелков. Ходский мне предложил двинуться на Дукшты перебежками и обещал поддержать мои перебежки дружными залпами. Настроение было столь приподнятым, что я вероятно пошел бы на это мальчишество, если бы меня не смутили мои гаубицы: их было только три, но разрывы их бомб положительно свирепствовали в той части Дукшт, вблизи костела, куда бы меня привела моя перебежка. Я одумался, решил двинуться в Дукшты более спокойным путем, распорядился, чтобы Ходский выслал пару сильных дозоров для наблюдения за своим правым флангом — там тянулись кусты, а 9-я рота была вся вместе, не имея ни одного дозора — и ушел к развалинам Благодатного.

В Благодатном я встретил трех стрелков своей пешей связи. Они шли из Леvidан пешком и, руководясь указаниями конного разведчика, разыскивали меня. В Шавлишках еще не было ни одного офицера штаба, и ни одного донесения для меня. Нужно было принять какие-нибудь меры для заполнения 3-километрового зияющего интервала между д. Гени и окопами Ходского. Я послал одного конного разведчика к командиру III батальона, в район д. Гени — с приказанием возможно скорее снять батальон с участка Гени, где не слышно было больше ружейной стрельбы и, не теряя ни минуты, вести его к Шавлишкам. Другой разведчик должен был скакать в тыл, приказать снимать последнюю телефонную линию Леvidаны Антокольцы, сообщить в обоз I разряда о том, что мы заняли старые окопы, направить в Шавлишки знамя со взводом прикрытия, патронные двуколки, походные кухни, оркестр, офицерское собрание, сообщить всем, что позиция взята, и что надо все отбившиеся группы направлять в Шавлишки. С этим конным разведчиком в Шавлишки пошла и моя верховая лошадь.

Если бы у меня был большой запас конных, то я продолжал бы командовать верхом, по-старинке, и это было бы несомненно лучше. Но разъезжать в одиночестве по полю сражения было мало производительно. Пришлось в достаточно невыгодных условиях смешать старое с новым и опираться только на свою пешую связь, когда исчез последний конный разведчик. В районе Дукшт были видны отдельные группы наших стрелков. Я решил направиться

туда, чтобы попытаться там организовать какой-нибудь резерв для усиления правого крыла. Из двух имевшихся дорог я выбрал более удаленную от неприятеля и двинулся с 3 стрелками связи.

По пути мне встретился подпрапорщик, фельдфебель какой-то роты II батальона, двигавшийся мне навстречу с 5 стрелками. Он доложил мне, что по слухам, к застенку Дукшты подходит командир I батальона Патрикеев, что на левом крыле до Вилии все благополучно; как расположены роты и какие — сказать не может, так как стрелки всех рот и пограничники совершенно перепутаны. В 300 — 400 шагах от дороги, по которой я иду, в канаве лежат 3 немца; они не сдаются и отстреливаются; он перестреливался с этими немцами, но теперь сдал этого противника подошедшей группе стрелков другой роты; его беспокоит полное отсутствие наших войск справа; он оценивает опасность оттуда грозной и просит меня направить туда, что можно; он раньше в составе II батальона занимал участок на крайнем правом фланге полка, знает, какие там в кустах имеются прекрасные подступы, и по собственной инициативе пробирается в район д. Тржецякишки для охраны полка справа. Я ему сообщил, в каком окопе сидит рота Ходского, поблагодарил за службу, одобрил его намерение, приказал о появлении немцев справа сообщать Ходскому и в штаб полка, в Шавлишки, и обещал ему выслать в Тржецякишки возможно скорее подмогу. На том мы и разошлись.

Я был положительно поражен отчетливой, чеканной тактической мыслью этого подпрапорщика, фамилия которого ускользнула теперь из моей памяти. Воспитанный годом пребывания на полях сражения, полуграмотный подпрапорщик несомненно ярче меня, дебютанта, представлял себе требования поля сражения в целом и выбирал для сохранившихся в его подчинении 5 стрелков самую важную тактическую цель; мне кажется, под хорошим обстрелом этот самородок вышел бы победителем в споре с учнейшим из тактиков. Произвести на поле сражения с 5 стрелками рокировку на протяжении 3 км — это значит уметь оценить обстановку в целом. Вот таких именно вождей требует современная групповая тактика, но будут ли они готовы к первому месяцу войны?

По сторонам дороги в двух местах попались мне группы из 2–3 тел убитых немцев. Их легко было отличить от наших по голубоватому цвету их шинелей. Здесь по-видимому немецкая цепь, отступая, пыталась задержаться, а убитые появились не без участия встретившегося мне подпрапорщика. На большой дороге (северной) Благодатное — Дукшты, в канаве еще держались 3 ландвериста, но только изредка отвечали на огонь нашего

отделения, подобравшегося к ним широким загонем на двести шагов. На таких прохожих, как я, следовавших в 400 шагах, затравленные ландверисты уже не обращали внимания, можно было идти безопасно; они так и не сдались и были застрелены.

В двух сотнях шагов южнее костела Дукшты я встретил наконец командира батальона. Это был Патрикеев. Он был бледен, миокардит давал о себе знать; он положительно задыхался от перебежек при движении батальона в атаку на протяжении 4 км; без помощи поддерживавших его стрелков он упал бы на землю. Маленький, шустрый Патрикеев бросался вперед, не рассчитывая свои силы, и загонял себя до последнего. Около него и в Дукштах было не менее половины его батальона, сверх того разрозненные стрелки и целые отделения II батальона, пограничников и, как ни странно, 495-го и даже 494-го полка, с самого крайнего правого фланга моего участка — всего около 500 опьяненных победой бойцов. Дукшты находились в крепких руках. Стрелки Патрикеева находились в районе захваченных орудий и считали их своими трофеями.

Пока я поздравлял Патрикеева с одержанным успехом, меня окружила кучка стрелков с жалобой на наши гаубицы, посылавшие каждую минуту тяжелую бомбу по кладбищу у костела Дукшты, представлявшему почти центр I батальона. Уже 2 часа гаубицы с удивительной точностью долбили одну и ту же цель и вызывали теперь в I батальоне нервность. Стрелки просили меня заставить эти гаубицы замолчать. Но они стояли в 5 км слишком позади и средств связи у меня не было; сама гаубичная батарея умом по-видимому не отличалась и о высылке передовых наблюдателей и о связи с наступающей пехотой не заботилась. Мне осталось посмешить солдат, обратив их внимание, что батарея не принесла вреда ни одному немцу, и что конечно она не подстрелит русского; надо только обходить на 100 шагов кладбище, а уж на меткость наших гаубиц можно рассчитывать — не подведут. Их бомбы правда сильно сотрясают воздух, но ведь это вечно продолжаться не будет — если мы не успеем остановить энергию наших артиллеристов, то когда-нибудь они исчерпают же свои снаряды. Но меня не столько в этот момент поразила тактическая безграмотность командира мортирной батареи, как потом, когда он возбудил ходатайство о награждении его георгиевским крестом за взятие Дукшт, и просил меня дать свидетельское показание по оказанному им подвигу.

Я объяснил Патрикееву основную задачу — приводить скорее стрелков в порядок и выслать мне в Шавлишки хотя бы две роты. Он должен послать своих связных разыскивать позади части II батальона и возможно скорее направлять их занимать старые

окопы на правом фланге полка. Пограничники должны собираться в окопах у Дукшты. Когда подойдут ко мне роты III батальона от д. Гени, я вышлю их также на участок Дукшты, а его батальон весь соберу в резерв, к штабу полка. Нужна быстрая и энергичная работа по устранению ужасного перемешивания частей четырех полков. Легче всего это удастся, если широко разгласить — все на старые места, которые мы занимали 29 августа, накануне боя. Затем я заторопился в Шавлишки, где уже должен был организоваться аппарат управления полком.

Вечерело. Накапывал дождь. Становилось холодно. Я был в летнем кителе и с завистью посматривал на стрелков, раскатывавших свои шинели. Другие, потерявшие или почему-либо не имевшие при себе скатки, в том числе мои связные, накинули на себя голубоватые немецкие шинели. Я выразил сожаление, что мне не удалось найти оброненной немцем шинели. Расторопный стрелок связи доложил, что он одну такую заметил; за пять минут моего разговора с Патрикеевым он успел сбегать за ней, иясудовольствием завернулся в нее, шагая под дождем назад, в Шавлишки. Проходя мимо убитых немцев, я заметил, что их тела более уже не голубеют, так как шинелей на них больше нет. Тут я понял, как немецкий ландверист обронил накинутую на меня шинель; спереди, на том месте, где шинель должна была прикрывать левую сторону груди, на ней виднелась дырочка, такая крохотная, что ее трудно было бы и заметить, если бы не что-то красное, запекшееся на ее краях. За 11 лет, протекших со времени моего командования ротой в Манчжурии, я отвык от подлинной войны, у меня сложились предрассудки, и мне стало неприятно. Дойдя до Шавлишек, я поспешил сейчас же отделаться от этой шинели.

Изрядно устав, уже близко к 18 час., появился я в своем штабе, который начинал функционировать в Шавлишках. Вскоре подошли и телефонисты, размотавшие провод от Леvidан; по этому проводу можно было вызвать штаб дивизии, чем я немедленно и воспользовался. По телефону со мной говорил начальник связи штаба дивизии Миловский. Он заторопился рассказать мне, что 5-й полк успешно продвигается, захватил немецкую батарею и передал просьбу начальника дивизии проявить на своем участке крайнюю энергию. Я отвечал, что мы занимаем Дукшты и почти все старые окопы, за исключением крайнего правого фланга, в которых немцев тоже нет и которые будут заняты, как только роты разберутся, а что касается батареи, захваченной 5-м полком, то нам это не диво, так как мы захватили целых 3 батареи. Пусть штаб дивизии поскорее похлопочет, чтобы из парков или от артиллерии были присланы

запряжки, чтобы их вывезти, а то еще, чего доброго, немцы их у нас отберут. В этот момент на телефонной линии произошло повреждение, и связь прервалась. В соответствии с этим разговором, штаб 2-й Финляндской дивизии доносил штабу корпуса в 19 час. вечера, что части левого участка заняли свои окопы, захватив у противника 1 зарядный ящик; о взятых батареях не было ни слова.

На дворе штаба полка собирались пленные; их было поразительно мало — всего 18 нераненых ландверистов 38-го полка, и два офицера, из коих один майор, командир батальона. Раненных пленных не было или они каким-нибудь образом были эвакуированы в тыл помимо перевязочного пункта 6-го полка. Из числа указанных пленных, лейтенант — командир роты и 12 ландверистов были приведены пограничниками 8-й сотни, которая начала наступление из района восточнее д. Вайчелишки, охватила справа группу немцев и прижала ее к р. Вилии. По словам пограничников, до полутора десятков ландверистов, не желавших сдаться, попробовали спастись на другой берег Вилии, прыгнули в воду и утонули. Я облакал пограничников и приказал адъютанту выдать расписку в приеме пленных.

Командир батальона, взятый в плен, держался чрезвычайно самоуверенно; узнав о том, что его отправят за 25 км, в Вильну, он с достоинством требовал, чтобы ему как штаб-офицеру (старший командный состав) был предоставлен экипаж. Убедившись, что он не ранен, я извинился, что не могу предоставить ему экипажа, так как располагаю сам только верховой лошастью, хотя и занимаю высшую должность командира полка. Дождь перестал, дорога в Вильну прекрасная, ему придется пройти пешком 10 км до штаба дивизии, а там может быть найдутся перевозочные средства. У некоторых офицеров являлось желание острить над несколько надутым видом майора, но я оборвал их; может быть это лучшая поза, которую может занять командир, на которого внезапно обрушивается несчастье плена.

Около 19 час. ко мне прибыл командир III батальона, и вскоре подошел командир II батальона. Деревня Гени оборонялась ротой немцев, и около 16 час. была взята дружной атакой 10 рот — 6-го Финляндского, 494-го и 4-го пограничного полков, развернувшихся широким полукругом — с востока, юга и юго-запада. Когда наши стрелки подошли на близкую дистанцию и поражали немцев перекрестным огнем, последние, подавленные огнем и превосходством наших сил, бежали из деревни. 494-й полк захватил 5 пленных. Деревня Гени представляла собственно 4 хутора, разбросанные по углам довольно значительного

квадрата, и была открыта взорам немецких батарей у с. Кемели. Небольшая группа 494-го полка продолжала свое движение с востока на запад и попала к с. Дукшты, но вся масса, как бывает всегда при концентрической атаке на населенный пункт, страшно перепуталась. Пришлось задержаться и разобраться.

Немецкая артиллерия почему-то беспокоила не слишком сильно, но все же надо было заставить эту массу принять известный боевой порядок, что при наличии в 494-м полку одного офицера на 2 роты и недостаточной вымуштрованности солдат было нелегко. Спорили, искали и подбирали снаряжение, брошенное немцами при их поспешном бегстве. В реляции 494-го полка остановка дальнейшего наступления объясняется тем, что роты 6-го Финляндского полка, пройдя д. Гени, начали окапываться на ее северной опушке, а так как финляндцы являлись для 494-го полка образцом, то и они присоединились к ним и также начали окапываться, утратив соприкосновение с немецкой пехотой. В общем, после взятия д. Гени прошло два часа, прежде чем установился полный порядок и III батальон выступил по новому назначению. Существенное значение имело то обстоятельство, что 2 конных разведчика, посланные мной, достигли командира III батальона с известным опозданием.

По натуре своей более стойкий, чем стремительный, командир III батальона находился у д. Гени не в легком положении: соприкосновение 494-го полка с частями вправо утратилось, лучшая его 9-я рота исчезла, влево тоже никого не было, разыскать командира полка посланные от батальона не могли — все это толкало его к ожиданию; воспитание командира III батальона и его долголетняя служба в полку не развили в нем инициативы. Мне приходилось пенять не на него, а на себя; если бы я находился позади III батальона или прибыл бы на его участок, мне бы вероятно удалось толкнуть его вперед на добрый час раньше. Вскоре после того как III батальон пришел в Шавлишки, двинулся вперед, в район Видавчишки, и 494-й полк; на моем участке он был больше не нужен; до района Видавчишки 494-й полк дошел беспрепятственно, где в глубокой темноте и вступил в связь — налево с 6-м Финляндским полком, направо с частями среднего участка (124-й и пограничной дивизиями), подчиненными командиру 5-го Финляндского полка; последние без боя выдвинулись вечером в район Утеха. Ночью 494-й полк был изъят из моего ведения и вошел в средний участок.

II батальон (без 5-й роты), более слабый качественно и не энергично предводимый, натолкнулся у д. Адамчишки и в перелесках по соседству на ожесточенное сопротивление немцев, которое оказалось сломанным только тогда, когда немцы

оказались обойденными с фланга и тыла I батальоном и действовавшими с последними пограничниками. Две роты II батальона несомненно принимали горячее участие в бою. Куда делись немцы, находившиеся перед II батальоном, было не совсем ясно — частью рассеялись, частью были перебиты. В лесном бою части II батальона и пограничники настолько перепутались, что ни ротные командиры, ни командир батальона не могли отдать себе отчета, кто, где, когда и с кем дрался. Отдельные группы II батальона прорывались в лесу между немцами с самого начала и были одновременно с I батальоном в Дукштах.

Уже в начинающейся темноте II и III батальоны, далеко еще не в полном составе, двинулись по перекрещивающимся направлениям занимать знакомые им участки: III батальон — левый, у Дукшт, II батальон — правый; I батальон, выдвинув одну роту в район Тржецякишки, с охранением в сторону Кемели, постепенно собирался в полковой резерв к Шавлишкам. Потери моего полка за 29–30 августа были незначительны: 33 убитых, 240 раненных, 35 пропавших без вести — преимущественно не разысканных в лесу убитых, 2 раненных офицера. У пограничников потери были ничтожные, за исключением энергичной 8-й сотни, потерявшей 2 убитых, 17 раненных, 2 пропавших без вести. В 494-м полку потери были около 50 человек. Несмотря на ничтожность этих потерь и на то обстоятельство, что в 6-м полку они довольно равномерно распределялись по ротам (за исключением 2 рот II батальона), наличность людей в ротах и пограничных сотнях вечером 30 августа была невелика: оставалось еще много бродячего элемента, разыскивавшего свои части; другие стрелки выносили раненых и еще не вернулись. Наконец образовалась нештатная команда из добровольцев I батальона — свыше сотни, под командой прапорщика К., ожидавшая полной темноты, чтобы начать откатывать в наше распоряжение немецкие пушки и зарядные ящики, находившиеся за нашим проволочным заграждением.

Около 21 час. телефонная связь со штабом дивизии восстановилась; по-видимому какой-то бродячий немец в нашем тылу умышленно перерезал провод в нескольких местах. Я сообщил начальнику штаба дивизии Шпилько об отправке мной пленных, о подъеме духа полка вследствие успешной атаки и спросил когда придут запряжки для захваченных орудий. "Каких орудий?" с удивлением ответил мне начальник штаба дивизии. "Да тех самых, о которых и говорил начальнику связи дивизии 3 часа тому назад, когда он мне сообщил о взятии батареи 5-м Финляндским полком. "5-й полк никакой батареи не

брал". Недоразумение выяснилось: 5-й полк только обозначил переход в наступление и вперед вначале вообще не продвигался; мой правый фланг во время наступления был совершенно открыт, и если бы наступление гвардейского корпуса не связывало немцев по рукам и ногам, они жестоко могли бы наказать нас фланговым ударом. Миловский давал умышленно неверную ориентировку: в традиции нашего штаба дивизии было сообщать полкам ложные сведения об энергии и успехах соседей, чтобы пробудить дух соревнования, подтолкнуть вперед, изъять беспокойство за фланги. Миловский имел поручение сообщить мне ложные данные о взятии моим соседом справа батареи. Когда же я в ответ заявил о 3 батареях, взятых 6-м Финляндским полком, то он даже обиделся на меня: он подумал, что я разгадал его ложную информацию и отвечаю на нее насмешкой. Узнав, что пушки подлинные, немецкие, каких давно в 10-й армии никто не видел, штаб дивизии заволновался: очень скоро запряжки были высланы, началось обсуждение наград.

Ночь на 31 августа в 6-и полку прошла беспокойно. Прапорщик К. был избран мной для откатки пушек на том основании, что он первым оказался у немецких орудий и был естественный кандидат на высшую награду. Если бы я лучше разбирался в людях и более основательно изучил полк, я конечно воздержался бы от того, чтобы выдвигать К. в главные герои. Его партизанские тенденции, нежелание действовать регулярно, под командой непосредственного начальника, были неисправимы. В данном случае, когда все шло успешно, они вытолкнули его вперед, но в критические для полка минуты выдвигали его во главу беглецов. Первое, что сделал этот младший офицер I батальона, когда его рота углубилась в лес, это отбиться в сторону — не случайно, а с дюжиной спевшихся с ним полуразведчиков — полупартизан. Эта группа, избегая столкновения с немцами, перебралась на северную опушку леса, увидела в стороне немецкую цепь — около взвода — перестреливавшуюся с нами, и открыла огонь ей во фланг. Немцы бежали к Дукштам, группа К. бежала наравне с ними, в 200 шагах сбоку, — настоящее параллельное преследование, очень стеснявшее немцев, имевших с другой стороны основного врага — роту I батальона. Немцы не имели возможности остановиться, не допустив К. еще дальше им в тыл. В этом беге немецкий взвод понес тяжелые потери, задохся и растроился. Вправо от К. оказались отступающие немецкие батареи. Он открыл по ним огонь, стреляли помимо него и еще 2 — 3 кучки из состава I батальона и 9-я рота, но когда немцы бросили орудия, К. оказался первым у немецких орудий. Это фактически ничего не означало, и

прапорщик Ходский, стрелявший по орудиям с другой стороны, разумно сделал, не выслав к ним даже дозора, а занял окоп и продолжал бой с живыми немцами.

Но в пехоте есть свои предрассудки, которые игнорировались Ходским — сесть первым на неприятельскую пушку, вступить в фактическое владение захваченным трофеем. Героем такого предрассудка и явился К. Мое представление его к ордену Георгия глубоко обидело ряд других гораздо более достойных офицеров, но никто мне не сказал о нем дурного ни слова, даже командир роты, распоряжения которого К. игнорировал с самого начала боя. Офицеры инстинктивно уклонялись от всего, похожего на донос или на проявление зависти, и от этого информация командира полка очень страдала. Всего своими глазами не увидишь.

К. отвратительно организовал откатку орудий. Одна пушка была доставлена мне еще засветло. Это была нескорострельная пушка, совершенно устарелой системы 1896 г.; мы такими пушками еще считали возможным пользоваться в небольшом количестве в 1904 г., вследствие наличия у них гранаты, необходимой для разрушения каменных построек. Заставить русского солдата и офицера драться с такой устарелой уже в момент своего рождения неудачной пушкой в мировую войну было решительно невозможно; немецкий ландвер по нужде очень не плохо сражался и с таким жалким вооружением; глядя на эту старую пушку, я думал о различии политической подготовки и сознательного отношения к мировой войне русских и немцев.

Но немецкое начальство очень не одобрило оставление в наших руках этого полумузейного имущества, и как только стемнело, двинуло ландверистов и уцелевших артиллеристов откатывать орудия в свою сторону. В совершенной темноте, впереди нашей проволоки, происходили ожесточенные схватки, при явном перевесе немцев. Были случаи, когда к одному орудью привязывались обеими сторонами построжки и ляжки, и его тянули в разные стороны. Следовало бы сделать энергичную вылазку одной-двумя ротами и прогнать немцев; но мне не слишком хотелось призывать смертельно усталых стрелков к новым жертвам из-за этих жалких орудий; при этом мое внимание было отвлечено новым инцидентом.

Около полуночи командир III батальона из землянки к югу от костела Дукшты телефонировал, что немцы прорвались через нашу проволоку, что он чуть не был захвачен ими, но бежал к своей резервной роте. Кругом него бродят немцы, он их видел сам. Из окопов сообщали, что все благополучно. Но вдруг в окопах поднялась суматоха, и началась очень нервная стрельба. Я

немедленно направил на помощь командиру III батальона 2 роты из полкового резерва. У меня осталась в резерве только 1 рота. Положение было очень напряженное. Могло быть, что один из участков окопов остался незанятым и немцы проникли через этот разрыв. Вскоре 2 роты III батальона донесли об отбитой ими атаке, о том, что немцы прыгали через их головы, о какой-то штыковой свалке, о 12 взятых пленных, понять, в чем дело, было трудно; нервность после бессонных ночей и боя была явно повышена.

31 августа утром я прежде всего направился к пунктам 2 немецких атак на наши окопы, и только тогда инцидент разъяснился. В одном месте между нашими окопами и неповрежденной проволокой лежали тела 11 ландверистов, неподалеку же сдалась кучка ландверистов; в другом месте проволока была прорезана, несколько тел лежало среди заграждения и по обе его стороны. Дело заключалось в том, что во время боя 30 августа нами были отрезаны 2 немецкие заставы, или 2 сильных дозора, которые потом выросли за счет отбившихся немцев. Мы забыли обыскать лес, а немцы притаились в нем до наступления темноты; ночью, руководимые звуком перестрелки из-за откатывания орудий, они прибыли в район Дукшт, чуть не захватили в плен командира III батальона Борисенко, напугали нескольких одиночных стрелков и направились по обе стороны Дукшты, перепрыгнули через наши окопы и попытались перескочить через проволоку; одна партия погибла полностью, другой посчастливилось попасть на промежуток между окопами и удалось уйти, хотя с серьезными потерями. Мне следовало еще засветло попытаться организовать 1–2 ротами пограничников облаву в пройденных лесах число пленных было бы много больше.

Немцам удалось укатить к себе за первую ночь 7 орудий; частью они еще оставались между окопами, но уже находились ближе к немцам, чем к нам. Нам достались 4 пушки и 1 гаубица. Оставалось еще много зарядных ящиков и передков. В последующую ночь немцы постепенно их выловили под нашим огнем — мы за этими трофеями второго сорта почти не гнались{58}.

Эти схватки ночью за орудия, 3 ландвериста, одиноко сражавшиеся в своей канаве вечером 30 августа, попытка пробиться 2 отрезанных в лесу взводов и последующие успешные бои 38-го ландверного полка с нашими гвардейскими частями, ничтожное число пленных характеризуют высокую, героическую решимость целого народа — умирать, но не сдаваться. Наши солдаты в упорядоченном бою, а особенно при штурме, могли

равняться с немцами. 30 августа на моем участке они подавили немцев и числом, и своим упорядоченным развертыванием. Но никогда у нас не было такого бесповоротного упорства, чтобы кучки солдат продолжали сопротивление, когда бой уже был потерян, когда всякое принуждение в горсти, отколовшейся от целого, отсутствовало, когда каждый был предоставлен себе и своим настроениям.

31 августа в штабе 2-й Финляндской дивизии был размножен на шапирографе и разослан по полкам боевой приказ для описанного боя, помеченный 30 августа, 7 ч. 45 м. утра. В течение самого боя он оставался мне неизвестным и возмещался утренней беседой при личном свидании с командиром бригады Нагаевым и послеполуденным разговором с ним. Я допускаю, что он вообще помечен несколькими часами ранее, чем был написан. В нем значилось, что левый боевой участок: полковника Свечина должен развернуться на фронте д. Гени (включительно) до з. Адамчишки и наступать на фронт Кемели (исключительно) Малюны, обеспечив себя с левого фланга. Эта мысль в разговорах со мной Нагаева проводилась менее отчетливо; от меня требовалось прежде всего наступление; на большой успех Нагаев не рассчитывал; но у него была несомненная тенденция тянуть меня вправо, на д. Гени. Я и сам понимал, что, перенося удар восточнее, я окажу существенную помощь 5-му полку и помогу заштопать прорыв в расположении дивизии. Почему же, вопреки моей доброй воле, удар свернул не направо, а налево, к Дукштам, где был одержан наибольший успех; почему на Малюны — Кемели из состава моих почти 8 батальонов не свернул ни один человек, несмотря на явную тактическую целесообразность развития усилий в этом направлении?

Мне представляется требование — сохранения направления пехотой при движении на протяжении 4 км с боем — совершенно невыполнимым; движение начинается вперед, а куда оно приведет, как изогнется фронт, куда увлекутся брошенные вперед роты, в особенности в условиях встречного боя, вопрос совершенно темный. Чтобы выполнить задачу, поставленную штабом дивизии несколько задним числом, мне бы следовало иметь на своем 7-километровом фронте резерв по крайней мере из 2 батальонов, который бы я мог развернуть в районе Шавлишек для атаки в северном направлении, на Малюны — Кемели; даже если бы у меня работали при наступлении телефоны, группы, концентрировавшиеся у д. Гени, Дукшты и Адамчишки были бы пригодны к этой задаче с потерей слишком большого времени. Только резерв (второй эшелон) представляет руль в руках командования, позволяющий регулировать

направление развития атаки.

Я сожалею, что позволил командиру II батальона вырвать у себя последние 6-ю и 11-ю сотню, которые действительно участия в бою так и не приняли. Я бы чувствовал себя гораздо увереннее, если бы к 16 час. 30 августа эти сотни прибыли в Шавлишки. Но изменить направление, которое принял бой, они не были бы в силах. А большой резерв можно было бы составить лишь за счет ослабления силы первого удара, на который я возлагал все свои надежды. Пришлось бы двинуть не цельный фронт, все части, которые находились, до вступления в лес, в зрительной и огневой связи между собой, а отдельные группы, по отдельным направлениям, которые бы действовали менее энергично, уперлись бы фронтально в немцев, и не могли бы выполнить тот сплошной охват, каким являлось для немцев наступление нашего сплошного фронта против их отдельных групп. Надо по-видимому согласиться, что, не имея возможности выделить резерв, иногда выгодно сознательно идти на большой риск и не быть разборчивым в направлении, куда повернет успех.

Риск при этом наступлении был значителен; но он смягчался эффектом, произведенным на немцев решительным наступлением на широком фронте, и катастрофой 38-го ландверного полка и его артиллерии, совершенно неожиданной для немецкого командования. Может нехватить решимости для контрудара, и противнику потребуется время для того, чтобы рассмотреть даже 3-километровую прореху среди наступающих; а в данном случае у немцев в районе Малюны и Кемели и не имелось свободного резерва для контратаки; немцам пришлось, под влиянием нашего успеха у Дукшт, отказаться от всех плодов ночного распространения по участку 5-го полка и без боя стянуться в ближайшие окрестности захваченного накануне с. Кемели.

Мое управление в этом бою немного напоминало скачку всадника без головы; я стремился больше нажимать, чем руководить. Несомненно, в моих действиях сказывалась несколько моя неопытность в роли командира полка; я еще не подобрал штаб по своему вкусу, я еще плохо был знаком с личным составом полка и только к концу этого боя заслужил необходимый для успешного управления авторитет. Оправданием не может служить трудность справиться при недостаточных средствах связи с задачей руководства частями четырех, частью весьма сомнительных полков. В этом отношении мои действия далеко не могут являться образцовыми; но, размыслив, приходишь к убеждению, что в обстановке боя часто могут явиться моменты, когда чинность управления по телефону сзади окажется неуместной и когда несколько километров хорошего

галопа по району боя могут дать неоценимую пользу.

Моя горная батарея в течение всего этого дня бездействовала и поздно выбралась к Шавлишкам; мои гаубицы вели себя положительно глупо. Я был слишком поглощен своими ротами и недостаточное внимание уделил артиллерии. Я стал подходить с жесткими требованиями к артиллерии только через 3 месяца, когда я уже был вполне уверен в своих ротах. Наши артиллеристы к тому же не поддавались временному руководству и требовали длительного воспитания и большой зоркости командования.

В течение боя отрицательно сказалось то обстоятельство, что III батальон был развернут на правом крыле, а на левом — II, более слабый батальон. Ходского конечно следовало ставить на заходящее крыло. Кроме того местность направо была лучше известна II батальону, а налево — III батальону, и в конце боя их пришлось двинуть накрест для занятия своих окопов. Но утром я располагался для обороны и не хотел иметь на фланге прорыва пессимистически настроенного Чернышенко и некоторых его ротных командиров (Мячина, Галиофа). А потом уже нельзя было терять времени и сил на контрмарш перед наступлением.

Ничего не было удивительного в том, что 8 немецких рот, составленных из пожилых людей и не особенно искушенных в тактике, были подавлены 28 русскими ротами, лучше знакомыми с местностью и имевшими преимущество в развертывании. Ограниченный успех русских был совершенно естественен; но 10-я армия давно не знала никакого успеха, и в настоящей операции он остался единственным. Мы уже отучились брать пушки и пленных немцев, даже в минимальных дозах, и теперь торжествовали успех: 6-й Финляндский полк получил благодарственную телеграмму верховного главнокомандующего, на полк посыпались награды, начиная с розданных немедленно 6 георгиевских крестов на роту; я позаботился, чтобы действовавшие с нами пограничники не были обижены, и выхлопотал им по 3 георгиевских креста на сотню. После этого боя пограничные сотни выглядели бы уже вполне боеспособными, если бы не их ужасная хозяйственная часть.

Командир бригады Нагаев просил меня сообщить ему, какой мой главный подвиг в этом бою. Я тщетно перебирал все свои действия, не находя подвига, и сообщил, что моя важнейшая заслуга в том, что я своими руками повернул Тимофеева и дал ему толчок вперед. Нагаев этим удовлетворился и попросил меня засвидетельствовать, что полк перешел в наступление по переданному им мне приказу, что я охотно и выполнил.

Через три месяца в Херсоне я узнал о награждении меня за это дело георгиевским оружием. Нагаев, много хлопотавший над

организацией этого перехода в наступление и единственный тактический работник в управлений дивизией, получил орден Георгия. Такую же награду, и вполне заслуженно, получил командир I батальона Патрикеев.

Немцы также в течение лета 1915 г. отвыкли терпеть неудачи, и неуспех 14-й ландверной дивизии произвел впечатление и на немецкое высшее командование. В труде Шварте (т. II, ч. 2-я, стр. 220) мы читаем: "Чтобы дать возможность 10-й армии развивать энергичнее наступление на Вильну, главнокомандующий на Востоке (Гиндербург-Людендорф) 30 августа возложил атаку Гродны на 8-ю армию и дал свое согласие на то, чтобы развернуть на северном берегу Вилии более крупные силы (2-ю, 58-ю, 88-ю пехотные дивизии, 10-ю ландверную дивизию, 9-ю кавалерийскую дивизию). Это мероприятие являлось тем более необходимым, что 14-я ландверная дивизия, выдвинутая вперед для поддержки конницы, после краткого успеха при прорыве русского расположения, вынуждена была отойти за ручей Дукшта перед много превосходными силами неприятеля". 3 батальона 6-го Финляндского полка и 3 батальона подчиненных мне "белых негров", вытянутые в одну линию, дружно ударившие, и представляли главным образом эти "много превосходные силы"...

Глава седьмая. На подступах к Вильне

(Схемы 2, 3, 4)

С 31 августа по 16 сентября, когда созрело решение отдать Вильну, 6-й Финляндский полк продолжал оставаться в районе Мейшагольской позиции. В оперативном отношении этот период представляет 3 раздела. По 4 сентября догорала неуспешная наступательная операция группы Олохова (гвардейский и V Кавказский корпуса), с 5 по 8 сентября протекала оперативная пауза, а 9 сентября началась операция Свенцянского прорыва (у немцев — Виленское сражение).

В это время 6-й Финляндский полк имел только один бой — 16 сентября; по было бы ошибочно думать, что 16 дней без боя находились в моем распоряжении для сколачивания и обучения полка. Из этих 16 дней 2-я Финляндская дивизия находилась 9 дней на позиции и 7 дней — в резерве группы. 6-й полк сверх того 3 суток находился в резерве дивизии. Полк, казалось бы, должен был иметь 10 дней отдыха; но из них надо выбросить 4 дня — когда полк сменялся утром или должен был сменять вечером; затем нужно вычесть 6 маршей; составляя резерв группы Олохова, 2-я Финляндская дивизия была вначале, 9 сентября, сосредоточена у мызы Повидаки, за центром; 10 сентября она была передвинута на левый фланг, в район з. Пурвишки, 11 сентября возвращена к мызе Повидаки, за центр; и еще до рассвета 12 сентября 6-й полк был передан в резерв гвардейского корпуса, в Хартинишки, и в этот же день гастролировал во 2-й гвардейской дивизии в Ковшадолах, в ночь на 14 сентября возвратился в мызу Повидаки, а 15 сентября вечером выступил на крайний правый фланг Мейшагольской позиции. К этому еще надо добавить наряды отдельных батальонов в резерв на другие участки позиции. Если учесть все мотание полка за время нахождения "на отдыхе" в резерве, то окажется, что никакого отдыха собственно не было.

Действительно, 4 раза за этот период я приказывал вывести роты на учение, и каждый раз, после 2–3 часов занятий, мне приходилось обрывать их, дать получасовой отдых от муштровки и пускаться в марш{59}. Чем более расстраивались полки на фронте, чем больше они перегружались плохо обученными пополнениями, тем более они нуждались в отдыхе для сколачивания, чтобы восстановить свою устойчивость, и тем меньший отдых для них представляло пребывание в резерве: фронт в любом месте грозил прорывом, высшее руководство становилось крайне нервным и швыряло резервы с одного фланга

на другой. Нахождение в резерве становилось более утомительным, чем служба на не слишком беспокойном участке позиции. Мне кажется, обстановка не оправдывала такого мотания 6-го полка и более спокойное оперативное управление, чем имевшееся в 10-й армии, располагало бы и лучшими войсками. Впрочем основания для тревоги были{60}.

Немцы с 30 августа по 9 сентября пассивно оборонялись на фронте V Кавказского корпуса, удерживая за собой с. Кемели. Эта пауза в развитии немецкого наступления вызывалась полной перегруппировкой 10-й германской армии. III резервный корпус, находившийся раньше на Гродненском направлении, сменял на Оранском направлении XXI корпус. На правом берегу Вилии в дополнение к находившемуся там VI конному корпусу разворачивались сильный XXI корпус против Мейшагольской позиции и против русской гвардии, а далее к северу, в районе м. Ширвинты — I армейский корпус. Частью за счет новых перебросок, частью за счет Неманской армии, состав 10-й германской армии (7 пехотных полков, 4 ландвере, бригады, 2 кавалерийские дивизии) должен был удвоиться: к нему постепенно было добавлено 8 пехотных дивизий и 3 кавалерийских дивизии. Марши растянулись на 8 дней (1 — 8 сентября).

Так как гвардейский корпус продолжал наступать в этот период неготовности немцев, то и V Кавказский корпус оставаться пассивным не мог. Гвардия 1 сентября наполовину захватила с. Явнюны на большаке, а к северу гвардейская казачья бригада и конница Тюлина перешли уже большак и находились в 2 — 3 км от деревень Конгуны и Тоувчули. Несмотря на это, немцы оставались против всего фронта Мейшагольской позиции, от большака до р. Вилии. Обстановка, казалось бы, требовала от V Кавказского корпуса, по отношению к которому гвардия наступала под прямым углом, напрячь все свои силы и ударить на немцев всем фронтом; наибольший успех можно было бы ожидать от атаки левого участка V Кавказского корпуса, на котором находился мой полк; этот удар пришелся бы по переправам на Вилии, грозил бы прервать сообщения немцев; развитие его могло бы смести все разворачивание немцев на правом берегу Вилии. Немцы поэтому-то и делали мне честь, возводя в первую очередь против моего полка сплошную линию проволочных заграждений, без чего их оборона успешно обходилась на других участках фронта.

Командование V Кавказским корпусом рассудило иначе. Как Куропаткин в русско-японскую войну всегда выдвигал необходимые предпосылки для общего перехода в наступление и,

не добившись этих предпосылок, так никогда в общее наступление и не переходил, так и командование V Кавказским корпусом считало необходимым предварительно отбить у немцев с. Кемели, а лишь затем уже размахнуться по немцам. Поэтому на мой левый участок была возложена чисто пассивная задача; у меня не только отобрали 494-й полк, но и батальон моего полка; штаб дивизии очень боялся за средний участок, как бы он, вместо взятия с. Кемели, не открыл дороги на Вильну; средний участок был усилен 8-м Финляндским стрелковым полком, который удалось 1 сентября после длительной переписки через штаб армии выцарапать у 65-й дивизии; 8-й полк вместе с 494-м и 493-и полками и 3-м пограничным принял участие в атаках на с. Кемели, а позади для перестраховки был растянут в одну линию рот мой батальон, в роли старой гвардии, на случай общей неустойки. Средний участок подчинялся Шиллингу, 5-й полк которого активного участия в атаке не принял. Единственным успехом Шиллинга было взятие 493-м полком слабо обороняемого ф. Богомилов; это не помешало ему валить на части 124-й дивизии и 3-й пограничный полк массу обвинений и просить о назначении нескольких энергичных офицеров для водворения в последних порядка. А взять их можно было конечно только у него, из состава его 5-го Финляндского полка. Следовало не жаловаться на 3-й пограничный полк, имевший на 580 кадровых солдат 2 100 необученных новобранцев, а умело подойти к нему и предъявить лишь посильные для него требования.

Правый участок, непосредственно поддерживавший гвардию, был выделен из нашей дивизии и подчинен — чисто-формально — начальнику сводной пограничной дивизии ген. Транковскому, не блиставшему энергией. Здесь 7-й Финляндский полк сторожил свои окопы, а активные действия вели 1-й и 2-й пограничные полки и 2 батальона 4-го пограничного полка (другие 2 батальона этого полка, участвовавшие в бою 30 августа, оставались у меня). Конечно, вклинение между пограничниками нескольких лучших рот 7-го полка дало бы атаке здесь совершенно другой характер. Но командование 7-го полка — старые стреляные воробьи свалило на "белых негров" всю боевую работу и ограничивалось тем, что писало пакости о производимых неопытными частями боевых усилиях.

Возмутительно была проведена артиллерийская подготовка. Организовать действие артиллерии V Кавказского корпуса, набранной "с бору да по сосенке" конечно было нелегко, но тем важнее было уделить этому делу внимание. Корпус располагал 7 легкими батареями (2 — 2-го Финляндского артиллерийского

дивизиона, 3 — 104-го артиллерийского дивизиона, 2 — 65-й артиллерийской бригады), 1 — тяжелой (спасшейся из Ковны), 1-й гаубичной (30-го мортирного дивизиона) и 1 горной (2-го Финляндского артиллерийского дивизиона). Это был своего рода АРГК, только совершенно неупорядоченный и неорганизованный. Никакого руководства артиллерией не было, она была вся роздана по участкам, хотя предстояло атаковать укрепившегося уже и устроившегося противника. Главная масса была сосредоточена на среднем участке — 5 легких батарей, 1 гаубичная, 1 тяжелая. Но из них только 2 финляндские легкие батареи имели хорошую стрелковую и некоторую тактическую подготовку; 3 батареи 104-го артиллерийского дивизиона в лучшем случае провели только 1 — 2 стрельбы из своих японских пушек; с гаубичной батареей мы уже познакомились в бою у Дукшт; вероятно ковенская тяжелая была еще слабее. Каждый командир стрелял по своему усмотрению; несмотря на свой скептицизм, я смотрю с доверием на донесения прапорщиков, атаковавших с. Кемели и сообщавших, что они были вынуждены отойти назад, так как подвергались жестокому избиению своими батареями. На моем участке, на мои 5 батальонов пехоты (2 — 6-го полка, 2 — пограничники, 1 495-й полк) была оставлена 1 горная батарея.

На пограничный правый участок были переданы две батареи 65-й артиллерийской бригады, которые были переброшены на правый берег Вилии по приказанию штаба армии еще 28 августа, чтобы несколько компенсировать артиллерийскую немощь V Кавказского корпуса, обеспечивавшего подступы к Вильне. Эти батареи умели хорошо стрелять, но, попав в чужой корпус, проводили политику экономии и копили снаряды, которые несомненно поступали, так как высшее командование придавало нашему наступлению большое значение. 29 и 30 августа они находились на участке 5-го Финляндского полка, решительно атакованного и не дали вообще ни одного выстрела; по крайней мере, на них пехоте не приходилось жаловаться, что они бьют по своим. За 6 дней боев в составе V Кавказского корпуса, по 2 сентября, они выпустили только 26 гранат и 52 шрапнели — для поддержки атаки пограничников к северу от Мейшаголы. А дело заключалось не в пустяках, а в наступательной операции, от исхода которой зависела участь Вильны и возможность немцев развернуться для Свенцянского прорыва. Снаряды вне всякого сомнения были; те же батареи вместе с пограничниками сменили меня на левом участке у Дукшт; 12 сентября немцы повели не слишком серьезную, но угрожающую 2 батареям 65-й артиллерийской бригады атаку — и батареи выпустили по

наступающим немецким цепям 265 шрапнелей и 25 гранат; но для поддержки своей наступающей пехоты батареи 65-й артиллерийской бригады не желали расходоваться. Только 2 сентября, когда наша пехота уже совершенно истекла кровью, штаб 2-й Финляндской дивизии обратил внимание на анархические и не контролируемые действия артиллерии, на бездействие командиров артиллерийских дивизионов, и назначил двух старших артиллеристов для объединения двух групп артиллерии, между которыми поделил все батареи{61}.

Неопытные, плохо обученные, без офицеров и без артиллерийской поддержки, но жестоко толкаемые сзади части 124-й и пограничной дивизий попадали в удивительную толчею, подставлялись под расстрел, теряли много убитых, раненых и пленных, проявляли свою активность главным образом в сокращении своего состава наполовину, получали на свою голову большую порцию помоев и затем выводились в тыл для реорганизации. Немцам легко было заметить узкий фронт атаки, направленный на с. Кемели, и сосредоточить здесь достаточные огневые средства. Мне рисуется, что весь фронт немцев было легче опрокинуть, чем вырвать у них одно селение в центре, не отвлекая их на других участках.

Утром 2 сентября, распивая чай у окошка своей избы в Шавлишках, я наблюдал, как наша артиллерия громит с. Кемели. Затем поднялась сильная ружейная и пулеметная пальба; это роты 8-го Финляндского полка двинулись в атаку. Само движение в атаку было от меня закрыто; но через 20 мин. я заметил густую цепь, выходящую из с. Кемели и быстро углубляющуюся в расположение немцев. Это были несомненно русские, в серых, а не голубых шинелях. Я немедленно схватил телефон, соединился с соседом — подполковником Забелиным, временно командовавшим 8-м полком, и поздравил его с победой. "Вы смеетесь надо мной", ответил Забелин. "Да я ясно вижу, как ваши стрелки выходят из Кемели и наступают дальше". "А вы не замечаете, что у них нет ружей и у многих руки подняты? Сейчас одна моя рота полностью сдалась, бросила во время атаки ружья и ушла к немцам". Временно командующий 8-м полком был подавлен. Я извинился, сославшись на лучшие чувства, которые мною руководили. В 8-м полку очень горевали не столько по людям, как по винтовкам, которые лежали так близко к немцам, что их нельзя было подобрать.

Как складываются легенды? Много разговоров циркулировало о причине неудачи 8-го полка. Полк определял свои потери в этом бою в 305 убитых, 300 раненых и 164 без вести пропавших; количество последних впоследствии по данным

полка еще уменьшилось. Большой процент убитых поражал воображение пехотинцев. Значительное количество убитых объяснялось расположением немцев будто бы на обратном скате. Впрочем рассмотрение карты этого не подтверждает. Немцы открыли огонь, по этим разговорам, только с 600 шагов, когда стрелки 8-го полка показались из-за мягкого перегиба гребня. При выпуклой конфигурации рельефа, пехотинец, наступая на окоп, лежащий на обратном скате, сначала подставляет под пули свою голову, затем грудь и живот; ноги его еще остаются закрытыми. Наступающий подвергается тем же превращениям, которые мы наблюдаем у приближающегося из-за горизонта корабля, как рассказывают географы для доказательства шарообразности земли. Это типичный пример складывавшегося у огонька военного анекдота, которым по преимуществу в течение многих веков питалась военная история. В основе его лежала излюбленность пехотинцем ружейных, в особенности пулеметных ранений в ноги, гарантирующих двухмесячный отдых в уютной обстановке тылового госпиталя, и месячный отпуск на родину; отсутствием этих ранений в ноги и объясняли большой, втрое больше против нормы, процент убитых в 8-м полку. Кроме того, вопрос о расположении на обратных скатах становился тактически модным.

Официальная реляция 8-го полка, орудующая другими соображениями, немногим ближе и истине, чем эта легенда. Реляция гласит об ужасном, ураганном огне своей артиллерии по ротам 8-го полка, подошедшим к с. Кемели. Затем жалоба на 5-й полк, с опозданием занявший г. дв. Кемели, лежавший вправо; это позволило немцам некоторое время фланкировать из пулемета роты 8-го полка; но больше всего конечно виноваты "белые негры" — 494-й полк, наступавший левее. И настроение у них скверное, и держатся они позади, и больше присутствуют, чем дерутся. Несомненная неудача 8-го полка заключалась в том, что в критическую минуту командир 7-й роты был убит, а командир 6-й роты был ранен, а других офицеров в этих ротах не было. Затем следует рассказ о сосредоточении немцев и их броске в штыки. В ужасной штыковой свалке почти полностью и погибла будто бы 6-я рота: спаслось из нее только 6 стрелков.

Эта реляция может служить не плохим материалом для сторонников обучения фехтованию на штыках и воспитания, вооружения и тактической подготовки пехоты для производства массовых штыковых атак. Но я приведу в дополнение к личным воспоминаниям и документы об этой атаке, уцелевшие в архиве.

Зауряд-прапорщик 494-го полка Змеевский доносил, что его "роты отступили только при виде сдававшихся финляндцев под

пулеметным и фронтальным огнем и при обходе их с флангов" (дело 366–184).

Зауряд-прапорщик Лоскутов, командир 5-й роты 494-го полка, доносил от 7 сентября за № 115: "В это время на левом нашем фланге наступала 6-я рота Финляндского полка. Нижние чины обратили мое внимание, что несколько человек германцев стоят с винтовками наизготовку и люди 6-й роты финляндцев проходят им в тыл, без оружия. Нас это смутило. Так как с левого фланга был неприятель, с правого фланга и в упор по нас стреляли из пулеметов и ружей разрывными пулями, я решил отступить".

Эти свидетели 494-го полка были на месте несомненно; правда эти показания даются ими через 5 дней, в реляции, стремящейся ответить на упреки финляндцев, что они их не поддерживали, и оправдать свое отступление. Из уцелевших офицеров 8-го полка на месте находился только прапорщик Котов, который пошел с полуротой 5-й роты на помощь 6-й и 7-й ротам, но по-видимому был немного контужен в самом начале боя. Сохранилась записка, написанная каракулями; только подпись принадлежит Котову; приводим, с соблюдением орфографии, этот документ, написанный под ближним пулеметным огнем: "3-й бтл. Командиру батальона номер 40 северо западная леса у госпота дома несу большие потери потпрапорщик Суботин тяжело ранен. 9-й полуроте ранило 11 чел. убито 1. 5 роты 20 ран. 10 убит Противник прекратил перебешки и опстреливает нас сильным ружейным и пулиметным огнем Роты окопались Прошу прислать заместителя страшно кружитца голова ничего ни соображаю командир 5-й роты Котов".

Командир батальона 8-го полка штабс-капитан Печенов, непосредственный автор реляции со штыковой схваткой, по-видимому лично не наблюдал гибель своих рот, но констатирует, что из 2 рот его батальона, принимавших участие в атаке, из боя вышло только 56 штыков.

Донесения 494-го полка, через штаб 124-й дивизии стали по-видимому известны штабу 2-й Финляндской дивизии. Приводим, как эпилог, следующую записку начальника штаба 2-й Финляндской дивизии, написанную через 9 дней: "11 сентября 1915 г. 10 ч. 50 м. утра № 190. Командующему 8-м Финляндским стрелковым полком. Начальник дивизии приказал донести о причинах сдачи в плен 6-й роты вверенного вам полка 2 сентября и об обстановке, при которой она происходила". Это требование забылось среди тех жертв, которые потребовал Свенцянский прорыв, и осталось без ответа.

В этих боях на Мейшагольской позиции (29 августа — 2

сентября), в которых 5-й полк был сначала прорван и затем должен был восстанавливать свое положение, казалось 5-й полк должен был бы понести наибольшие потери. В действительности при общей боевой потере 2-й Финляндской дивизии в 20 офицеров и 1 793 стрелков, на долю 5-го полка приходится только 217 стрелков, а все офицеры оказались живы и здоровы. Совершенно ясно, что 5-й полк, открывший фронт, проехался главным образом за счет "белых негров", какими для него являлись все передаваемые в распоряжение его командира подкрепления, примерно так, как на гигантских шагах катается за чужой счет умеющий отставать на два шага от своего места. Шиллинг мог поддерживать свою популярность в полку, только искусно взваливая на других его задачи. Но это было уже разложение. Количество убитых стрелков в дивизии по документам оказалось 492, раненых 1 123, а пропавших без вести — только 119 (сверх того 42 контуженных и 17 оставленных на поле боя). Несомненно следует количество потери пленными увеличить на сотню и настолько же сбавить количество убитых. Пограничная дивизия потеряла 10 офицеров и 1 896 нижних чинов. Потери 124-й дивизии — около 1 250 человек (главным образом 494-й полк — 756, и 496-й — 289). Итого, потери V Кавказского корпуса превышали 4 900 человек; эти громадные потери находятся в явном несоответствии с второстепенными задачами, которые он пытался разрешить, и объясняются плохим управлением свыше, детской работой артиллерии, эгоизмом 5-го и 7-го полков, плохой строевой подготовкой, особенно пограничников, державшихся при наступлении кучно. Бестолковые атаки на с. Кемели были окончательно прекращены только 4 сентября, одновременно с переходом гвардии к обороне, вследствие сообщения авиационной разведки о движении крупных колон немцев против V Кавказского и гвардейского корпусов. Этому предупреждению авиации группа Олохова обязана выигрышем в 5 дней для спокойного занятия оборонительного положения и подготовки ко встрече немецкой атаки.

Потери частей V Кавказского корпуса повели к некоторому понижению боеспособности. Наиболее пострадавший 8-й полк наша дивизия пополнила немедленно остатками безоружных от других полков, и сумела получить из тыла винтовки для вооружения 8-го полка. Команда безоружных, пробывшая в моем полку свыше 3 недель, получила дополнительную подготовку, особенно по окопному делу, ознакомилась с порядком на театре военных действий, дисциплинировалась и была несомненно лучше сколочена, чем прибывавшие на театр военных действий

роты пополнения; правда, лучшая и большая часть команды безоружных была уже выбрана на пополнение потерь 6-го полка; от раненых и убитых винтовки тщательно собирались ротами. Я без горести расстался 4 сентября 1915 г. со своими 80 последними безоружными и таковых больше не наблюдал до самого конца войны. В этот момент в нашу дивизию прекратился и приток рот пополнения; последние стали вновь поступать лишь в самом конце сентября. Только 3 — 4 недели дивизия оставалась без пополнения, но этого было достаточно, чтобы сморщить ее до очень скромных размеров.

Уже 4 сентября 6-й полк на левом участке Мейшагольской позиции должен был быть смененным пограничной дивизией. Смену можно было произвести только ночью, и ночью же пограничные полки должны были совершать рокировку справа налево, чтобы подойти к левому участку скрытно от наблюдения неприятельской воздушной разведки. Но для этого уже требовалась известная сноровка от штаба пограничной дивизии и известная аккуратность и маршевая дисциплина от полков. Фактически пограничники начали собираться в Леvidанах только после 5 часов 4 сентября, когда уже рассвело, и смену я отложил на следующую ночь, во избежание напрасных потерь. Вследствие этой расхлябанности пограничного командования мой полк поступил в резерв среднего участка на сутки позже, чем рассчитывали высшие штабы. Если бы немецкий переход в наступление состоялся на 4 суток раньше, это могло бы иметь очень неприятные тактические последствия{62}.

7 сентября вечером 6-й полк занял средний участок, сменив 5-й и 8-й полки. Кемели были потеряны 29 августа; уже 8 суток наши части находились на среднем участке приблизительно в том самом положении, которое я принял; но что там были за окопы! Нарыто было много, но не глубоко, бестолково, бессвязно, точно здесь паслись дикие свиньи; каждый взвод устраивался, где попало, по-дилетантски; в расположении окопов видна была полная анархия, отсутствие всякой системы и заботливости командиров полков батальонов. У 5-го и 8-го полков уже настолько опустили руки после неудачи у с. Кемели, что они были способны располагаться только в заблаговременно устроенной и не ими обдуманной системе окопов; роты были предоставлены самим себе и могли заниматься только самоокапыванием, а не укреплением позиции.

К сожалению, я не мог ввести каких-либо стоящих упоминания усовершенствований. Полк простоял на этом участке только сутки и был сменен в ночь на 9 сентября гвардейской стрелковой бригадой. А сутки — срок недостаточный даже для

получения командиром полка полной ориентировки об его участке; ходов сообщения не было, ночью разобраться было нельзя, а днем под сильным обстрелом приходилось пробираться кустами, совершая кружные обходы. Менее чем на неделю выставлять части на позицию бесцельно; энергия расходуется только на смену и ознакомление. За все прегрешения 5-го и 8-го полков пришлось расплачиваться гвардейским стрелкам, которые были атакованы, как только заняли неорганизованный хаос окопов.

В ночь на 9 сентября 2-я Финляндская дивизия собиралась в резерв группы Олохова. Мне пришлось несколько раз прогуляться по тылам гвардии. Последняя как представительница высокой боеспособности пользовалась в армии значительным уважением{63}. Мне однако пришлось наблюдать гвардию в самые печальные ее минуты, при наибольшем ее истощении, когда гвардейские части далеко не могли сравниться с 6-м Финляндским полком. Первое мое знакомство: мимо меня проходит толпа в серых шинелях, без оружия, частью в лаптях, опорках и даже с обмотанными тряпками ступнями; все это тяжело шлепает по грязи и имеет какой-то глубоко нищенский вид. "Что это за оборванцы?" "Команда бессапожных 4-го лейбгвардии стрелкового полка императорской фамилии, ваше высокоблагородие", лихо отвечает унтер-офицер, предводитель этой банды. Из этого полка, расположенного по соседству, ко мне является дюжина дезертиров: бывшие стрелки 6-го Финляндского полка, раненые в боях, находились на излечении в петербургских госпиталях, были направлены в 4-й гвардейский стрелковый полк на пополнение; но они привязаны к своему 6-му полку, в гвардии они чужие люди, порядок им там не нравится, их тянет в родной полк, где они с удовольствием будут продолжать сражаться с немцами, и где их может быть ожидают награды за понесенные ими жертвы. После минутного колебания я становлюсь нарушителем закона, ласково их приветствую и распределяю их по их бывшим ротам. На следующий день поступает ко мне записка моего знакомого по войне с Японией полковника Скалона, командира 4-го гвардейского стрелкового полка; у него дезертировало 12 стрелков; все они служили раньше в 6-м Финляндском полку и очевидно, оказавшись с ним по соседству, ушли к нему; он ценит и понимает привязанность к части, знамени, традициям и спорить о них не будет, тем более, что имеет людей им на замену; но они унесли с собой 12 трехлинеек, в которых у него большой недостаток; просит меня вернуть ружья. Я с удовольствием выполняю его просьбу, и дело кончено миром.

О нравах гвардейского командования периода упадка может

дать представление следующий эпизод. К 9 сентября немцы значительно усилились. Вместо спешенной конницы перед фронтом гвардии развернулась первоклассная пехота с сильной артиллерией. Начались атаки по всему фронту группы Олохова. А 77-я немецкая резервная дивизия, усиленная бригадой ландштурма, начала охватывать гвардию справа: 9 сентября она овладела Ширвинтами, а 12 сентября уже сильно потеснила 2-ю гвардейскую дивизию у м. Глинцишки. 10 сентября мой полк передвигался на крайний левый фланг, где медленно развертывалась атака против пограничной дивизии и где легко мог образоваться прорыв. 11 сентября к вечеру полк был возвращен в центр, а еще до рассвета 12 сентября передан в резерв гвардейского корпуса и направлен в Хартинишки, где расположился на отдых. На фронте шел бой, циркулировали тревожные слухи: накануне пострадала 1-я гвардейская дивизия, теперь беспокоились о 2-й гвардейской дивизии. Ко мне поступил следующий приказ: "12/IX 1915 г.

17 ч. 20 м.

Командиру 6-го Финляндского полка № 1246 г. дв. Ковшадолы.

Согласно приказанию вр. команд. гвард. корпусом, который назначил ваш полк в мое распоряжение, приказываю вам с полком немедленно следовать в г. дв. Ковшадолы, где вы получите указания, что делать дальше. Возможно, что вашему полку предстоит бой сегодня же.

Вр. команд. 2-й гвард. пехотной дивизии ген. — майор Теплов".

Я мгновенно поднял полк и двинул его в Ковшадолы. Командиру гвардейского корпуса, в резерве которого я состоял, донесение о выступлении мной было послано в 17 ч. 40 м.; очевидно, что часы у Теплова были немного вперед по сравнению с моими, так как иначе трудно допустить, что на доставку ко мне приказа и на подъем полка потребовалось только 20 минут. Свои часы я ежедневно проверял по телефону.

По тону распоряжения мне казалось, что налицо "пожарный случай", что над 2-й гвардейской дивизией нависает катастрофа; предоставив полку спокойно следовать 3 км, отделявшие его от г. дв. Ковшадолы, я с адъютантом поскакал галопом вперед, чтобы выгадать время на ориентировку и принятие энергичного решения. Штаб 2-й гвардейской дивизии находился в подавленном настроении; прикрывавшая правый фланг дивизии конница не выдерживала натиска немцев; катастрофы несомненно еще не было; можно было даже усомниться в серьезности наступления немцев; накануне был сильный бой, и

часть фронта отпрыгнула на несколько сот шагов назад; дивизия израсходовала все свои резервы; удрученный штаб дивизии решил урвать 6-й Финляндский полк для большего спокойствия из резерва гвардейского корпуса в свое распоряжение и с утра, предвосхищая ход событий, "anticipando", пустил ряд тревожных донесений. Узнав, что 6-й полк сейчас подойдет, и зная его хорошую репутацию, штаб 2-й гвардейской дивизии подбодрился и просил расположить полк вплотную у штаба — роты бивуаком в парке, офицеров — в части того же обширного помещичьего дома, где располагался штаб дивизии. У меня сложилось такое впечатление, что штаб дивизии побаивается темных комнат и совершенно не верит своим измученным полкам{64}.

Но вопрос о расположении полка был для меня второстепенным, мы шли сюда, чтобы сражаться, и меня интересовала главным образом обстановка на фронте. Теплов находился в неведении, что меня не удивило, но у него был неплохой исполняющий должность начальника штаба молодой, способный офицер генерального штаба Кузнецов, первый дебют коего в бою, как совсем юного, но толкового артиллериста, я наблюдал еще в 1904 г. Он тоже был не в полном курсе событий. Всей боевой частью, в которую была развернута вся дивизия, руководил временно исполняющий должность командира бригады, ген. — майор Гальфтер; он фактически руководил боем; если я хочу быть готовым ко всем случайностям, которые могут произойти, и хочу получить точную ориентировку, то только Гальфтер может мне ее дать. Но он находится далеко впереди, в 500 шагах от цепей, в блиндаже непосредственно среди войск, и к этому боевому командиру под обстрелом нелегко пробраться...

Но если ген. — майор может руководить дивизией из-под носа у немцев, сидя в каком-то жалком блиндаже, почему там не может появиться полковник Свечин? Проводников не нужно — к Гальфтеру идет непосредственно из штаба дивизии находящийся в полной исправности провод.

Я оставил адъютанта устраивать полк в усадьбе Ковшадолы; штаб дивизии готовился его радостно встретить; я с ординарцем поскакал вдоль провода на север — кажется через м. Подберезье. Проехав быстрым аллюром около 3 км, я въехал в большое, сильно разбитое артиллерией и брошенное жителями селение. Мой провод привел меня к 2 крохотным блиндажам. Один из них представлял печальное зрелище — покрывавшие его толстые бревна были разбиты и разворочены попаданием гаубичного снаряда: он был пуст; другой блиндажик был цел и в нем оказалась контрольная станция — 2 телефониста. "Где ген. — майор Гальфтер?" "Поезжайте по этому проводу, он идет прямо к

нему". Я удивился: провод вел меня назад, почти по пройденному мной пути; я поехал, но почему-то мне стало жаль своего коня, и я трусил спокойным аллюром. Через 20 мин. передо мной выросла та же прекрасная усадьба Ковшадолы, но провод свернул к другой оконечности парка и уперся в небольшую хибарку садовника. Чувства смеха и горя овладели мной одновременно, когда я вошел в домик садовника, представился находившемуся там ген. — майору Гальфтеру и просил его меня ориентировать; конечно Гальфтер также мало разбирался в обстановке на фронте, как и доверившийся ему штаб дивизии; я сообщил Гальфтеру, что в штабе дивизии его ошибочно предполагают в другом селении, куда и направили меня. Гальфтер покраснел, но возразил мне: "А разве этот домик не это селение?" "Нет." "Значит я ошибся". Спорить не приходилось; я раскланялся; вернувшись в штаб дивизии, где мне отвели роскошный кабинет, я все-таки заявил, что я стесняюсь им пользоваться, поскольку штаб дивизии держит своего боевого командира бригады тут же в 200 шагах, в жалкой будке садовника. Штаб дивизии был сконфужен и поражен. Удивительно, как при таком руководстве гвардейские полки все же недурно дрались; сплоченность частей и муштровка выручали.

Высокое начальство рассчитывало в ночь на 13 сентября, что 2-я гвардейская дивизия, оказавшаяся не в катастрофическом положении, и усиленная 6-м Финляндским полком, перейдет в наступление. Кузнецов вызвал меня на совещание и объяснил, что гвардейские полки, находившиеся уже больше двух недель (с 30 августа) в почти непрерывном бою, решительно не могут наступать, но что мой полк произвел на всех в штабе дивизии прекрасное впечатление и мог бы нанести, если я пожелаю, короткий удар немцам на их участке. Я отвечал, что готов исполнить всякий разумный приказ, но желания непременно наступать сейчас у меня отнюдь не имеется. Предстоят тяжелые дни, и боеспособность 6-го полка еще очень пригодится. К чему продвинуться сегодня ценой страшных жертв на 1 км вперед, чтобы завтра осадить на переход назад? Кузнецов со мной вполне согласился. Правее гвардии, правда, подходил III Сибирский корпус, но дальше кроме конницы, которая уже явно выдохлась, никого не было; а туда на широком фронте движутся немцы, которые режут Варшавскую железную дорогу. Действительно, 13 сентября немцы заняли Свенцяны, а 14 сентября подходили к Сморгони, в нашем далеком тылу.

Простояв сутки без дела в Ковшадолах, в ночь на 14 сентября 6-й полк двинулся назад, на шоссе, в район мызы Повидаки, где еле держались гвардейские стрелки. Но развитие событий повлекло нашу дивизию на крайний правый фланг

Мейшагольской позиции.

В середине августа 1915 г., в момент, к которому относится начало нашего повествования, разрыв между 10-й и 5-й армией (Вишинты — Ковна) достигал 125 км. В течение месяца с тех пор русское командование настойчиво работало над заполнением этого разрыва, перебрасывая все освобождающиеся резервы в 10-ю и 5-ю армии. За это время правое крыло 5-й армии выросло в самостоятельную 12-ю армию, а 10-я армии развернула на правом берегу Вилии 3 корпуса (V Кавказский, гвардейский, III Сибирский), всего 9 пехотных дивизий (Пограничная, 124-я, 2-я Финляндская, 4-я Финляндская, гвардейская стрелковая бригада, 1-я и 2-я гвардейская дивизии, 7-я и 8-я Сибирские дивизии); но так как 5-я армия под ударами Неманской германской армии продолжала осаждать, то к 14 сентября разрыв между 5-й и 10-й армией уменьшился только до 95 км, лишь передвинувшись к востоку; действительно левый фланг 5-й армии находился всего в 30 км от Двинска, на позициях к западу от Ново-Александровка, а м. Солоки{65} было 14 сентября занято баварской кавалерийской дивизией, имевшей направление на Видзы (занято ею 17 сентября); это был один фланг прорыва; другой фланг прорыва образовывала оконечность правого фланга Мейшагольской позиции на р. Вилии выше Вильны, в 2 км от с. Тартак. Развитие боевых действий на фронте 5-й и 10-й армий не позволило нашему высшему командованию, несмотря на все его запоздалые усилия, в течение этого месяца исправить ошибку в развертывании наших сил летом 1915 г., и в 95-км разрыве между армиями оказалась только выдохшаяся конница Казнакова и Тюлина. Надломив фронт нашей конницы, немцы бросили вперед 5 кавалерийских дивизий, которые понеслись, не встречая почти никакого сопротивления.

Мне рисуются 2 оперативные ошибки русского командования, облегчившие немцам прорыв. Первая ошибка — это направление 10-й армией свободного III Сибирского корпуса к северу от Вильны для удлинения правого фланга гвардии, явно охватываемого немцами, когда последние уже захватили Гедройцы (10 сентября). Такое запоздалое выдвижение поддержки из центра могло привести III Сибирский корпус лишь к тому, что он оказался сам внутри охвата и не нашел себе полезного употребления. Несравненно выгоднее было бы в оперативном отношении выдвинуть III Сибирский корпус уступом — и чем более мы опаздывали, тем более этот уступ следовало отнести назад. Вероятно, к вечеру 12 сентября имелась возможность развернуть III Сибирский корпус на р. Жемяне и задержать там I германский армейский корпус, что окончательно лишило бы

прорвавшиеся к Вилейке и Сморгони немецкие кавалерийские дивизии поддержки пехоты. Вторая ошибка — это подчинение основной кавалерийской массы (до 5 русских кавалерийских дивизий) Казнакова 5-й армии, что и обусловило ее отскок, под ударами немецкой пехоты и конницы, через Кукунишки в район оз. Дрисвяты. Окружение через прорыв угрожало не 5-й, а 10-й армии; к последней следовало и организационно привязать и Казнакова, обслуживавшего с 24 августа интересы 10-й армии. Тогда под немецким ударом Казнаков отходил бы не к озеру Дрисвяты, где он прикрывал пустоту, а по направлению к Молодечно, где проходили жизненные артерии всего Западного фронта. Эта задача выпала на слабые и сильно расстроенные боевыми усилиями казачьи полки Тюлина; последнего немцам удалось легко отеснить за р. Вилию. При правильном оперативном руководстве мы имели бы возможность встретить прорыв десятью кавалерийскими дивизиями (Казнаков, Тюлин, Орановский), поддержанными 2 пехотными дивизиями III Сибирского корпуса, и сохранить Вильну. Вместе с тем нашему высшему руководству нельзя отказать в известном предвидении событий, что видно из поставленной Алексеевым 10 сентября, на второй день германского наступления, задачи Западному фронту{66} — "создать особую группу корпусов в районе Ошмяны — Лиды, сняв с фронта и штаб 2-й армии, так как эта группа может получить самостоятельную задачу". Эта вовремя сформированная 2-я (резервная) армия и спасла 10-ю армию от окружения.

Центр событий явно переносился на восток от Вильны. 14 сентября конный корпус Орановского, двинутый из Польши для усиления нашей конницы в районе Свенцяи, подходил только к переправам на верхней Вилии у м. Быстрица и м. Михалишки, к северу и востоку от м. Ворняны, где находился штаб конного корпуса; переправы оказались занятыми немцами; 16 сентября конный корпус Орановского был уже оттеснен на фронт Ворняны — Гervяты и держался только из последних сил, в 20 км перед ним, вдоль западного берега оз. Свирь, было замечено движение больших колонн немецкой пехоты, в направлении на Жодзишки (75-я и 115-я пехотная дивизия, долженствовавшие поддержать прорвавшуюся в район Молодечно конницу). Командование 10-й армии решило от полумер перейти к энергичным мероприятиям и бросить на восток от Вильны, для удара во фланг по прорывающимся немцам группу Флуга (командира II корпуса, в составе II и V армейских, III Сибирского корпусов и 3-й гвардейской дивизии). Орановский и отошедшие на Вилию части конницы Тюлина должны были прикрывать это лихорадочное

развертывание. Независимо от этого, Западный фронт формируемую им на линии Ошмяны — Молодечно новую 2-ю армию должен был направить в наступление в промежуток между 5-й и 10-й армиями. Для этой цели явилось возможным задержать и подкрепления, направленные в состав Северного фронта, но осторожно, так как 5-я армия держалась на Двинской предмостной позиции на волоске. Вступление в бой первых корпусов 2-й армии (прибытие первых частей 16 сентября) можно было ожидать к 19 сентября. А до этого времени тыл 10-й армии трещал по всем швам. Немецкая кавалерия прервала во многих местах железные дороги Вильна — Молодечно, и Молодечно — Полоцк, нападала на обозы, высылала предприимчивые разезды на несколько переходов вперед. Поезда на перегоне Солы — Сморгонь уже 15 сентября обстреливались артиллерией, и движение по железной дороге здесь прекратилось; к вечеру Солы и Сморгонь заняли немцы. Нужда в войсках для обороны железнодорожных станций, административных центров, сооружений и обозов была столь значительная, что 16 сентября начальник штаба Флуга полковник Семенов просил штаб 10-й армии выслать хотя бы роту на поддержку в Ошмяны, чтобы двинуть что-нибудь на Жуйраны, занятые немцами, откуда последние пересекали почти все пути отхода обозов 10-й армии. Приводим ответ в телеграфном разговоре дежурного по штабу армии: "Господин полковник, в Ошмянах находится рота понтонного батальона штабс-капитана Бейю, жаждущая боя. Начальник штаба разрешил воспользоваться ею и направить вашим распоряжением в Жуйраны". Действительно, обстановка в тылу 10-й армии оправдывала введение понтонеров в бой наравне с пехотой, не искушенной в мостовой технике.

Не все однако начальники 10-й армии в эти критические дни понимали необходимость крайнего напряжения сил. Так, 4-я Финляндская дивизия, ссылаясь на потерю боеспособности, просилась в резерв. Эта дивизия находилась в бою на левом фланге Мейшагольской позиции, где наш фронт в результате многодневных боев осадил уже на тот самый участок Паужели — Медведзишки — Леvidаны Эльнокумпэ, с которого 6-й Финляндский полк днем 30 августа перешел в атаку; вот иеремиада 4-й Финляндской дивизии: "15 сентября 21 час. На правом участке часть 16-го Финляндского полка 4 раза переходила в контратаку для возвращения своих окопов между Медведзишки и Леvidаны, но контратаки эти не увенчались успехом, и роты занимают фронт Паужели — Медведзишки включительно, далее по опушке леса, что к югу от Медведзишки, до дороги Леvidаны — Бринкишки 6 — 7 рот и остатки 15-го

Финляндского полка, но сомкнуть фланги 15-го и 16-го Финляндского полка еще не удалось; о большей части 15 полка, занимавшей окопы от Леvidаны до высоты 82,3, сведений у командующего полком не имеется; от батальона 7-го Финляндского полка (выделен на поддержку нашей дивизией. — А. С.), направленного на фронт з. Рузунишки — з. Пурвишки для атаки высоты 82,3, донесений нет. Занимавшие левее позицию пограничники отошли, обнажив фланг; дивизия уже вчера состояла лишь из 3 батальонов, на одну четверть только 11 сентября пополненных вновь прибывшими укомплектованиями, не обстрелянными и не успевшими подучиться при полках; при этом 4-я Финляндская дивизия с 20 августа, со дня прибытия с Юго-западного фронта, находится в непрерывных боях, переутомление войск достигло крайних пределов". Начальник штаба V Кавказского корпуса переслал эту иеремиаду начальнику штаба 10-й армии с припиской, что, несмотря на изложенное, командир корпуса приказал идти в атаку и восстановить положение. Командование 10-й армии так и не вняло слезнице 4-й Финляндской дивизии. Ответ его гласил: "Генералу Истомину. 1374. Командующий армией обращает ваше внимание на то, что малообученные пополнения одинаково вливаются и в другие части, и особых против других причин утомления у финляндцев быть не может, все ведут бой с напряжением, притом конечно не меньшим, чем 4-я Финляндская дивизия, показавшая уже много раз свою малую стойкость. Необходимо привести части в порядок и обратить внимание на начальствующих лиц; солдаты везде одинаковы и не только у нас, но и у противника; все дело значит в начальниках, их твердости, бодрости и энергии... 9716 Попов (начальник штаба 10-й армии)". И командир корпуса и начальник штаба армии отвечали конечно не совсем верно, но здорово; пускать в атаку жаждущих сдачи солдат не следовало, но эти контратаки производились большей частью только на бумаге.

Первой задачей было освободить для действий в районе прорыва ближайший III Сибирский корпус; важно было не допустить немцев по крайней мере на левый берег верхней Вилии, чтобы сохранить хотя бы узкую полосу для отхода из Вильны. 7-я Сибирская дивизия уже 15 сентября находилась за Вилией и растянулась до района м. Быстрица. В ночь на 16 сентября 2-я Финляндская дивизия получила приказ сменить 8-ю Сибирскую дивизию на правом участке Мейшагольской позиции, между оз. Желосы и р. Вилией, протяжением около 8 км.

За выделением 7-го полка на помощь 4-й Финляндской дивизии, во 2-й Финляндской дивизии оставалось для смены 8-й Сибирской дивизии (16 сильных батальонов) только 3 полка (9

батальонов) и вместо 7 батарей только 2 батареи (горная батарея была взята в отдел) с неполным числом орудий. Центральный участок Мейшагольской позиции занимала отошедшая гвардия. Все три полка нашей дивизии были назначены в боевую часть; мой полк получил наиболее угрожаемую, выдвинутую вперед половину дивизионного участка, примыкавшую к Вилии (от реки до ручья Желоса); другая половина была поделена между истрепанными 5-м и 8-м полками. В дивизионном резерве ничего не было; правда 1 батальон 32-го Сибирского полка был задержан на этом берегу Вилии и находился в корпусном резерве гвардейского корпуса, в участок которого входила и наша дивизия.

Конечно бросалось в глаза слабость нашей артиллерии — десяток орудий на 8 км серьезно угрожаемого фронта; рядом в гвардии было относительное изобилие батарей; раз наша дивизия входила в участок гвардейского корпуса, то штаб дивизии и возбудил ходатайство об усилении нас одной гвардейской батареей, хотя бы взамен взятой у нас в отдел горной батареи (осталась в сводной пограничной, дивизии). Начальник штаба гвардейского корпуса обещал нам уже в середине боя прислать одну легкую батарею 2-й гвардейской артиллерийской бригады (3 сентября, 14 час. Но Л 80), но под условием, что она будет поставлена на позиции западнее линии Белозеришки — Пошили, т. е. не дальше 1,5 км от разграничительной линии со 2-й гвардейской дивизией; по-видимому свои батареи гвардия не слишком доверяла соседям. Но, в конечном счете, и эта обещанная батарея не соблаговолила к нам прибыть. нас оставили выпутываться, как мы можем, для гвардии по-видимому неприятелями мы не были, но не были и своими{67}.

В 20 час. вечера 15 сентября уже стемнело, когда 5-й, 6-й и 8-й полки под моей командой выступили из района мызы Повидаки, через м. Реша, к г. дв. Червонный двор, откуда начали расходиться по своим участкам. Штаб дивизии не пытался сопровождать дивизию на ночном марше, для чего конечно вполне достаточно было старшего командира полка. Командир 5-го полка Шиллинг, ввиду воспреещения отпусков, сказался больным и эвакуировался. Пример его нашел массу подражателей в высшем комсоставе 10-й армии, и к концу дивизиями и штабами дивизий, отчасти полками почти сплошь заправляли временно исполняющие должность. Старший после Шиллинга командир 7-го полка Марушевский находился в отделе. Штаб дивизии ночевал в фольварке близ м. Реша, а утром 11 сентября переехал в г. дв. Вилиянова, где сменил штаб 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Такой метод управления позволял штабу

дивизии сосредоточиться на своей штабной работе, и при опытности полков в совершении маршей был вполне уместен. За более слабыми частями с его стороны потребовался бы однако неотступный присмотр.

В 2 ч. 30 и. 6-й полк прибыл в г. дв. Любовь, где нас встретили проводники от сменяемого мной 30-го Сибирского полка. Мой штаб полка последовал за проводником в штаб 30-го Сибирского полка, расположенный в с. Тартак, на берегу Вилии. В 30-м полку было 16 рот, у меня только 12 рот; в первой линии у сибиряков находилось 8 рот — их приходилось сменять автоматически моими 8 ротами; в батальонных и полковых резервах у меня осталось только 4 роты вместо 8 рот сибиряков. Оба полка были многоопытны, и сибирякам надо было торопиться на другой берег Вилии, против прорыва.

Смена моего полка была закончена в 4 ч. 20 м. утра. Расхождение по фронту 4-километрового участка моих рот, приемка позиций и объяснений сибирских ротных командиров и стягивание сибирских стрелков к штабу полка, расположенному в 2 км позади, заняло только 1 ч. 50 м. Смененные части сразу переходили через Вилию по мосту, находившемуся близ с. Тартак. К 5 ч. утра вся 8-я Сибирская дивизия была сменена, а в 5 ч. 30 м. уже полностью скрылась за р. Вилию. Эти данные, несомненно рекордные, взяты мной из дел 8-й Сибирской дивизии. Смена в данном случае совсем не походила на затянувшуюся на двое суток смену 6-го полка пограничниками 4 — 5 сентября. Правда, сибиряки особенно торопились и потому, что накануне вечером они наблюдали перед своим участком развертывание сильной немецкой артиллерии и последние подготовительные приготовления к атаке; они боялись быть застигнутыми с рассветом ураганом артиллерийского огня и были озабочены скорее сдать с себя ответственность за участок и убраться с него. Цель эта была вполне почтенная, так как они направлялись на особенно ответственную оперативную работу. Нам сибиряки любезно сообщили, что с вечера пристреливалась масса немецких батарей и нас на утро ждет тяжелое испытание.

Бой на утро после смены — величайшая неприятность. В глухую, темную ночь, во время смены нельзя проявить ни малейшей индивидуальности; приходится действовать вслепую, в совершенно неизвестной обстановке, рабски копировать расположение своего предшественника, хотя бы оно изобиловало ошибками и исходило из отличных от наших тактических представлений. Если у него больше рот, чем у нас, то приходится только делить свои пополам, и послушно расходиться за проводниками. Ротные и батальонные командиры влезают в

землянки своих предшественников, телефонисты тянут линии вдоль существующих проводов, пулеметы размещаются на заготовленных площадках, хотя бы они были совсем невыгодны. Только первые солнечные лучи позволяют разобраться и начать работу по изучению местности, подступов, узнать, кто оказался нашим соседом, где находится начальство, начать работу по приспособлению. Оборона укрепленной позиции — дело сложное; знакомиться с условиями обороны приходится уже в обстановке боя. Какова наша система огня, какой соседний пулемет может вас поддержать, удастся узнать только тогда, когда неприятель уже лезет на вас. Некоторую помощь могли бы оказать добропорядочные, точные схемы, размноженные по числу ротных командиров. Но при нашей русской лени — таковых никогда не оказывалось; самое большее, — новому командиру полка передавался один участок со схематическим порядком расположения рот. А рекогносцировка своего расположения, когда неприятель уже открыл массовый огонь, становится почти невозможной.

Уже со 2 сентября, две недели, порядок довольствия в 10-й армии нарушился; войска в состав армии все прибывали, а армейское хлебопечение не получило развития; в нашу дивизию хлеб из армии не поступал целыми неделями, вероятно сказывалось соседство гвардии, с которой более считались; дивизия довольствовалась хлебом своим попечением, но только кое-как. Теперь обстановка довольствия должна была еще сгуститься, так как 15 сентября штаб армии, чтобы выиграть себе большую свободу маневра, приказал отправить не только все дивизионные обозы, но и полковые обозы II разряда за р. Березину (приток Немана), т. е. за Молодечно; обоз II разряда отрывались от своих полков на 4 перехода; все нормы тактики и оперативного искусства упразднились ввиду катастрофически сложившегося для 10-й армии положения. Но распоряжение штаба армии об отводе обозов скрестилось с появлением немцев на участке Палоши Жуйраны — Солы — Сморгонь; обозы скопились в неимоверном количестве в районе Лаваришки — Палоши, т. е. в том самом районе, где должны были развертываться ударные корпуса Флуга, и двигались там, под влиянием слухов о немцах, в самых различных направлениях, загромождая нужные для маневра войск дороги. Доведенный до крайности генерал Флуг издал 16 сентября героическое распоряжение — всем обозам в его районе убрать повозки с дорог и оставаться на тех местах, которые они занимают. В будущем нас ждали совсем голодные, без соли, дни. Пока же соль была, и сибиряки оставили в своих окопах множество мясных туш в

подарок нашим стрелкам. По-видимому у сибиряков каждая рота реквизировала скот бесплатно и в неограниченном количестве, зато и дисциплина у них страдала. В предрассветные часы мои стрелки занялись приготовлением доставшегося им мяса, которое сибиряки не собирались уносить — скот везде ходит.

С утра 16 сентября немцы, предвидя, что наше сопротивление на прикрывающей Вильну позиции слабеет и что наши резервы уводятся на восток против прорыва, начали сильный обстрел всей Мейшагольской позиции и повели затем 3 атаки — на 2-ю Финляндскую дивизию на востоке, в центре на Измайловский полк, где им удалось добиться мелкого прорыва, и на левом фланге — на части V Кавказского корпуса, которые немного попятились. Высокое начальство немцев было недовольно весьма ограниченными успехами, которых смогли добиться до сих пор немецкие дивизии, наступавшие на Виленском направлении под общим руководством XXI корпуса. Уже 12 сентября Людендорф обратился к войскам с требованием полного напряжения сил, обещая, что будет достигнута крупная цель; на донесение XXI корпуса о встречаемом им исключительно сильном сопротивлении Людендорф выставил требование — или пусть XXI корпус прорвется к Вильне, или пусть отдаст большую часть своих дивизий обходящему I корпусу. XXI корпус делал теперь последнюю попытку прорвать русский фронт, непосредственно заграждавший путь к Вильне. В этот день среди всех войск, подчиненных Гинденбургу, оглашался его призыв, требовавший нового и самого крайнего напряжения сил{68}.

Выйдя утром из своей избы, я увидел перед фронтом своего полка на удивительно близком расстоянии 2 привязных змейковых аэростата. Они глубоко и внимательно просматривали местность в тылу полка и корректировали огонь своих батарей. Само селение Тартак немцы не догадывались обстрелять, но достаточно было проехать конному через лужок, находившийся к западу от Тартака, как его приветствовали 3 — 4 пушечных залпа по 4 гранаты каждый. Я проезжал под этот салют трижды этот луг, конечно хорошим галопом; каждое донесение ко мне должно было прорываться под этим огнем. Я решил, что 2 роты полкового резерва за с. Тартак расположены неудачно, и приказал им по одному перейти в лес, расположенный в 600 м к северо-востоку; в случае кризиса на фронте полковой резерв мог бы оказаться отрезанным заградительным огнем от боевой части; исподволь, в течение 3 час., обе роты перебрались в лес.

На левый, оголенный фланг полка показываться не приходилось. Я отправился утром осматривать окопы на правом фланге, где можно было близко подъехать верхом и где имелось

несколько сомнительных подступов. Позиция была того же типа, что у Дукшт — одна линия глубоких окопов, со ступеньками для стрельбы, с бойницами и тяжелыми бревенчатыми козырьками. Немецкая пехота утром, по докладу батальонных командиров, повсюду находилась не ближе 1 км к нашим окопам. Обстрел, за исключением ближайшего к Вилии участка, открывался из наших окопов на большое расстояние.

В 11 час. я повернул назад в штаб полка — огонь немецкой артиллерии участился, а из наших окопов открылся оживленный ружейный и пулеметный огонь. Немецкая пехота начала наступление. Мы открыли огонь с прицелом на 1 600 шагов. На некоторых участках немцы были остановлены нашим огнем уже в 800 шагах и начали окапываться, но в большинстве случаев их атака захлебнулась на дистанции постоянного прицела; кое-где они добирались до самой проволоки.

Меня сопровождала свита из трех конных разведчиков; мы выехали на луг широким строем; один из разведчиков был по-видимому малоопытным всадником, так как, когда около него неожиданно разорвалась одна из 4 очередных гранат, он так опешил, что соскочил с коня и на своих на двоих, конкурируя с нашим галопом, вбежал в деревню Тартак; писари, любовавшиеся этой сценой, встретили его замечанием, что ему бы еще сапоги скинуть, босиком способнее. А впрочем, это был отличный разведчик.

В штабе полка телефон работал урывками, и не со всеми ротами. Телефонисты под огнем чинили провода, которые все время повреждались обстрелом. По участку полка работало не менее 60 немецких орудий, в том числе свыше десятка тяжелых гаубиц. Командиры батальонов сообщали о больших потерях от артиллерийского огня; окопы, как они ни казались солидными, сильно разрушались. Часто падали козырьки и наносили массовые ушибы и увечья. Эти козырьки под легким обстрелом у Дукшт казались прекрасными, позволяли под шрапнелью вести спокойный ружейный огонь, а теперь их роль начинала казаться предательской. Огонь по наступающим немцам по-видимому велся не из всех бойниц; некоторые взводы, которым больше всех досталось, укрывались вероятно на дне окопов; вследствие падения козырьков сообщение вдоль окопов становилось затруднительным, а кое-где было прервано вовсе, а ротные командиры не могли охватить работу всех своих взводов. Но огонь наших винтовок и пулеметов звучал все же достаточно напряженно. Проволочное заграждение пострадало, но образуются ли в нем проходы, где и сколько — неизвестно. Нет никаких сведений с высоты 72,7, на которой особенно

концентрируется огонь тяжелых батарей.

1-я батарея II Финляндского артиллерийского дивизиона (полковника Голубинцева) поддерживала 8-й полк. 5-й полк в центре (ручей Желоса — ф. Констанполь исключительно), который был атакован лишь в стыках с 6-м и 8-м полками, оставался в действительности без артиллерийской поддержки. 6-й полк поддерживался огнем 2-й батареи. В бой она вступила с 5 орудиями, но одно вскоре было подбито. На ее наблюдательном пункте (у з. Васалуха) было также жарко; пришлось временами прятать рога Цейссовской трубы. За 16 сентября батарея выпустила 779 шрапнелей и 30 гранат, т. е. почти по 200 выстрелов на действовавшее орудие — большая роскошь по тому времени. Батарея стреляла с 9 час. утра, но энергичный огонь она развила лишь с 11 час. дня, когда немецкая пехота перешла в наступление. Около 15 час. батарея прекратила огонь и вечером почти не стреляла. Огонь велся преимущественно прицелом 43; так как батарея была расположена южнее г. дв. Любовь, то следовательно она была по целям, очень близко подошедшим к нашим окопам. Несмотря на блестящую работу батареи, мне пришлось с ней поссориться. Батареи полкам подчинены не были.

В штабе 10-й армии описываемый бой регистрировался следующим телеграммами начальника штаба гвардейского корпуса генерала Антипова; нужно учитывать запоздание во времени информации, которая проходила по меньшей мере 4 инстанции: командир батальона, штаб полка, штаб дивизии, штаб корпуса; несмотря на исправную работу всех инстанций, телеграммы штаба группы датировались по-видимому на 3–4 часа позже событий на фронте. "16 сентября 15 ч. 30 м. На участке 2-й Финляндской дивизии с утра артиллерийский огонь. Попытка противника атаковать остановлена у проволочных заграждений".

"16 ч. 25 м. Противник сосредоточил сильный огонь тяжелых батарей по окопам, примыкающим к р. Вилии и к ручью Желоса, окопы разрушены. Противник накапливается в лесу восточнее д. Черемшишки в овраге у д. Желосы и в лесу восточнее Мишкинцы".

"17 ч. 20 м. На участке 2-й Финляндской дивизии противник повел энергичную атаку на д. Черемшишки — д. Желосы (стык 5-го и 6-го полков) и на весь фронт 8-го полка. Атака на Черемшишки и 8-й полк отбита огнем, у д. Желосы 5-й и 6-й полки подались несколько назад, но контратака отбросила противника, который в настоящее время атаку на Желосы возобновил".

"19 час. На фронте 2-й Финляндской стрелковой дивизии атака противника на правый фланг 6-го полка отбита, но центр и

левый фланг 6-го полка вынуждены были под сильным огнем артиллерии противника несколько отодвинуться назад, значительные силы ведут наступление против центра 5-го полка, на участке 8-го полка 3 атаки противника на ф. Констанполь отбиты. Заметно скопление значительных сил в лощине у д. Желосы, полки (2-й) Финляндской дивизии понесли большие потери, особенно велики потери в 8-м полку, где некоторые роты потеряли своего состава, в полковом резерве 8-го полка 2 взвода... (Далее следует изложение трудного положения фронта 1-й гвардейской дивизии, на котором лейб-гвардии Измайловский полк не устоял)... В резерве корпуса остается Московский полк в составе 600 штыков, один батальон 32-го Сибирского полка у д. Пошили; батальоны эти не могут быть отведены в направлении угрожаемого участка 1-й дивизии ввиду серьезного положения на фронте 2-й Финляндской стрелковой дивизии и продолжающегося давления на правый фланг 6-го полка вдоль берега Вилии".

"21 ч. 30 м. На фронте 2-й Финляндской дивизии к 19 час. вечера положение участка 6-го полка восстановлено влитыми полковыми резервами, но противник возобновил наступление на оба фланга полка. Против стыка 5-го и 6-го полков накопление немцев продолжается. Наступление противника на участок 5-го полка остановилось. Сильный артиллерийский огонь по 5-му и 8-му полкам продолжается".

Мне неизвестны, какие силы принимали здесь со стороны немцев участие в бою против 3 слабых полков 2-й Финляндской дивизии (около 3 500 бойцов, 15 пулеметов, 10 орудий), разбросанных на 8 км. Но несомненно они намного превосходили нас. В 3 отбитых 8-м полком "штурмах" на Констанполь, согласно официальным германским данным{69}, принимали участие 3 батальона всех 3 полков 77-й резервной дивизии: I — 255-го, III — 256-го, II — 257-го полков. Но это упоминание имеет случайный характер, так как на мало успешных боях эти официальные данные почти не останавливаются. 8-й полк держался молодцом, несмотря на то, что наполовину представлял пополнения, влитые в него после 2 сентября. На эту его стойкость несомненно имел благотворное влияние отдых, которым он пользовался в течение 8 суток перед боем (с 8 сентября), в течение которого штаб дивизии стремился возможно меньше его мотать. Но, атакуя в этот день всю Мейшагольскую позицию, немцы по меньшей мере в 3 других пунктах развили столь же щедрые усилия, как и при атаке ф. Констанполь. Один из этих пунктов — высота 72,7, лежал на участке 6-го полка.

Вскоре после 14 час., позавтракав, я занимался небольшим

административным делом. Пользуясь тем, что штаб дивизии еще не успел передать в полк распоряжение о прекращении отпусков, я увольнял в отпуск заведующего хозяйством подполковника Древинга, в течение 13 месяцев находившегося безотлучно в полку и являвшегося достойным заместителем командира полка. Отпуск был мной обещан немедленно по вступлении в командование, но я задержал Древинга, чтобы на первых порах воспользоваться его ценными советами и прекрасным его знакомством с личным составом полка. Обстановка теперь сложилась так, что Древинг, если бы не уехал в отпуск немедленно, то не мог бы уехать вовсе в течение продолжительного времени; а он жил последние недели только мыслью о свидании с семьей. Вместо него хозяйство переходило в руки его несомненного заместителя в будущем, командира III батальона. Последнему надо было догонять уже уходивший далеко в тыл, в район, где действовала германская конница, — обоз II разряда полка, и он должен был зорко смотреть, чтобы все достояние полка не исчезло среди всех тех паник, катастроф и случайностей, которые могли иметь место. Отказать в отпуске Древингу, работавшему в полку изо всех сил, было бы несправедливо и неразумно.

Передо мной лежал для подписи его отпускной билет, когда из штаба дивизии по телефону стали поступать тревожные сведения о положении левого фланга моего полка: с наблюдательного пункта 2-й батареи сообщали, что немцы прорвали 6-й полк и овладели высотой 72,7; стрелки 6-го полка бегут из окопов. 2-я батарея начинает сниматься. 5-й полк, находящийся в центре дивизии, так же наблюдает отступательное движение в районе высоты 72,7, высказывает опасение за оголение своего правого фланга, начинает изготавляться к отходу. Полковой адъютант, висевший на телефоне, сообщал мне о враждебном отношении к 6-му полку, звучавшем между строк во всех этих сообщениях, а у начальника связи штаба дивизии (патриот 5-го полка) слышалась порой даже нотка злопыхательства, циничного довольства: наконец-то мои немцы осадили 6-й полк, — геройствовал, а не угодно ли — прорывчик на фронте средь бела дня... Никакого намека на признание трудного положения 6-го полка, на желание помочь, раздобыть резерв (батальон 32-го Сибирского полка), на возможность без какого-либо оперативного ущерба отвести фронт дивизии на несколько километров назад. Выпутывайтесь, голубчики, как знаете{70}.

Я вызвал командира II батальона — провод к нему был на счастье только что восстановлен. Чернышенко мне сообщил, что

он имеет связь только с командиром 7-й роты, занимающим окоп правее высоты 72,7, у него большие потери, но он держится еще и даже заставил своим огнем немецкие цепи отойти на 500 шагов; что касается высоты 72,7, то командир 7-й роты наблюдал движение с нее в тыл значительных групп 6-й роты; немцы там подошли много ближе; все попытки командира II батальона установить связь с 6-й ротой уже в течение долгого времени терпят неудачу. Этот спокойный доклад командира II батальона меня немного ориентировал. Я вызвал к телефону начальника дивизии, я был уверен в отсутствии в нем злорадства и стремления подсидеть. Старик к своим полкам был несомненно благожелателен. Я сообщил, что у меня неустойка одной роты и что необходимо принять меры против возможного панического отхода 2-й батареи 5-го полка; мои 2 роты батальонных резервов уже израсходованы командирами батальонов и влились в линию окопов; но у меня имеются еще 2 надежные роты полкового резерва и я отправляюсь с ними к месту прорыва. Я просил, хотя бы временно, унять злые языки.

Полковой резерв получил приказание ждать меня у отметки 69,2 в 2 км позади окопов 6-й роты; оседланная лошадь и 4 конных разведчика ждали меня у крыльца. Сильно взвинченный, я уже двинулся к выходу, когда встретил печальный взор Древинга, которого оставил с неподписанным билетом. Он молчал, но я понял, что у него большие сомнения — вернусь ли я с высоты 72,7, и если вернусь через несколько часов, то буду ли я в состоянии подписать его билет; а короткий отпуск для него может быть важнее жизни.

Я вернулся, корректно подписал билет, пожал руку ему и подполковнику Борисенко, которого попросил скорее догонять обоз, раскланялся и поскакал. Резервные роты стояли в указанном им месте, недалеко от опушки леса, фронтом на север, готовые броситься в контратаку. Они пока счастливо ускользнули от наблюдения с привязных аэростатов. Я поздоровался с ними, поблагодарил за молодцеватый вид и задержал их на время производства мной рекогносцировки. Выезжать на узкий голый гребень, тянувшийся от отметки 72,7 на юг, не имело смысла — я показал бы себя немцам, но едва ли смог бы что-нибудь разглядеть сильный обстрел его продолжался. О том, что происходило восточнее гребня, меня информировал в спокойном тоне командир 7-й роты. Тревога шла от наблюдателей западнее гребня, и прежде всего — с наблюдательного пункта 2-й батареи у з. Васалуха. Я решил проехать на него, что можно было довольно безопасно выполнить через г. дв. Любовь и далее вдоль ручья Желоса.

Под прикрытием построек з. Васалуха я стал ориентироваться. Телефонисты 2-й батареи чинно скатывали провод; наблюдательный пункт уже снялся; я хотел приостановить уборку провода, но телефонисты мне объяснили, что орудия батарей уже откатываются на руках в тыл, так как на батарею подать передки на глазах немцев невозможно. Позади батарея облюбовала себе другую позицию, но около полуверсты приходится тащить орудия по одному на руках. Неустойка 6-й роты дала основание батарее прекратить ее геройскую, но тяжелую работу. Но как раз в момент контратаки на высоту 72,7 мне особенно был нужен огонь батареи; последняя однако мне не подчинялась. Вся ответственность лежит на пехоте, артиллерия же не желает ее знать и работает постольку-поскольку. Артиллеристы своей пехоте не верят, обжегшись на опыте весенних днестровских боев, очень боятся потерять орудия и по опыту рассчитывают, что контратака будет только на бумаге.

Скаты высоты 72,7 — длинные, пологие, лишенные малейшего укрытия. Если у немцев окажется на высоте пара пулеметов — а пулеметов у немцев много, и они их быстро выбрасывают вперед, — то нелегко, чтобы не сказать невозможно, отбить без помощи артиллерии эту высоту. Как изловчиться использовать две прекрасные роты резерва, чтобы не усеять бессмысленно их телами этот безрадостный скат?

Ответ мне дала группа стрелков, которая бежала с этой высоты, преследуемая разрывами артиллерийских снарядов, к з. Васалуха, где я находился. Первое замечание: едва ли немцы заняли уже самую высоту, а если заняли, то только сейчас; окопов 6-й роты мне видно не было, они находились за гребнем, на обращенном к северу скате. Группа стрелков оказалась состоящей из унтер-офицера и 3 — 4 стрелков; унтер-офицер бежал с остатками своего отделения от немцев и неожиданно наткнулся на разъяренного командира полка с револьвером в руке. Судя по лицу унтер-офицера, это было страшнее немцев и даже их "чемоданов". Унтер-офицер был бледен, как полотно, и трясся, когда я поднял револьвер и поставил вопрос: кто ему разрешил уйти из окопа; он молчал. Но ему удалось сохранить жизнь, так как он являлся владельцем драгоценной для меня информации о том, что происходит на противоположном скате высоты 72,7. В сущности сама судьба послала мне этого унтер-офицера, и у меня хватило разума сдержаться и не зарезать курицу, готовую нести для меня золотые яйца. "Где были немцы, когда ушел из окопа?" "Еще по ту сторону проволоки, но совсем близко". "Как соседние отделения?" "Ничего понять нельзя; окоп весь разворочен, местами засыпан; отделение давно уже не могло сообщаться с

соседями ни направо, ни налево; увидели кого-то бегущего сзади и выскочили сами". "Идет ли там еще ружейная стрельба?" "Выстрелы слышны со всех сторон; разобраться нельзя; немцы по остаткам окопа продолжают стрелять во всяком случае". Я опустил револьвер: "Хочешь жить — бегом со своими стрелками назад в окоп и пришли мне донесение, как немцы". "Слушаюсь, ваше высокоблагородие". Унтер-офицер неожиданно воскрес, оживился; он положительно хотел смеяться — он переживал очевидно впечатление человека, на которого надели петлю и неожиданно помиловали. С веселым лицом он поворачивается к своим совершенно очумевшим от разрывов тяжелых снарядов и непрерывных контузий комьями земли стрелкам, уверенно командует им и уводит свое отделение на дымящуюся от разрывов высоту так радостно, быстрым шагом, как будто идет на самое любопытное дело в мире.

Еще несколько беглецов, перехваченных моими разведчиками, возвращаются таким же порядком. Полковому резерву приказано накопить позади высоты 72,7 полуроту перебежками поодиночке. Унтер-офицер прислал таки мне обещанное донесение. Лоскуток бумаги гласил, что он укрылся в свою прежнюю яму, немцы по-прежнему за остатками проволоки, из остатков окопа правее и левее его с нашей стороны можно разобрать отдельные ружейные выстрелы. К сожалению этой записки, как и громадного большинства дел 6-го полка, не сохранилось.

Немецкий огонь скорее слабел, чем усиливался. Я приказал выдвинутой из резерва полуроте продолжать одиночное продвижение вперед и ползком накапливаться на месте бывшего окопа 6-й роты. 1 роты оставались позади и приспосаблились к обороне на опушке подходящего перелеска. После 17 час., изрядно разбитый, я вернулся в штаб полка; на этот раз, на лугу, немецкая батарея не изволила дать салюта, который вошел уже в традицию.

Как выяснилось через неделю, эпизод с 6-й ротой полностью был таков. Временное командование ею было вверено прапорщику К., отличившемуся при захвате орудий у Дукшт. Половина 6-й роты была перебита артиллерийским огнем. Партизан в душе, прапорщик К. не выдержал артиллерийской напасти и ушел в тыл из окопа первым. За ротным командиром потянулись последовательно отползавшие группы стрелков. Ушло всего человек 50, но внушительной растянувшейся на несколько километров вереницей, их отход хорошо наблюдался батареей и 5-м полком и был немедленно запротоколен в целом ряде телефонных сообщений. Но в заваленных участках осталось

человек 15 стрелков, которые не заметили исчезновения остальных, да и путь отступления коим был отрезан ружейным огнем немцев, стрелявших с удаления в несколько десятков шагов. Эти стрелки продолжали стрелять по немцам, чувствовавшим себя тоже очень плохо у обороняемого все же, хотя и сильно поврежденного проволочного заграждения. Для последнего броска у немецкой пехоты, избалованной до того легкими успехами, а теперь понесшей большие потери, нехватало сил и она выжидала по-видимому только темноты, чтобы уйти подальше от зияющих против них, хотя и исковерканных бойниц, посылавших смертельные пули.

Атаковавшая немецкая пехота тоже представляла не бойцов 1914 г.; она нуждалась в еще более солидной артиллерийской подготовке, когда натыкалась на спокойного противника, и также была истощена непрерывными боями в течение почти 2 месяцев{71}. В 14 ч. 30 м. дня немцы, в сущности произведя последний наскок на 2-ю Финляндскую дивизию, на всем ее фронте уже остановились. Очевидно, штаб XXI корпуса, большую часть войны не могший похвастаться своими успехами (Эльзас-лотарингское укомплектование его коренных дивизий), пришел теперь к убеждению, что лучше отправить часть дивизий непосредственно на помощь обходящему I корпусу, чем разбивать их о русский фронт, оказавшийся неожиданно крепким{72}.

Штурм был закончен на час раньше, чем сообщения о начавшемся бое стали передаваться штабом корпуса в штаб армии. Из запоздания ориентировки высших штабов, начиная со штаба корпуса, ясно вытекает их скромная тактическая роль. Тактическая деятельность должна сосредоточиваться в штабах дивизии и ниже.

Что же касается тревожных донесений, поступавших с фронта до 19 час., в течение 3–4 час. после отбитого штурма, то они естественно объясняются крайне нервным состоянием войск, находящихся в разбитых окопах, переполненных ранеными и убитыми, продолжающимся обстрелом, нахождением немецкой пехоты на очень близких дистанциях.

Немецкая артиллерия продолжала 16 сентября стрелять до вечера, но уже вероятно только с целью облегчить положение своей пехоты, находившейся на близких дистанциях, без окопов, против наших укреплений и лишенной возможности отойти до темноты.

Этот нудный, лишенный динамики бой оставил в полку тяжелое впечатление. Потери 6-го полка от сидения в окопах под артиллерийским огнем превышали 300 человек — 25 % всего состава полка, около 35 % — для большинства занимавших

передовые окопы рот. И это были не столько ранения, как увечья от тяжелых снарядов; раненые давились бревнами, засыпались землею, теряли формы человеческого тела, приводили в отчаяние полковых врачей. Процент убитых был очень велик. И весь полк был оглушен, контужен, страдал головной болью.

Но этот бой, напомнивший немцам, что боеспособность русских, по крайней мере при нахождении их в приличных окопах, не окончательно исчезла, и заставивший их быть осторожнее в последовавших столкновениях, обеспечивший нам спокойный отход за р. Вилию, явился не малой слагаемой в той сумме усилий, которую затратила 10-я армия, чтобы вырваться из тисков обстановки, позволявшей уже немецким начальникам обещать солдатам в награду за их жертвы по крайней мере 4 русских корпуса пленными.

Приходилось сожалеть, что потери в этом бою распространялись не только на людей, но и на оружие. Винтовки жестоко страдали от артиллерийского огня. Некоторые ротные командиры по устаревшему указанию устава требовали для обеспечения быстрого открытия огня, чтобы винтовки были заблаговременно вставлены в бойницы (особенно мешал штык быстро вставить винтовку) или, где таких не было, чтобы винтовки были выложены заблаговременно на бруствере окопа. При современных масштабах артиллерийской подготовки оружие, как и людей, нужно конечно прятать до момента действия на дно окопов или в блиндажах. Иначе к моменту штурма можно оказаться с голыми руками. — В одной из рот одним попаданием снаряда в бруствер было исковеркано 12 винтовок. После этого боя 6-й полк начал прятать ружья до момента открытия ружейного огня. Пулеметы также сильно пострадали; не только выбыли в этом бою почти все наводчики, но у двух пулеметов были пробиты кожухи и вытекла вода, а у одного было ружейное попадание в ствол. Было видно, что немецкая пехота обучалась сосредоточению огня по бойницам, в которых обнаруживался пулемет.

С темнотой огонь стих, и закипела лихорадочная работа, — чинились окопы, выносили раненых, пополняли патроны, кормили стрелков, за угрожаемыми участками резерв возводил вторую линию окопов. Мы готовились к новому серьезному бою на другой день; полк был сильно ослаблен, проволочное заграждение сильно разворочено, но шансы на продолжение обороны были — впереди лежало изрядное количество убитых немцев, а наступать по телам предшественников труднее, чем по чистому полю; а наши стрелки успели сами убедиться в силе своего огня. Но в полночь был получен приказ об отступлении,

вызванный общей оперативной обстановкой и недоверием высшего командования, к сожалению обоснованным, ко многим дивизиям и корпусам.

Наше геометрическое положение все же было пожалуй не хуже, чем положение Лодзи в ноябре 1914 г. Тогда 2-й армии было приказано продолжать удерживать Лодзь, хотя бы немцы и сомкнули кольцо окружения; но тогда еще были свежие резервы, войска еще не были так истощены, командование еще тешило себя блестящими перспективами. В сентябре же 1915 г. было окончательно принято решение очистить Вильну, не допуская 10-ю армию до полной потери сообщений; высшее командование не видело впереди просвета, в войсках наблюдались явления, совершенно не напоминающие боевой задор, и царская Россия за 10 месяцев неудач, протекших со времени Лодзи, сгорбилась, постарела и одряхлела, как будто прошли целые века.

В приказе об отступлении по 2-й Финляндской дивизии (№ 35) мы могли однако с удовлетворением остановиться на первых его словах: "Противник отбит с большим уроном". Скромное, отвечающее характеру войны XX века признание исполненного долга; но сколько выдержки, самопожертвования и незаметного героизма кроется под этими простыми словами — об этом можно судить, лишь внимательно познакомившись с действительностью современного боя.

Глава восьмая. Отступление

(Схема 1, 5, 6)

Уже 15 сентября 26-я пехотная дивизия, имевшая направление на Михалишки, подошла к левому флангу конного корпуса Орановского (7-я, 8-я, 14-я кавалерийские дивизии), отошедшего с боем на фронт Ворняны — Герваты. 16 сентября 7-я Сибирская дивизия, растянутая вдоль Вилии на 50 км (по исчислению дивизии, учитывавшей мелкие изгибы реки — 68 км) наблюдала эту реку от правого фланга 6-го Финляндского полка, ведшего бой у Тартака до Быстрицы. Флуг (26-я пехотная и 3-я гвардейская дивизии) переходил в наступление на линии Быстрица — Столбуры. Ворняны были потеряны. Конный корпус Орановского, имевший перед собой сплошной фронт пехоты, к вечеру 16 сентября почувствовал некоторое облегчение вследствие вступления севернее его в бой других частей. Орановский стремился возможно скорее сдать свой участок фронта пехоте, чтобы получить свободу действий, посадить свои кавалерийские дивизии на коней, и броситься на юг, где фронт еще был прерывчатый, где германская конница расплылась на значительном пространстве и где для кавалерийского корпуса могла представиться более благодарная задача, которую можно было бы формулировать как прикрытие развертывания 2-й армии, назначенной заполнить промежуток между 10-й и 5-й армиями (в действительности для этой цели кроме 2-й армии потребовалось развернуть еще одну, 1-ю).

Однако для этого Орановский должен был предварительно закончить свою задачу по прикрытию развертывания Флуга, и потребовалось еще 4 суток, прежде чем Флуг получил возможность отпустить Орановского. Вечером 16 сентября штаб 10-й армии, узнал, что колонна, о движении которой по западному берегу оз. Свирь накануне сообщал Орановский, продвинулась уже через Жодзишки и заняла Сморгонь, а немецкие разъезды достигли Крево.

В ночь на 17 сентября положение еще осложнилось форсированием всего участка р. Вилии между Варшавской железной дорогой и м. Быстрица еще двумя немецкими дивизиями (повидимому 31-й и 42-й — основными XXI корпуса). 7-я Сибирская дивизия к полудню 17 сентября была окончательно отброшена от реки Вилии; III Сибирский корпус прикрывал теперь, находясь в нескольких километрах к северу, дорогу Лаваришки — Осиновка, т. е. левый фланг Флуга, а также и путь отхода V Кавказского корпуса. Флугу были подчинены уже III

Сибирский, V армейский корпуса и конница Тюлина. Бригада V армейского корпуса (10-й дивизии), переброшенная по железной дороге, уже вступала в бой в промежутке между конницей Тюлина и Орановского, образовавшемся вследствие сдвига последнего в южном направлении. Местечко Сола в тылу Орановского было занято немцами, но туда направлялась гвардейская казачья бригада. На нее правда рассчитывать особенно не приходилось, равно как на 124-ю дивизию и ополченцев, продвигавшихся в тыл Орановскому. Но в 15 ч. 50 м. в штабе армии было получено радостное известие, что появились головные эшелоны 2-й армии и авангард 25-й дивизии, из ее состава, наступая с запада, к полудню 17 сентября взял с боем м. Жуйраны и продолжал наступать на м. Сола. Группа Флуга питалась боевыми припасами со станции Кена, куда последние эвакуировались из Вильны. На ст. Кены находился и штаб Флуга. Но прямые пути Флуга от ст. Кена к его фронту перехватывались большим болотом верхнего течения Вилейки, а обходные находились под ударом немцев. В окрестностях ст. Гудогай нам при отступлении пришлось наблюдать остатки артиллерийского парка, захваченного и сожженного немецкой конницей, явившейся сюда на короткую гастроль.

В общем войска Флуга, вместо того чтобы наступать, скорее пятились, несмотря на самый энергичный посыл со стороны командования 10-й армии, требовавшего, чтобы Флуг вводил в бой все свои части, не заботясь о резервах, которых должны были заменить новые подкрепления, направлявшиеся к Флугу, включая и гвардейский корпус. Нажим на Флуга виден из следующей переписки, возникшей утром 17 сентября из-за сообщения, что ночь у него прошла спокойно: "Генералу Флугу. Командующий армией выражает удивление, что на вашем фронте ночь прошла спокойно, когда необходимо развивать всю энергию и пользоваться каждой минутой для оттеснения противника на восток и север, и вновь подтверждает приказание продолжать самое энергичное наступление. 9790. Попов". Флуг немедленно, со станции Кена, отвечал: "17-IX 10 ч. 40 м. утра. 9790. Возложенную на меня задачу я понимаю таким образом, чтобы, развивая самые решительные действия, не доводить однако сразу до полного истощения, почему после напряженного дневного боя не требовал продолжения наступления ночью. Сейчас отдается начальникам дивизий и Тюлину категорическое приказание развивать самое решительное наступление как днем, так и ночью, не останавливаясь ни перед какими бы то ни было потерями и напрягая все силы войск, хотя бы до полного истощения... 61. Флуг". Такая чудовищная прямолинейность уже напугала штаб

10-й армии, который отвечал: "Генералу Флугу. 61. Командующий армией не требует непрерывного боя, так как доводить войска до полного истощения нельзя и снаряды надо все-таки беречь; хотя они нам и отпущены в достаточном числе, но подвоз затруднен до крайности и ручаться за его регулярность трудно. Задача ваша в недопущении переброски сил противника к югу и оттеснении его на восток и север, для того чтобы спрямить фронт и вытолкнуть правый фланг к северу. 9799. Попов".

Было бы ошибочно недооценивать усилия, которые делали войска Флуга: против них с 16 сентября находились 4 пехотные дивизии I германского корпуса, одна пехотная дивизия из числа направленных в помощь VI конному корпусу, но пока не дошедшая до него и ввязавшаяся в бой в районе Солы, и еще одна дивизия, прибывшая на подкрепление; всего с восточного на западный берег Вилии переправилось 6 немецких пехотных дивизий (2-я, 31-я, 42-я, 58-я, 10-я ландверная и 75-я резервная), и их начальство так же энергично толкало их вперед, как и штаб 10-й армии Флуга. Правда, если войска Флуга не имели возможности развернуться спокойно, то и немцы вынуждены были вводить свои силы непосредственно из походных колонн, после тяжелого марша, отдельными пакетами — встречный бой создавал равные условия для обеих сторон. Если тыл Флуга был в ужасном состоянии, то немецкая головная железнодорожная станция еще находилась за Неманом; мост у Ковны был восстановлен немцами только 20 сентября; до этого момента немецкие дивизии, дравшиеся на фронте Ворняны — Солы, имели подвоз по грунтовым дорогам, протягивавшийся на 170–200 км — на 6–8 переходов (Ковна Янов — Ширвинты — Гедройцы — Коркожишки — Михалишки); и как ни богато была обеспечена 10-я германская армия транспортом, на своем левом, охватывающем крыле она конечно не могла и думать развивать такую артиллерийскую подготовку, к которой привыкла немецкая пехота в течение лета 1915 г.; что касается продовольствия, то оно, по показаниям пленных, не доставлялось вовсе; в критические дни немецкая пехота так же оставалась без хлеба, как и русская пехота, и довольствовалась только тем, что могла перехватить на месте.

Штаб 10-й армии в своих требованиях совершенно отрывался от боевой действительности, не учитывал состояния войск, вносил нервность в управление и торопливость в подготовку наступления и достигал обратных результатов. Вместо того чтобы спрямляться, фронт 10-й армии все более обращался в дугу, обращенную к северу; дуга росла в длину, а расстояние между обращенными на запад и восток, участками 10-й армии все

уменьшалось.

Общий план отхода части 10-й армии, защищавшей Мейшагольскую позицию, был таков: протяжение Мейшагольской позиции достигало 33 км; в ночь на 17 сентября войска, ее занимавшие, должны были отойти на Виленскую позицию, представлявшую тет-де-пон, вынесенный на 4 км от реки и имевший протяжение по фронту около 15 км. Оборона правого участка тет-де-пона, несколько больше половины, вверялась 2-й Финляндской дивизии, оборона остальной части делилась между гвардейской стрелковой бригадой, 4-й Финляндской стрелковой дивизией и 4-м пограничным полком. Уменьшение фронта позволяло снять гвардейский корпус (1-ю и 2-ю гвардейскую дивизии) и двинуть его в распоряжение Флуга; 2-я и 4-я Финляндские дивизии и гвардейская стрелковая бригада, 4-й пограничный полк, занимавшие позицию, равно и отходившие вследствие полного расстройств остальные части пограничной дивизии, составляли V Кавказский корпус{73}.

Ввиду отъезда штаба 10-й армии в ночь на 17 сентября в Ошмяны и намечавшегося его дальнейшего переезда на ст. Листопады, сохранение связи и возможность управления издали действиями скучившихся корпусов непосредственно из штаба 10-й армии являлось сомнительным, и штаб армии решил прибегнуть к образованию групп корпусов. Помимо группы Флуга, долженствовавшей наступать и обращенной лицом на восток и отчасти — на север, была образована группа Мехмандарова, командира II Кавказского корпуса, которому, кроме его корпуса, был подчинен и V Кавказский корпус; левее (южнее) группы Мехмандарова была образована группа корпусов Гернгросса. Затем штаб 10-й армии, для планирования отхода этих групп и для согласования отхода с 1-й армией, действовавшей в непосредственном контакте с левым флангом 10-й армии, отдал в 16 ч. 25 м. 17 сентября директиву, указывавшую для отходящих групп 10-й армии рубежи для 3 ближайших переходов: в ночь на 18 сентября — на фронт Быстрица — Недзвядка Мицкуны — Павлово — Любарты; в ночь на 19 сентября — Быстрица — Шумск Медники; в ночь на 20 сентября Слободка{74} — Ошмяны — Трабы. Флуг должен был продолжать наступление на Михалишки.

Эти отступательные мероприятия намечались в самые тяжелые для 10-й армии минуты. Планировать свои действия, в особенности отступление, конечно необходимо; но, намечая в трудный момент значительную перспективу отступления, мы легко можем придать ему чересчур поспешный характер. В особенности трудно наметить длительный план отступления,

находясь в таком окружении на, в каком находилась 10-я армия. Естественно пришлось вносить в этот план изменения, которые вызвали некоторое замешательство. Мы полагаем, что было бы лучше, если бы директива 10-й армии предусматривала отход только на 18 и 19 сентября. О дальнейших планах командования командующие группами могли бы судить по направлению разграничительных линий. Указание рубежа отхода в ночь на 20 сентября нежелательно было и потому, что он приводил к оголению группой Мехмандарова тыла Флуга и заставлял последнего относить свой левый фланг к Слободке, на хороший переход к югу.

Такой преднамеренный отход всего левого фланга Флуга конечно в высшей степени суживал наступательный импульс последнего, аннулировал все предъявленные к последнему грозные требования о продвижении вперед и заставлял Флуга ограничиваться проявлением активности на его крайнем правом фланге, которого не захватывали отступательные тенденции этой директивы. Что же касается образования корпусных групп, то они диктовались печальной необходимостью в разросшейся 10-й армии. Создалась одна лишняя инстанция; полки обращались по числу бойцов в батальоны, корпуса — в бригады, а в этих условиях новая, сама по себе вредная инстанция всегда оказывается необходимой.

Посмотрим, как в этой обстановке складывался отход 6-го Финляндского полка.

16 сентября в 20 ч. 20 м. штаб 10-й армии предупредил V Кавказский и гвардейский корпуса, что вскоре последует приказ об отходе; это предупреждение до полков 2-й Финляндской дивизии не дошло. В 20 ч. 45 м. в штаб 10-й армии поступила директива главнокомандующего Западным фронтом, которую ожидали, чтобы приступить к редактированию приказа по армии. На изготовление приказа по армии, передачу его в гвардейский корпус и изготовление приказа по корпусу ушло 2 ч. 15 и. В 23 час. приказ по гвардейскому корпусу начался передаваться в штаб 2-й Финляндской дивизии, и около этого времени полки были предупреждены об отходе. В 24 часа началось передача по телефону в полки распоряжений штаба дивизии по отходу. В 1 час 17 сентября батареи снялись уже с позиции. Полки задерживались эвакуацией раненых. Моему полку удалось с крайним напряжением отправить в Вильну всех раненых, за исключением 2 ужасных обрубков, которых старший врач, с моего разрешения, решил не подвергать лишним мучениям и оставил в хорошем жилом доме умирать на попечение местных жителей.

К 2 часам, совершенно непроглядной ночью, полк покинул

окопы, которые упорно отстаивал. Предстояло совершить переход около 14 км. Полк двигался по хорошей, большой дороге на г. дв. Верки, но движение было трудно; я не видел шеи собственной лошади, и скоро спешился. Несколько стрелков споткнулось и упало в канаву, один наткнулся на штык. Последние километры идти стало легче, так как начало светать. Полк занял самый правый участок тет-де-пона, между р. Вилией и дорогой на Б. Решу, протяжением около 4 км. Дойдя до линии окопов, батальоны начали расходиться по своим участкам. Пришлось в боевую часть назначить все 3 батальона, так как состав рот сильно ослаб. Это расхождение прикрывалось командой конных разведчиков, так как немцы заметили очищение нами окопов и к рассвету на хвосте моей колонны оказался немецкий разъезд. В 7 час. утра, когда окопы были уже заняты и конные разведчики отходили в резерв, в 300 шагах перед окопами, на глазах не заснувших еще стрелков, происходила конная дуэль между двумя уланами и отходившим дозором из двух конных разведчиков. Всадники дрались холодным оружием — немцы пиками, русские — не слишком острыми палашами. Кучка их, маскируемая оставленными перед окопами высокими соснами, сплелась так тесно, что стрелки не могли отличить своих от чужих и не стреляли. Вопреки курсам тактики, столкновение холодным оружием с упрявившимися и заносившими в сторону лошадьми, продолжавшееся 1 — 2 минуты, не дало никакого результата, кроме синяков и царапин у людей и лошадей; несомненно, что в конном спорте обе стороны не были сильны{75}. Тогда один из моих конных разведчиков вспомнил, что он — посаженный на лошадь первоклассный стрелок 6-го Финляндского полка. В гуще рукопашной схватки он соскочил с лошади, бросил ее, и прикрываемый своим товарищем изготовил к бою винтовку, застрелил одного улана, а другому — прострелил ногу и коня. Трофеями этого забавного боя 2 отборных бойцов 6-го полка была 1 лошадь, 2 седла, 1 раненый улан. Последний, так неудачно коловший пикой, оказался по профессии зубным врачом; когда его несли мимо меня, он выкрикивал по-немецки, что его полк вступил завтра в Вильну, а ему предстоит честь вступить в этот город на сутки раньше. Он несомненно был уверен, что очень скоро мы, свободные, поменяемся с ним, пленником, ролями.

Уже чувствовалось и нами, что больше драться за Вильну не придется, что нам предстоит дальнейший отход. Позиция состояла из хороших окопов и тянулась по прекрасному лесу из вековых сосен. Но в детали ее уже никто не входил предстояло здесь только передохнуть. В 7 час. утра, получив обещание батальонных командиров. что сон будет организован строго по

очереди, что было очень важно после 2 суток без малейшего сна, я отправился к г. дв. Верки, где располагался мой штаб.

Помещичий дом — бывший майорат князей Гогенлоэ — был переполнен картинами и ценными вещами. Отход из Вильны предстоял ночью. К вечеру к дому подкатил какой-то армейский транспорт, которому надлежало быть очевидно скорей в Минске, чем в Вильне; предводителем транспорта являлся интендантский чиновник, уже повидимому давно, когда дом еще не был никем занят, наметивший, облюбовавший и подготовивший операцию по экспроприации всего имущества в последний момент отступления. Главные разбойники на войне — не пехота, которая не может унести на себе ничего, и даже не казаки, седла которых не могут разбухать до бесконечности, а артиллерийские парки и интендантские транспорты. В Галиции я посетил богатую усадьбу, из которой артиллерийский парк вывез в течение 4 ночных часов, пока дом оставался без охраны, 40 парных повозок всякого добра; быстрота укладки, которой никогда не достигали крупнейшие столичные предприятия по перевозке мебели!

Я был очень сонным, усталым и апатичным. Этим объясняется, что интендантский чиновник, изрядно поколоченный, убрался со своим транспортом живым.

17 сентября в 21 ч. 15 м. начался передаваться приказ по V Кавказскому корпусу для очищения Вильны, а в 23 часа наша дивизия уже снималась из окопов тет-де-пона. Главные силы 2-й Финляндской дивизии, к которой возвратился наконец 7-й полк, должны были проходить через самый город Вильну и следовать по шоссе на Вилейку и далее по большаку на Мицкуны — Лаваришки. В боковой авангард, конечно был назначен 6-й полк; предстояло перейти через Вилию по понтонному мосту близ г. дв. Верки и следовать по проселкам на д. Романы, г. дв. Койраны, д. Сункелы; здесь 6-й полк должен был задержаться, пока хвост колонны, двигавшейся по большаку, не минует переправу через р. Вилейку у с. Мицкуны; затем 6-й Финляндский полк должен был выйти на большак и следовать в д. Сайдакишки, где поступить в резерв дивизии; а два попка, 7-й и 8-й, должны были занять позицию в 3–4 км к северу от Лаваришек, примыкая правым флангом к 7-й Сибирской дивизии и прикрывая большак, по которому предстоял дальнейший фланговый марш.

Бессонные ночи становились правилом. Благодаря разведчику Соловьеву и его организационным способностям, мы не заплутались, несмотря на темноту, усугубленную дождем. Однако злоупотребление 4 ночными маршами под ряд явно подрывало энергию стрелков и командного состава. К рассвету 18 сентября 6-й полк, пройдя десяток километров, в полном порядке

занял у д. Сункели, поперек Варшавской железной дороги, фронтом на север, наскоро рекогносцированную позицию и оставался на ней до 14 час., после чего роль 6-го полка как бокового арьергарда была окончена, и он получил приказание отойти на большак и следовать с дивизией; место ночёвки было изменено на соседнюю деревушку Якшты, где мне еще пришлось уступить одну избу нашему артиллерийскому дивизиону кругом было все занято.

Когда мы вышли на большак, я понял, почему дивизия следовала так медленно. Я был поражен; это был какой-то кошмар. Батарей, обозы, пехота широким фронтом, в изрядном беспорядке двигались по большаку и его обочинам. Можно было насчитать 4 — 5 колонн, следовавших параллельно по одной дороге. Здесь были части II армейского, гвардейского, III Сибирского, V Кавказского корпусов, армейские учреждения. Войска, смешанные с обозами, всегда представляют жалкую картину, и им грозит быстрая утрата боеспособности.

Гвардейский корпус, долженствовавший идти впереди V Кавказского, выступил из Вильны с опозданием в 6 час., и движение его еще задерживалось обозами. Главные силы 2-й Финляндской дивизии, перейдя в город через Вилию, нашли все улицы запруженными, и еле-еле им удалось протискаться на сотню шагов от моста, чтобы не слишком пострадать при его взрыве. Из окон на улицы, на которых происходила давка войск и обозов, полетели разбитые силой взрыва стекла. Наконец с опозданием на 10 час. 2-я Финляндская дивизия двинулась вперед, не ожидая пока предшествовавшие ей части очистят ей дорогу. 5-й полк в этой сумятице принял совершенно жалкий, негодный к бою вид, и когда вечером 18 сентября штаб V Кавказского корпуса потребовал от 2-й Финляндской дивизии один полк в корпусный резерв, штаб дивизии поспешил назначить 5-й полк.

А 7-я Сибирская дивизия, левый фланг которой — 28-й Сибирский стрелковый полк — тщетно ждал, чтобы финляндцы вышли и развернулись на продолжении его фронта, нервничала и жаловалась. Чтобы успокоить сибиряков, отдохавший в Лаваришках лейб-гвардии Егерский полк выдвинул временно 6 рот на участок, предназначенный нашей дивизии. Уже ночью 7-й и 8-й Финляндские полки, под командой Марушевского, сменили их и стали на свое место. Егерский полк мог принести большую пользу, следуя с возможно меньшими задержками в распоряжение Флуга.

Мы были очень плохо осведомлены о положении, в котором находилась 10-я армия, когда после 4 ночей без сна 19 сентября я

укладывался спать в 1 час. утра. Но все выглядело очень мрачно. Деревни вокруг м. Лаваришки были переполнены полуразложившимися войсками. На полях кругом шумела огромная ярмарка, образованная отдыхающими батареями и обозами. Дорога на Ошмяны, куда уехал штаб армии, по слухам была еще свободной, но предназначалась не для нас, а для других частей.

В приказе по дивизии на следующий день предусматривалось занятие позиции от з. Осиновка до высоты 101,3 фронтом на запад, под прямым углом к позиции III Сибирского корпуса, тянувшейся фронтом на север. Моему полку отводилось почетное место на правом фланге, в исходящем углу, на стыке групп Флуга и Мехмандарова. Вполне разумно приказ по дивизии указывал мне следовать в голове дивизии, выступив в 5 ч. 30 м. утра, для скорейшего занятия моего опасного участка. Со мной должны были следовать обе батареи — 10 орудий — вся артиллерия нашей дивизии. Если артиллерия начинала жаться к 6-му полку, можно было полагать, что наступили черные дни, и близость сохраняющего порядок полка начинает высоко котироваться; в других случаях артиллерия ко мне не слишком льнула, вследствие моих отношений к командиру нашего артиллерийского дивизиона, оставлявших желать лучшего. За мной должны были следовать, под командой Марушевского, 7-й и 8-й полки: первый назначался в дивизионный резерв, второй — для занятия левого, явно безопасного участка дивизии. 5-й полк уходил в корпусный резерв самостоятельно, спокойной дорогой мимо озера Бык.

Было уже близко к 5 час. утра, когда я вышел из своей хаты и не узнал окрестностей Лаваришек. Вместо кишевшего вчера муравейника, поля кругом представляли пустыню. Оперативное понимание за год войны очевидно получило широкое развитие даже среди обозов; ночью явно циркулировали панические слухи, и ярмарка, немного покормив лошадей, начала погонять дальше по всем возможным и невозможным дорогам. Может быть рассасывание этого скопища в ночные часы представляло и плод активной работы некоторых сотрудников корпусных штабов.

Роты и батареи готовились к выступлению; я ожидал назначенного часа. Но за 30 мин. до его наступления меня неприятно поразило извещение штаба дивизии, что 7-й и 8-й полки, долженствовавшие образовать арьергард, снялись в 3 часа утра со своей позиции. Так как дорога оказалась свободной, то полковник Марушевский, человек очень предусмотрительный, испросил разрешение начальника не морить даром стрелков 2 ч. 30 м. у большака, а двигаться по прямому своему назначению,

через з. Осиновку; 7-й и 8-й полки таким образом выиграют для отдыха 2 лишних часа и явятся более свежими в распоряжение начальника дивизии; что касается их арьергардной роли, то 6-му полку, на его марше, опасность сзади, с востока, конечно угрожать не будет. Очень опасен удар с севера — но здесь может помочь не арьергард, а только 7-я Сибирская дивизия, которая должна оставаться на своих позициях, прикрывающих дорогу, до 6 час. утра. Начальника дивизии уговорили; колонна Марушевского уже скрылась, с ней ушел и штаб дивизии; было немного неловко, что арьергард{76} улизнул ранее главных сил; начальник дивизии извинялся за изменение отданного приказа и предоставлял мне начать отход за полчаса до указанного мне времени.

Начинались шуточки. Конечно просить себя дважды двинуться вперед со своей колонной я не заставлял. Мои артиллеристы очень подозрительно смотрели на образовавшуюся вокруг нас пустоту. Батареи оказались запряженными, и колонна тронулась не теряя ни одной минуты, хорошо шагом.

Мой полк не успел однако еще вытнуться из Лаваришек, как ко мне подсказал ординарец 28-го Сибирского стрелкового полка. Ему было приказано доложить устно мне — старшему из встреченных начальников 2-й Финляндской дивизии, что их полк, долженствовавший прикрывать прохождение полка по участку з. Крапивница — з. Козловка, выступил из з. Пукштаны в 4 час. утра, оставив в 2 верстах севернее большака, в лесу, арьергарды; но так как немцы в больших силах подходили к арьергардам, то и последние ушли. Толковый ординарец сообщил мне, что по его догадкам и стоявший правее 28-го Сибирского полка 27-й Сибирский полк вероятно уже снялся и ушел. Командир батальона 28-го Сибирского полка, ушедший со своей позиции бокового арьергарда за 2 часа до указанного ему срока, считал своим долгом предупредить меня, что большак более никем не прикрывается и что немцы идут на пересечку моего пути. Сделав этот обстоятельный доклад, сибиряк-ординарец, повидимому не рассчитывая на какую-либо благодарность с моей стороны, круто повернулся и ускакал полным ходом.

Повидимому опытные люди в штабе 10-й армии предусматривали возможность такого казуса, так как в архиве хранится особенное предупреждение, переданное по радио, служебным кодом, накануне вечером от имени командующего 10-й армии: "Отход на следующую позицию должен начаться в 6 час. утра согласованно с соседями. 9827. Радкевич". Эта радиограмма была адресована Флугу, Мехмандарову, Гернгроссу. Но что-то томило повидимому начальника штаба 10-й армии, так как он

счел необходимым, как только установилась проволочная связь, дополнительно послать следующую телеграмму, уже одному только Флугу: "123. Отход левого вашего фланга может начаться не ранее 6 час. утра 19/IX, как это указано в директиве 9827. 0 получении сего прошу уведомить меня. Номер 1842. Попов".

В архиве не сохранилось соответствующего оперативного дела штаба II корпуса, но Флуг и его временный начальник штаба Шильдбах, несомненно не оставили без внимания указания командующего армией и передали его по назначению. Это видно хотя бы из того, что и в приказе по III Сибирскому корпусу, и по 7-й Сибирской дивизии, отчетливо указывается, что арьергарды должны держаться до 6 час. утра, и только затем, после прохода 2-й Финляндской дивизии, сниматься уступами, начиная с левого фланга. И эти приказы были прочитаны командующим 28-и полком: это видно из того, что командир I батальона 28-го Сибирского полка представил реляцию (дело № 366271), в котором говорилось, что батальон снялся со своей позиции в 2 ч. 30 м. утра 19 сентября и начал отходить к штабу полка в 3. Пукштаны, а в 3. Осиновку прибыл в 6 час. утра. Последняя цифра очевидно в штабе 28-го Сибирского полка была переправлена химическим карандашом с 6 на 8{77}.

Теперь у меня, после исследования архивов, имеется по крайней мере утешение, что высшее начальство вдумчиво пеклось о безопасности моего отхода. Тогда и этого утешения не было. Жаловаться не приходилось — на фланге висели немцы. Обдумывая теперь явления этой ночи, я прихожу к выводу, что практика полугодовых отступлений выработала такое понимание "согласованности" отхода, что каждый должен постараться надуть соседей и уйти за 3 часа до назначенного срока; когда это надувательство происходило во всеармейском масштабе, то получался удивительно дружный, одновременный отход. Я один как новичок попал в компанию слишком опытных игроков и по своему простодушию и доверию к приказам начальства попал впросак.

Колонна, пока я обдумывал сложившуюся обстановку, втянулась в густой лес. Я выслал вперед команду конных разведчиков. Разделившись на 2 взвода, она должна была свернуть налево, на север, по проселкам от 3. Крапивницы и 3. Котловки, организовать разведку, спешиться и задержать огнем немцев. Батарей я приказал принять на правую сторону большака; по левой стороне дороги, подбегая, подтянулись мои роты и стали между орудиями и немцами. 5 — 6 км, которые оставались до самого опасного пункта, 3. Котловки, колонна покрыла в течение одного часа. Ни малых, ни больших привалов

на всем переходе не было. Лица у стрелков стали серьезны; я объяснил стрелкам, что слева на колонну могут выскочить 1 — 2 роты немцев; они знали, что им делать, и немец днем в упор их не пугал; едва ли бы нам удалось увезти орудия, но свалка произошла бы изрядная — роты были готовы огрызнуться, как следует.

Прошло минут 20, как команда конных разведчиков со своим лихим командиром ускакала. Впереди и влево, в нескольких стах шагах, отчетливо застучали винтовки конных разведчиков — они наткнулись на заставы немцев очень близко от большака, спешили и открыли частый огонь. Изредка над нашими головами просвистывала немецкая пуля, выпущенная отъявлено плохим стрелком. В момент начала перестрелки, командир артиллерийского дивизиона, ехавший рядом со мной, обратился ко мне с просьбой — разрешить ему свернуть батареи в первый попавшийся проселок вправо, наудачу. На руках у нас были не прекрасные двухверстные карты, а очень устарелая трехверстка, по которой разобраться в лесных дорожках не представлялось возможным. Не заведет ли лесная дорога в огромное болото Мидяты, находившееся в нескольких километрах южнее большака, или не закончится ли она тупиком, у какой-нибудь лесосеки? Я отказал: "Ответственность за ваши батареи лежит на мне; если они погибнут, то только в рядах моего арьергарда, на своем законном месте".

Утро было сухое, прохладное, прекрасное, бодрящее. Немецкие заставы, встреченные огнем, остановились; противник подтягивал свои силы, чтобы броситься на большак. А мы скользили полным ходом вдоль их фронта. Нервы у всех были напряжены до крайности. Особенно тяжело было самочувствие у артиллеристов, которым могла предстоять лишь очень пассивная роль; у них были очень бледные лица. Наконец показались избушки Котловки; голова колонны пронеслась мимо; перестрелка разгорелась и начала смолкать; когда хвост колонны кончил проходить з. Котловку, из леса начали выскакивать на большак конные разведчики. Через 5 минут после ухода последней роты из Котловки, к ней надвинулась немецкая цепь. Пронесло! Дальше было спокойнее — слева на большак не выходило ни одной дороги вплоть до 3. Осиновка, конечного пункта нашего следования по большаку. Особенно артиллеристам стало легче на сердце.

Было близко к 8 час., когда колонна подошла к Осиновке. Здесь, за левым флангом 28-го Сибирского полка, нас поджидал начальник дивизии, серьезно беспокоившийся о нас, так как видел долженствовавшие нас прикрывать сибирские полки давно

развернутыми вдоль большака к востоку от Осиновки. Несмотря на спешку — 12 км без малых привалов в 2 ч. 40 м., - отсталых не было, нервный подъем придавал силы самым слабым, лица были счастливы и задорны. Начальник дивизии чувствовал себя повидимому в долгу перед 6-м полком и вероятно получил хорошую информацию от артиллеристов, так как к этому моменту относится 6 приказа по дивизии № 100 от 23 сентября: "При переходе вверенной мне дивизии 19 сентября невольно бросался в глаза тот блестящий порядок на походе, который соблюдался в 6-м Финляндском стрелковом полку, за что приношу мою благодарность командиру 6-го Финляндского стрелкового полка полковнику Свечину. Не могу, к сожалению, не отметить того беспорядка, в котором шел 5-й Финляндский стрелковый полк..." 5-й полк шел по неугрожаемой дороге. Если бы Шиллинг не уехал, сказавшись больным, в приказе по дивизии этот пункт был бы опущен; но с временно командующим полком штаб дивизии не стеснялся.

Я не думал жаловаться на 28-й Сибирский полк — у меня в этот день было слишком много других забот; а командир 28-го Сибирского полка должен был сам чувствовать свое окаянство. Но, разбирая теперь архивы, я с удивлением обнаружил жалобу сибиряков на 6-й полк. Вероятно, предполагая неприятности с моей стороны, командующий 28-м полком, подполковник Гембицкий, оказавшийся на два ближайших дня моим соседом, поспешил занять агрессивную позицию. III Сибирский корпус осадил на всем фронте на 2–3 часа раньше, и немцы надвигались на всем фронте на большак еще до моего прибытия в з. Осиновку. А с 6 до 8 час. утра на левом фланге 23-го Сибирского полка никого не было — место моего полка оставалось пустым. И подполковник Гембицкий, уже накануне жаловавшийся на опоздание 2-й Финляндской дивизии примкнуть к его левому флангу, с утра бомбардировал штаб 7-й Сибирской дивизии жалобами на то, что финляндцы оголили его фланг и ставят его в невозможное тактическое положение. Для Гембицкого это был вопрос о стыке 28-го Сибирского и 6-го Финляндского полков. Но для начальника дивизии Братанова, куда эта жалоба попала, вопрос заключался в стыке 7-й Сибирской и 2-й Финляндской дивизии; он телеграфировал жалобу командиру корпуса Трофимову; для последнего дело шло о стыке III Сибирского и V Кавказского корпусов; поэтому жалоба дошла до ген. Флуга, который обеспокоился стыком своей группы и группы Мехмандарова; в 12 ч. 25 м. 19 сентября от временно исполнявшего должность начальника штаба группы Флуга пришла ген. — квартирмейстеру 10-й армии следующая

телеграмма: "Генералу Шокорову. Сегодня у ф. Осиновка снова левый фланг III Сибирского корпуса не может найти правый фланг V Кавказского корпуса. Генерал Флуг настоятельно просит принять меры к тому, чтобы не было промежутка в стыке между группами. 129. Шильдбах".

Но в штабе 10-й армии сидели люди, искушенные повидимому в оперативных кляузах, которых нелегко было провести; на этой телеграмме была наложена резолюция: "сам виноват, так как торопится с отходом — возложить надо ответственность на генерала Трофимова".

Хвост полка только кончал подтягиваться к з. Осиновке, когда немцы подошли уже к Осиновке с севера на расстояние дальнего ружейного выстрела, и одна из рот I батальона 6-го полка, развернувшаяся на холме у северной опушки деревни, по соседству с 28-м

Сибирским стрелковым полком, вступила в огневой бой. Позиция полка была не укреплена. Надо было рекогносцировать ее, развернуть полк и приступить к рытью окопов одновременно с разгоревшимся боем. Резервный II батальон полка был мной направлен в район д. Захаришки с наказом его командиру Чернышенко подготовить там окопы, но не на запад, в тылок расположению полка, а лицом на север, на случай неустойки сибиряков, примыкавших к нашему флангу под прямым углом. Основное направление натиска немцев очевидно пролегало с севера на юг.

Я отдавал себе ясный отчет в упущении штаба дивизии. 7-й полк был предназначен в арьергард, затем в резерв дивизии; но раз он проскользнул на позицию на 2 ч. 30 м. раньше меня, то конечно следовало его выдвинуть на фронт, где он успел бы спокойно окопаться и устроиться, а 6-й полк, отходивший в арьергарде, направить в резерв. Однако особенно ругать за это штаб дивизии не приходилось: специальностью 7-го полка было нахождение в резерве, и если уже в приказе по дивизии значилось его назначение в резерв, не так-то легко было извлечь его оттуда; командир его Марушевский, заслуженный начальник штаба нашей дивизии в первый год войны, пользовался у начальника дивизии огромным авторитетом{78}.

Отсутствие окопов было тем более досадно, что все пространство от д. Захаришки до с. Древеники кишело войсками, батареями (артиллерия гвардейского корпуса), обозами. Сюда за ночь переместилась значительная часть ярмарки от Лаваришек. Но это были части или имевшие предназначение на правый фланг Флуга, или считавшие, что они свое уже оттрубили, цинически указывавшие на свою небоеспособность: 4-я Финляндская,

пограничная дивизия, ополчение; они умыли уже свои руки и являлись при отступлении только тяжелым баластом.

19 сентября 1915 г. — один из самых черных дней моих воспоминаний о войне. Но начался бой спокойно; немецкая артиллерия отнюдь не свирепствовала; у немцев выделялась одна скорострельная 37-миллиметровая пушка, прятавшаяся в кустах в 2 000 шагах перед моим правым флангом и яростно метавшая свои безобидные гранаты в мои правофланговые роты; она расстреляла в течение 3 часов 2 или 3 сотни гранат, но никого не обидела. Эта пушка представляла в полном смысле слова профанацию артиллерии; слабый звук взрыва ее снарядов вызывал хохот стрелков, переживших за 3 дня перед этим упорное долбление их 40-килограммовыми гаубичными бомбами. Я проезжал неподалеку за фронтом, на линии ротных поддержек. Пушчонка привязалась ко мне и долго преследовала меня своим огнем, пока я не уехал за пределы ее дальности. Иные гранаты падали в 6 — 7 шагах, лошадь иногда фыркала, а стрелки располагали неистощимым запасом остроумия для каждого нового плевка немецкой пушечки. После этого опыта я и по сию пору не являюсь сторонником 37 мм. калибра для батальонной артиллерии.

Вскоре однако события приняли серьезный оборот. За нашей спиной и на фланге почувствовалось шатание. Стоявший углом ко мне, лицом на север, левый фланг Флуга образовывался полуразложенными 7-й и 8-й Сибирскими дивизиями и вконец истощенной 26-й пехотной дивизией, которая с 15 сентября днем и ночью должна была непрерывно брать Ворняны; и так-таки Ворняны не взяла. Все три дивизии были объединены под командой ген. Трофимова, командира III Сибирского корпуса. Развал начался в центре и на правом фланге уже около 9 ч. утра. В 13 час. центр Трофимова (8-я Сибирская дивизия) находился уже не у д. Слободка, на большаке, а на фронте г. дв. Дубники (исключительно) — д. Скарбиня. В этот момент г. дв. Дубники был потерян левым флангом 26-й пехотной дивизии {79}, а 8-я Сибирская дивизия и правый фланг 7-й Сибирской дивизии начали рассеиваться и обращаться в атомизированное состояние. 28-й Сибирский полк, менее энергично атакованный и примыкавший к моему полку сохранялся дольше других частей III Сибирского корпуса. До 13 час. дня стык со мной оставался на месте у Осиновки, сползал назад лишь центр и правый фланг 7-й Сибирской дивизии, с линии Осиновка — Слободка, на линию Осиновка — Скарбиня. В 13 ч. 15 м. дня левый фланг 28-го Сибирского полка, в относительном порядке, отходил от з. Осиновка к д. Захаришки, а 6-й полк соответственно отходил

правым крылом назад, постепенно поворачиваясь на север; с 14 ч. 15 м. до 16 час. 6-й полк удерживал фронт у Захаришки. I батальон, находившийся в бою с утра, пройдя на линию д. Захаришки, где был уже развернут II батальон, был свернут мной в полковой резерв, чтобы дать ему возможность вскипятить чай и отдохнуть. Наш артиллерийский дивизион после 14 ч. 15 м. покинул поле сражения и около 15 час., вместе с дивизионными резервом 7-го полка, располагался на тыловой позиции, севернее Древеники. Уже с 14 ч. 15 м. циркулировало сообщение, что в районе г. дв. Дубники всякие боевые действия прекратились и находившиеся там немцы — 10 рот, 2 эскадрона, несколько батарей, собрались в колонны и беспрепятственно движутся в южном направлении. Между 16 и 17 часами начался всеобщий "драп", охвативший полностью и 2-ю Финляндскую дивизию.

Журнал военных действий III Сибирского корпуса довольно мягко описывает отход корпуса и объясняет его по общему трафарету: фланги были открыты 26-й пехотной дивизией, увлекшей 8-ю Сибирскую дивизию, и 2-й Финляндской дивизией. Не могла ж одна 7-я Сибирская дивизия оставаться в виде острого, выдвинутого вперед угла — пришлось отвести и ее. Такое изложение конечно в корне искажает ход событий. На 2-ю Финляндскую дивизию было очевидно взведено ложное обвинение, раз сохранился например приказ штаба 7-й Сибирской дивизии от 10 ч. 30 м. — дивизии отходить на линию Осиновка — Скарбиня, что фактически уже было выполнено войсками часом раньше; если левый фланг дивизии оставался на месте, причем тут сосед слева? Может быть, в основе утверждений III Сибирского корпуса была и частица истины: мой I батальон развертывался у Осиновки сначала наобум, ввиду наступления немцев роты высылались командиром батальона на неосмотренную им позицию; а затем сейчас же он начал работу по уточнению и пригонке расположения своих рот к местности; весьма возможно, что при этом он отвел на сотню шагов ближе к Осиновке свою правофланговую роту. А сбоку за ним жадно следил сосед, искавший на всякий случай предлога для оправдания своей возможной неустойки и вероятно где-нибудь постарался запротоколировать и раздуть такой факт. Однако в хорошо сохранившемся архиве 28-го Сибирского полка мне не удалось разыскать каких-либо жалоб на неустойчивость 6-го полка у Осиновки. Весьма возможно однако, что в телефонном разговоре со штабом 7-й Сибирской дивизии такая жалоба была, дошла устно до штаба корпуса и запечатлелась в его журнале военных действий как оправдательный для корпуса мотив. Я полагаю, что не так велика и вина 26-й пехотной дивизии,

случайной гостии в составе III Сибирского корпуса, на которую последний сваливает главную вину. Во-первых, 26-я дивизия отскочила на несравненно меньшую глубину; во-вторых, весь имеющийся материал гласит о панике лишь на ее левом фланге, у г. дв. Дубники, где она находилась в контакте с 8-й Сибирской дивизией.

Сваливать все на соседа — это был основной лозунг воспитания больших и малых начальников III Сибирского корпуса. Так, в этом бою, в середину 7-й Сибирской дивизии был вклинен, между 28-м и 27-м Сибирскими полками, I батальон 32-го Сибирского полка соседней 8-й Сибирской дивизии, имевшей меньшее протяжение фронта и усилившей соседа. На правом фланге 28-го Сибирского полка был развернут его I батальон, имевший соседом батальон 32-го Сибирского полка. Сохранилась записка командира I батальона 28-го Сибирского полка: "Командиру полка. 19 сентября 1915 г. 9 ч. 30 м. утра. № 19 от командира I батальона. Г-н полковник, те цепи 32-го полка, которые занимали позицию правее 1-й роты, отхлынули назад на дорогу, как только показались немецкие цепи. 1-я рота таким образом открыта. Разведчики донесли, что справа движутся густые цепи и колонны. Штабс-капитан (подпись неразборчива)". В реляции того же командира батальона сообщается, что батальон 32-го полка "по неизвестной причине ушел; за ним кажется и 27-й полк". А в 10 час. утра тот же командир I батальона 28-го Сибирского полка доносил, что немцы заходят в тыл его правому флангу, что вынуждает его начать отход. Я не вполне убежден и в правдивости этих донесений{80}, несомненно писанных под огнем — быть может и в них заключается оправдание собственной неустойки; но они во всяком случае в корне разрушают версию журнала военных действий штаба III Сибирского корпуса.

Вдумываясь в катастрофическое течение этого боя III Сибирского корпуса, поражаешься почти полным отсутствием сопротивления на фронте III Сибирского корпуса. Дивизии его были по меньшей мере вдвое сильнее по числу 2-й Финляндской; включали еще много энергичных и с колоссальным боевым опытом командиров, связь работала безукоризненно, артиллерия была хороша, многочисленна и обеспечена снарядами, стрелки были еще способны драться, необученных пополнений в III Сибирском корпусе было меньше, чем в других корпусах; на своей позиции корпус устроился заблаговременно, имел 2 — 3 часа времени для того, чтобы окопаться, огонь неуспевшей еще развернуться и плохо обеспеченной снарядами немецкой артиллерии был определенно слаб, участки дивизий были

невелики — 7-я и 8-я Сибирские дивизии вдвоем растянулись только на 7 км, т. е. имели меньше километра на полк в составе свыше 2 000 бойцов и 6 — 8 пулеметов; 26-я дивизия была растянута всего на 3 км. И что же мы видим: при первом в сущности появлении немцев на дистанции дальнего ружейного огня весь десятикилометровый фронт начинает осаживать, а через 4 часа это осаживание переходит постепенно в общее бегство. Напор немцев незначительный, и на первый взгляд не видно причин, породивших следствия.

Я усматриваю эти причины в директиве штаба 10-й армии от 17 сентября. Эта директива предусматривала отход в ночь на 20 сентября с линии Быстрица Шумск, на фронт Слободка — Ошмяны. Эта директива была известна всему командованию III Сибирского корпуса и являлась основой для планирования его действий. Но весьма благоприятные изменения, происходившие 19 сентября в тылу 10-й армии с развертыванием 2-й армии и оставшиеся войскам еще неизвестными, заставили с одной стороны высшее командование думать о задержке отхода, а III Сибирский корпус другой стороны имел традицию всегда поторопиться с отходом, и действия его резко разошлись с требованиями боевой действительности. Если с предыдущей позиции III Сибирский корпус снялся за 3 часа раньше срока, чем поставил меня в чрезвычайно рискованное положение, то теперь для III Сибирского корпуса вопрос шел о том, чтобы предвосхитить намеченный на ночь отход. Подготовительные мероприятия к этому отходу были с утра в работе. Все стремились занять такое положение, которое обеспечило бы максимальное удобство для ведения боя на завтра, когда корпус окажется, после ночного перехода на новом фронте. Штаб III Сибирского корпуса с утра улизнул в м. Сола, находившееся в 33 км (по воздуху) от фронта, на котором корпус вел бой, которому не придавалось слишком большого значения; но на завтра, когда корпус отскочил бы, как предусматривала директива 10-й армии, на переход, штаб III Сибирского корпуса имел бы уже организованную связь и находился бы в надлежащем удалении за фронтом.

Равно и штаб 7-й Сибирской дивизии, в интересах завтрашнего дня, отошел в м. Слободку, в 20 км за фронт, на котором пока дрались его полки; он предполагал, что его левый фланг будет завтра где-то в районе с. Палоши, и выбрал достаточно боевую позицию, всего в 7 км за этой деревней. Штаб 8-й Сибирской дивизии несколько задержался и успел ориентироваться, что ночью предполагается отход в меньшем против предположенного размера, и удалился поэтому только в м. Островец, за 14 км от своего фронта. Командиры полков III

Сибирского корпуса не отставали в предусмотрительности от своего начальства и выслали с утра свои резервные батальоны, с лучшими командирами батальонов и средствами связи, в район р. Лоши; там люди могли отдохнуть, и когда последует — часов в 15 — распоряжение об отходе и позиция будет указана и распределена между полками, эти батальоны дружно возьмутся за ее укрепление, крепко ее займут, и ночной отход явится пустяками — дравшиеся роты просто проскочат за основательно укрепленный и с толком занятый рубеж. В делах сибирских полков сохранилось много соответствующих распоряжений. Можно полагать, что на будущем, еще не указанном рубеже собралось не только высокое начальство, но и добрая половина батальонов III Сибирского корпуса. Корпус был искусен и многоопытен в движении назад перекатами. После 6 месяцев отступления огромный процент русской армии способен был вести оборону лишь в стиле арьергардных боев, и в действиях сибиряков я не могу усмотреть ни малейших следов жесткости.

Арьергардные мотивы чрезвычайно сильно ослабляли устойчивость фронта III Сибирского корпуса. Не было стимулов цепляться за каждый вершок земли, если на переход позади подготавливался рубеж, куда надлежало отойти ночью, и если резервы отводились туда с утра. А тут еще, сверх того, среди стрелков распространялись зловещие слухи, что в глубоком тылу обозы подверглись нападению, днем со спины доносился пушечный гром, а по ночам на всех сторонах горизонта начинали вспыхивать звездки осветительных пистолетов германского охранения. Мимо спешно уходили гвардейские части, чтобы вступить в бой за наши сообщения; но в воображении массы начальство в первую очередь заботилось о том, чтобы спасти хотя бы гвардию и вывести ее из угрожаемой окружением площади, и пожалуй это было не совсем неверно. В конечном счете, не отрицая процесса разложения сибирских полков, я думаю, что в общем бегстве 19 сентября повинно не столько это разложение, как все командование корпуса, от командира корпуса до командиров полков включительно, подготовившее для него все материальные и психологические предпосылки.

Высокое начальство напротив 19 сентября находилось в благодушном настроении. Среди конницы Орановского и Тюлина полностью развернулся хороший V армейский корпус, 7-я дивизия которого наступала от Бол. Якентавы; у с. Ковали сгущающим конницу элементом явилась, правда слабенькая, 124-я дивизия; из м. Солы противник был выбит уже накануне; гвардия продвигалась восточнее м. Солы.

На обращенном к востоку фронте Флуга было в этот день

спокойно; 18 сентября, в день вступления немцев в Вильну, почва под ногами VI конного корпуса, выдвинувшегося на линию Сморгонь — Вилейка, уже горела, и Людендорф отдал приказ о доведении числа пехотных дивизий, поддерживающих его, до 4. В дополнение к израсходованной уже по частям 115-й дивизии была двинута 77-я дивизия, атаковавшая 16 сентября 2-ю Финляндскую дивизию; а I германский корпус, действовавший против Флуга, должен был отозвать из боя 42-ю и 75-ю дивизии. Последнее конечно обусловило длительную заминку в наступательных усилиях немцев, и объясняет, почему бегство III Сибирского корпуса 19 сентября не повлекло катастрофических последствий для фронта 10-й армии. И самое главное, в этот день XXXVI корпус 2-й армии успешно начал штурм Сморгони, который должен был затем повести к истреблению 1-й германской кавалерийской дивизии. Другие корпуса 2-й армии давали себя знать в тылу и на фланге ген. Флуга, представляя прочную для него опору. Можно было уже усмотреть, что хорошо задуманная и энергично начатая немцами операция по окружению 10-й армии терпит неудачу, так как была предпринята слишком поздно, когда наши основные силы вышли из пределов Польши, и находились в столь недалеком расстоянии от Молодечно, что русское высшее командование могло в несколько дней извлечь из них резервы, сформировать 2-ю армию и бросить ее против охватывающих сил немцев. Это был несомненно перелом операции: на решительном пункте, в Сморгони, немцы смогли противопоставить лишь одну истощенную кавалерийскую дивизию русскому армейскому корпусу, потерпели неудачу, и должны были открыть русским захваченную железную дорогу Молодечно — Соли, которой только и могла снабжаться 10-я армия.

Людендорф еще продолжал бороться за размах операции и напрягал все силы; он приказал Неманской армии, стоявшей перед Двинским тет-де-поном, выделить 2 пехотных дивизии (3-ю и 87-ю) и 2-ю кавалерийскую дивизию (усиленную гвардейской кавалерийской бригадой), с тем, чтобы протолкнуть их между оз. Дрисвяты и Нарочь и защитить таким образом свое охватывающее крыло от удара в тыл, с востока{81}. Неудача охватывающего движения в направлении на участок Молодечно — Соли окончательно выяснилась 21 сентября, но Людендорф хотел бороться с этим производством нового, более глубокого охвата на Минск: 22 сентября он приказывал, чтобы смененный пехотой VI кавалерийский корпус двинулся на линию Вилейка — Минск, задержал здесь русских и затем последовательно отходил бы на восток, к Березине, где должны были завершиться "Канны" для

большей части русских армий Западного фронта. Свободный от этой фантастики генерал Фалькенгайн{82} считал операции на русском фронте в основном завершёнными; для него дело шло лишь о том, чтобы с возможно меньшим расходом войск и снабжения окопаться на русском фронте на зиму; его интересовал Сербский поход и отражение французского натиска в Шампани; ему ясно обрисовывались требования и возможности войны на измор, и 19 сентября он предъявил Людендорфу, переживавшему жесточайший кризис, требование об отправлении 6 его дивизий на запад и в Сербию; одна из этих дивизий должна была начать погрузку немедленно.

Этот оперативный перелом первым почувствовал ген. Флуг. В 10 час. утра 19 сентября, когда левый фланг Флуга только начинал трещать, его временный начальник штаба телеграфировал начальнику штаба 10-й армии о том, что весь тыл забит обозами, что происходит общее опоздание войск, развертывающихся в составе его группы; так, бригада 43-й дивизии опоздала с подходом на 12 час.; "при таких условиях и принимая во внимание нахождение в тылу IV Сибирского корпуса (2-й армии. — А. С.), ген. Флуг считает дальнейший безостановочный отход группы ген. Мехмандарова нежелательным и на сегодняшнюю ночь считает вполне достаточным лишь немного выпрямить фронт примерно по линии Корвели — г. дв. Олесино — Палоши — Лоша — Медники. Ген. Флуг настоятельно требует подвоза снарядов и восстановления движения по линии Молодечно — Солы. С ранее указанных пунктов скорого подвоза снарядов ожидать нельзя. 144 Шильдбах".

Требование Флуга — уменьшить размер отхода центра 10-й армии вполне отвечало настроениям штаба 10-й армии, лучше осведомленного об успехах 2-й армии. Зачем уменьшать размер отхода, когда выгоднее его остановить вовсе? И на телеграфной ленте стал отбиваться следующий ответ командующего 10-й армией: "19/IX

13 ч.5 м. дня.

144.

На завтра 20 сентября приказал группе Мехмандарова оставаться на той же позиции, которую сегодня она занимает, т. е. от Осиновки, где должен оставаться ваш левый фланг. Что же касается снарядов, мною отдано приказание выслать вам часть запасов из V и II Кавказских корпусов. Завтра 20 сентября в Молодечно должен прибыть XIV корпус. Повторяю, что, несмотря на утомление войск, обстановка требует быстрого выдвижения правого фланга вперед, для чего требую полного напряжения сил

и самых решительных действий,
9860 Радкевич".

Но о линии Корвели — г. дв. Олесино — Палоши Флуг, официально или неофициально, успел уже сообщить III Сибирскому корпусу, и последний явно тяготел к ней с 10 час. утра, когда начальник штаба Флуга испрашивал первый раз одобрения ограничения его отхода. Штаб Флуга переехал со ст. Кены в м. Солы, под прикрытие гвардии, и туда же явился командир III Сибирского корпуса ген. Трофимов. Флугу пришлось оправдывать перед штабом армии этот переход тем, что он был выполнен раньше, чем ген. Трофимов был осведомлен о приостановке отступления. В штабе Флуга понимали, что требование сохранить стык с группой Мехмандарова в 3. Осиновке является неисполнимым для III Сибирского корпуса, и потому он возобновил свое ходатайство, ссылаясь на то, что 26-я дивизия, атакованная немцами в 10 час. утра, уже отошла на линию Столбуры — г. дв. Дубники, и 8-я Сибирская дивизия постепенно отходит, под давлением, на линию г. дв. Дубники — Осиновка; при этом в III Сибирском корпусе снаряды и патроны на исходе (неверно. — А. С.). Отход на г. дв. Олесино очень желателен. На эти печалования в 14 ч. 53 м. дня 19 сентября последовал ответ начальника штаба 10-й армии: "Ген. Флугу. 151. Отход группы ген. Мехмандарова отменен, почему и надлежит стык вашей группы с V Кавказским корпусом оставить у Осиновки. Прошу уведомить меня о получении этой депеши".

Таковы были обстоятельства, объяснявшие отсутствие вмешательства командиров корпусов и начальников дивизий в явно нелепо складывавшуюся в 13 часов обстановку на фронте и отсутствие регулировки ими отступления, начатого III Сибирским корпусом еще в десятом часу утра; полковые командиры были предоставлены себе. Ни начальники дивизий, ни командиры полков не вводили в бой своих резервов, но и не давали разрешения на отход. Отрицательно вероятно отозвалась на порядке штабной службы происходившая около полудня 20 сентября смена важнейшего штабного работника — оправившийся от переутомления Н. Г. Семенов вступал в должность начальника штаба Флуга вместо заменявшего его Шильдбаха и должен был затратить некоторое время, чтобы войти в курс событий.

Уклонясь от прорыва, происходившего восточнее, масса беглецов — тысячи "индивидуально" следующих солдат десятков различных полков — и III Сибирского корпуса, и отсталых разных частей, и даже 26-й дивизии, и в том числе все, что 28-й Сибирский полк имел на фронте — как какая-то лавина, потеряв

ориентировку, бросилась после 16 час. в распоряжение 6-го полка; иные, проскочив линию моих батальонных поддержек, натыкались сзади на обращенные на запад цепи 8-го полка, и только тогда сворачивали на юг. Все они твердили, что на их плечах следуют немцы. Это была паника, днем, когда каждый бегущий виден издали, а их было без конца — и они, как старые опытные солдаты, не собирались в кучи, на дороги, а держались равномерно рассеянными по всей площади; немецкая артиллерия в этот момент начала обстреливать шрапнелью беглым огнем все расположение 6-го полка и его тылы. Чем дальше к югу, тем настроение было более паническое, беглецов там было больше. Я видел, как 8-й полк, почти не вступавший в бой, поднялся весь, как один человек, и покатился вдоль своего фронта, справа налево, на юг.

Я еще пытался что-то выслать из полкового резерва навстречу немцам, в Селище, но в 5 — 10 мин. орава беглецов сделала свое дело и на участке 6-го полка; оба батальона боевой части поднялись и отходили "беглым" шагом. Мне, при дружном появлении беглецов, очень хотелось выиграть хотя бы 20 мин. времени, чтобы их лавина успела прокатиться дальше и можно было бы отвести 6-й полк, не смешивая его с ними. Но и для меня, и для всего полутора десятка офицеров, находившихся в строю, одновременно выяснилась и тактическая, и психологическая необходимость отходить: сейчас можно было дать команду отступать, через минуту каждый стрелок поднялся бы сам и пошел. Мне не было необходимости в средствах связи, чтобы привести в отступательное движение сразу все 3 батальона.

6-й полк находился несомненно на самой границе паники; на границе, потому что весь командный состав полка делал отчаянные усилия, чтобы сохранить управление в своих руках, и в конечном счете, жертвуя требованиями тактики, справился с этой задачей. На глазах у нас было море рассеянных, одиночных людей, руководимых только своими инстинктами, и у всех офицеров 6-го полка была только одна мысль — о сомкнутости. Я находился у резервного I батальона и, давая ему приказание отходить, просил командира батальона не выпускать роты из-под своего непосредственного наблюдения: "я поведу в батальонной колонне", был полученный мною ответ. III батальон был по своему положению на левом фланге полка наименее угрожаемым паникой, почти не был затронут волной беглецов и отходил, имея даже вначале какое-то подобие цепей. Труднее всего было II батальону, непосредственному соседу рассеявшегося 28-го полка; я поскакал навстречу ему. Командир Чернышенко, которого я расценивал не слишком высоко, в этот момент был прекрасен. Его

роты, отбегая, на ходу смыкались, не обращая внимания на шрапнельный огонь; немцы плохо наблюдали и били по площади. Чернышенко, несчастливый, израненный, обычно упавший духом, теперь верхом скакал от одной роты к другой, сколачивал их в кучу, налетал на отделяющихся вперед стрелков, замедляя шаг; конечно у него в строю были надежные помощники, но они были пешком, а в такие моменты конная фигура имеет решающее превосходство. Только несколько дозоров отстреливались и прикрывали отход сомкнутых рот II и III батальонов.

Стрелков удалось сохранить под командой офицеров лишь ценой почти полного отказа от выполнения какой-либо тактической задачи; 6-й полк отходил последним, но в этот момент не вполне являлся арьергардом. А перед нами у Древеников, к которым мы неслись, задерживаясь иногда на 2-3 мин. для приведения рот в порядок, находилось море артиллерии, обозов, какие-то скопища людей, задержанные лесисто-болотной тесниной на пути в Задворники. Нужно было что-то делать. Успокоившись за II и III батальоны, я поскакал к своему I батальону; я нагнал его, когда он, в массивной батальонной колонне, легкой рысцой спускался с пригорка к д. Бабичи. Я обратился к нему с резкими, укоризненными словами; стрелки отвечали довольно весело — "мы только с горки прибавили ходу", а командир батальона, обидевшись, настаивал, что у него все в полном порядке. Я остановил батальон, так как здесь на дороге, в 2-3 колонны рядом стояла артиллерия — финляндские и гвардейские батареи, и стал соображать. Начали подходить роты III батальона, приближался II батальон. Я хотел сделать попытку развернуть полк, чтобы выиграть хотя бы полчаса на отход батарей и обозов, представлявших огромный, беспомощный табор. Паника батарей пока не коснулась, они сохраняли полный порядок.

Вероятно, из моего доброго намерения ничего основательного не получилось бы. Из затруднительного положения меня вывел следующий случай. Вдоль дороги лежало много имущества, брошенного обозами при отступлении; может быть предметы снабжения заменялись награбленным барахлом. Какой-то любопытный стрелок моей 11-й роты обратил внимание на лежащий ящик, извлек из него странный тяжелый, незнакомой формы металлический предмет и принялся его ковырять. Внимание его прямых начальников было отвлечено общим ходом событий; неожиданно в колонне раздался жестокий взрыв; таинственный предмет, извлеченный из ящика, представлял, повидимому аэропланную бомбу. 12 стрелков 11-й роты были убиты или тяжело ранены. В причине взрыва мне удалось

разобраться только потом. В ту минуту у всех одновременно явилась одна и та же мысль, что это взрыв немецкой гранаты, что на пригорок в км, с которого мы только что спустились, выехала немецкая батарея и берет нас под расстрел. Как будто по какой-то невидимой команде поднялись сотни нагаек артиллерийских ездовых, и все батареи одновременно поднялись в бешенный галоп и помчались, не разбирая дороги, в южном направлении. Полем, проселком на д. Мешкуцы, лесными дорожками, погоняемые страхом, обоз и артиллерия быстро скрылись из глаз. Журнал военных действий II Финляндского артиллерийского дивизиона отводит пальму первенства при этом "поспешном отступлении" в проложении пути через обозы гвардейским мортирным батареям. В 6-м полку все начальство было насторожено, несколько рванувшихся стрелков удалось остановить через два десятка шагов, и полк, постепенно принимая вид походной колонны, зашагал спокойно к д. Древеники. Не доходя до него, я получил приказ штаба дивизии{83}.

В составе табора у д. Древеники находились и "остатки", как спешили они сами о себе подчеркнуть, 4-й Финляндской и пограничной дивизий. В журнале военных действий 4-й Финляндской дивизии отмечено доброе желание временно командующего дивизией прикрыть отход 2-й Финляндской дивизии высылкой хотя бы слабых частей в район III Сибирского корпуса, но сейчас же началось общее бегство, и пришлось всех отозвать назад. "Войска отходили к югу без дорог, двумя потоками, часть батарей оставалась на позиции и продолжала вести огонь, прикрывая отход". Если такие батареи и имелись, то лишь значительно раньше. Наши две батареи (2-го Финляндского артиллерийского дивизиона) переехали в 13 ч. 45 м. к с. Селище, где заняли позицию фронтом на север и стреляли по немцам, наступавшим на III Сибирский корпус, в охват правого фланга 6-го полка. В 15 час. батареи находились на позиции у Древеники, где их обеспечивал находившийся в резерве дивизии 7-й Финляндский полк. В момент взрыва аэропланной бомбы — около 18 час. — наши батареи находились в общей колонне в походных строях, между гвардейскими батареями. "Немецкая артиллерия обстреливала артиллерийским огнем отходившие части" — утверждает журнал военных действий 4-й Финляндской дивизии. Это утверждение верно только для начала отступления 6-го Финляндского полка. К моменту второй паники (18 час.) ни одного артиллерийского выстрела на поле сражения не раздавалось. Расхождение в описании событий мной и свидетелями 4-й Финляндской дивизии объясняется тем, что они

отходили на юг значительно впереди 6-го полка — на полтора часа. Около 17 час. этот "резерв" V Кавказского корпуса, смешавшись с обозами, начал протискиваться на юг; через 2 часа он успел продвинуться только на 3 км к с. Задворники, а еще через 2 часа, в 21 час. 19 сентября, был у с. Палоши, пройдя всего 5 км в 4 часа непрерывной толкотни.

Глава девятая. История одного стыка

(Схема 1, 5, 6)

Полученный мной в 18 ч. 30 м. 19 сентября, на пути на д. Бабичи в с. Древеники, приказ штаба дивизии гласил о том, что на 6-й полк возлагается оборона участка д. Мешкуцы (включительно) — г. дв. Древеники (включительно); на 8-й полк — участка г. дв. Древеники (исключительно) — з. Прокорты (включительно); 7-й полк — дивизионный резерв — у ф. Марьяново. Штаб дивизии уезжал в какую-то деревню за реку Лошу, изрядно далеко в тыл. Моим стрелкам и офицерам было бы чрезвычайно полезно отдохнуть спокойно одну ночь после беспокойных ночей всей предыдущей недели и сильных, разлагающих впечатлений сегодняшнего дня. Я лично чувствовал, что начинаю истощать свои последние силы. Как было бы уместно, если бы штаб дивизии развернул на нашем участке 7-й полк, а мы перекатились бы через него в резерв. Но Марушевский и весь 7-й полк были решительно против теории перекатов.

Указанный полку участок также возбуждал большие сомнения. Деревня Мешкуцы и г. дв. Древеники находятся по разным сторонам значительного и проходимого только по немногим тропам болота. Оба эти пункта находятся на важных дорогах и вероятно вскоре будут атакованы немцами. Оборона г. дв. Древеники, лежащего на полянке среди леса, трудна и требует внимательного приспособления к местности и большой организованности; между тем я не могу сосредоточить на этой задаче все внимание и все силы имеющихся у меня 1 000 бойцов, так как мне надо занимать на отлете д. Мешкуцы, расположенную у подошвы высоты, составляющей участок III Сибирского корпуса, и на краю болота, и не представляющую самостоятельного объекта обороны: участь ее зависит от того — в чьих руках высота 111,1. Насколько было бы лучше, если бы III Сибирский корпус включил в свой участок и д. Мешкуцы, а разграничительная линия между группами Мехмандарова и Флуга была бы проведена по болоту. Это увеличивало бы фронт III Сибирского корпуса только на 200 — 300 шагов. Несомненно, это была не ошибка. высших штабов, а интрига III Сибирского корпуса, который не желал иметь соседа за болотом, с известной самостоятельностью, а локоть к локтю, непосредственно ощутимого. Этот эгоизм и недоверие к соседу ставили 6-й Финляндский полк в трудное тактическое положение и наполовину понижали его способность к отпору, что после недоразумений дня могло иметь роковое значение{84}.

Я расценивал как основное и наиболее опасное направление — путь г. дв. Древеники — Задворники. Скорое установление контакта с соседом слева — 8-м полком — после его отхода в полном расстройстве днем, было сомнительно. Начинало темнеть. Я приказал относительно мало пострадавшему III батальону занять основной участок полка — г. дв. Древеники, имея впереди него, в 1 км, на опушке леса, густое и непрерывное сторожевое охранение. За ним, в д. Задворники, располагался полковой резерв — самый крепкий I батальон. Потрепанный и ослабленный II батальон назначался мной для обороны второстепенного участка у Мешкуцы. Батальоны немедленно двинулись на свои участки, так как неприятель следовал близко за нами. Во избежание каких-либо недоразумений с блужданием, я лично отвел II батальон в д. Мешкуцы. Участок был противный, болотистый{85}, чего я полностью, не слезая с коня, рассмотреть не успел. В реляции командира IV батальона 28-го Сибирского полка указывается: "в 19 час. вечера батальон подошел к д. Мешкуцы. Впереди д. Мешкуцы и влево до с. Древеники (заблуждение — на опушке леса южнее с. Древеники и у г. дв. Древеники. — А. С.) уже окапывался 6-й Финляндский стрелковый полк. Командир Финляндского стрелкового полка, бывший на своем правом участке, просил меня скорее становиться на позицию, так как немцы могли подойти каждую минуту".

III Сибирский корпус занимал фронт Соколово (исключительно) — г. дв. Олесино — высота 3,1 — д. Мешкуцы (исключительно), протяжением всего 5 км, 8-я Сибирская дивизия удерживала фронт всего в 2 км, 7-я Сибирская дивизия, моя непосредственная соседка — в 3 км, до г. дв. Олесино (включительно). Расположение штабов, по своему удалению совершенно не отвечало нервности войск, требовавших личного руководства и непосредственного присутствия начальников на поле боя. 7-я Сибирская дивизия имела сначала всего 3 батальона — 25 % своего состава — в боевой линии. 2 При этих условиях конечно занятие д. Мешкуцы не могло бы составлять для нее никакого вопроса. Теперь III Сибирский корпус имел бесспорное преимущество над 2-й Финляндской дивизией; почти все части, развернутые на его фронте, не принимали участия в дневной панике, так как были отведены в тыл с утра. 4-й батальон 28-го Сибирского полка встал на позицию несколькими минутами позже моего II батальона, но тогда, как последний подошел из пекла, сибирский батальон выдвинулся из тыла, из какой-то деревни на р. Лоша, где он провел часть дня.

Предоставив Чернышенко полную свободу, я ускорил через

Бурбишки и далее по трудно проходимой для конного тропе через болото в с. Задворники. Напрямую через болото поддерживать связь, даже одиночными пешими людьми было затруднительно. Телефонная линия, связывающая III батальон с I батальоном в Задворниках, прокладывалась через деревни Бурбишки и Палоши; в последней располагалась центральная станция полка. О месте расположения штаба полка я указаний еще не давал, но полковой адъютант распорядился подыскать в с. Палоши хорошую, чистую избу.

Было совсем темно, около 21 часа, когда я прибыл в Задворники; там находился полковой резерв. На фронте полка бушевал ружейный огонь — немцы вплотную налезли на III и II батальоны. Обстановка рисовалась чрезвычайно печальной; штабы не удосужились еще распространить по фронту чрезвычайно приятные сообщения, поступавшие с нашего тыла и свидетельствовавшие, что сжимавший нас немецкий охват начал распрямляться и освободил сообщения 10-й армии. Мы продолжали ощущать себя окруженными, хотя уже более ими не были. Чрезвычайно отрицательное впечатление создавалось из-за внутреннего положения, на 3 фронта, которое занимала 10-я армия; оно приводило к тому, что при всяком нашем шаге назад мы тыкались на нагромождение обозов и парков. Это внутреннее положение, которое так любил Наполеон I, в условиях XX века становилось почти нестерпимым и вело к разложению. Невыгоды его усугублялись десятками тысяч беспризорных, одиноких, голодных солдат, которые бродили по всей площади внутри фронтов 10-й армии. Это были своего рода "отсталые"; только теперь они оказывались впереди своих рот. Наведение порядка в тылу затруднялось тем, что корпуса не имели каких-либо тыловых полос или путей, за состояние которых они отвечали бы. Все пути движения пересекались и смешались. Штаб армии издавал об этих путях распоряжения, из которых каждое отменяло предшествующие, и увеличивало путаницу; обозы руководствовались не какими-либо директивами, а собственным чутьем и разведкой. И, несмотря на все законные стремления штаба 10-й армии и его энергию по угонке обозов{86}, повозки, из-за нашего внутреннего положения находились все еще в слишком большом числе за боевой линией.

Отставание от своих рот в сильной степени поощрялось тем обстоятельством, что продовольствие ухудшилось почти катастрофически. Вечером 19 сентября стрелки уже трое суток не имели ни кусочка хлеба; расслабляющее влияние оказывали также бессонные ночи. Только после 5 совершенно бесхлебных дней удалось распределить по фунту хлеба — подвоз,

находившийся неделю в параличе, только 21 сентября начал робко функционировать. Вина очевидно лежала не на тыловых органах 10-й армии, а вытекала из оперативного положения. Если "оперативная арифметика" задается целью ежедневно снабжать солдата полной порцией, то это конечно "школьно правильно", но не имеет ничего общего с оперативной действительностью. Излишняя заботливость может привести к катастрофе; штаб 10-й армии в конце-концов был прав, делая ставку на способность человеческого желудка временно воздержаться от хлеба.

Особенно мучителен в эти дни был соляной голод, который переживала 10-я армия. У местного населения нельзя было найти никаких запасов соли. Скот дешево продавался населением, и я приказал делать по 3 варки в сутки, с фунтовой порцией мяса в каждой. Но сваренный без соли суп выплескивался стрелками, он был отвратителен на вкус; стрелки ели только мясо, а хлеб стремились заменить не часто попадавшимся на полях картофелем. Приблизительно такую же еду мог отыскать себе и умышленно отбившийся от роты солдат.

До 2 час. утра 20 сентября немцы упорно лезли. Накануне днем они наблюдали картину полного бегства и разложения III Сибирского корпуса и части 2-й Финляндской дивизии, и эта картина естественно провоцировала их на продолжение преследования ночью.

Надо было добивать разложившегося противника. Небольшая немецкая колонна в темноте напоролась на ф. Олесин, где была отбита свежим батальоном 7-й Сибирской дивизии. Главное же направление преследования немцев через Древеники выводило на весь участок 6-го полка, который был вынужден ввязаться в бой, еще не осмотревшись на местности.

Положение 6-го полка на его участке было изрядно одиноким. Справа — 28-й Сибирский полк, враг внутренний, как видно будет из дальнейшего. Влево тактической связи с 8-м полком до рассвета не было. Левый батальон 8-го полка зацепился в з. Прокорты, но правый батальон, долженствовавший примкнуть к 6-му полку, расположился в 3–5 км в тылу указанного ему участка. Обстановка в 8-м полку обрисована командиром полка в следующих смягченных выражениях: "20/IX

2 час. ночи

№ 54.

Начальнику 2-й Финляндской стрелковой дивизии.

От з. Прокорты через Смоляники до железной дороги войск нет (должна была быть гвардейская стрелковая бригада. — А.С.). На железной дороге — 1-й стрелковый его величества полк. От г. дв. Древеники вправо немцы сильно нажимают на 6-й полк,

который несколько осадил назад. Осадил и правый фланг 8-го (только без боя, и не на км, а на 3,5 км. — А.С.). Перестрелка ружейная и пулеметная не прекращается (в 8-м полку ее не было, это относится к 6-му. — А.С.). Что делать дальше?

Подполковник Забелин".

В том же стиле Забелин писал одновременно и мне ("Жду указаний о дальнейших действиях"). Только в 3 час. утра он отдал командиру своего правофлангового батальона (I) выйти на линию фронта 6-го полка. Одновременно, левее з. Прокорты, был выдвинут 5-й Финляндский полк из резерва V Кавказского корпуса — и положение разъяснилось. "Стоять на старых позициях", приказал Забелин.

Нехорошо было и с дивизионным резервом. 11-я рота представляла резерв сторожевого охранения III батальона; она занимала г. дв. Древеники; командир роты прапорщик К. неожиданно привел ее в Задворники; в главе третьей описан прием, который я ему устроил в Задворниках. Отправив роту обратно и изготавив к бою I батальон, я услышал в 500 шагах к западу от Задворников выстрелы. Надо было ожидать, что без помощи полкового резерва III батальон не сумеет сохранить полностью свое положение. Но мой I батальон, это была последняя часть, сохранявшая порядок и остававшаяся у меня в руках. Если бы I батальон был израсходован и других резервов не было бы, то наступил бы полный хаос. Поэтому прежде чем принять решение о I батальоне я вспомнил, что в 2 км от меня, в ф. Марьяново, располагается дивизионный резерв — 7-й полк. С ним меня соединяла телефонная линия. Я вызвал к телефону Марушевского и объяснил свое положение: сторожевое охранение прорвано, с соседями контакта нет, в г. дв. Древеники немцы, выстрелы раздаются в 500 шагах от окраины Задворников; нужна контратака, а может быть через короткое время на окраине Задворников, где стоит мой выстроенный I батальон, предстоит рукопашная свалка. Прошу Марушевского помочь мне одним батальоном, а то и всем полком.

Мне не следовало описывать свое положение так серьезно, как я его воспринимал. Марушевский поставил мне вопрос — как далеко сейчас от него немцы. Я ответил: "в 1,5 км". В действительности было немного больше (около 2 км). Марушевский был поражен и заторопился. У него еще не было связи с начальником дивизии, уехавшим за р. Лошу, и без его разрешения он не может израсходовать ни одной роты дивизионного резерва. А чтобы не быть втянутым в бой помимо своей воли и дабы сохранить свободу маневрирования, он сейчас снимает 7-й полк и отводит его через с. Палоши, на правый берег

р. Лоша. "До свидания, станция снята".

Немцы пустили корни в г. дв. Древеники и дальше не пошли. К полуночи командир III батальона прислал успокоительное сообщение — все роты его батальона находятся в связи между собой, хотя центр батальона немного вогнут из-за вклинения немцев в г. дв. Древеники; немцы устраиваются в занятом расположении; энергичная перестрелка продолжается вследствие близкого расстояния — 100 или 150 шагов, на котором находятся немцы от нас в перелесках.

Я оставил одну дежурную роту I батальона окапываться на окраине с. Задворники; три другие в полной готовности разлеглись спать в ближайших сараях. Настроение I батальона было бодрое, приподнятое. До 2 час. утра оставался я в Задворниках, осматривал перевязочный пункт, где было мало раненых и откуда исчез самострел прапорщик К. Перестрелка стала смолкать. Мои штабные офицеры уговорили меня уехать спать в с. Палоши, где приготовлен ужин и кровать и где центральная станция полка. Потребность в отдыхе чувствовалась чрезвычайно. Когда я в 3 час. утра ложился, с южного берега Лоши приехал командир бригады Нагаев и остановился у меня. Он говорил, что на рассвете сюда подтянется весь штаб дивизии, и пытался объяснить мне общую обстановку, но я ничего не понимал, и заснул под его разговор.

В эту ночь, когда измученные стрелки 6-го полка после тяжелого дня одни сдерживали ночную атаку немцев, высшее командование предполагало, что на участке 6-го Финляндского полка никого нет, и образовался на важном направлении прорыв между группами Флуга и Мехмандарова. Основание к этому беспокойству, отвлекшему внимание оперативного командования от более важных целей, которые ему надлежало преследовать, лежало в том, что фронт большей части моего II батальона оказался на мокром лугу; над ним, на холме, имевшем командование до 50 м, располагался IV батальон 28-го Сибирского полка, морально неустойчивый. Далее следовал приличный I батальон 27-го полка. Окопы впереди д. Мешкуцы рыть оказалось невозможным, так как под снятым дерном сразу выступала вода. Стрелки стали резать дерн и складывать скверное наносное укрытие{87}. В д. Мешкуцы, в тылу наших окопов возник пожар, ярко освещавший наших стрелков в завязавшейся перестрелке с близко подошедшими немцами. Положение стало совершенно невозможным, и командир II батальона совершенно разумно приказал ротам отойти и стать за деревней. Тут было суше, и пожар освещал уже не столько нас, как приближающихся немцев. Всю ночь здесь и на участке 28-го

полка царил ужасный беспорядок. На одних участках стреляли, на других происходили переговоры и своего рода братание с немцами. Немцы с близкого расстояния кричали: "Русс, сдавайся". Эти призывы не оставались бесплодными, и известное количество сибирских стрелков (28-го полка) и даже моего II батальона, голодных, выбившихся из сил, дезертировало к немцам. Утром, под давлением командования 28-го полка, Чернышенко приказал своему батальону вновь выдвинуться в наносные окопы впереди д. Мешкуцы, что было конечно капитальной ошибкой.

Настроение "приличного" I батальона 27-го Сибирского полка видно из следующего донесения его командира, посланного поздно вечером 19 сентября из д. Шмильги за № 232: "Батальон стал на правом фланге полка, когда же окопы наполовину были готовы, последовало другое приказание — перейти на левый фланг боевого участка — слишком большое испытание для людей измученных и с издерганными нервами{88}. Тем более он уж несколько раз был в арьергардах и занимал трудные позиции. Сегодня, хотя было приказано отойти первым, но очевидно волей судеб он отошел последним, это еще подлило масла, когда после отмены нескольких приказаний пришлось перейти с правого фланга на левый. Теперь батальон занимает огромную позицию шагов в 800 — 900, а может и больше, ибо нужно войти в связь с 28-м полком. Я занял позицию двумя более сильными ротами и пешей командой разведчиков, две роты оставил в резерве, но ввиду того, что подойти к боевой линии совершенно нельзя, приказал резервным ротам окопаться в тылу, и эти роты, если будет нужно, прикроют отход рот передовой линии. Я покамест в д. Шмильги. Сегодня осмотреть позицию решительно не могу, сделаю это завтра утром. Люди не получали ни хлеба, ни сухарей. Подполковник Элерт".

Обращает на себя внимание арьергардный характер, который придавал Элерт занятию позиции своего батальона.

Командир 17 батальона 28-го Сибирского полка писал в своей реляции: "На правом фланге боевого участка на массиве (т. е. у вершины 111,1. -А. С.) была расположена 13-я рота с пулеметом. Левее — 14-я рота и еще левее — 15-я рота и на левом участке до д. Мешкуцы 16-я рота. В батальонном резерве ничего не оставалось и были присланы 9-я, 11-я и 12-я роты. В 12-м часу ночи немцы повели наступление на финляндцев, и финляндцы бросили свои окопы, стали отходить. Левый мой фланг был оголен; д. Мешкуцы была занята немцами. Оставаться в таком положении, имея непосредственным близким соседом немцев, было рискованно, и я приказал 16-й роте загнуть фланг. Был вызван и I батальон. Утром финляндцы были возвращены на свои

места и I батальон отозван в Бурбишки".

Любопытны и данные реляции III батальона 28-го Сибирского полка. Как ни странно, этот батальон за день 19 сентября, когда его корпус был прорван, а полк бежал, не потерял ни одного человека раненым, убитым, или без вести пропавшим. III батальон, усиленный 15-й и 16-й ротами, около 16 час. получил задачу укрепиться южнее Захаришек. Но так как там уже окапывались финляндцы (6-й полк), то эти 1 батальона, не принимая участия в бою, двинулись в Мешкуцы. Роты IV батальона получили приказание занять участок своего 28-го полка, а III батальон — подготовить и занять позицию на участке, отошедшем потом к 6-му Финляндскому полку, до д. Задворники включительно{89}. Когда в 20 час. III батальон выдвинулся на позицию 6-го Финляндского полка, он застал там уже работающим III батальон 6-го Финляндского полка, и потому вернулся в 21 час. в штаб 28-го Сибирского полка, расположенный в с. Пломпаны. В 23 ч. бродячий III батальон был вызван в ближайшую поддержку IV батальону. В 24 ч. последовала атака на финляндцев и отход их. Деревня Мешкуцы потеряна около 2 час. 20 сентября. Финляндцы расположились уступом позади, с которым фронт 28-го Сибирского полка связывался загибом своего фланга. — К сказанному надо добавить, что на следующий день этот III батальон 28-го Сибирского полка согласно донесению вел упорный бой — оборонялся, сильно обстреливался, наступал, панически бежал с поля сражения и имел потери: 1 убитого, 1 раненого, 1 контуженного, 2 без вести пропавших, всего 5.

Приведенные выдержки из реляций ближайших командиров сибирских батальонов дают много черт для их характеристики, оставляют читателя порой в недоумении почему 28-й Сибирский полк, имевший 2 батальона в резерве, в 200 шагах на горе над деревней Мешкуцы, не поддержал атакованный у этой деревни слабый II батальон 6-го Финляндского полка, каких-нибудь 300 — 350 бойцов. Но читающий никак не найдет здесь оснований для того, чтобы поднять тревогу в масштабе армейской группы; второстепенный характер неустойки виден ясно.

Между тем с полуночи шли от командования 28-го Сибирского полка устные доклады о паническом положении на стыке, о прорыве 6-го Финляндского полка, доходившие до высших инстанций. Письменные донесения сохранились лишь более поздние.

"Командиру правофлангового батальона 27-го Сибирского полка. 20 сентября 3 ч. 40 м. утро. Сообщаю для сведения, что находившийся левее меня 6-й Финляндский стрелковый полк, с

которым я был связан, отошел часа 2 тому назад, так как его прорвали немцы. Мой левый фланг я загнул, выслав влево еще 2 роты. В д. Мешкуцы уже немцы. Разведка выяснила, что немцы нас обходят сзади. Выслал I батальон нашего полка для связи моего левого фланга и обеспечения обхода. Командир IV батальона капитан Воскресенский".

Начальник штаба 7-й Сибирской дивизии доносил в штаб III Сибирского корпуса: "20 сентября 2 ч. 20 м. утра. Финляндцы очистили левый фланг 28-го полка. — 2035. Дьяконов"; "4 ч. 10 м. утра. Правофланговый II батальон 6-го Финляндского полка осадил в з. Бурбишки, далее осадил следующий III батальон этого же полка западнее Задворники. Немцы начинают обстреливать левый фланг 28-го полка с тыла; на том месте, где должны быть финляндцы, видно мелькание фонарей, видимо окопы занимают немцами. Командиру II батальона 6-го полка приказано занять прежнее положение. 2036. Дьяконов". В этом донесении конечно все неточно и преувеличено; интересна подробность о мелькании огоньков; конечно немцы ходили ночью в атаку без фонарей и даже без курящихся сигар во рту; но мелькание огоньков в ночной темноте — широко распространенная форма галлюцинации, непременно возникающая, если панически настроенный человек начнет напряженно всматриваться в темноту. Мне приходилось наблюдать эту форму галлюцинации еще в 1904 г., после боя над Тюренченом. И конечно, не хорошо было штабу 7-й Сибирской дивизии вмешиваться в управление неподчиненными ему частями чужого полка и сбивать их с толку.

Устные панические донесения не сохранились, но об их наличии свидетельствует тревога, охватившая ген. Флуга и Трофимова. По приказанию командира III Сибирского корпуса, 7-я Сибирская дивизия выдвинула ночью часть своих многочисленных резервов в тыл моего полка. В затылок моему II батальону стал II сводный батальон 26-го полка. За ночь в с. Палоши явился один батальон 26-го Сибирского полка, к утру — другой того же полка для занятия позиции по реке и обороне на случай обхода; они начали рыть окопы. Штаб 2-й Финляндской дивизии, прибывший в это селение, запрашивал соседа, штаб 7-й Сибирской дивизии, зачем собственно они занимаются укреплением рубежей в тылу нашей дивизий. Но если ген. Трофимов заботился об организации сопротивления в нашем тылу, то командующий группой, ген. Флуг, настроенный более активно, распорядился о том, чтобы корпусный резерв III Сибирского корпуса занял очищенное якобы 6-м полком селение Задворники. Это распоряжение вероятно было дано еще вскоре

после полуночи, так как II батальон 32-го Сибирского стрелкового полка выступил уже в 2 ч. 20 м. ночи (донесение начальника штаба 7-й Сибирской дивизии № 2035), и еще не было 5 час. утра 20 сентября, когда этот запыхавшийся от быстрой ходьбы батальон прибыл в с. Задворники. Мой командир I батальона был очень удивлен прибытием этих гастролеров, отвел им лужайку позади деревни, предложил им составить ружья в козлы и кипятить себе чай, пока разъяснится, зачем их прислали. Командир этого батальона в 5 ч. утра 20 сентября за № 170 из Задворников пробовал успокоить взволнованного и распространяющего тревогу командира 28-го Сибирского полка: "Доношу, что в Задворниках застал I и III батальоны 6-го Финляндского стрелкового полка. Северо-западная опушка деревни занята 3 ротами I батальона 6-го Финляндского полка. Влево этот полк восстанавливает связь с 8-м Финляндским полком. Жду дальнейших распоряжений. Батальон держу за финляндцами, где в строю по-ротному приказал окопаться".

Тревожное настроение ген. Флуга за свой левый фланг, кроме нахождения во главе 28-го Сибирского полка негодного командира, объясняется и потерей связи ген. Мехмандарова, штаб которого находился в м. Поляны, в 5 км севернее штаба 10-й армии (Ошмяны), со штабом V Кавказского корпуса, находившимся еще в 15 км севернее, в г. дв. Сержанты, всего в 2 км от с. Палоши, где я ночевал. Нашему штабу корпуса так понравилась эта усадьба, что он задержался в ней и на эту ночь, несмотря на отход войск. Штаб 2-й Финляндской дивизии размахнулся далее к югу, но, узнав, что штаб корпуса оказался впереди его, к утру выдвинулся в с. Палоши. К этой потере связи присоединилось еще недоразумение с разграничительной линией между группами Флуга и Мехмандарова. Высшие штабы пережили ночью свой бумажный кризис, не лишенный остроты.

Официально штаб 10-й армии был поставлен в известность о неудаче III Сибирского корпуса 19 сентября и о невозможности сохранить стык в Осиновке следующей телеграммой полковника Семенова, выздоровевшего начальника штаба Флуга: "19 сентября 17 ч. 30 м. III Сибирский корпус в составе 26-й дивизии, 8-й Сибирской, 7-й Сибирской отходит на линию д. Иодоклани — г. дв. Олесино Мешкуцы. Прошу сообщить об этом группе ген. Мехмандарова, а также указать разграничительную линию между группами Флуга и Мехмандарова от Мешкуцы в глубину. 167. Семенов". Вместе с тем очевидно III Сибирский корпус непосредственно сговорился с V Кавказским корпусом, и в результате непонимания начальником штаба V Кавказского корпуса Половцевым интересов своих частей, 6-й полк и получил

приказ штаба дивизии о Мешкуцы включительно для него.

Но штаб 10-й армии повидимому был еще ранее устно ориентирован по телефону о неустойке III Сибирского корпуса, так как от него исходила следующая телеграмма, на мой взгляд даже предвосхищавшая ход событий: "19 сентября, 15 ч. 25 м. ген. Мехмандарову. От штаба группы ген. Флуга сообщают, что противник, атаковавший 26-ю и 8-ю Сибирские дивизии, потеснил их, и они отходят. Отходит также 8-й Финляндский полк. Ген. Флуг приказал 26-й дивизии и III Сибирскому корпусу занять фронт Корвели — Гасперлино — г. дв. Олесино. Связь с Финляндской дивизией порвана. Командующий армией приказал правому флангу вашей группы сомкнуться с III Сибирским корпусом у г. дв. Олесино. Необходимо поддержать этот фланг, чтобы придать ему устойчивость. Попов. 9816".

Итак, внизу установилась граница у Мешкуцы, а штаб 10-й армии устанавливает ее в 4 км к северо-востоку, у Олесино. Здесь вероятно в штабе 10-й армии была допущена штабная ошибка на основании телефонных или телеграфных переговоров со штабом Флуга. Конечно, можно было бы вполне допустить, что штаб 10-й армии утратил всякое доверие к III Сибирскому корпусу и стремится уменьшить участок этого беглого корпуса до 1,5 км или стремится вообще сдвинуть фронт Флуга к востоку, уменьшив глубину его расположения, тем более что и западный участок 10-й армии в районе Медники стал шататься. Но в таком случае штаб Флуга должен был быть уведомлен, что стык переносится в г. дв. Олесино, против чего он несомненно запротестовал бы. Но Флуг был оставлен при убеждении что стык в Мешкуцы, а от Мехмандарова требовалось, чтобы он протянул свой фланг до г. дв. Олесино. И это недоразумение скоро выяснили бы V Кавказский корпус и 2-я Финляндская дивизия, но связь с ними перестала функционировать. Сам штаб 10-й армии собирался переезжать на станцию Листопады и работал уже наспех; он в своих собственных документах допускал противоречия с предъявленным выше требованием о стыке у г. дв. Олесино; так, в циркулярной ориентировке, данной 10-й армии 19 сентября в 17 ч. 15 м. за № 9884 и подписанной начальником штаба армии Поповым, значится: "..... прочие части ген. Флуга под натиском отошли на фронт Корвели — Мешкуцы. V Кавказский корпус с боем отошел на линию Мешкуцы — Шумск..."

Поражает быстрота ориентировки, которую получает и дает штаб 10-й армии; она почти на 2 часа предвосхищает события, например об отходе V Кавказского корпуса, который только начинался; но зато она содержит и ряд существенных

неточностей; так, вместо с. Корвели следовало иметь в виду д. Иодоклани правый фланг III Сибирского корпуса отскакивал на 6 км глубже, чем указывалось в ориентировке, и что имело уже не только тактическое, но и существенное оперативное значение, так как выводило направление на Ворняны и пожалуй на Герваты из-под ударов Флуга.

В течение всей ночи на 20 сентября штаб V Кавказского корпуса оставался неуловимым для штаба 10-й армии и штаба Мехмандарова. Представляет интерес следующая ночная переписка со штабом 10-й армии. Телеграмма, подписанная 19 сентября в 23 ч. 50 мин. и переданная через 25 мин. ген. Федорову, начальнику штаба Мехмандарова: "Где ген. Истомин (командир V Кавказского корпуса. — А. С.) и его штаб? По искре{91} имели сведения, что он в г. дв. Сержанты, но теперь его вероятно там нет. Где вся 4-я Финляндская дивизия, которая у него в резерве? Надо ее найти и с ее помощью восстановить положение или хотя бы до утра заполнить прорыв{92}. У вас хотя и слабые дивизии, но их имеется, не считая 104-й, целых 7 на фронте в 30 км, т. е. немногим более 4 км на дивизию. Командующий армией приказал выделить немедленно сильные резервы и утром восстановить утраченное положение, а затем, по укреплении, вывести в тыл 104-ю дивизию, а затем гвардейских стрелков, для устройства и пополнения.

9887. Попов." "Из Полян

20 сентября

1 ч. 30 м.

Начальнику штаба 10-й армии.

Несмотря на все принятые меры, ген. Истомин до сих пор ни единого донесения не посылает. Получено сведение, что ген. Истомин со штабом выезжает в Поляны и вместе с тем ему послано приказание, что — если он приедет в Поляны, то немедленно явился бы ко мне за приказаниями. Но ген. Истомин до сих пор не приезжает и не присылает никаких донесений. Час тому назад вновь ему послал приказание объяснить мне причину его молчания и принять самые энергичные меры, но ответа пока не получено. Вообще не могу понять странного поведения ген. Истомина. Разъезд, посланный мной, нашел 2-ю Финляндскую дивизию, которая занимает приблизительно указанное директивой положение, ввиду чего я приказал гвардейской бригаде (стрелковой. — А. С.) перейти в энергичное наступление и во чтобы то ни стало восстановить положение и прочно связаться с 2-й Финляндской дивизией. Относительно резервов я уже донес, что вследствие завязавшегося боя я не мог произвести смену. Относительно 4-й Финляндской дивизии сделано

распоряжение о высылке 104-й дивизией разьездов для (ее. — А. С.) розыска.

10817. Мехмандаров".

Итак, весь V Кавказский корпус после полуночи начал строить свой фронт по одному 6-му Финляндскому полку, не бросившему своего участка (если не считать кусочка 8-го полка у з. Прокорты). "20 сентября.

3 часа ночи.

В штаб 10-й армии.

Гвардейская стрелковая бригада с боем (немцев, во всяком случае, там не было. — А. С.) продвигается на фронт з. Прокорты — р. Вилейка; между этой рекой и р. Пясня, в связи с наступлением гвардейцев, движется 258-й полк. 260-й полк восстановил свое положение и занял фронт Шульги — Шумск. Сейчас на этом участке идет горячий бой. На остальном фронте ружейная перестрелка.

01457. Федоров".

"20 сентября

9 ч. 35 м. утра.

Огенквар 10.

В 7 час. утра установлена прямая телеграфная связь со штабом ген. Истомина, бывшая ранее через штаб 104-й дивизии и гвардейская стр. бригада, подчиненная вчера ген. Цицовичу (начальник 104-й дивизии. — А. С.), вновь подчинена ген. Истомину. К настоящему времени V Кавказский корпус занял следующее положение: у г. дв. Олесино происходит смена 28-го Сибирского полка 7-м Финляндским; 6-й и 15-й Финляндские полки готовятся восстановить положение на участке Мешкуцы — г. дв. Древеники; гвардейская стр. бригада с 5-м Финляндским полком занимает участок з. Прокорты на Шумск. 4-я Финляндская дивизия в составе 2 батальонов находится в районе Бурбишки — Палоши".

"20/IX

14 ч. 10 м.

В Листопады. Штаб армии 10.

2-я Финляндская продолжает наступление с целью занять г. дв. Древеники и Мешкуцы. На поддержку двинуты 15-й и 16-й Финляндские полки. Две контратаки германцев на этом участке отбиты, 7-й Финляндский полк у с. Пломпьяны обеспечивает правый фланг. I гвард. стрелков з. Прокорты — р. Вилейка спокойно".

Бой 20 сентября, очень тяжелый для 6-го полка, характеризуется тем, что немцы, утомленные отпором, встреченным ими в их ночном наступлении, еще к утру имевшие

свои главные силы не развернутыми, вдоль важнейших путей не наступали; но приходилось иметь дело с врагом внутренним, а взаимоотношения стали совершенно ненормальными вследствие, во-первых, развертывания дивизионных и корпусных резервов III Сибирского корпуса на участке сбежавшего, по их мнению, 6-го Финляндского полка и, во-вторых, развертывания дивизионных (7-й Финляндский полк) и корпусных (15-й и 16-й Финляндские полки) резервов V Кавказского корпуса для смены 7-й Сибирской дивизии, каковая смена совершенно не предвиделась и не отвечала намерениям группы Флуга. Для меня в этот день творились явления характера непостижимого, и только теперь, в приведенной выше переписке, обнаруженной в архиве, я открыл ключ к уразумению происходившего смещения полков, дивизий и корпусов.

До 11 час. утра я оставался в с. Палоши; штаб дивизии также не разбирался в обстановке. Командир бригады мне объяснил положение так: батареи 7-й Сибирской артиллерийской бригады действуют очень удачно. На правом фланге, в районе Мешкуцы — Олесино, продолжается шатание, но это меня не должно беспокоить, так как там развернут 7-й полк. Марушевский наступает на фронт г. дв. Олесино — с. Древеники и нанесет короткий удар немцам. Начальник дивизии очень признателен 6-му полку, что он сумел вчера задержаться, и ему теперь остается только удерживать фронт от д. Задворники до стыка с 8-м полком. Мой II батальон будет сменен в ближайшее время. Вечером вероятен отход за р. Лошу.

Бодрый, спокойным шагом выехал я из с. Палоши и около 11 ч. 30 м. прибыл в Задворники, где оставался до темноты, и ночью отвел полк на указанный ему боевой участок за р. Лошу. В Задворниках я застал настроение бодрое, даже чересчур бодрое. Еще не доезжая до Задворников, я слышал, как ружейная перестрелка вдруг заострилась и несколько пулеметов открыли такой дружный, непрерывный, ожесточенный стук, какой бывает только в момент атаки. Этот огонь, начавшийся на левом крыле 6-го полка, прокатился и дальше на участок 8-го полка. По донесению командира 8-го полка (№ 60), опасавшегося за прорыв между 6-м и 8-м полками, немцы в 11 ч. 30 и. наступали на центр 8-го полка и на левый фланг 6-го полка. В действительности же дело обстояло иначе. 16 сентября командир III батальона был мною назначен заведующим хозяйством, временно командующим III батальоном был назначен капитан Р., старший по службе офицер, служивший ранее в гвардии; физически бодрый, довольно крепкий в бою, но не слишком сведущий по тактической части и как-то равнодушный к своим подчиненным. Накануне

вечером (19 сентября) я не высказал ему ни малейшего упрека за потерю г. дв. Древеники; наоборот, благодарил за энергию, с которой он стремился связать действия своего батальона ночью в лесу в одно целое. Раз мы собирались отступить дальше, то г. дв. Древеники для меня не представлял особой ценности, и если штаб дивизии, в распоряжениях на сегодняшний день, указывая 7-му полку наступательную задачу, писал, что 6-й полк должен восстановить свой фронт, то для меня это являлось ясной штабной отпиской. Я с печалью смотрел, как таяли кадры полка, видел отсутствие перспектив на пополнение и решил не ставить на этот день батальонам никаких наступательных задач.

Но для капитана Р. г. дв. Древеники являлся вопросом самолюбия; из утренних разговоров 20 сентября и сплетен, распространяемых по телефону, он узнал о наступлении 7-го полка и о задачах 6-го полка по восстановлению положения; капитан Р. решил проявить частную инициативу: он собрал со своего участка 2 лучших роты, накопил их в перелеске в 200 шагах от г. дв. Древеники, подготовил атаку из пары своих пулеметов и небольшим обстрелом г. дв. Древеники 2 батареями 2-го Финляндского артиллерийского дивизиона, и затем отдал ротам приказание идти в атаку. Но тогда как наступление 7-го полка да и почти всех других, о которых расписывалось в телеграммах 10-й армии, имели маргариновый характер, здесь имела место настоящая атака. В двух атаковавших ротах было налицо 2 прапорщика и около 180 бойцов. К моменту моего приезда в Задворники оба прапорщика и 80 стрелков, скошенные германскими пулеметами, лежали на удалении от 150 до 80 шагов перед г. дв. Древеники, а остатки рот выжидали темноты, чтобы отползти из тех мельчайших углублений, в которых они притаились и укрывались от свирепого пулеметного огня немцев. Человек 40, легко раненых в начале атаки, собирались в Задворники.

Для меня это был тяжелый удар. Потеря этих людей для полка в данную минуту была чрезвычайно чувствительна; особенно жалко мне было командира 11-й роты, преданного сердцем своему делу прапорщика Роотса. Я оставил Чернышенко в д. Мешкуцы с 3 офицерами 4 роты; из них один уже был ранен; к утру у него оставалось уже только 2 офицера на 4 роты — норма 124-й дивизии, совершенно не пригодная для 6-го полка; в III батальоне, за выбытием самострела К. и двух раненых у г. дв. Древеники, оставался только 1 ротный командир на 4 роты; в I батальоне в запасе на должности младшего офицера имелся один прапорщик, довольно малоопытный.

Капитан Р., встретив меня, имел несколько сконфуженный

вид. Внутренне я был на него зол ужасно, но обратиться к нему с упреком за проявление наступательной инициативы было бы не хорошо, в особенности в минуту, когда все выдыхались и падали духом. Я ругал самого себя за то, что соблазнился возможностью передохнуть несколько часов в с. Палоши и выпустил на это утро 20 сентября непосредственное наблюдение за своими батальонами. Мне оставалось только выразить сочувствие неудаче, выпавшей на участь III батальона. Капитан Р. был мною вскоре же снят с командования батальоном, но самым деликатным образом.

В полку оставалось всего около 900 бойцов. Из 35 офицеров, имевшихся в полку месяц тому назад, в день моего вступления в командование, и 2 прибывших в полк позднее, 14 были ранены или убиты, 2 — сомнительно контужены, 1 эвакуировался вследствие осложнений со старой раной, 2 — выгнаны, 1 самострел, 1 — в отпуску, 3 — были заняты хозяйством в обозе, 3 — представляли мой штаб (адъютант, начальник связи, начальник команды конных разведчиков); в строю, не считая меня, оставалось 10 офицеров.

Я принял решение — переформировать полк в двухбатальонный состав, так как не усваивал себе возможности боевой работы роты без офицера. III и II батальоны были сокращены каждый в 2 роты и объединены под командой Чернышенко; капитан Р. вступил в командование ротой; скрыто старые роты II и III батальонов продолжали существовать в виде отдельных полурот и могли быть развернуты в любой момент, с прибытием подкреплений. Эта реорганизация конечно смогла быть осуществлена лишь с отходом полка за р. Лоша.

К капитану Р. я и впоследствии не мог принудить себя относиться справедливо и не примирился с этой его неудачей. Он находился в оппозиции гвардейского пошиба к устанавливаемому мной режиму, к засилию прапорщиков, а я придирался к нему за многочисленные у него недосмотры по части поддержания внутреннего порядка. Он командовал у меня еще раз, осенью 1916 г., батальоном, но был отрешен за недостаточный присмотр за укреплением позиции. Я его охотно уступал в соседние полки, когда начальник дивизии просил у меня крепкого офицера для командования в них батальоном; в результате капитан Р. перешел батальонным командиром в 7-й Финляндский полк.

20 сентября если немцы и пытались проявлять активность на этом участке фронта 10-й армии, то в самом скромном масштабе. Батарей III Сибирского корпуса, особенно в 13 час., очень удачно обрушились на большие квартиробиваки немцев перед фронтом 6-го Финляндского полка у с. Древеники и Бабищи, и частью

разогнали их; очевидно, что немцы рассчитывали, что за ночь русские будут отброшены за р. Лошу, слишком близко надвинули главные силы к авангардам, остановившимся ранее, чем предполагалось, и расположились слишком по-домашнему в черте нашего действительного артиллерийского огня. Теперь они получили урок осторожности. Отчасти немцы в колоннах в этот день попадали под огонь наших батарей и вследствие рокировочных движений, которые были вынуждены спешно совершать остающиеся дивизии, чтобы обеспечить занятие участков дивизий, снятых на усиление конницы в районе Сморгонь — Вилейка. Снаряды были: к вечеру в батареях III Сибирского корпуса оставалось по 120 снарядов на орудие. Батареи молчали большую часть дня лишь за отсутствием целей. Это "отсутствие целей", казалось бы, категорически опровергает утверждение многих реляций и донесений различных полков, действовавших на этом участке, об энергичных атаках немцев 20 сентября{93}. У Задворников день кончился спокойно, и все наше внимание было привлечено на действия 7-го полка: на смену, как они назывались в штабе армии, на наступление, как говорили штаб дивизии и сам Марушевский. В действительности не было ни смены, ни наступления.

Некоторые офицеры в часы принудительной бессоницы на войне любили просиживать целыми часами с телефоном, приложенным к уху, и вслушиваться в различные отдаленные разговоры и сообщения, которые тихо и только отрывками долетали до них; уставала рука — телефонная трубка передавалась телефонисту, который вслух повторял все любопытное из подслушенного. Телефон отчасти выполнял роль радиоустановки. Посредством такого искусного использования телефона Чернышенко уже в четвертом часу утра 20 сентября оказался осведомленным о намеченной смене 7-й Сибирской дивизии и писал такую записку: "К-ру 28-го Сибирского полка. От командира II батальона 6 ф. с. п. Шлю для связи одного казака (конного разведчика. — А. С.) и для сведения сообщаю: Предполагается что с рассветом 6-й (?) полк перейдет вперед на фронт д. д. Олесино — Древеники, о чем будет особое распоряжение. Прошу сообщить, имеется ли у вас какое-либо в подобном смысле распоряжение? Подполковник Чернышенко". Чернышенко сибиряки не оказали никакого доверия. Но вскоре после 8 ч. утра в Пломпяны, где находился штаб 28-го Сибирского полка, прибыл Марушевский и сообщил, что он со своим полком получил в 4 час. утра приказание — сменить 7-ю Сибирскую дивизию от г. дв. Олесино до Мешкуцы, о чем в 8 ч. 25 м. утра командир 28-го полка донес в штаб 7-й Сибирской дивизии.

7-я Сибирская дивизия не имела относительно смены никаких распоряжений от своего начальства. Ген. Флуга уменьшение глубины его группы, связанное с значительным сокращением числа дорог, которыми она могла пользоваться и которые шли параллельно его центру и правому флангу, совершенно не устраивало. Выяснить недоразумение в штабе 10-й армии не было возможности, так как штаб армии переезжал в этот день из Омьян на ст. Листопады и возобновил работу лишь с полуночи на 21 сентября. Так вопрос о смене и повис в воздухе. Марушевский действовал весьма разумно, но отнюдь не напористо. Его 7-й полк тоже провел очень беспокойную ночь. Сognанный моей просьбой о помощи с квартиробивака у Марьянова, 7-й полк около 2 час. ночи переправился у с. Палоши за р. Лошу, и только что где-то облюбывал себе местечко для отдыха, как получил приказ штаба дивизии — идти сменять 7-ю Сибирскую дивизию. Марушевскому были подчинены и два полка 4-й Финляндской дивизии — 15-й и 16-й, представлявшие каждый не более 4 рот. Надо было вступить в командование ими; до рассвета сменить сибиряков все равно было трудно, и 7-й, 15-й и 16-й полки медленно потянулись на участок 7-й Сибирской дивизии. В действиях Марушевского в это утро, несмотря на разговоры о наступлении, сквозило желание, во избежание излишних потерь при смене днем, затянуть ее до вечера 20 сентября.

До Чернышенко, как и до капитана Р., долетели слухи о наступлении 3 полков Марушевского, и он сам имел возможность наблюдать их приближение. До сих пор он не сдавался ни на какие клеветы и давление, которое шло из 7-й Сибирской дивизии, и держал свой батальон в сухих окопах позади д. Мешкуцы. Но от Марушевского исходило своего рода — "всем, всем, всем — наступаю"; это "иду на вы" нужно было ему для того, что бы замаскировать отсутствие действия, избежать принесения оперативно совершенно бесплодных жертв, которые могли бы вконец расстроить слабый 7-й полк; в полном отсутствии энергии у 15-го и 16-го полков Марушевский был уверен. Такой прием уже удался Марушевскому 15 — 16 сентября, когда мы вели бой у Тартака, а 7-й полк был двинут дня контратаки на участок не желавшей больше и обороняться 4-й Финляндской дивизии.

Но Чернышенко принял наступление 7-го полка серьезно; а в таком случае обстановка изменялась, и он не выполнил бы своего долга, не заняв оставленных им ночью окопов впереди д. Мешкуцы. Занятие их оказало бы содействие 7-му полку и было исполнимо, так как, вопреки сообщениям 28-го Сибирского полка, ни в д. Мешкуцы, ни в наносных окопах впереди ее немцев не

было.

Для уразумения последующих событий нужно иметь в виду полную негодность для приспособления к обороне расположенной внизу обгорелой Мешкуцы. Она прекрасно просматривалась с окружающих холмов как нами, так и немцами и не давала никакого укрытия. К тому же она существенно выдавалась перед общим фронтом сибиряков. Немцы заходили в нее ночью и днем 20 сентября, но сейчас же покидали ее, ознакомившись с ее невыгодами. Сам 28-й полк, настаивавший, чтобы мой II батальон занимал эту деревню, решительно изменил взгляд, когда вечером граница была изменена и д. Мешкуцы отошла к нему. Деревня Мешкуцы оказывается тогда впереди всей линии 28-го Сибирского полка, а позиция предназначенного занять ее II батальона 28-го Сибирского полка — как полукруг, выступающий перед общим фронтом, и командир этого батальона штабс-капитан Эсиг совершенно правильно выдвигает, как предпосылку для обороны д. Мешкуцы — значительное выдвижение всего фронта вперед.

Подстрекаемый начальством 7-й Сибирской дивизии и имея в виду наступление 7-го Финляндского полка, Чернышенко приказал в 8-м часу утра своему батальону занять старые окопы впереди д. Мешкуцы. Командир II батальона 32-го Сибирского полка, находившийся со своими ротами в роли американского наблюдателя около моего I батальона, писал: "Командиру 28-го Сибирского полка. 20/IX. 8 ч. № 172, д. Задворники. Доношу, что на линии Мешкуцы — Задворники проследовали цепи финляндцев. Несмотря на это, по направлению Мешкуцы выслана разведка 1 взвод 5-й роты". А командир 28-го Сибирского полка доносил в штаб дивизии в 8 ч. 25 м.: "Правофланговый батальон 6-го Финляндского полка, вследствие настойчивого требования нашего начальника дивизии, занял свои окопы, левее 28-го полка, но дальше финляндцы сильно осадили назад".

28-й Сибирский полк был очень доволен, что вытолкнул перед своим левым флангом II батальон 6-го Финляндского полка, хотя и ставил его в совершенно невозможное положение; за это он был жестоко наказан, так как вызвал катастрофу, которая, возрастая в степени, распространилась и на него. Штукатуров так описывает происшествие со II батальоном: "Утром мы ожидали, что противник откроет артиллерийский огонь по нашим окопам и разрушит их, а потому каждый, кто как мог, улучшил свои окопчики. Место явно было выбрано неудобное, но нам приказали сидеть именно здесь, и мы сидели".

"Вскоре в лесок (к г. дв. Дровеники. — А. С.) потянулись неприятельские кухни и обозы, но мы ничего не могли поделать,

кроме того, что докладывали каждый раз ротному командиру. Результаты не было, и немцы ездили в лес и из леса и ходили колоннами. Бездействие нашей артиллерии вызвало досаду солдат, тем более, что немцы и по одному человеку не жалеют выпустить снаряды. А мы по такой хорошей цели не открывали огня; ружейные пули, которые мы усердно выпускали, давали мало поражений на такой дистанции. Часов около 10 противник открыл частый и меткий огонь из орудий по нашим окопам. Страшный треск рвущихся снарядов оглушил меня. Кругом нас настолько изрыло землю снарядами, что дерном и землей с ног до головы засыпало нас. Несколько окопов было разбито. Человека четыре убило и несколько ранило".

"Несколько человек, схватив винтовки, побежали в другое место, я решил остаться до конца, положась на волю господню. Когда противник перестал стрелять, я, оглянувшись, увидел, что в окопах осталось нас человек 15, а остальные убежали. Через полчаса или около этого противник опять открыл артиллерийский огонь и вместе с тем затрещал пулемет. Я посмотрел вперед, и хотя немцев близко не увидел, но, понимая, что такой незначительной горстью людей нельзя защитить окопов, я побежал вместе с оставшимися со мной стрелками к деревушке (Мешкуцы. — А. С.). Придя в деревушку, я присоединился к ротному командиру".

"Видя, что мы отходим, другие роты тоже показались из окопов и побежали. Таким образом началось общее, беспорядочное отступление. Ротные командиры бродили без солдат. Мы пробежали мимо батареи, которая все еще продолжала стрелять. Видя, что мы отходим, батарея быстро подала передки и усккала. Мы кое-как начали разбираться и строиться. Я нашел подпрапорщика своей роты и вместе с ним присоединился к остатку роты. Мы составили как бы отделение... страшно хотелось хлеба покушать: его не получали трое суток, а пищу два дня. Но куска хлеба взять было негде".

Командир II батальона, встретив группу с Штукатуровым, направил их в резерв, к штабу полка, где пришлось до вечера таскать цинки с патронами и выносить раненых. Добросовестного Штукатурова мучили угрызения совести: "в то время, как мои товарищи по роте, может быть, сражаются, я хожу, как бродяга". Действительно, оба прапорщика, уцелевшие в II батальоне, с кучкой из 50 стрелков удержались в окопе за д. Мешкуцы. Как только самая сильная волна паники миновала, они организовали разведку д. Мешкуцы. С наблюдательных пунктов батареи 7-й Сибирской артиллерийской бригады сообщали, что стрелки доходят до д. Мешкуцы и из-за углов засматривают в окна

уцелевших изб очевидно ожидая встречи с немцами. Затем в деревню вошла партия немцев, которая была быстро выкурена нашими батареями. А сибирская батарея, которую согнало начавшееся бегство, была выдвинута к востоку от Мешкуцы как раз для выполнения пожелания Штукатурова — обстрела сообщений между леском и с. Древеники, и очень удачно расправилась с большой колонной из артиллерии и обозов. Но если уже Штукатуров стал критиканствовать, то значит настроение было плохое.

Находившийся в с. Задворники соглядатай — командир II батальона 32-го Сибирского полка в атмосфере благодушия моего резервного батальона уже очень скоро после возникновения отступления II батальона 6-го полка оценивал обстановку спокойно: "Командиру 28-го Сибирского полка. 20/IX. 10 ч. 55 м. Доношу, что положение изменилось, и в прорыве развернулись части финляндских полков. Прорыва нет. Остаюсь на старом месте и буду действовать в критическую минуту".

Эта справка понадобилась вероятно вследствие следующего панического донесения: "Командиру полка (28-го. — А. С.) Командира IV батальона 20/IX. 9 ч. 30 м. утра, № 184. Доношу, что влево от меня войска бегут, оголив мой левый фланг. Приказал загнуть фланг (т. е. сам распорядился об отступательном движении в момент возникновения паники! — А. С.); но это лишь временная мера, так как немцы обойдут (!! — А. С.). Прошу распоряжений об обеспечении меня слева".

20 сентября в 12 ч. 50 м. начальник штаба 7-й Сибирской дивизии доносил: "Около 9 час, утра расположенный левее 28-го полка 6-й Финляндский полк под влиянием артиллерийского огня отошел, очистив свои окопы, которые заняли немцы. Поражаемый с фронта и флангов, 28-й полк также стал отходить. Принятыми мерами отходящие части 28-го полка остановлены и направлены для занятия своих прежних окопов. 7-й Финляндский полк также перешел в наступление для занятия утраченного финляндцами положения.

2042. Дьяконов".

В реляции командира IV батальона 28-го Сибирского полка говорится: "В 7 час. утра финляндцы снова были потеснены назад и пришлось снова загигать левый фланг боевого расположения IV батальона. В 9 час. утра финляндцы, стоявшие левее меня и целую ночь то уходившие, то вновь возвращавшиеся на свое место (это указание очевидно нужно командиру батальона для оправдания ряда его панических докладов по телефону ночью), почему-то бросились на 9-ю и 11-ю роты и с пулеметами через эти окопы начали бежать, увлекая за собой 9-ю, 16-ю и 14-ю роты. 15-

я рота отходить стала последней, увлекаемая общим натиском бегства финляндцев и сбитых ими 9-й, 16-й, 14-й рот. Я восстановил порядок с большим трудом и затратой времени под огнем артиллерии и свистом пуль. 13-я рота оставалась на месте в старых окопах левее 27-го Сибирского полка и с места не двигалась. IV и III батальонам приказано занять д. Мешкуцы; — д. Мешкуцы занимают немцы. — К 20 час. д. Мешкуцы занята IV и III батальонами". Реляция указывает, что сейчас же после бегства началось наступление 7-го Финляндского полка.

В реляции III батальона 28-го Сибирского полка значится (выдержки): "Около 10 час. утра финляндцы бросились назад, затем 16-я рота, 9-я, 12-я, 14-я роты. 15-я задержалась на некоторое время и в порядке последней стала отходить. Отступление — неожиданно и огульно. Сильный артиллерийский огонь по отступающим. Немедленно навести порядок невозможно. Через полчаса собрал и стал наступать. Около 13 час. дня, обгоняя меня, стали наступать части 7-го Финляндского полка. Д. Мешкуцы из-за 6-го полка была занята немцами. Наступать на нее — III и IV батальонам. Около 15 час. наступление в ходу, разведчики уже занимают д. Мешкуцы; наступление затянулось до сумерок. Начали окапываться — в 22 часа."

Вот как описывал эту панику командир 27-го полка, занимавший правый участок 7-й Сибирской дивизии. Его донесение от 12 час. 20 сентября за № 273 гласит: "Командир 9-й роты сообщил, что 28-й полк бросает свои позиции, так как стоявший левее его 6-й Финляндский полк оставил свои позиции. Противник, заметив отход 28-го полка, открыл по его цепям шрапнельный огонь, отчего цепи 28-го полка беспорядочно побежали. Пехота противника заняла д. Мешкуцы и стала обстреливать во фланг 9-ю роту. Командиру 9-й роты подпоручику Скороплясу стоило большого труда удержать своих стрелков на месте. О занятии Мешкуцы немедленно было передано артиллерии, и она выбила своим огнем немцев из д. Мешкуцы. К этому времени было получено приказание ген. Флуга, чтобы 7-й Финляндский полк немедленно двигался и занимал позиции 6-го Финляндского полка, войдя в связь с 28-м Сибирским полком. Но ввиду того, что 28-й полк бежал, 7-й Финляндский полк принял правее и пошел цепями на мой левый фланг. Туда же были двинуты 2 роты резерва батальона и остатки разбежавшегося III батальона 32-го Сибирского полка, находившегося у меня в резерве за левым флангом. Сейчас положение восстановлено, я нахожусь в тесной связи с 7-м Финляндским полком, и как сейчас сообщил командир 7-го

Финляндского полка, его левый фланг вошел в связь с 26-м Сибирским полком. Кроме того командир 7-го Финляндского полка сообщил, что он получил сведения, им еще не проверенные, что 6-й и 8-й Финляндские полки заняли позицию от Мешкуцы — севернее Задворники — г. дв. Дровеники".

"Как только мне доложили, что 28-й полк бежит по направлению к д. Пломпяны, где нахожусь я, я приказал конноразведочной команде рассыпаться лавой, ловить всех бежавших, останавливать их". "Находившийся у меня в резерве батальон 32-го полка, по примеру своих соседей тоже рассыпался по всему полю, но был собран и в настоящее время находится на моем левом фланге в резерве".

Очень хорошо сказано, что левый фланг 7-го Финляндского полка вошел в связь с 26-м Сибирским полком. Но последний располагался в с. Палоши и д. Бурбишки, в 3 км за фронтом 6-го Финляндского полка. И еще лучше успокоительное, но "непроверенное" сообщение Марушевского, что 6-й и 8-й Финляндские полки занимают позицию от Мешкуцы — севернее Задворники — г. дв. Дровеники.

В реляции 7-й Сибирской дивизии об этой панике деликатно говорится, что вследствие угрожающего положения, занятого немцами по отношению к 28-му Сибирскому полку, "левый фланг его поспешно отошел".

Вот другое показание о панике, написанное через 2 дня непосредственным свидетелем, командиром ближайшей роты 27-го Сибирского полка: "К-ру III батальона 27-го Сибирского стр. полка

22/IX 1915 г.

№ 41,

из з. Чубейки.

Доношу, что с 19-го на 20-е занял позицию восточнее д. Мешкуцы на высоте; к моей роте примыкал правый фланг 28-го Сибирского стр. полка. 7 сентября около 12 час. дня (в действительности в 11-м часу — А. С.) усилилась перепалка как ружейная, так и артиллерийская по участку 28-го полка и по моему участку. Через некоторое время я заметил, что из окопов 28-го полка люди уходят и даже убегают. 13-я рота 28-го Сибирского полка тоже ушла, осталось только человек 10, которые перешли в окоп моей роты. 13-я рота названного полка примыкала к моей роте. Дабы обеспечить свой левый фланг и не дать немцам занять часть высоты, которую занимал 28-й Сибирский полк, я велел занять окопы 13-й роты 28-го Сибирского полка ротам III батальона 32-го Сибирского стр. полка, но 2 прапорщика, которые состояли при этом батальоне

(численность батальона 32-го Сибирского полка составляла 200 человек, как сообщил капитан, командир 11-й роты), не заняли со своими ротами брошенных окопов и не исполнили ни моей просьбы, ни приказа и находились все время за горкой, не зная, что им делать или уходить назад или стоять под горой. Я, видя, что ничего не поможет, увещаниями увлек часть людей 32-го полка — человек 15 — в окопы 13-й роты 28-го Сибирского стр. полка, оставленные 13-й ротой, и поставил подпрапорщика вверенной мне роты Вовченко, который начал обстреливать с высоты немцев, стремившихся занять окопы, оставленные 28-м Сибирским стр. полком, а также не допускать занять высоту, которую занимала 13-я рота 28-го Сибирского стр. полка; остальные люди 32-го Сибирского стр. полка или остались в землянках, или ушли назад. Прапорщик (неразборчиво) ушел и явился к месту резерва только вечером. Батальон 32-го Сибирского стр. полка состоял резервом при нашем полку и был расположен за левым флангом полка.

Командир 9-й роты 27-го Сибирского стр. полка подпоручик Скоропляс".

Несомненный интерес представляет и следующее показание, написанное одновременно с предыдущим, командиром III батальона 27-го Сибирского полка: "22/IX 1915 г.

№ 334.

Полковнику Афанасьеву — подполковник Элерт из Чубейки.

Около 12 час. дня (во всяком случае время точно определить не могу) я увидел сначала одиночных людей, убегающих с позиции в тыл, потом довольно стройные цепи, идущие, слегка пригибаясь, тоже с позиции в тыл. Как я знал, это были цепи частей 28-го Сибирского стр. полка, оставившие свои позиции и отходящие в тыл. Так как левый фланг вверенного мне батальона оставался обнаженным, а немцы, заметя отход 28-го Сибирского стр. полка с позиции, повели наступление с целью занять окопы, смежные с 9-й ротой, я бросился к отходящим цепям и, ругая их, старался остановить; офицеры 28-го полка тоже старались остановить цепи, но увещания очевидно не помогли, и нижние чины продолжали идти назад.

Возмутительно было то, что нижние чины 28-го полка шли без особого чувства страха — довольно стройно, по временам многие останавливались рвать горох и равнодушно жевали. Я приказал выдвинуть пулемет и обстрелять всю эту массу; услышав пулеметный огонь и свист пуль, все отступающие цепи повернули и пошли назад, но, как оказалось впоследствии, скрывшись с глаз, повернули налево и ушли в тыл. На горке впереди меня осталась только одна рота 28-го полка, которая окопалась и кажется

наступала с Финляндским полком. Резервом за III батальоном стоял батальон 32-го полка. Когда части 28-го полка оставили занимаемую ими позицию, я приказал командиру 9-й роты подпоручику Скороплясу оставленные окопы заняты батальоном 32-го полка, то же приказание передал командиру названного батальона. Командир батальона 32-го полка сказал мне, что все возможное будет сделано, но что у него в батальоне осталось не более 40 человек, а остальные разбежались. Придя на другое утро в д. Чубейки, я увидел этот батальон в строю, и там было не 40 человек, а по меньшей мере 200.

Подполковник Элерт">{94}.

Из приведенных показаний видно, что своеобразная "паника" людей, не забывающих при бегстве из окопов нарвать по пути гороха, и сводившаяся по существу к отказу сражаться, распространилась и на резервы, стоявшие за 27-м Сибирским полком. Вероятно и последний полк покатился бы назад, а фронт III Сибирского корпуса — без всяких усилий немцев — покатился бы за р. Лощу, если бы позади 7-й Сибирской дивизии во второй линии, не оказались бы развернутыми 7-й, 15-й и 16-й полки Марушевского. Для последнего было ясно, что все бегство происходит без серьезного участия немцев. 15-му Финляндскому полку Марушевский приказал занять брошенные 28-м Сибирским полком окопы, а остановленным частям 28-го полка — возвратиться и занять окопы II батальона 6-го Финляндского полка, подлежавшего смене, на что 28-му полку потребовалось 9 час.; выдвижение его на 2,5 км — с линии Бурбишки — Пломпяны к Мешкуцы, вне ружейного обстрела и под слабым случайным артиллерийским, потребовало время с 13 до 22 час., настолько этот полк был расстроен. Фактические потери 28-го Сибирского полка в этом бою около 50 человек, т. е. 2,5 % его состава. Офицеры его, как значилось в донесении командира IV батальона, были все "живы и здоровы".

В V Кавказском корпусе с рассветом 20 сентября установилась спокойная атмосфера; штаб V Кавказского корпуса отрицал паническую информацию III Сибирского корпуса: "20/IX.

Ген. Кублицкий (начальник 2-й Финляндской дивизии. — А. С.) доносит от 11 час. дня, что 6-й полк отошел от д. Мешкуцы не за реку Лощу, а лишь на незначительное расстояние, не более полукилометра. В настоящее время положение восстановлено. На фронте 8-го полка противник ведет атаки (вероятно перепалки из-за наступления 2 рот 6-го Финляндского полка на г. дв. Древеники. — А. С.), нами отбиваемые. Командир корпуса приказал ген. Дельсалью (начальник гвардейской стр. бригады. — А. С.) поддержать ген. Кублицкого.

12 ч. 20 м.

1444. Половцев".

При этом V Кавказский корпус считал, что он фактически сменил часть 7-й Сибирской дивизии: "На фронте 2-й Финляндской дивизии 7-й полк, выдвинутый к с. Пломпяны для смены 28-го Сибирского полка, содействовал атаке 6-го Финляндского полка, направленной для обратного завладения д. Мешкуцы и занял позицию от бугров у Шмильги до д. Мешкуцы. В настоящее время фронт 7-го и 6-го полков обстреливается сильным артиллерийским огнем. На фронте 8-го полка спокойно. Правый фланг гвардейских стрелков и 5-й Финляндский полк — сильный огонь. 5012. г. дв. Сержанты. Половцев".

Но если V Кавказский корпус полагал, что его правое крыло дотягивается до Шмильги, то III Сибирский корпус с таким же правом утверждал, что его левое крыло растянуто до с. Задворники включительно. Действительно, там 7-й Финляндский полк расположился в затылок 27-му Сибирскому полку, а здесь I батальон 32-го Сибирского полка и 3 батальона 26-го Сибирского полка стояли в затылок 6-му Финляндскому полку. Недоразумение недоразумением, но, казалось бы, положение стыка должно было бы стать спокойным, если не только никакого разрыва не было, но на протяжении 4 км фронт одного корпуса перекрывал другой. Но фактическое положение — материальные условия — значат очень мало, если нервы и вся психика пришли в полное расстройство. Штаб Флуга всю ночь бомбардировался сообщениями об уходе 6-го Финляндского и оголении стыка. В 9 час. за № 4995 последовало новое сообщение штаба III Сибирского корпуса о неустойке 6-го Финляндского полка. "То же — в 13 час. за № 5004, хотя после 10 ч. 30 м. в 6-м Финляндском полку никаких колебаний не было. Приведу очень небольшую часть последующих тревожных донесений о 6-м Финляндском полку: "14 ч. 5 м. Водворили II батальон 6-го полка и 28-й полк — опять начинают отходить. 2043. Дьяконов" (начальник штаба 7-й Сибирской дивизии. — А. С.).

"14 ч. 35 м. Роты II батальона подходят к д. Мешкуцы. Слева никого нет. Выдвигается за II батальоном IV батальон. III батальон наступает правее II и IV батальона и держит связь с 27-м полком. Гембицкий" (командир 28-го Сибирского полка — все неверно. — А. С.).

"15 ч. 15 м. Финляндцы опять обнажили фронт левее 28-го полка, приняты меры их вернуть. Прапорщик Лавринович" (из штаба 28-го Сибирского полка. — А. С.).

"16 ч. Влево связи нет. Патроны на исходе. Гембицкий"

"16 ч. 10 м. Финляндцы сзади уступами. 2045. Дьяконов".

"17 ч. 35 м. Дер. Мешкуцы занята, но за деревней к северу имеются немецкие окопы с пулеметами. Роты укрепляют занятое положение. Гембицкий".

Особенно пугало Гембицкого, временно командующего 28-м полком, то обстоятельство, что на почти недоступном болоте левее его участка 6-й Финляндский полк не держал ни одного человека, а дальше лес скрывал обзор. Он ожидал каждую минуту, что немцы откроют огонь и его полк уйдет с поля сражения; поэтому в самые спокойные минуты он считает необходимым подготовить предполагаемое бегство и начать сочинять на соседа и в то же время дает совершенно неверную информацию о своих батальонах. Они за весь день не стреляли — откуда патронный кризис? Затем впереди него находится в его старых окопах, куда "наступает" III батальон, 15-й Финляндский полк, как видно из кроки командира его же II батальона. Затем д. Мешкуцы занята в 17 ч. 35 м., но не его частями, а II батальоном 6-го полка, к которому подошли только разведчики сибиряков.

В общем весь бой идет на бумаге. Неточность информации увеличивается вследствие того, что штабы 7-й и 8-й Сибирских дивизий находятся далеко — один в 11 км, другой — в 7 км, а штаб III Сибирского корпуса в 27 км, по воздуху от фронта боя (штаб 2-й Финляндской дивизии — 3 км штаб корпуса — 5 км). Но ведь в сибирских штабах дивизий имелись молодые генштабисты: в 7-й — капитан Лазаревич, в 8-й — штабс-капитан Корк; не делается ни малейшей попытки выслать их на фронт для получения правильной ориентировки, силы их расходятся на то, чтобы умышленную чепуху нервно расстроенных людей с фронта размножить в десятках экземпляров, рассылая по телеграфу и телефону во все стороны.

Момент бюрократизации сибирских штадивов оказывается прорванным в одном месте. Штаб 7-й Сибирской дивизии, который обрабатывает Гембицкий десятками донесений во все часы ночи и дня о бегстве 6-го полка, начинает повидимому подозревать, что финляндцы — это что-то не материальное, в роде летучего голландца, привидение, ежеминутно исчезающее с поля сражения, и организует обследование своего соседа, 2-ю Финляндскую дивизию, посредством опытного агента связи. Этот агент, направленный поздно, смог только к вечеру представить штабу 7-й Сибирской дивизии успокоительное сообщение: он точно указывает расположение всех полков, констатирует повсюду наличие резервов, подчеркивает наличие хорошей телефонной связи со всеми полками (20 сентября 20 ч. 35 м., донесение прапорщика Маркевича. № 100).

Для меня эпопея этого стыка закончилась таким анекдотом.

Ген. Флуг не знал, кто командует 6-м Финляндским полком, но предполагал, судя по поступающим к нему с вечера 19 сентября донесениям, что это какой-нибудь тактический садист, который мучит III Сибирский корпус, очищая через каждые полчаса стык с его группой. Этот тактический садист ему не подчинен, и он пожаловался бы командующему 10-й армией, но штаб 10-й армии в течение всего 20 сентября переезжает и не работает. Выведенный наконец из себя, ген. Флуг обращается по телеграфу к неподчиненному ему командиру 6-го Финляндского полка с указанием, что он, Флуг, будет настаивать на предании командира 6-го полка полевому суду за очищение с. Задворники.

Эта телеграмма, составленная в крайне энергичном тоне, в виде телефонограммы поступает после 16 час. 20 сентября ко мне в с. Задворники. Ген. Флуг лично меня знал в 1904 г. за быстрого на подъем, энергичного и толкового работника. Я воспользовался присутствием в Задворниках командира II батальона 32-го Сибирского полка, и мы составили совместную весьма срочную телеграмму ген. Флугу на тему — мы и посейчас в Задворниках, где тишь и благодать; и мы не можем поставить себе в заслугу, что мы не бежим, так как нас отсюда никто не гонит; мы скромно кипятим чай и варим картошку. Ответ пришел через час: II батальону 32-го Сибирского полка немедленно уйти из Задворников в резерв III Сибирского корпуса, в пределы его разграничительной линии.

Я стремился передать возможно точнее и полнее историю этого стыка, так как она представляет далеко не исключение: сотни и тысячи подобных склок на стыке, оканчивавшихся часто много трагичнее, имели место и в империалистическую и в гражданскую войны. Гембицкий — не редкое порождение, а широко распространенный тип тактически разложившегося командира. Его ложная информация нейтрализовала на 20 сентября не менее 9 батальонов (7-й, 15-й, 16-й Финляндские полки, 26-й Сибирский полк, II батальон 32-го Сибирского полка), отвлекла внимание и резервы Флуга и Мехмандарова к их стыку, тогда как оперативный центр тяжести у обоих находился на противоположных флангах. Гембицкий загружает работу телеграфа и телефона десятками депеш, число коих еще утраивается работой высших штабов. Гембицкий вызывает нервность на обширном участке фронта, и на его ответственности лежат и потери III батальона 6-го полка, атака которого сложилась в созданной им нервной атмосфере жалоб на 6-й полк. И среди тумана панических донесений, которыми засыпал Гембицкий, высшие штабы совершенно не могли разобраться в том, что Мешкуцы лишены абсолютно всякого значения. — И

читатель сможет усмотреть, как нехорошо провоцировать соседа на объективно неразумные мероприятия: мой II батальон отделался неустойкой, исправленной им же в течение часа, а она прокатилась паникой по всей 7-й Сибирской дивизии, не имевшей роковых последствий лишь вследствие присутствия 7-го Финляндского полка, осторожно и в данном случае вполне разумно руководимого Марушевским.

Русская армия, в дни 19 — 20 сентября, в моем сознании пала глубже, чем в какие-либо другие моменты мировой войны. Описываемые события происходили "на дне" ее боеспособности. И эта история со стыком свидетельствует, что непрерывное отступление и неудачи разлагают далеко не только рядовых бойцов на фронте, но наносят глубокие раны и в сознании командного состава. Начальство русской армии в сентябре 1915 г. болело жестоким недугом, одно из типичнейших проявлений которого — животный эгоизм и обвинения, щедро и непрерывно выкрикиваемые по адресу соседей. В течение всей войны я старался уклоняться от обвинений соседа: делу это, в большинстве случаев, не помогает, а процессы разложения усиливаются. Почти всегда, когда мы встречаем обвинения соседей — а в архиве ими переполнены сотни тысяч дел — вопрос идет не о борьбе за правду истинную, а о сложении с себя ответственности за неудачу фактическую или только предполагаемую. Такое обвинение соседа свидетельствует прежде всего о том, что командир не в силах нести лежащую на нем ответственность. Обвинение заслуживает рассмотрения только в том случае, если обвинитель не заинтересован и способен отнестись объективно.

Моя пассивность ночью и утром 20 сентября конечно представляет скорее отрицательный пример. Полк понес лишние потери, руководство полком ослабело, батальонные командиры получили излишнюю свободу. Я слишком устал и не рассчитал своих сил. Но и характер участка полка лишил его действия единства; притом, нелегко быть соседом Гембицкого{95}.

Глава десятая. Неудавшаяся смена

Я не буду описывать дальнейшего отступления, так как оно совершилось хотя и в соприкосновении с немцами, но вполне упорядоченно. Нажим на нас прекратился уже в ночь, на 20 сентября. Чтобы помочь критическому положению, в котором находились в районе Сморгонь — Вилейка (взята окончательно русскими 23 сентября) остатки 1-й, 3-й, 4-й и 9-й кавалерийских дивизий, усиленных раздерганными 75-й и 115-й пехотными дивизиями, и открыть им возможность прорыва к Минску, Людендорф потребовал 22 сентября от всего фронта нового энергичного перехода в наступление. Наша дивизия 21 и 22 сентября оставалась за рекой Лошей; против нас вероятно имелись только очень слабые силы немцев; еле обозначилось стремление немцев приблизиться к р. Лоша, тотчас же остановленное несколькими выстрелами наших батарей. Ко мне в полк даже явился немец-дезертир, единственный за всю кампанию; это был заморенный поляк, очень жаловавшийся на плохое питание и трудную службу. Несомненно мы имели полную возможность прекратить на этом свое отступление; задержавшись на своих позициях 22 сентября, 10-я армия и весь Западный фронт наилучшим образом оказали бы помощь наступательным действиям 2-й и 1-й армии в промежутке Сморгонь — озеро Дрисвяты. Но уже 21 сентября Западный фронт избрал рубеж общего отхода своих армий, и как только обозы расчистили тыловые пути, в ночь на 23 сентября мы отошли за линию реки Ошмянки, а на следующую ночь — на окончательный рубеж. Это два очень ценных для Людендорфа перехода назад представляли дань отступательной инерции, штабному планированию отхода и неспособности Алексеева нести серьезную ответственность.

Утром 24 сентября 2-я Финляндская дивизия расположилась в районе Богуши, в 2 — 3 км впереди тех позиций, на которых русский фронт окончательно замер в октябре 1915 г. Потребовалось еще 24 дня, чтобы фронт застыл. Центр тяжести действий перенесся к северу, на верхнюю Вилию и Сорвечь. Немцы снимали с Молодечненского направления XXI корпус и кавалерию и отправляли их на север. Мы также стремились усилить нашу 2-ю и 1-ю армии, развертывавшиеся в промежутке между 10-й и 5-й армиями.

Фалькенгайн уже 25 сентября отдал приказ об остановке наступления и о расположении армий на русском фронте на зимовку; но Людендорф еще в продолжение 3 дней продолжал требовать от 10-й германской армии наступления на участке

Сморгонь — Сосенка; последний пункт должен был являться исходным для нового рейда VI конного корпуса на Минск, но русские 22 сентября выбили 77-ю резервную дивизию из Сосенки, 23 сентября овладели Вилейкой, к утру 26 сентября форсировали на широком фронте верхнюю Вилию, 27 сентября продвинулись с боем к м. Речки, грозили кавалерийским охватом со стороны Докшицы. Вечером 27 сентября Людендорф должен был отказаться от дальнейших наступательных действий. Людендорфу тем более приходилось смириться, что Фалькенгайн подкреплял свой приказ отобранием от Людендорфа 5 новых дивизий.

День 25 сентября был избран Фалькенгайном для отдачи приказа о переходе к обороне на русском фронте потому, что только к этому дню наши союзники французы сообразовали изготавиться принять участие в кампании 1915 г., и в этот день начали свое заставившее ждать наступление в Шампани. Выручка со стороны французов последовала только тогда, когда немцы исчерпали полностью всю программу ударов по русскому фронту. Наше командование, казалось бы, могло дать своим измученным войскам отдых и посмотреть, как воюют французы. Отдых нужен был армии крайне. Тем не менее, пока стреляли французские пушки в Шампани, русское командование продолжало дергать войска и гнать их в атаку, несмотря на отсутствие в войсках каких-либо наступательных импульсов. Эта поддержка французов дорого обошлась 10-й русской армии. Только после 13 сентября, когда французы успели уже израсходовать свой небольшой запас наступательной энергии и перешли к обороне, успокоился и русский фронт. Непопулярность союзников в войсках в этот период была уже такова, что в 10-й армии командование не ссылалось на необходимость помочь французам и затруднить немцам переброску подкреплений на запад, а указывало лишь на необходимость поддержать наступательные действия 2-й и 1-й русских армий.

Когда наш отход закончился, начальник дивизии сообщил мне, что так как последний месяц 6-й полк нес самую тяжелую работу, занимал наиболее ответственные участки фронта дивизии и почти бессменно отходил в арьергарде, то теперь он принял твердое решение — дать 6-му полку хорошую передышку и держать его продолжительное время в резерве. Но в неумолкавшей оперативной сутолоке положение в резерве оказалось изрядно беспокойным — резервам частенько приходилось расхлебывать чужие скандалы, выступать, подпирать, временно занимать чужие участки позиции. В полку утверждали, что на позиции, когда отвечаешь только за свои грехи, гораздо лучше. Об одном из выступлений 6-го полка в

качестве корпусного резерва и будет идти речь в этой главе.

2-я Финляндская дивизия в составе 7-го, 5-го, 8-го полков — около 3 500 штыков — занимала позицию в лесу западнее д. Богуши. Все 3 полка были развернуты на фронте в 3,5 км. 6-й полк числился в резерве V Кавказского корпуса и располагался в 4 км за фронтом, в д. Шиловичи и Черкасы. Правее, на довольно открытой местности располагалась 8-я Сибирская дивизия. Левее, до м. Крево, на протяжении 2,25 км, занимала позицию 4-я Финляндская дивизия. В м. Крево и далее на юг располагалась 65-я дивизия соседнего корпуса. В резерве V Кавказского корпуса находились "белые негры" — пограничная дивизия. Чтобы уменьшить протяжение фронта 4-й Финляндской дивизии, участок на северной окраине Крево был занят 4-м пограничным полком. В ночь на 26 сентября 7-я Сибирская дивизия, насчитывавшая 6 500 штыков, должна была сменить 2-ю Финляндскую дивизию 26-м Сибирским полком и слабую 4-ю Финляндскую дивизию 27-м Сибирским полком; 28-й Сибирский полк оставался в дивизионном резерве, 25-й Сибирский полк — в резерве III Сибирского корпуса. V Кавказский корпус вовсе должен был уйти с данного участка фронта и быть использован для другого назначения.

Немцы решили предпринять 27 сентября атаку на 8-ю Сибирскую дивизию в связи с общим наступлением на м. Сморгонь.

Этой атаке должно было предшествовать проявление активности на фронте V Кавказского корпуса, чтобы развлечь внимание русских. При истощении сил германской пехоты главная роль в этом проявлении активности отводилась артиллерии. Расположенный в лесу участок 2-й Финляндской дивизии был для этого неподходящим; кроме того он был мало выгоден для демонстрации, так как лежал непосредственно по соседству с объектом будущей атаки — позицией 8-й Сибирской дивизии. Выбор немцев вероятно на этом основании остановился на открытом участке 4-й Финляндской дивизии. Находившаяся против него часть Кенигсбергской ландверной дивизии — бригада Зоммера (4-й, 9-й, 12-й отдельные ландштурменные батальоны по данным нашей разведки; против Крево — будто бы 374-й резервный полк, вероятно только что сформированный из эрзатцполка) получила приказание вечером 26 сентября за несколько часов до намечавшейся у нас смены произвести поиск или даже атаковать русских. При отсутствии у русских хорошо оборудованных окопов и общем расстройстве, вызванном шестимесячным отступлением и неудачами, немцы могли рассчитывать на сильный эффект действий своих снарядов.

Несмотря на то, что русские располагались на этом фронте только второй день, их окопы были уже усилены проволочными заграждениями, пока еще довольно тонкими, и с небольшими промежутками на спокойных участках. Командовавший боевой частью 8-го полка{96} командир III батальона капитан Печенов 25 октября так характеризовал положение на своем фронте (2 слабых батальона — 900 стрелков + 4 или 5 пулеметов — на 1 300 шагов по фронту): "№ 23. 20 ч. 40 м. Командиру 8-го полка. Участок занят довольно крепко. Держаться, если не подведут стрелки, можно вполне. Перед моим участком (левофланговый. — А. С.) небольшой выруб и есть обстрел шагов на 120. У Акутина (командир правофлангового батальона) обстрел значительно меньше, доходя к правому флангу до нескольких шагов{97}. 12-ю роту имею в резерве. Акутин имеет в резерве 2 роты. С 14-м (Финляндским полком. — А. С.) связь и самое тесное соприкосновение установлены. Нажима можно ожидать слева от 14-го полка. Печенов". К этому донесению, отправленному в момент начавшейся уже у соседа слева паники, приложено хорошее кроки расположения в лесу рот 8-го полка, с указанием их номеров.

Описываемые ниже события происходили в атмосфере тяжелого расстройств русской армии и общего разъезда начальства. 25 сентября, в тот самый день, когда 7-й Сибирской дивизии была поручена трудная задача смены двух других, правда численно слабых дивизий, и начальник дивизии Братанов и начальник штаба 7-й Сибирской дивизии Дьяконов эвакуировались под предлогом болезни. Отпуска не были еще разрешены, но начальники штабов разъехались в широком масштабе; документы штабов дивизий стали подписываться почти исключительно временно исполняющими должность начальниками штаба дивизии капитанами Лазаревичем, Соллогубом, поручиками Оберюхтиным, Корком{98}.

Правда, 24 сентября из отпуска вернулся начальник 4-й Финляндской дивизии ген. Селивачев. Но 4-я Финляндская дивизия, или "остатки" ее, как старательно стремилась она подчеркивать в официальной переписке, должна была на следующий день вечером смениться. Поэтому вероятно Селивачев не интересовался позицией и не заглядывал пока в свои полки; он только формально вступил в командование дивизией.

4-я Финляндская дивизия насчитывала к 23 сентября всего 4 батальона, 22 пулемета, 13 орудий и имела в строю 92 офицера, 2 316 штыков, сверх того, 905 нижних чинов, вооруженных винтовками (вероятно унтерофицеры, связные, конные разведчики и пр.){99}, и обладала 172 заручными винтовками. По

численности она уступала только на 25 % 2-й Финляндской дивизии. Но настроение в ней было мерзкое, кадры утрачены или деморализованы, наличный состав представлял плохо усвоенные полками роты пополнения; дивизия приbedнивалась, указывая на свою небоеспособность, чтобы скорей быть снятой с фронта и получить отдых; эта официальная точка зрения командования дивизией была известна в полках оказывала сильно разлагающее влияние.

Дивизия отошла на свой участок одновременно с 2-й Финляндской к утру 24 сентября; участок ей был указан заблаговременно, и дивизия, находившаяся на переход впереди, должна была уже к утру 23 сентября выслать команды рабочих в з. Закосье, в распоряжение корпусного инженера V Кавказского корпуса; предполагалось, что за сутки до подхода дивизии будут уже возведены важнейшие участки окопов. Однако ничего сделано не было. Журнал военных действий штаба дивизии дает этому следующее объяснение: застенки Закосье представляет пункт, отмеченный на трехверстной карте; но местное население этого названия не употребляет, и все хутора, лежащие на шоссе к северо-востоку от Крево, именуются одинаково — выселки из Крево. Рабочие не нашли Закосье, где-то блуждали в тылу, и корпусный инженер не смог их разыскать. Конечно виновата не карта, а отсутствие порядка — не было с рабочими сколько-нибудь приличных офицеров, стрелки хотели отдыхать, а не работать, корпусный инженер не охотно брал на себя ответственность за выбор позиции для 4-й Финляндской дивизии, и не слишком разыскивал рабочих.

Утром 24 сентября дивизия пришла на пустое место; не было даже трассировки окопов. На позиции стали 14-й и 16-й Финляндские стр. полки: 15-й и 13-й сначала расположились в резерве. По карте протяжение фронта позиции — 2 250 м; но по журналу военных действий она оказалась растянутой на протяжении около 3 км, чему верить конечно не приходится. 2 полка оказались не в силах занять весь фронт, и между ними был выдвинут на центральный участок 13-й полк из резерва дивизии.

Работы по укреплению прикрывались охранением, которое однако сразу осадило на линию фронта, когда в 13 ч. 30 м. 24 сентября показались передовые части немцев. За остаток дня дивизия успела донести об одной отбитой атаке на свой центр и о прорыве ее правого фланга, который она смогла восстановить. Несомненно, что отбитая атака представляет собой небольшую перестрелку рекогносцирующего характера, затеянную немцами с дальней дистанции, а прорыв уход целых взводов или даже рот в тыл под влиянием нескольких артиллерийских снарядов, или при

появлении на приличном удалении группы немецких разведчиков. Потери 4-й Финляндской дивизии за этот день при отходе сторожевого охранения и в течение "боя" на главной позиции достигли всего 3 убитых, 23 раненых (сколько самострелов? — А. С.), 10 контуженных и 7 без вести пропавших солдат. Офицеры были полностью в добром здравьи.

Ночь прошла спокойно, но с утра 25 сентября немецкая артиллерия начала оживленно пристреливаться. От 4-й Финляндской дивизии пошли тревожные донесения, и штаб корпуса передвинул II батальон 6-го Финляндского полка часть корпусного резерва — из с. Шиловичи на опушку леса у з. Закошь, за стык между 2-й и 4-й Финляндской дивизиями. Другую часть корпусного резерва — 2-й пограничный полк — штаб корпуса подтянул в д. Кунцевщина.

С полудня до вечера установилось затишье. В 18 час. начался оживленный артиллерийский обстрел; под его прикрытием двинулись немецкие роты, вероятно имевшие своей задачей приступить к устройству солидной укрепленной позиции в 600 — 1 000 м перед фронтом 4-й Финляндской дивизии; двинулись и немецкие команды, назначенные для поиска и для прикрытия этих окопных работ. В 18 ч. 25 м. штаб 4-й Финляндской дивизии уже доносил об атаках, направленных на 14-й и 13-й полки, о дебушировании из Томасовского леса густых масс немцев, взятых нашей артиллерией под обстрел. 2 роты дивизионного резерва (т. е. половина 15-го полка) были направлены на поддержку центра и окопались во второй линии, позади 13-го полка. Несмотря на то, что перестрелка продолжалась еще только 25 мин., полковые резервы оказались, по крайней мере по донесениям, израсходованными. В левофланговом 16-м полку положение признавалось более легким: вероятно, против него никакого противника не было, так как его правофланговые роты оказывали 13-му полку поддержку косопрямельным огнем стрелков и пулеметов.

В 19 ч. 20 м. уже темнело, когда начали сообщать о распространении атаки по всему фронту 4-й Финляндской дивизии, за исключением левофланговой роты 16-го полка, примыкавшей к м. Крево. Но 16-й полк сейчас же донес, что отбросил немцев на их прежние позиции, в 500 — 1 500 шагах перед его фронтом. Так как немецкая пехота безусловно не летала, то повидимому она к 16-му полку ближе и не подходила — нельзя в течение нескольких минут оказаться перед окопами, а в следующий момент оказаться в километре позади. С фронта 13-го полка сообщалось, что немцы залегли в 600–700 шагах, т. е. как будто к атаке также не приступали. С других пунктов мы

имеем одновременные сообщения, что немцы атакуют, и что немцы залегли в 1 500 шагах. Примирить эти сообщения возможно, лишь допуская продвижение на близкие дистанции мелких разведывательных партий и выполнение окопных работ основной массой.

В дальнейшем — еще больше противоречий. В 19 ч. 40 м. немцы повсюду остановлены. В 20 час. слышно, что немцы кричат ура. Правый фланг 13-го полка поэтому выбежал назад из своих окопов (в подлиннике конечно был выбит), но вскоре был водворен обратно.

Положение ухудшилось тем обстоятельством, что в дивизии в 19 ч. 45 м. становится известным, что она наступающей ночью будет сменена. Боеспособные части в таком сообщении могли бы почерпнуть импульс для напряжения своей энергии: прежде всего надо полностью сохранить занимаемое положение, чтобы сдать позицию сменяющей части; неустойка лишит возможности осуществить смену; затем, на крайний случай, сменяющий полк может явиться резервом, который в критическую минуту удвоит наши силы. Но для дрянных войск, только и мечтающих о том, как бы прервать неприятное стояние лицом к лицу с противником, известие о смене вносит расслабляющее начало: мы свое оттрубили, теперь пусть выпутываются, как хотят, наши преемники. Так именно и восприняла 4-я Финляндская дивизия сообщение о скорой смене.

2-й пограничный полк был вызван в 20 час. из Кунцевщины на помощь и ожидался в 21 час. в з. Закревье. Хотя 13-й полк и вернулся в свои окопы, положение оставалось неопределенным; "атака" распространилась и на 16-й полк. Штаб 4-й Финляндской дивизии давно уже стремился перевести за свой центр II батальон 6-го Финляндского полка, стоявший на стыке, но Чернышенко упорно отказывал двинуться, ссылаясь на то, что его батальон — часть корпусного резерва. После 21 часа получилось разрешение штаба корпуса, и в 21 ч. 30 м. 2 роты II батальона были двинуты на стык 13-го и 14-го полков, откуда пришло донесение о прорыве немцев и распространении их в тылу. В действительности оказалось, что здесь смежные роты 13-го и 14-го полков просто выбежали вновь из своих окопов назад; с прибытием ставших позади них 2 рот 6-го полка они вернулись в окопы — "положение было восстановлено". Другие 2 роты II батальона 6-го полка остались на старом месте, на стыке.

После 22 час. в 4-й Финляндской дивизии наступает как бы момент успокоения; с левого фланга 16-го полка доносят, что немцы ушли на 1 000 шагов; однако паника и стрельба по всем направлениям, происходившая в 4-й Финляндской дивизии с

наступлением темноты, уже несколько деморализовала ее соседей. В 22 ч. 40 м. начальник штаба 4-й Финляндской дивизии доносит начальнику штаба корпуса за № 15/35: "Перед левым флангом 16-го полка противник отхлынул под нашим ружейным и пулеметным огнем на 1 000 шагов, но в это же время правофланговая рота 4-го пограничного полка покинула свои окопы. Тогда командир 16-го полка направил для обеспечения своего левого (фланга. — А. С.) 3 взвода, одной ротой боевого участка и полуротой резерва перешел в контратаку с целью отбросить подальше немцев, залегших перед центром его участка на 150 шагов".

Тут все темно — немцы отброшены на 1 000 шагов, а лежат в 150 шагах; сомнителен и рассказ о соседях, и более чем сомнительна сама контратака.

Но центр паники передвинулся вправо. К 23 час. уже не только 13-й и 14-й полки, но и 8-й Финляндский полк вышел из своих окопов и осадил в лесу на 300 шагов; здесь безусловно имела место атака немцев, по крайней мере небольших их групп. На следующее утро я, производя рекогносцировку, забрел на левый фланг оставленных 8-м полком в эту ночь окопов, находившихся неподалеку перед нашим фронтом и не занятых немцами; в том месте, где я вошел в окопы, у самой проволоки лежали тела 4 немецких пехотинцев, причем у трех из них были прострелены каски, которые я и захватил с собой. Мне потом в 8-м полку говорили, что через слабое проволочное ограждение проскочило в одном месте десятка полтора немцев, что в связи с паникой в 14-м полку и потерей связи с 4-й Финляндской дивизией и обусловило отход 8-го полка на 200-300 шагов назад. Левый фланг 8-го полка отказался совершенно открытым, и 8-й полк израсходовал, не желая отходить дальше, все 7 рот батальонных и полкового резервов на загиб фланга, но контакта влево ни с кем добиться не мог. В соответствии с осаживанием 8-го полка осадил и 5-й полк; последний несколько помог 8-му полку, приняв при осаживании влево, примерно на один ротный участок.

Не то бой, не то паника охватывала теперь почти весь фронт V Кавказского корпуса. На протяжении 5 км переливалась ружейная стрельба. В темноту стреляла не только боевая часть, но и резервы и масса отбившихся и бродячих людей. Раздававшиеся в тылу выстрелы действовали очень неблагоприятно на остававшиеся в окопах части, так как, ориентируясь в темноте только по звукам выстрелов, они неизбежно должны были придти к выводу, что глубоко охвачены немцами, раз бой ведется у них далеко в тылу.

Подошедший в составе 6 сотен 2-й пограничный полк был двинут командованием 2-й Финляндской дивизии в этот хаос, притом в двух направлениях: 2 сотни — на крайний левый фланг дивизии — стык 16-го Финляндского полка с 4-м пограничным, и 4 сотни — в центр — на левый фланг 14-го полка. Штаб корпуса приказал двинуться в Закревье, на помощь 4-й Финляндской дивизии, и I батальону 6-го Финляндского полка, насчитывавшему за выделением наряда по дивизии, только 2 роты. Так как в моем распоряжении не оставалось больше никого, то с 2 ротами, вскоре после полуночи, выступил из д. Черкасы и я.

Надо отметить чрезвычайно неудачное расходование корпусного резерва: 6 сотен 2-го пограничного полка были разбиты по двум направлениям, 6 рот 6-го Финляндского полка были распределены на 3 кучки; каждой маленькой кучке грозила опасность быть захлестнутой морем охваченных паникой людей, в которое ее окунали. Нет сомнений, что 6-й Финляндский полк, двинутый совокупно, смог бы добиться несравненно более благоприятных результатов.

Направление двух изолированных сотен 2-го пограничного полка на помощь 16-му полку начальник штаба 4-й Финляндской дивизии мотивировал в донесении от 23 ч. 25 м. за № 16135: "Они следуют в распоряжение командира 16-го полка, так как противник отбросил сначала левый фланг (4-го пограничного полка), а затем и сотню правого фланга, которая, заняв было свои окопы, вновь отошла. Вследствие этого отхода немцы вышли во фланг левофланговой роте 16-го полка и заставили ее отойти". Конечно виноват всегда сосед, даже когда темно, и ничего ровно не видно.

Начальник 4-й Финляндской дивизии, ген. Селивачев, еще в 22 час. уяснил себе, что руководить ночным боем в сущности 4 батальонов по телефону из удаленного на 7 км фольварка Садки, где располагался штаб дивизии, невозможно. Поэтому он приказал своему бригадному командиру полковнику Ларионову, замещавшему его во время отпуска в командовании дивизией и выбиравшему позицию, отправиться на участок боя и объединить на месте действия частей дивизии и подходящих подкреплений. Офицеры генерального штаба — начальник штаба дивизии подполковник Иванов и старший адъютант Берман остались в тылу для письменных работ; Ларионов отправился без штаба. Еще до полуночи Ларионов прибыл в блиндаж на опушке леса, за центром, где находился штаб резервного полка дивизии — 15-го Финляндского, и доносил оттуда в 23 ч. 35 м. за № 10/134а: "Наши отходят, связь порвана, со штабом дивизии тоже; разведчики донесли, что 3 взвода пограничников будто бы

окружены и захвачены в плен. Командир I батальона 15-го полка доносит, что все бегут, командиры батальонов не в состоянии остановить свои батальоны. Немцы ворвались в деревню и в Крево и обстреливают отходящих.

Полковник Ларионов".

Вопреки утверждению этого сообщения о разрыве связи со штабом дивизии, оно было передано в ф. Садки по телефону; верно, что по отходящим, как и по всему пространству в районе 4-й Финляндской дивизии, стреляли, но что этим занимались немцы из Крево — более чем сомнительно.

Далее Ларионов говорил по телефону с начальником штаба дивизии, и результат этого разговора штаб так передавал штабу V Кавказского корпуса 26 сентября в 0 ч. 5 в. за № 17/130): "Прорыв в районе расположения пограничной дивизии дал немцам распространиться в тылу 16-го Финляндского стр. полка. 2 сотни пограничников, высланные из резерва, восстановить положения не могли. Немцы достигли з. Закревья южного (т. е. пункта, впереди которого находился сам Ларионов. — А. С.), у которого идет бой. На правом фланге в районе 14-го полка восстановить положения тоже не удалось. 2 сотни пограничников (в действительности и по прежним сообщениям штадива — 4 сотни. — А. С.) и батальон 6-го полка дали только возможность устраиваться в тылу прежней позиции. Второй (т. е. следующий, а по номеру — первый. — А. С.) батальон 6-го полка выдвигается на з. Закревые северное. 27-й Сибирский полк направляется на з. Закревые южное".

Непроверенные, но мрачные панические известия осадили Ларионова со всех сторон. Пришло сообщение, что немцы заняли окопы 13-го и 14-го полков; одни говорили, что немцы распространились по всему тылу дивизии и даже находятся в том же хуторе, у которого располагался штаб 15-го полка и где находился Ларионов; с другой стороны — с участков 13-го и 14-го полков передавали, что немцы дальше не двигаются. Журнал военных действий 4-й дивизии резюмирует положение так: "Войска вышли из рук своих начальников". Нужно отдать справедливость войскам, что начальники делали ничтожные усилия, чтобы сохранить командование. Каждый полк был сжат в состав одного батальона, которым командовал командир батальона. Командиры полков, их штабы, командиры расформированных батальонов являлись почти не причастными зрителями, за исключением командира 16-го полка, полковника генерального штаба Иуона. Все эти "пассажиры", какими являлись командиры ведущих ночной бой полков, собирались около Ларионова с печальными докладами, что ничего поделать нельзя.

В 2 ч. 10 м. утра 26 сентября Ларионов доносил из з. Закревья северного: "Связь телефонная с полками и штабом дивизии, за исключением 16-го полка. Одной полуротой, а затем еще собранным взводом приказал занять опушку леса; пехотная цепь у Закревья (южн.), а сам со штабом 15-го полка, ввиду ружейного обстрела в расстоянии 700 шагов от противника, отошел в Закревье (северн.), где была позиция артиллерии. Здесь я встретил роту 16-го полка (с крайнего левого фланга — в тыл за правым флангом! — А. С.) под командой штабс-капитана Медведева, а затем остатки остальных полков, бежавших с позиции, числом до 300 человек. Всю эту толпу устроил, поручил офицеру выдвинуться к опушке леса, что у Закревья южного. Здесь спустя некоторое время встретил командира 14-го полка, который доложил, что часть его людей под командой капитана Ряжева отошла к задней опушке леса у Закревья (северн.). Одновременно получил донесение от командира 16-го полка, что, держась один на позиции с остатками людей, он окружен немцами, почему приказал ему, не сдаваясь в плен, пробиться штыками и отойти на опушку леса у Закревья (южн.). Занять прежнее положение не представляется возможным ввиду отсутствия офицеров и полной дезорганизации. Подошедшие 27-й Сибирский полк и 2 роты 6-го Финляндского полка остановились у д. Закревье северное, где была позиция артиллерии, где нахожусь я. Жду дальнейших распоряжений. Полковник Ларионов".

Уже в 23 часа штаб V Кавказского корпуса сообщил штабу III Сибирского корпуса, что по ходу напряженных боевых действий производство смены не представляется возможным. Но направленные на смену 26-й и 27-й Сибирские полки между тем продвигались. Командир 26-го Сибирского полка полковник Романов 26 сентября в 0 ч. 10 м. сообщал начальнику штаба дивизии 7-й Сибирской дивизии Лазаревичу из ф. Бульбутов (штаб 7-го Финляндского полка), расположенного близ с. Богуши: "Полк подходит к с. Богуши. На фронте Финляндской дивизии идут атаки немцев. По сведениям, полученным от командиров 8-го и 7-го полков, выяснено, что 14-й Финляндский полк, что северо-западнее Крево, и еще севернее — 8-й полк отошли со своих мест. Сейчас послан для восстановления положения 6-й полк. Результатов пока нет. Смену в настоящее время командир 7-го полка не находит возможным. Батальонам приказано остановиться у с. Богуши, а батарея у Сельце. Участок занимает 2 500 штыков. Сегодня днем на нем велись атаки. В (одном.-А. С.) полку 12 пулеметов, в другом — 8. Считаю, что со своими силами лесистый участок занять будет тяжело. Резерва не будет

никакого, что при натиске немцев, как было сегодня, невозможно".

Менее корректно доносил командир 27-го Сибирского полка полковник Афанасьев 26 сентября в 0 ч. 20 м. из д. Шиловичи: "Начальник 4-й Финляндской дивизии сообщил обстановку. В стыке между 13-м и 14-м полками немцы прорвали фронт и очутились в тылу позиции, благодаря чему 14-й полк отошел. Приказано ему восстановить первоначальное положение. Южнее Крево (ошибка: Афанасьев очевидно хотел сказать севернее. — А. С.) немцы прорвали пограничников в направлении на Закревьє южное, очутившись в тылу 16-го полка. Я с полком двигаюсь на Закревьє северное — Закревьє южное с целью оттеснить немцев и освободить 16-й полк из тяжелого положения. Финляндская бригада (очевидно 4-я Финляндская дивизия. — А. С.) артиллерию свою оттянула. Я свою батарею остановил в д. Шиловичи. бой продолжается. Жду дальнейших распоряжений. Начальник дивизии (4-й Финляндской. — А. С.) крайне удивлен, что для смены его дивизии в 5 000 штыков (это Селивачев никак не мог сказать Афанасьеву. — А. С.) прибывают всего 2 полка в 2 000 штыков, тем более, что немцы проявляют на этом участке усиленную активность. Я следую с полком на Закревьє".

Немцы проявляли вполне достаточную активность, чтобы воспрепятствовать смене V Кавказского корпуса. Уменьшение количества войск, однажды развернутых на определенном участке, всегда представляет несколько болезненную операцию. Теперь оба командира Сибирских полков побаивались сменять своими полками целые дивизии и преувеличивали — одно количество пулеметов во 2-й Финляндской дивизии, другой — количество штыков в 4-й Финляндской дивизии. Командир 27-го Сибирского полка Афанасьев, прибыв в лес у Закревьє северное, продолжал агитировать за отказ от смены: "2 ч. 30 м.

26/IX. № 191.

Полки 4-й дивизии оставили свои позиции, отошли к лесу, что у Закревьє северное. Частями (малыми) заняли опушку. Точно обстановка не выяснена. Общего начальствования нет, но заметно желание свалить все на сибиряков (! — А. С.). Обстановка крайне тяжелая и совершенно неясная, больше разговоров (! — А. С.) о смене. Занять 4-верстную позицию (2 250 м уже выросли вдвое. — А. С.) при настоящей обстановке невозможно, тем более, что на всем пространстве нужно переходить в наступление с необеспеченными флангами. Прошу указания. При сложившейся обстановке нужно искать позицию в тылу или атаковать достаточными силами, а не одним полком".

Настаивая на отказе от смены, командиры Сибирских полков

ломились в открытую дверь. В соответствии с телеграммой штаба V Кавказского корпуса штаб III Сибирского корпуса предписывал начальнику штаба 7-й Сибирской дивизии: "26/IX,

1 ч. 10 м.

Капитану Лазаревичу. 2100.

Командир корпуса приказал 27-му полку по прибытии в з. Закревые не сменять финляндцев до выяснения обстановки. В случае надобности — поддержать финляндцев для отражения атаки немцев.

5130. Богданович".

(Получено в 1 ч. 30 м.)

Известие о тяжелом положении 16-го полка, окруженного немцами, широко распространилось в тылу, и подкрепления прибывали с разных сторон: штаб 7-й Сибирской дивизии двинул 1 батальон 28-го Сибирского полка (див. резерв) на усиление 27-го Сибирского полка; последнему было указано под руководством Ларионова помогать 16-му полку. 26-й Сибирский полк должен был поддержать левый фланг 2-й Финляндской дивизии. Штаб V Кавказского корпуса из своего корпусного резерва в 2 ч. 20 м. двинул в распоряжение Ларионова очередную каплю — 1 батальон 1-го пограничного полка. Всего в распоряжение Ларионова на участке в 2 250 м собиралось свыше 13 батальонов: 4-я Финляндская дивизия — 4 батальона, 6-й Финляндский полк — 2 батальона, сибирские стрелки — 5 батальонов, пограничники — 2 батальона.

Около 2 ч. 30 м. Ларионов начал оценивать обстановку более благоприятно: к нему подошли 27-й Сибирский полк и 1 батальон 6-го Финляндского полка и в порядке отошел из своих окопов 16-й полк, что сразу увеличило число бойцов собственно 4-й Финляндской дивизии с 290 до 800. Телефонная связь, по мнению Ларионова, имелась со всеми частями; правда, с сотнями пограничников 2-го полка связи не было, но пограничники считались разбежавшимися или сдавшимися в плен и были просто сброшены со счета.

II батальон 6-го Финляндского полка располагался на правом фланге этой массы; Чернышенко собрал все свои 4 роты вместе и стремился установить непосредственную связь с загнанным фланг 8-м полком. Но так как 4-я Финляндская дивизия осадилась свыше 2 км назад, то Чернышенко смог окончательно разрешить эту задачу только к 8 час. утра, когда левый фланг 8-го полка был продолжен влившимся в него батальоном 26-го Сибирского полка. Мой I батальон (2 роты) получил почетную задачу старой гвардии — находиться в резерве, охраняя непосредственно з. Закревые северное, где располагался Ларионов и откуда исходило

управление. Другие части готовились к производству контратаки. Подполковник Элерт, оставшийся за командира 27-го Сибирского полка Афанасьева, отправившегося куда-то спать, так доносил начальнику штаба 7-й Сибирской дивизии (час не указан, вероятно, около 7 час. утра 26 сентября): "27-й полк, подойдя к позициям финляндцев (не дошел на 3 км — А. С.), нашел финляндские полки оставившими свои позиции. Полку было приказано содействовать атаке финляндцев и восстановить положение. Утром полки повели наступление, но финляндские полки, встреченные ружейным огнем немцев, в беспорядке отошли к опушке леса, что западнее з. Закревыя. После отхода финляндцев положение было таково: 13-й и 14-й (финляндские полки. — А. С.) находятся неизвестно где, а от 16-го осталась одна рота. 2-я Финляндская дивизия тоже со своих окопов отошла; таким образом 27-й полк остается на позиции с обнаженными флангами. По сведениям 65-я дивизия, занимавшая м. Крево, отошла. В данное время полк занимает позицию в яме, немцами же занимаются высоты. Артиллерийской позиции тоже нет, наши батареи поэтому бездействуют". Мы вскоре увидим, так ли безнадежно было положение 27-го Сибирского полка; а пока заметим, что если бы немцы были на высотах, то нашим батареям нетрудно было бы их обстрелять; если наша артиллерия бездействовала, то только потому, что 4-я Финляндская дивизия и 7-я Сибирская оставили свои батареи вне района суматохи, не ближе 6 км к первоначальной позиции 4-й Финляндской дивизии (д. Шиловичи).

Я дремал, сидя на пеньке около рот своего I батальона. Около 5 час. утра я был разбужен вспышкой ружейного огня. Стреляли наши. Это Ларионов приказал остаткам своей дивизии, сибирским стрелкам, батальону 1-го пограничного полка идти в контратаку, чтобы отобрать потерянную ночью позицию. В утренней мгле происходил повидимому новый рецидив паники. Цепи, находившиеся всего в 300 шагах впереди, вместо того чтобы идти вперед, залегли, открыли огонь, начали отбегать назад. Но скоро все начало успокаиваться, и цепи, одетые в шинели, стали вновь засыпать. В тылу бродила масса отбившихся.

Я пошел за новостями в избу Ларионова. Просторная комната. Маленькие окошки были плотно закрыты ставнями. На столе горели свечи, и какой-то полковой адъютант, усердный писатель, строчил под диктовку Ларионова, сидевшего на лавке в красном углу. Казалось, вся 4-я Финляндская дивизия, в лице своего начальства, вошла в эту комнату. Здесь заседали все 4 командира ее полков и представители других частей. Даже чаю в избе не было. У всех были бледные, изможденные бессоницей и

нервным напряжением лица. Все были в полной амуниции и застегнутых пальто — Ларионов, сам по себе приличный командир, не переносил в тыл своего командного пункта, хотя цепи находились всего в 150 шагах впереди, и вновь начинали пятиться. В сених сидели телефонисты; но им приходилось только передавать донесения в штаб дивизии; вниз телефон не работал, так как все начальство было тут; ориентировку давал какой-то очень встревоженный молодой офицер, выскакивавший на минуту из хаты, и затем возвращавшийся с печальной информацией о настроениях и уклонах: "продолжают пятиться... разбредаются" — слышался его почтительный шопот. Я поздоровался.

Прерванный мною, Ларионов продолжал вдохновенно диктовать донесение: "Около 5 час. утра, собрав отошедшие со своих позиций части, двинул их вместе с 27-м Сибирским полком и батальоном пограничников в атаку для захвата утраченных ночью окопов. Но встреченные убийственным пулеметным огнем (пулеметы абсолютно не трещали. — А. С.), стрелки приостановились и частью стали поддаваться назад. Приказал задержаться во что бы то ни стало, хотя бы на западной опушке леса у з. Закревья северо-восточного.

Положение крайне тяжелое, так как управление разнообразной и уже расстроенной массой, тем более в лесу, становится все труднее и труднее".

Красноречие Ларионова вызывало сочувственные, одобрительные замечания у собравшихся командиров полков. Мне стало противно; я захотел выйти на вольный воздух. Неприятно было посмотреть кому-нибудь в глаза — такое нервное, напряженное, тревожное выражение встречалось на всех лицах.

Я стал прогуливаться по двору, сопровождаемый начальником своих конных разведчиков, прапорщиком К., и искал, на чем мог бы отдохнуть глаз. Мое внимание привлек один солдатик, поведение которого было далеко от суеты сует, одолевавшей всех; его сознание несомненно являлось совершенно посторонним разыгрывавшимся событиям. Винтовки у него не было, но зато он был весь увешен фляжками для воды, а в руках держал два котелка. Зеленые петлицы изобличали в нем "белого негра" — пограничника. Он степенно набрал воды из колодца{100}, наполнил ею все свои сосуды и, аккуратно ступая, чтобы не расплескать налитые до краев котелки, двинулся в сторону фронта. Это меня заинтриговало; и мое удивление возросло до максимальных размеров, когда пограничник, с своей спокойной, деловой походкой миновал цепь, стрельба в которой уже успокоилась, и продолжал следовать все дальше. Я и

прапорщик К. вскочили на коней и мгновенно его догнали. "Какого полка?" "2-го пограничного". "Чего бродишь?" "Так что всю ночь ходили, ходили, только 3 часа всего и поспали, теперь охота чайку вскипятить, отделенный послал за водой". "Да где ваша сотня?" "Да вот этой тропкой больше версты будет".

Вид милого пограничника действовал успокоительно и убедительно; всякая жуть пропадала. Я его поблагодарил за любопытное сообщение и поскакал вперед, по указанному им направлению. Примерно через 1,5 километра я уперся в бывшие резервные окопы 4-й Финляндской дивизии, в которых лежал еще сонный батальон 2-го пограничного полка; офицеров разыскать не удалось, так как я торопился; сомнения не было — тут находились все 4 сотни, двинутые ночью на выручку левого фланга 14-го полка. Попавшийся унтерофицер объяснил мне, что они ночью ходили выручать финляндцев, только трудно было разобраться — ни своих, ни немцев нигде не видно, а стреляют много; поэтому они устроились в окопах, на которые набрели, и спокойно отдыхали. Впереди есть другие окопы, как сообщали дозорные, но до них еще 800 шагов, а то и больше. Должно быть ночью здесь бродили немецкие разведчики, но сейчас немцев не видно; окопы впереди вероятно попрежнему никем не заняты.

Хотелось немедленно организовать разведку, чтобы получить твердую уверенность, что позиция 4-й Финляндской дивизии никем не занята; но с чужими сотнями на это ушло бы много времени и притом я вышел бы несомненно за пределы своего круга ведения. Надо было скорее сообщить Ларионову, что он воюет во второй линии с ветряными мельницами, что в 1,5 км перед рубежом, на котором он был якобы остановлен убийственным ружейным и пулеметным огнем, лежат пограничники и нет ни одного немца. Я поскакал назад в о. Закревые северное и в начале седьмого часа утра входил к Ларионову.

Внутренность той же избы была освещена теперь дневным светом, еще больше подчеркивавшим изможденность, усталость, никчемность, упадок духа собравшихся в ней людей. Информатор, выглядывавший за дверь, казался еще более расстроенным. Ларионов диктовал попрежнему, но делал теперь резкий упор на необходимость отступления; его поддерживали присутствовавшие здесь офицеры-сибиряки; командиры полков 4-й Финляндской дивизии как-то состарились и как-будто полностью ушли в прошлое. Больше потери, безуспешность контратак, отход соседних дивизий, обтекание флангов неприятелем, чрезвычайные тактические невыгоды занимаемой позиции, неотложность отступления являлись очередной темой

диктанта Ларионова.

Я постоял несколько минут, слушая; когда дело дошло до срочности решительного скачка назад, на другой рубеж, я выступил с заявлением, что это сплошная фантазия, никаких немцев нет, впереди в 1,5 км — пограничники, у которых полное спокойствие, как я только что наблюдал, что если Ларионов пошлет свою телеграмму, то я немедленно буду вынужден телеграфировать командиру корпуса опровержение. Несмотря на резкий тон моего заявления, Ларионов видимо обрадовался и, чтобы дать себе собраться с мыслями, он обрушился совершенно подавляющим образом на своего информатора, сконфуженно стоявшего у дверей. Затем Ларионов попросил меня сообщить, что я видел, и заявил, что конечно он сейчас же радикально изменит содержание изготовленного донесения.

Первое распоряжение Ларионова (по журналу военных действий — около 6 ч. 15 м., на копии час не показан) было адресовано к открытому мной батальону 2-го пограничного полка и должно было и санкционировать его пребывание впереди и тащить назад, на общий фронт. Написано оно нарочно непонятно и ошибочно помечено следующим днем: "27/IX. Поставьте свой правый фланг уступом и окапывайтесь на опушке леса, обеспечивая правый фланг, держать связь с финляндцами".

Следующее распоряжение относилось к моему I батальону. Мое присутствие являлось для Ларионова стеснительным, и он отсылал мой батальон вправо. Ясность формулировки несколько страдала: "26 сентября. 6 ч. 38 м. (получено 6 ч. 45 м.) № 11/134, командиру I батальона 6-го Финляндского полка". Держите связь с 27-м Сибирским полком, окопайтесь на опушке леса, удерживая наступление (!? — А. С.) противника". Меня это устраивало, так как сблизало с батальоном Чернышенко и не отрывало от моей дивизии. У меня было свое дело, а Ларионов в советниках, в особенности во мне, очевидно не нуждался. При мне было еще написано приказание командиру I батальона 1-го пограничного полка, который, вопреки донесению Ларионова, в "контратаке", имевшей место в 5 час. утра, не участвовал. Этому батальону в 6 ч. 4 м. за № 12/134 было поставлено такое задание: "станьте на опушке леса восточнее дороги за серединой боевой части и удерживайте всех бегущих, водворяя в окопах"{101}. Хотя все батальоны находились под боком, но прошло 45 мин. прежде чем удалось разыскать командира пограничного батальона.

Я не стал дожидаться дальнейших действий Ларионова, раскланялся и ушел со своим I батальоном. А Ларионов продолжал "спускаться на тормозах", стараясь примирить утреннюю действительность с ночными страхами, нашедшими достаточно

полное отображение в его ночных донесениях. Какие исправления он сделал в своем сообщении после моего вмешательства, мне неизвестно, но на основании его донесения штаб 4-й Финляндской дивизии телеграфировал штабу корпуса: "26/IX, 7 ч. 15 м.

№ 18/135, вне очереди.

16-й Финляндский стр. полк, дойдя до окопов противника (никуда не ходил. — А. С.), понеся громадные потери под пулеметным огнем, отошел и окапывается на опушке леса между Закревьями. Командир 16-го полка присоединил к себе рассеянные части других полков и устраивается на позиции. Правее окапывается 27-й Сибирский полк. 2-я Финляндская стр. дивизия загнула свой левый фланг. Ваврский полк (65-й дивизии) по сведениям разведчиков отошел и занял позицию в районе надписи Крево (т. е. значительно восточнее местечка Крево. — А. С.). Для сбора рассеявшихся по лесу посланы конные разведчики и пограничники. Противник ведет наступление в значительных силах, стремясь охватить фланги. Положение продолжает оставаться серьезным.

Подполковник Иванов".

Несмотря на то, что я отчетливо высказал Ларионову убеждение, что немцы не занимают старых окопов 4-й Финляндской дивизии, начальство 4-й Финляндской дивизии не думало о том, чтобы поскорее выдвинуть туда какие-либо части, и было озабочено тем, чтобы свалить на кого-нибудь, другого задачу выдвижения на старый фронт. 26 сентября в 8 ч. 25 м. за № 20/135, начальнику штаба V Кавказского корпуса телеграфировал сам начальник 4-й Финляндской дивизии (по порядку, это 11-е донесение за ночь в штаб корпуса, начиная с 18 час. 25 сентября; начальник штаба дивизии, если не выезжал на фронт, то и не отдыхал): "Собирающиеся части присоединяются к устраивающимся на фронте з. Закревьё северное и з. Закревьё южное 6-му (Финляндскому. — С. А.), 27-му Сибирскому и 16-му Финляндскому полкам и окапываются. Противник открыл по нашим окопам артиллерийский огонь. Приказано держаться. Судя по интенсивности атак и громадному числу трупов, противник сосредоточил против 4-й Финляндской дивизии весьма крупный кулак. Прошу указаний, куда направляется гвардейская стрелковая бригада. Переход в наступление состоящими в моем распоряжении частями для занятия вчерашнего положения считаю крайне трудно выполнимым. Ген. Селивачев".

Прекрасный стиль: интенсивность атак, крупный кулак (может быть 3 ландштурменных батальона!), громадное

количество трупов (никем не виденных), намек на желательность поручить гвардейским стрелкам занятие старых окопов. Сразу чувствуется, что Селивачев — подлинный вождь своей дивизии, а Ларионов, при всех его талантах, только скромный зам!

Около 7 час. выходит из ночного оцепенения и 27-й Сибирский полк. В 7 ч. 10 м. утра командир IV батальона 27-го Сибирского полка доносит, что "три роты занял позицию на опушке леса фронтом на запад, окопался; впереди меня части 16-го, 6-го Финляндских и 6-го (очевидно 2-го. — А. С.) пограничного. Вправо имею связь с (6-м? неразборчиво. — А. С.) Финляндским, слева с I батальоном. В лесу масса бродячих нижних чинов, которых собираю к себе и пришлю в штаб полка". Но в штабе 7-й Сибирской дивизии тревожное настроение держалось еще долго. В 8 ч. 50 м. 26 сентября, за № 2109, вр. и. д. начальника штаба дивизии Лазаревич объяснял штабу III Сибирского корпуса неудачу утреннего наступления 27-го Сибирского полка тем, что финляндцы бежали, и высказывал опасения, что противник начинает охватывать фланги 27-го Сибирского полка. Этому противопоставлялось указание полуденной сводки 2-й Финляндской дивизии, утверждавшей, что левый фланг 6-го Финляндского полка находится в связи с 27-м Сибирским полком: "по донесению командира 6-го полка, 27-й Сибирский полк стоит во второй линии".

Через несколько времени, утром, разыскалась и 65-я дивизия, сосед слева, оказавшийся на старом месте, в м. Крево{102}. 4-я Финляндская дивизия в это время была представлена 16-м полком в составе одной роты и более дробными остатками от 13-го и 14-го полков — по одному или по два взвода; от 15-го полка, начавшего бой в роли дивизионного резерва, имелся только командир полка; поэтому Ларионов чрезвычайно обрадовался, когда разведчики принесли слух, что 15-й Финляндский полк существует где-то около 65-й дивизии. Ларионов диктовал: "26/IX. 10 ч. 40 м.

№ 16/134

д. Закревые северное.

Командиру Брацлавского полка.

По донесению разведчиков правее вашего полка стоит рота (сверху приписка: до 3-х) 15-го Финляндского стр. полка, затем идут сотни 2-го пограничного полка, 16-й Финляндский полк и т. д. Благоволите приказать произвести разведку, действительно ли правее вас стоит рота 15-го полка, случайно после атаки попавшая на этот фланг, и если это подтвердится, то прошу роту эту направить на присоединение к 16-му полку, войдя в непосредственную связь с ротами 2-го пограничного полка".

Ларионов через полчаса сообразил, что его записка командиру Брацлавского полка выглядит неказисто, и послал вслед другую: "26 сентября.

11 ч. 15 м.

Командиру Брацлавского полка.

К северовостоку от Крево расположен 15-й Финляндский стр. полк, примыкающий правым флангом к пограничникам. Прошу установить с 15-м Финляндским стр. полком связь".

Это звучало уже много увереннее.

В действительности на фронте расположение было таково: 8-й полк имел 5 рот осадивших и 7 рот загнувших фланг на юг и частью рассеявшихся из-за соседства с 14-м полком; в эти 7 рот влилась 13-я рота 26-го Сибирского полка; остальные роты 17 батальона 26-го Сибирского полка продолжали погибать далее. Затем был развернут II батальон 6-го Финляндского полка; далее на шоссе развернулся еще один батальон 26-го Сибирского полка; затем, фронтом на запад, впереди опушки леса, 2 роты I батальона 6-го Финляндского полка; левее находились 3 сотни 2-го пограничного полка, найденные мной утром и сильно осадившие по распоряжению Ларионова; позади них, на опушке, окопались 2 батальона 27-го Сибирского полка. Левее 1 рота 16-го Финляндского полка, имея за собой дробные остатки 13-го и 14-го полков. Влево 2 сотни 2-го пограничного полка, имел за собой батальон 1-го пограничного полка; наконец 1 рота 15-го Финляндского полка, стоявшая уже фронтом на север; далее — 65-я дивизия. По 2 батальона 26-го и 27-го Сибирских полков находилось в резерве.

Вместо смены 2-й и 4-й Финляндской дивизии, 26-й и 27-й Сибирские полки частично влились в их боевую линию. Граница между 2-й и 4-й Финляндскими дивизиями была изменена так, что мой I батальон составлял крайний левый фланг 2-й дивизии. Я был очень доволен, что ушел из подчинения вдохновенных писателей 4-й Финляндской дивизии.

Начальству пришлось задаться более скромными целями. 2 сибирских полка должны были сменить уже не 2 финляндские дивизии, а только одну 4-ю Финляндскую, расширив ее фронт до фланга 8-го полка, так как 6-й полк должен был вновь отойти в резерв. Артиллерийский огонь немцев препятствовал перегруппировке днем даже в пределах отдельных рот на опушке. Командир II батальона 6-го полка Чернышенко был тяжело ранен при обходе коленных окопов его батальона, только что вырытых на опушке. Командовавший боевой частью 8-го полка капитан Печенов доносил в 10 ч. 20 м. 26 сентября: "Часть рот — все что к югу от 8-й роты — занимает участок, предназначенный для 26-го

Сибирского полка. Распутать роты и разделиться с 26-м полком до наступления темноты нельзя — сильный обстрел и будут большие, совершенно бесполезные потери".

Смена затянулась на 2 ночи. В первую ночь 26-й полк сменял мой полк и несколько рот 8-го полка — чрезвычайно сложно, в два приема, так как сибиряки желали иметь свои роты в порядке, должны были занимать более широкие участки, и сменяющие роты сами должны были быть предварительно сменены на своих участках. Смена моих рот началась в 1 ч. 55 м. 27 сентября и закончилась только в 5 ч. 50 м. утра. 27-й полк еще менее торопился и кончил смену пограничников только в ночь на 28 сентября.

Меня интересовала мысль — вытолкнуть 4-ю Финляндскую дивизию или сменяющих ее сибиряков на фронт старых окопов, утерянных во время ночной паники. Это позволило бы сократить фронт вдвое и уничтожило бы опасное, выдвинутое почти на 2 км положение левого фланга 2-й Финляндской дивизии. К сожалению я сам наблюдал 26 сентября нескольких немецких разведчиков в старых окопах; повидимому они собирали брошенное в них снаряжение; но это дало основание Селивачеву, поддерживавшему версию, что наступление немцев имело серьезную цель, донести (12 ч. 20 м. 26 сентября), что немцы перестраивают его бывшие окопы и даже роют ходы сообщений от них вперед (атака сапой?). Когда мой полк был уже вовсе сменен, я, уходя в резерв, направил все же своих разведчиков в эти окопы. 27 сентября за № 171 начальник штаба 2-й Финляндской дивизии Шпилько телеграфировал: "По донесениям разведчиков 6-го полка окопы 4-й Финляндской дивизии — прежние — окончательно оставлены немцами". То же сообщал командир 27-го Сибирского полка 27 сентября в 15 час.: "Противник, занимавший бывшие окопы финляндцев, оставил их и занял свои прежние. Мои разведчики заняли эти окопы".

Потери 4-й Финляндской дивизии за 25 — 26 сентября довольно примечательны: солдат убито 25, ранено 102 (сколько из них своими во время стрельбы в темноте из нескольких линий?), без вести пропало 463. Офицеры дивизии, на отсутствие которых в ночном бою жаловался Ларионов, числом 93, были все живы, в полном здоровьи; а 2 000 разбредшихся в лесу солдат к обеду вернулись и пополнили оскудевшие ряды дивизии. Приказ Селивачева для смены начинался так: "Доблестью наших войск все настойчивые атаки противника отбиты и попытка прорвать наш фронт не удалась". — Бесстыже высматривали эти цветы канцелярского красноречия.

Эпилог был таков. 27 сентября все внимание еще было

поглощено бывшим участком 4-й Финляндской дивизии, где смена не закончилась; а немцы после полудня нанесли удар — также довольно сомнительного качества — по 8-й Сибирской дивизии, которая откатилась на 3 — 4 км, потеряв более 2 000, главным образом пленными. Так как 7-я Сибирская дивизия левее медлила и не занимала прежних окопов 4-й Финляндской дивизии, то 2-я Финляндская дивизия оказалась в резко выдвинутом положении с соседями, отскочившими на одном фланге на 2 км, на другом — на 3 км. Поэтому в ночь на 28 сентября полки 2-й Финляндской дивизии получили приказание отойти назад за линию Сморгонского шоссе. А 29 сентября все правое крыло 10-й армии, в связи с обстановкой на фронте 2-й армии и наступлением французов в Шампани, получило приказ перейти в наступление. Последнее было организовано наспех, изрядно безобразно и должно было носить характер ночной атаки после короткой артиллерийской подготовки вечером. 6-й полк оставался в резерве. Потери 2-й Финляндской дивизии, атака коей, руководимая Марушевским, окончилась неуспешно, были велики: 8-й полк свернулся в 4-ротный состав, роты, брошенные в атаку в составе 119 или 60 человек (10-я и 11-я), вернулись в составе 10 и 9 человек. А 26-й Сибирский полк при этом общем переходе в наступление геройски занял пустые прежние окопы 4-й Финляндской дивизии. По своей недалёковидности я не понимал, почему сибирские стрелки не делали этого ранее. Теперь онигодились. Командир 26-го Сибирского полка Романов, за № 1968 от 19 ч. 45 м. 29 сентября, через 1 ч. 45 м. после начала атаки, доносил о своем крупном успехе и сообщал, что сосед, 8-й Финляндский полк, остался далеко позади. Но сосед находился в тяжком лесном бою ночью, а 26-й Сибирский полк совершал простую прогулку — его потери 1 убитый, 14 раненых, 6 контуженных. Бумажная по преимуществу катастрофа 4-й Финляндской дивизии нашла свое завершение в чисто бумажной победе сибиряков.

Природа ночного боя такова, что не только оставляет в полной неизвестности ведущие бой войска о силах неприятеля, но повергает в недоумение и историка, располагающего документами только одной стороны. Разбираясь сейчас в событиях ночи на 26 сентября, анализируя все свои впечатления и документы, я не могу с уверенностью сказать, была ли фактически здесь ночная атака немцев, или был только поиск разведчиков; возможно, что паника имела не односторонний характер, а двусторонний, захватила и немецкий ландштурм и обусловила полную пустоту в районе спорного объекта — окопов 4-й Финляндской дивизии{103}.

В пользу того, что со стороны немцев был произведен только поиск, говорит удивительная свобода, с которой маневрировали части ночью. 2 роты Чернышенко беспрепятственно прошли справа за центр и затем вновь рокировались вправо, на опушку леса, восточнее шоссе. Левофланговая рота 16-го полка, занимавшая самую южную точку фронта дивизии, отскакивает в тыл ее крайнему правому флангу, в Закревые северное; рота 15-го полка из центра оказывается на крайнем левом фланге, у Крево. Однако в ночном бою возможно движение по самым странным, перекрещивающимся направлениям. Окончательную ясность может дать только опубликование немецких данных об этом столкновении.

Несчастное течение событий в 4-й Финляндской дивизии в значительной степени объясняется карикатурной диспропорцией между аппаратом и массами. Селивачев держал себя высокопоставленно и чувствовал себя даже более, чем начальником дивизии. А в сущности говоря, он являлся командиром не слишком сильного полка; его командиры полков должны были держаться максимум, как командиры батальонов или даже рот. В этом отношении я считаю свою линию правильной: объем моих функций сократился до вождения 2 рот — группы около 250 бойцов — и я сократился почти в начальника команды разведчиков. Если бы так поступало и начальство 4-й Финляндской дивизии, можно было рассчитывать, что 90 наличных офицеров сумеют полностью обеспечить энергичное руководство 2 500 бойцов на фронте в 2 км с небольшим. В этом отношении в 4-й Финляндской дивизии резко выдвигался командир 16-го полка Иуон; его резко выдвигает и реляция 4-й Финляндской дивизии; вероятно, он получил самую высокую военную награду за то, что пробился штыками, хотя бы только через строй привидений, вызванных паникой.

Какую комедию разыгрывала связь — быстро, точно, часто передававшая наверх, вправо, налево совершенно ложные данные, как скрипели всю ночь карандаши работников генерального штаба — Иванова и Бермана, не смыкавших глаз! И какое коварство проявили пограничники, заснувшие во время контратаки, и не подавшие голоса в момент паники! Как связан был Ларионов, храбрый офицер, вынужденный условиями обратиться в корреспондента, поставляющего материал для штаба дивизии. Как не хватало управлению воздуха, свободы, контакта с солдатской массой; если бы да разогнать всех писателей и поставить их во главе самых хотя незначительных кучек бойцов, пришлось бы впоследствии описывать совершенно другое течение событий. Ведь одна единственная рота, решительно предводимая,

может дать совершенно иное течение ночному бою, где количество решительно отходит на второй план перед качеством. А изба в Закревье, эта мухоловка, в которой централизовалось все управление 4-й Финляндской дивизией! Биржа безработных командиров полков или командиров батальонов представляет одно из самых грозных тактических явлений.

* * *

8 октября 2-я Финляндская дивизия отошла в армейский резерв. 16 и 17 октября мой полк еще ходил поддерживать наступление III Сибирского корпуса, якобы резавшего проволоку и израсходовавшего все свои резервы. Но на месте оказалось все спокойным, сибиряки{104} попросту не двигались с места, и лишь их штабы, на основании данных, изобретаемых полками, проводили своеобразную военную игру. Останавливаться на хитростях этой игры, на слежке начальства за перевязочными пунктами, доказывавшей бескровность неуспешных атак, не стоит. 10 октября 2-я Финляндская дивизия получила предупреждение о погрузке на железную дорогу, а в период 18 — 23 октября была переброшена на отдых в Херсон. Подучившись и пополнившись, в декабре она начала в Галиции новую зимнюю кампанию, которая будет изложена в следующей части нашего труда.

Выше, держась преимущественно на уровне деятельности командования полком, мы возможно полно и правдиво очертили действия полка в бою, приближавшемся к встречному, в оборонительном бою на укрепленной позиции, в период отступления, едва не закончившегося катастрофой, и наконец в ночном бою, совпавшем со сменой дивизии. Приведенные мной факты не совсем напоминают те примеры, которыми обычно орудуют учебники тактики. Но они представляют не анекдоты; они, может быть, корявы, как корява сама жизнь, но доказывают прежде всего, что боевая деятельность протекает по путям, ничего общего не имеющим с прямым и ровным, как паркет, тротуаром Невского проспекта. В действительности анекдотом, и притом резко извращающим истину, является часто встречающееся гладкое, плавное, прилизанное изложение тактических событий.

Мое описание вскрыло ряд явлений, мимо которых военный историк обычно проходит молча. Это не значит, что на пути командира 6-го Финляндского полка встречались особенные нравственные уроды. В 1813 г. Клаузевиц вступившие утром в бой корпуса уже к вечеру называл потухшими вулканами. А в 1915 г. войска расходовали свои силы целыми месяцами под ряд. Под влиянием обрушивавшихся ударов, с людьми и целыми войсковыми частями происходили жестокие превращения,

переживалась целая драма, прежде чем линия поведения данного субъекта окрашивалась в тот защитный цвет, который порой так неприятно поражает читателя на некоторых наших страницах. Дело не в том, чтобы осудить или похвалить: и у Гальфтера, Шиллинга, Ларионова, Селивачева, вероятно даже у Гембицкого были в прошлом лучшие дни их боевой жизни, когда они высоко держали голову и блистали; квалифицировать их по тем минутам в которые они в настоящем труде мелькают затравленными и разбитыми жизнью, приниженными, было бы не вполне справедливо.

Но действительно любопытно: против нас первоклассная армия руководимая выдающимся оперативным талантом Людендорфа; в нашем лагере — управление, достигшее больших результатов в штабной технике, но в корне бюрократизировавшееся, потерявшее способность видеть живых людей; начальники, которые раздавлены выпавшей на них ответственностью и скорее отписываются, чем сражаются; солдатская масса, малосознательная, политически не обработанная, не имевшая интереса к войне, многократно разбавленная отвратительно обученными пополнениями; несчастная, жалкая артиллерия, минимум пулеметов; надувательство, склока, стремление перебросить на соседа тяжесть боевой работы; варварское отношение к чужим частям... И в результате замысел Людендорфа все же терпит крушение, наш лагерь со всеми его недостатками все же развивает могучее противодействие, и противник с большим почтением отзывается о встреченном им сопротивлении.

Ноты хаоса, истощения, разложения несомненно были сгущены значительно более нормального в атмосфере русского командования в последний месяц нашего полугодового отступления; но они представляют непрременную принадлежность всякого крупного исторического действия; тактическая работа там, где оперативное искусство бьет на кризис, представляет сложный переплет, в котором существенную роль играют неустойки, падения, недоразумения, животный эгоизм, страховка, неразбериха; подавляющая масса и бумаги, и мускульной энергии тратится зря. Смущаться этим не следует; надо лишь отказаться от сложных хитростей и помнить, что самое скромное, но честное, простое усилие разума в тактической сумятице готово всегда принести богатые плоды. И тактика, если не пожелает считаться с сумбурной атмосферой борьбы, станет на ложный путь, на котором уже целое столетие стояло военное искусство, готовившее полки не столько для боя, как для парада; а парадирующей тактике на современном поле сражения останется

только пожимать плечами и играть в жмурки с действительностью.

Я стремился обрисовать чрезвычайно ответственную тактическую роль командира полка; и все же основная область работы последнего лежит не в тактике, а в воспитании своего полка, в борьбе за сознание его командиров и стрелков. Командир полка не только не может чуждаться политической работы, но должен перенести на нее центр тяжести своей деятельности. При здоровом политическом сознании полка тактические вопросы решаются легко, почти шутя, а в противоположном случае обращаются в неразрешимые проблемы.

Примечания

{1}В русско-японскую войну Александров был также мобилизован и назначен в действующую армию в Манчжурии. Тогда он выразил желание построить на свой счет в Вильманstrandском лагере церковь. Александров на войну не поехал и действительно построил большую церковь.

{2}Как увидит читатель ниже, 6-й полк может быть назван лучшим исключительно с точки зрения его парадной вымуштрованности. Все внимание Кареева было направлено на строевую выправку и шагистику, на превращение солдата в безукоризненно действующий на смотре манекен. Поскольку же на эту сторону уходила вся энергия Кареева, офицерского и унтер-офицерского состава полка, боевые качества этого последнего были весьма незавидные. Ред.

{3}Офицеры, бывшие на лучшем счету у Кареева, зарекомендовали себя на войне плохо: характерным для них было отсутствие инициативы и морального импульса, очковтирательство и бюрократический подход к делу. Напротив, офицеры, для которых режим Кареева казался невыносимым, показали себя много лучше.

{4}Это заявление А.А.Свечина должно быть взято под величайшее сомнение. Во всяком случае, отсутствие у солдат "злого чувства" к Карееву могло показаться лишь наблюдателю, судившему об этом по внешнему виду солдат, не имевшему возможности войти в "нутро" солдатской массы (а такой возможности у автора конечно не было). Внешне все обстояло благополучно. Еще бы: метод Кареева вернее говоря Кареевых — жестоко и сурово вправлял солдат во внешне послушные и спокойные шеренги. Суровая же расправа солдатских масс с Кареевыми после Февральской революции 1917 г., несмотря на скорпионы приказов Временного правительства и агитацию полковых, дивизионных и прочих соглашательских комитетов, показала, в какой степени этих "злых" чувств "не было". Ред.

{5}Очень сомнительно, чтобы унтер-офицеры из школы Кареевых добивались "полного уяснения солдатом его обязанностей" при системе подготовки старой русской армии без рукоприкладства. Если официально рукоприкладство и преследовалось Кареевым "жесточайшим образом", то системой круговой поруки это "полное уяснение солдатом его обязанностей" достигалось ценой полного принижения человеческого достоинства солдата. Ред.

{6}Не "крепко спаянный", а крепко внешне вымуштрованный

— так было бы вернее. Конечно такой полк не мог похвастаться тактическими достижениями, если у солдат убивали всякую инициативу, если принижали его человеческое достоинство, если ничего кроме страха по отношению к начальству у него не было. Ред.

{7} Последняя ступень карьеры Кареева — назначение начальником петроградского гарнизона в последние месяцы перед Февральской революцией. Начальство стремилось использовать таланты Кареева для борьбы с распущенностью гвардейских запасных частей. Это назначение оказалось неудачным. Карееву труднее чем кому-либо другому давалось уяснение требований времени и совершенно изменившейся обстановки.

{8} Все даты в этом труде по новому стилю. Чтобы не пестрить изложения, я и в приводимых в кавычках документах перевожу все даты на новый стиль, а также согласую транскрипцию названий населенных пунктов в них с двухверстной картой, хотя распоряжения часто отдавались по трехверстке, на которой транскрипция названий резко отличается.

{9} В 1917 г., будучи командиром 5-й армии, он пригласил меня начальником штаба армии и впоследствии, когда Корнилов предложил мне должность ген. квартирмейстера Ставки, уговорил меня остаться в 5-й армии.

{10} В оценке причин слабой боеспособности старой русской армии т. Свечин исходит из того понимания общественных отношений в стране и армии, которое у него было в бытность его командиром полка. Вот почему это объяснение по меньшей мере недостаточное. Основной, коренной причиной слабой боеспособности русской армии и в японскую и в империалистическую войну было то обстоятельство, что русская армия, состоявшая в громаднейшем и преобладающем своем большинстве из крестьян, — по своему классовому назначению должна была быть вооруженным оплотом помещичьей диктатуры. Это основное противоречие до некоторой степени перекрывалось свирепым режимом в армии, тяжелой муштрой солдата, его религиозным воспитанием и внедрением в крестьянские массы солдат "истин" о "внешних и внутренних" врагах в урашовинистическом, антисемитском, истиннорусском, соответствующем классовым интересам помещиков, освещении. Однако, по мере того как классовое сознание масс поднималось вверх (особенно после русско-японской войны и революции 1905 г.), это противоречие все в большей и большей степени давало свои ощутимые результаты. Солдат видел в лице офицера

представителя угнетательского командного класса, он не знал, зачем и почему он дерется. О какой боеспособности можно в этом случае говорить? Ред.

{11}В предыдущем примечании мы говорили о содержании той "целеустремленной работы" командования, которая имела своим назначением ступенчатое, перекрытие противоречия между социальным составом армии и ее классовым назначением. Тов. Свечин раньше других понял всю неустойчивость старой "аргументации" и старых методов подчинения солдатских масс командному составу и, как мы это увидим ниже, перестроил систему воспитания солдат под углом приспособления к новым условиям и новой обстановке. Для этой цели он использовал мелкобуржуазную интеллигенцию, попавшую в прапорщических чинах к нему в полк (учителя, статистики, студенты, мелкобуржуазные социалисты и т. д.), смотрел сквозь пальцы на их полуоппозиционную по отношению к царскому правительству "политработу" среди солдат. Конечно минус (с точки зрения интересов господствующего класса), каким являлась робкая агитация мелкобуржуазных прапорщиков, в значительной степени перекрывался ярко-оборонческим характером всех их бесед с солдатскими массами. А это в конечном счете и решало вопрос с точки зрения командира полка: полк все же сохранял боеспособность и служил таким образом целям господствующего класса. Ред.

{12}Дело не в непрерывном притоке "свежего человеческого материала". Российское самодержавие совершенно не скупилось на поставку пушечного мяса однако оно было разгромлено в пух и прах. Старая русская армия морально израсходовалась задолго до того времени, когда вообще можно было говорить об исчерпании человеческих ресурсов (сиречь рабоче-крестьянских жизней) России. Красная армия, сражавшаяся в значительно более тяжелых материальных условиях, наоборот, с каждым годом накапливала свой моральный "капитал" и вышла из гражданской войны морально крепкой и устойчивой. Нельзя следовательно ставить вопрос о моральной устойчивости войск только в зависимость от притока "свежего человеческого материала". Ред.

{13}Это метафизика. Если бы это было так, все государства посылали бы на командные должности седых или седеющих людей — и вопрос о подборе командных кадров решался бы очень просто. Пусть не смущаются наши молодые рабоче-крестьянские командиры рот, полков, дивизий: дело не в седых волосах. Ред.

{14}Очень крепко, но не верно. Кроме лживой истории мировой войны, есть и правдивая история, которую наши

командные кадры должны непрерывно изучать. Ред.

{15}Автор в настоящей главе рисует отрицательное отношение командного состава своего полка к тем помещикам, которые имели усадьбы и имения в пунктах сосредоточения полка в разные периоды его боевых действий. Такое отрицательное отношение было свойственно лишь единицам из среднего и старшего командного состава старой армии, и то, что описывает т. Свечин, отнюдь не характерно для массы офицеров. Более того: эти последние верой и правдой служили помещицкому классу и были его представителями в армии. Кроме того, надо иметь в виду, что все помещики, о которых нам повествует т. Свечин, — польской национальности. Поэтому здесь решающую роль играла национальная неприязнь, а не классовая вражда офицерского состава полка к помещику. Ред.

{16}Я не останавливаюсь подробно на укомплектовании полка. Оно имело чисто крестьянский характер. Если и имелись рабочие, как Штукатуров (Путиловского завода), то эти рабочие продолжали сохранять крестьянские наделы и находились во власти крестьянских настроений. При первой мобилизации процент рабочих в полку был выше, но вследствие мобилизации промышленности, в дальнейшем полк пополнялся только крестьянами; а первоначально взятые рабочие или погибли в первых боях, или переработались в унтер-офицерский состав полка. Первоначально полк был укомплектован преимущественно крестьянами Новгородской, Вологодской, Ярославской губерний. В дальнейшем пополнения поступали без разбора, но, при нахождении полка в состав Юго-западного фронта, с сильной пропорцией украинцев и молдаван. Последние были самые рослые, красивые брюнеты: при разбивке по ротам я назначал их в самую парадную 1-ю роту полка, пока командир последней не взмолился — в бою руководить ими было труднее. Украинцы всегда брали призы на конкурсах песенников и давали большой процент унтер-офицеров; не было никаких оснований жаловаться на них, за исключением призванных из Новомосковского уезда: у последних были некоторые пораженческие тенденции; однажды полевой караул в составе 5 новомосковцев ушел в спокойное время к австрийцам и сдался в плен. Северяне — вологодцы, новгородцы, ярославцы, уцелевшие в первый год войны, к моему прибытию составляли кадр различных команд полка — конноразведчики, телефонисты, писаря, пулеметчики, связные; но в общем уроженцы всех губерний были настолько перепутаны по ротам и командам, что местная окраска настроений нигде не выделялась — полк представлял крестьянство в целом.

{17}Солдатской массе нужно было не невесомое

"подчеркнутое уважение к крестьянству", а более реальные вещи, как-то: прекращение бессмысленной бойни и земля. Мы охотно верим автору, что указанное "подчеркнутое уважение" было у всех "лучших, боевых офицеров полка". Но нас в значительно большей степени интересует вопрос — поддержали ли эти лучшие боевые офицеры требование солдатской массы о мире и земле после революции Февраля 1917 г.? Вот это сомнительно. Впрочем будем ждать дальнейших повествований автора о 6-м Финляндском полку за период от февраля 1917 г. до октября. Ред.

{18}Это увлечение, так как зная старой русской армии было знаменем полного игнорирования "крестьянских интересов". Ред.

{19}Это также увлечение. "Занять чисто крестьянскую позицию" это в переводе на язык действительности означало бы требование конфискации помещичьей земли в пользу крестьянства. Посмотрим на последующей истории полка, как отнеслись офицеры к большевистскому лозунгу о конфискации помещичьих земель. А пока отметим, что расквартирование штаба полка в поповском доме, а не в помещичьем фольварке еще не означает перехода штаба полка на "крестьянские позиции". Все же мы не можем отказать командиру полка в остроумии и в известном политическом такте: своеобразный "обход" помещичьих фольварков и демонстративный отказ от гостеприимства помещиков мог создать известную популярность командиру полка в солдатских массах, не разбиравшихся в тонкостях подобных политических ходов. Ред.

{20}Великолепная иллюстрация результатов "энергичной и целеустремленной работы" командного состава старой русской армии (см. стр.11 и примечание к ней). Ред.- (в этом издании стр.10 и 1-е примечание соответственно. — Прим. публикатора).

{21}В гражданскую войну Марушевский явился главнокомандующим Архангельским фронтом белых.

{22}Служил впоследствии инспектором пехоты одной из красных армий, умер в 1919 г. от тифа.

{23}Красовский — впоследствии адъютант политического отделения штаба 5-й армии — вел переговоры от имени командующего армией у Болдырева с главноверхом Крыленко.

{24}Отношение ко мне прапорщиков видим из следующей записи дневника В. К. Триандафиллова от 10 февраля 1917 г. "Вчера провожали Свечина. Грустно. Эланский сказал, что провожаем человека, который ценил не гг. офицеров и гг. прапорщиков, а защитников родины".

{25}Это было допустимо в 6-м полку, при его высокой стойкости. Вопрос такта. Командиру 7-го полка следовало располагаться подальше и быть во всеоружии, чтобы не попасть

впросак.

{26}В "Архиве революции" Гессена — взятие Даниловым в плен красного генерала Николаева, налеты и пр.

{27}Корни антисемитизма лежали очевидно не в тех или других предрассудках, а в борьбе русской буржуазии за свою монополию, и в организации и консолидации во время борьбы с еврейством всех контрреволюционных сил. В тексте я привожу лишь мысли, сказанные мною евреям при приведении их к присяге, которые конечно не имели целью исчерпать вопроса. Авт.

Корни антисемитизма не "очевидно", а безусловно лежат не в предрассудках, а в определенных классовых интересах. Помещичья диктатура бешено развивала антисемитизм, организовывала погромы, распространяла клевету на евреев в целях отвлечения народного гнева от себя и направления его в наиболее безопасную для своих интересов сторону. Точно так же и теперь, при обострении классовой борьбы в стране, вызванной победоносным социалистическим наступлением, капиталистические элементы города и деревни пускают в ход оружие антисемитизма в борьбе с советской властью. Ред.

{28}Чем более тусклым является в нашем сознании представление о государственности, тем глубже проникает всю отчетность гражданская война за интересы полка против контроля. Победа над контролем — это типичная победа бессознательности.

{29}Baruch Spinoza, Tractatus politicus (opera postum, 1677, гл.6, 31). Ссылка специально для педантов.

{30}В феврале 1917 г., когда я организовывал 2-ю Черноморскую дивизию в Севастополе, я получил вместо многих предметов снабжения большие суммы на формирование дивизии. Сразу их истратить по назначению не представлялось возможным, а покупательная сила рубля с каждым днем падала. Мой дивизионный интендант предложил мне обратить деньги дивизии в предметы более или менее широкого потребления, чтобы затем, по мере нужды в деньгах, продавать их и, таким образом избежать потери на обесценении рубля. Я разумеется отказал, но такие мероприятия, вносящие полную дезорганизацию в рынок, быстро распространялись в конце мировой войны и в годы военного коммунизма.

{31}При разработке 2-й части нашего труда мы использовали несколько сот дел и полевых книжек Военно-исторического архива за август и сентябрь 1915 г. штаба 10-й армии, V Кавказского, V армейского, III Сиб., гв. корпусов, 2-й и 4-й Финляндской, Сводной пограничной, 124-й, 2-й гв., 7-й и 8-й Сиб.

дивизий, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й Финляндск., 4-го пограничного, 494-го, 27-го и 28-го Сиб. полков, 2-го Финл. арт. дивизиона, 65-й арт. бригады. Из напечатанного материала мы пользовались только дневником Штукатурова, и так как архив Ставки мы не изучали, то и частью IV стратегического очерка войны 1914–1918 гг., составленной А. Незнамовым (Москва, 1922 г.). При изучении действий немцев мы использовали труд Большого генерального штаба "Die Schlachten und Gefechte des Grossen Krieges 1914–1918" (Берлин 1919), представляющий не полный перечень частей, участвовавших в различных боях, и часть 2-ю II тома труда М. Schwarte, der grosse Krieg 1914–1918; к сожалению этот труд включает много неточных дат, неверных номеров дивизий и внутренних противоречий. Некоторые поправки нами взяты из труда М. von Poseck., Die Deutsche Kavallerie in Litauen und Kurland 1915 (Берлин 1924), и von Borries, Heereskavallerie im Bewegungskriege (Берлин 1928).

В моем распоряжении, и моменту корректуры, оказалось несколько копий ценных германских документов, хранящихся в рейхсархиве.

{32}Ген. Григорьев иногда выступал в печати со статьями совершенно скандальной глупости, недостатки его мышления были общеизвестны. Но почему-то, очевидно среди принципиальных противников диалектики, создалось убеждение, что человек определенно глупый должен быть упорным; поэтому его держали комендантом важной крепости, с массой технических средств. Инженерам, перестраивавшим при нем крепость и израсходовавшим полусотню миллионов, жилось при нем привольно, и они его похваливали. За месяц до атаки крепости строевые начальники обратили внимание на отсутствие работы по организации обороны Ковны и на нелепый и не отвечающий опыту войны характер возведенных между фортами укреплений и окопов. Один энергичный генерал подал об этом главнокомандующему Северо-западным фронтом рапорт. Этот "донос" был встречен Алексеевым неприязненно. Чтобы бюрократически ликвидировать его, Алексеев назначил комиссию в составе одного слишком опытного в крепостном строительстве военного инженера Колоссовского, строителя Гродны, и одного совершенно неопытного и легкомысленного офицера ген. штаба, П. Совершив приятную поездку в Ковну, они доложили, к удовольствию Алексеева, что все обстоит нормально. Гродна конечно не желала обличать Ковну, так как могла получить ответ — а у вас разве лучше.

{33}Эта завеса, в частности Кубанская казачья дивизия Тюлина, несла добросовестно тяжелую сторожевую службу.

Единственный немецкий разъезд, направленный для взрыва железной дороги Ковна — Вильна и прорвавшийся в тыл, был уничтожен до последнего человека, прежде чем успел что-либо сделать. Однако один слух о появлении немецких разъездов в тылу открыл уже путь к выявлению нездоровых явлений. Развращенный драгун из эскадрона Ставки, который должен был отвести мне походным порядком мою лошадь из Вильны в Вилькомир, счел возможным продать свою лошадь и седло, поставил мою лошадь на кормление к крестьянину, уехал на вырученные деньги на 2 недели в самовольный отпуск к себе в деревню, потом доставил мою лошадь в 6-й полк на Мейшагольскую позицию, и поспешно скрылся в Ставку, сообщив, что немецкий разъезд отбил его лошадь. Я писал об этом коменданту Ставки ген. Сахновскому и требовал предания суду драгуна, продавшего лошадь и спекулировавшего на слухах о немецком разъезде. Ставка меня дважды просила смягчить мои письменные показания; получив мой отказ, комендант Ставки вынужден был передать дело суду; по нашему мягкосердечию драгун отделался назначением в действующий кавалерийский полк. Наличие в тылу разложившихся элементов в сильнейшей степени усиливает значение прорыва даже малых кавалерийских частей — они позволяют многое вывести в расход.

{34}Из телеграфного разговора Шокорева, ген. — кварт.10-й армии, и начальника штаба II корпуса (II корпус прибыл в район левого фланга XXXIV корпуса). Н.Г.Семенов 31 августа говорил: "Наши дружины горестны; когда их вчера направили для заполнения промежутка у Лейтуны, солдаты плакали, офицеры тоже не были на высоте положения. Офицер генерального штаба приданной нам ополченческой бригады говорил, что достаточно одного чемодана, чтобы дружинники рассеялись. Сегодня дружины отведены для укрепления тыловых позиций".

{35}Абстрактный характер нашего оперативного управления может быть иллюстрирован следующим примером: в 2 ч. 55 м. 22 августа Вебель в телеграфном разговоре с начальником штаба 5-й армии Поповым просил разрешения отойти на тыловую позицию, куда фактически войска корпуса и скатились через 2 суток; ведь все отходят — кто медленнее, кто скорее. Попов с ним не согласился — это было бы слишком поспешно. Подходят V корпус и гвардия. Вебель указывает, что Альфтан (65-я дивизия) и Мадритов (56-я дивизия) сражаются героически, но отходят. Попов спрашивает, какие германские части наступают. Вебелю последнее не известно, так как пленных нет вовсе. 23 августа в 2 ч. 40 м. и 8 ч. 30 м. утра штаб корпуса XXXIV сообщает о продолжающемся отступлении, а в 11 ч. 45 м. Вебель, очевидно

чтобы снять с себя ответственность за отступление, сообщает, что он предписал всем перейти в общее наступление. Этот приказ конечно никем исполнен не был, и Вебель себя только дискредитировал в глазах подчиненных; отступление продолжалось 124-й и 104-й дивизией; вечером 23 августа отход на укрепленную тыловую позицию, продолжавшийся полным ходом, был наконец разрешен командующим 10-й армией. "Стойкости" в русском командовании было хоть отбавляй!

{36}XL германский резервный корпус, с большим трудом преодолевший сопротивление 56-й и 65-й русских дивизий у Кошедар, 23 августа окончательно выдохся; дальнейшее наступление немцев переместилось к западу и велось ХХI германским корпусом, перешедшим через р. Неман у м. Прены.

{37}Такова была точка зрения Людендорфа; Фалькенгайн предпочитал прорыв русского фронта у Оран, который обещал более ограниченные, но верные результаты.

{38}Связь отсутствовала в течение всего 24 и 25 августа, при наличии исправных телеграфных проводов, по которым и штаб 2-й Финляндской дивизии, и штаб ХХХIV корпуса сообщались со штабом 10-й армии. Штаб ХХХIV корпуса явно не справлялся с управлением 8 и 9 дивизиями, временно влившимися в корпус и разбросанными на фронте в 70 км. Генерал Олохов (командир гвардейского корпуса), посетивший 24 августа ХХХIV корпус, доносил командиру армии: "Связи с 124-й и Финляндской дивизией, равно с Тюлиным и III Сибирским корпусом установить не удалось".

{39}Разговор по телеграфу капитана Раттеля (штаб 10-й армии) и капитана Сибирского (штаб V корпуса) 25 августа 8 ч. 25 м. вечера: "Начальник штаба (армии) просит спешно сообщить, вошли ли вы в связь с 2-й Финляндской дивизией и какие отдали ей распоряжения?" "Нет, не вошли". "Почему?" "Только что указан провод, но не получили еще (его?); относительно провода мы получили номер его, но не получили еще (указаний?) для розыска этого провода". "Надо принять самые решительные меры, войти в связь с 2-й Финляндской дивизией, так как ей действия с вашим корпусом приобретают в настоящий момент важное значение". "Прикажите заведующему связью армии указать положение провода. На Мейшаголу высылается разъезд для связи. Ввиду новых сведений о ген. Тюлине дать ему задачу и войти с ним в связь можно будет только не ранее завтрашнего дня, для чего высылается разъезд". Разъезды там, где хорошие постоянные провода протягивались между штабами! А между тем штабы имели большой опыт, а штаб V корпуса, в частности, работал очень хорошо.

{40}Застрелился в 1917 г. после неудачи похода Корнилова на Ленинград. Ген. Казнаков был начальником 1-й гв. кав. дивизии; начальником штаба у него был Матковский, профессор тактики конницы академии ген. штаба. Задача справиться с управлением массой конницы (до 5 дивизий) оказалась не по плечу профессору Матковскому.

{41}Полк располагал командой конных разведчиков в 57 человек, несмотря на это боковая разведка и охранение хотя бы на удалении 1 — 2 км в сторону открытого фланга не существовали. Такое нарушение элементарных уставных (даже того времени) требований имело широкое распространение в царской армии. Халатность и недомыслие в деле разведки и охранения, имевших место в царской армии, зачастую приводили к внезапному обстрелу полковых колонн не только действительным артиллерийским, но зачастую даже и пулеметным огнем и влекли за собой в лучшем случае замешательство, в худшем — панику и даже пленение. Солдатская масса, испытав на "своей шкуре", отлично понимала непригодность своих старших командиров к умению организовать службу обеспечения (разведка, охранение, наблюдение) и в силу этого крайне болезненно реагировала даже на всякий слух о появлении противника где-либо на фланге и тем более в тылу. Законное недоверие к способности старших начальников организовать обеспечение флангов и даже тыла настолько глубоко вкоренилось в сознание рядового бойца и младших начальников, что даже в период гражданской войны вздорный или провокационный крик: "Обошли фланг" являлся поводом для отхода больших подразделений. Понадобился широко маневренный и напряженный период 1919 г., период широкого использования конницы для охватов, чтобы перевоспитать бойца и командира — дать ему уверенность в возможности вести борьбу даже в таком, действительно невыгодном, тактическом положении, не разбегаясь панически от одного слуха о появлении противника на фланге. Ред.

{42}Мы не разделяем точки зрения автора. В этом случае нужно было бы скорее осуждать себя за допущенный грубый тактический промах и постараться немедленно исправить его, чем изображать собой разведчика. Солдатская и, главным образом, офицерская масса не высоко ценила личную храбрость старшего начальника без достаточной распорядительности и предусмотрительности. Ред.

{43}Вероятно дозор от головных частей 4-й германской кавалерийской дивизии.

{44}В районе Видишки находилась пехотная дивизия

Бекмана; из Вилькомира и в районе Побойска на фронт Тюлина наступала 3-я кавалерийская дивизия; в районе р. Ширвинты наступал VI конный корпус генерала Гарнье (1-я и 4-я кавалерийские дивизии, отряд Эзебека, переформированный впоследствии в 16-ю ландв. дивизию).

{45}Снова командир 6-го полка допускает грубейшую ошибку, проявляя излишнюю нервность и стремление командовать отдельными ротами, реагировать на каждый выстрел, всюду лично присутствовать, — а по существу теряет управление. Последующее изложение автора показывает, что только счастливая случайность спасла полк от разгрома и пленения. Кто был бы виноват? Ред.

{46}Галиоф, поляк, агроном по образованию, через 2 недели был назначен командиром обоза II разряда и прекрасно справлялся с обозным делом до конца войны. В 1921 г. я его встретил на Арбатской площади, в Москве он был секретарем польской миссии.

{47}Здесь автор очевидно сознательно и в собственных интересах недооценивает значения боевого охранения, — необходимость возможно дольше не допускать противника к переднему краю обороны. Ред.

{48}Обращаем внимание читателя на исключительно ложное освещение событий в донесениях штабов. 6-й полк взводом разведчиков овладевает занятым разведчиками противника селением; штаб дивизии доносит о переходе в наступление всего полка, штаб армии сообщает (стр. 89) об атаке и обнаруженных крупных силах противника, расположившихся на позиции. А в действительности противник, установив при посредстве разведки соприкосновение с оборонительной позицией русских, совершал перегруппировку для того, чтобы на следующий день начать наступление. Ложь в донесениях штабов, преувеличение незначительнейших успехов и замалчивание даже крупных поражений, возведенные в культ в штабах царской армии, сильно подрывали и так малую боеспособность последней, порождая взаимное недоверие, непонимание и ложное представление о событиях. Отсутствие правильной ориентировки снизу вверх и обратно, без чего невозможно принимать правильное решение и проводить бой своей части, стремясь достигнуть общей цели, заставляли каждую часть (в лучшем случае дивизию, в большинстве же случаев полки) драться только для себя, — узко в рамках своей задачи, забывая о взаимодействии — помощи соседу, взваливая на последнего в нужных и ненужных, благоприятных и неблагоприятных случаях вину за неуспех. Ред.

{49}В дальнейшем оно только росло. 16 сентября начальник

штаба 10-й армии вынужден поставить вопрос достаточно резко: "Ген. Истомину. Командующий армией обращает ваше внимание на недопустимость такого перемешивания частей, которое допущено вами на вашем фланге. 204-й полк он вам дал для восстановления положения, утраченного пограничниками, не для распыления по-батальонно по всему фронту. Необходимо принять меры к устранению. 16/IX. 1 ч. 15 м. Попов".

{50}Обращаем внимание читателя на очевидно недопустимый способ воздействия на самострелов. Способ этот, кроме нарастания недовольства, дезертирства и более осторожного самострельства, ничего не влек за собой. Самострельство имело широкое распространение в царской армии. Характерным показателем этого являлось то обстоятельство, что самострельство имело место главным образом в периоды окопных сидений. Солдат, заброшенный в окопы, к тому же в большинстве случаев совершенно не благоустроенные, был предоставлен самому себе. Грязь, плохая заботливость командиров, отсутствие общения с внешним миром и культурных развлечений, обособленность групп командного состава (по землянкам), письма родных из дому, — все это в совокупности нарушало психическое равновесие бойца. Если же прибавить еще к этому зачастую абсолютное непонимание бойцом целей борьбы и лишений, то нужно признать, что самострельство в мировую войну было актом, на который шла наиболее пассивная (менее сознательная) часть солдатской массы. Более решительный, — способный на протест — дезертировал; боец же, осознавший цели войны, полную их враждебность своим классовым интересам — обычно сдавался в плен. Командир 6-го Финляндского полка, будучи в то время неважным психологом и к тому же совсем плохим политиком, пошел в борьбе с самострельством по линии наименьшего сопротивления, применяя очевидно паллиативные мероприятия. Ред.

{51}По немецким данным, с. Малюны атаковал ландштурм, который далее захваченных окопов не продвинулся; в район с. Гени ночью проникли, повидимому, только разведчики; последнее, впрочем, теперь становится мне сомнительным.

{52}Какой же урок должен вынести читатель из вышеописанного печального тактического эпизода? Командир 6-го полка, попивая чаек, равнодушно и даже злорадствуя наблюдает за событиями, развивающимися у своего непосредственного соседа, ограничившись, скорее в целях собственной самозащиты, указанием горной батарее об открытии огня по соседнему участку. Получается свыше приказ о

содействии соседу, выделяются небоеспособные подразделения на основании весьма неоправдываемых рассуждений командира полка о том, что если бы передали ему этот участок, то он поступил бы иначе. Как нужно поступать с такими командирами полков? — В лучшем случае немедленно отстранить от занимаемой должности, придав широкой — общearмейской гласности. Факт злостного нарушения элементарных тактических правил, — отсутствия инициативного оказания помощи соседу. Ред.

{53}30 августа в 4 ч. 30 м. утра, т. е. за час до начала атаки гвардии, штаб дивизии за № 91/н доносил начальнику штаба V Кавказского корпуса, что 6-й полк, фланг коего обнажен, начал отход на Шавлишки — Левиданы.

{54}Немецкое командование осведомилось о сосредоточении у Вильны нового корпуса только 29 августа, в день занятия гвардейским корпусом исходного положения для атаки.

{55}См. черт. 2.

{56}Дела разведывательного отдела штаба 10-й армии мной не разысканы.

{57}В 495-м полку имелось всего 4 офицера и 649 штыков; частью он был вооружен берданками; репутация — нехорошая. Впрочем и в 494-м полку, лучшем в дивизии, имелось только 6 офицеров, считая командира полка и адъютанта и командира батальона; таким образом на 2 сводных роты оставалось только по 1 офицеру.

{58}Читателя, несомненно, заинтересует следующая выписка из журнала военных действий 38-го ландверного пехотного полка за 30 августа 1915 г., освещающая очерченный бой со стороны немцев, полученная мною, когда труд уже находился в наборе. (Оригинал в рейхсархиве, названия пунктов мной изменены применительно к схеме.) 30 августа 1915 г. противник, находившийся против полка, очистил свою позицию. I и III батальоны тотчас же получили приказ перейти через р. Дукшта и занять неприятельскую позицию.

Батальоны сперва выслали для разведки дозоры и затем заняли неприятельскую позицию. Командование дивизией отдало приказ, как только противник очистит свою позицию, следовать за ним по пятам до линии Леменишки (0,5 км западнее Адамчишки. — А. С.) — Гени.

Во исполнение этого приказа были отданы распоряжения для дальнейшего продвижения I и III батальонов; находившийся в резерве в д. Ойраны (1 км севернее Вайсенишки. — А. С.) II батальон был двинут через р. Дукшты к фольварку, что северо-западнее Благодатное (окоп Ходского. — А. С.). Штаб полка

переехал сначала к югу от с. Малюны, а затем в Тржецякишки.

Продвижение I и III батальонов происходило на широком фронте, в редких стрелковых цепях, и не встречало сопротивления противника.

Селения Дукшты и Благодатное были заняты; мы достигнули линии з. Кармазин — высота южнее Шавлишки; в это время левый фланг III батальона начал обстреливаться с высоты 75,6 северо-западнее (очевидно, северо-восточнее. — А. С.) Гени (эта высота лежит как раз между селениями Гени и Утеха.-А. С.) и продвигался вперед не так быстро.

Примыкавший слева к полку ландштурм оставался в занимаемом им у с. Кемели расположении; таким образом полк продвигался, имея свой правый и левый фланг незащищенными; справа опасность не грозила, так как фланг примыкал к р. Вилии. Невыгода открытого левого фланга скоро дала себя чувствовать. Неприятельские стрелки выдвинулись с высоты 75,6 северо-западнее Гени против левого фланга III батальона и грозили охватом.

Командование полком поэтому немедленно двинуло 2 роты из II батальона, находившегося в резерве в фольварке северо-западнее Благодатное, в направлении на высоту 75,6, для охранения левого фланга полка. Вскоре затем, около полудня, был получен от командования дивизии срочный приказ немедленно отрядить один, а если, возможно, то и два батальона, и направить их через з. Поиодзе (направление на Явнюны. — А. С.) на Зелуске (на русской карте неразыскано. — А. С.).

Находившийся в том районе кавалерийский корпус был атакован превосходными силами и находился в бою с русским гвардейским корпусом; ему была необходима быстрая помощь. Вывести батальон из состава полка было трудно; это являлось возможным лишь в отношении II батальона. Обе роты, выдвинутые для охраны левого фланга полка в направлении на высоту 75,6, были сначала отведены обратно; затем весь II батальон, с пулеметами, двинулся на Зелуске.

Вследствие этого, полк, одиноко наступавший с непримкнутыми к соседям флангами, находился под сильной угрозой русских, продвигающихся в направлении Гени.

Поэтому III батальону было приказано сначала несколько отвести назад свой левый фланг, чтобы помешать охвату его русскими, и затем, если возможно, всем батальоном, в связи с I батальоном, занять находящуюся в тылу позицию на линии Дукшты — фольварк северо-западнее Благодатное — Тржецякишки. I батальон также получил приказ — примкнуть к отступательному движению III батальона.

Наша артиллерия, выехавшая до полудня через р. Дукшты на высоты по ту сторону ее, и расположившаяся в районе с. Дукшты, не установила никакой связи со штабом полка (за 3 часа, при удалении всего на 1 км! — А. С.), хотя она и была подчинена командиру полка. Вследствие этого не было возможности ни поставить артиллерии какую-нибудь задачу, ни сообщить ей о своих намерениях.

Получив приказ по полку, командир III батальона распорядился об отходе своего батальона на находившуюся в тылу бывшую русскую позицию, не вступив предварительно в связь с I батальоном. Когда часть III батальона начала отходить назад, густые цепи русских внезапно из леса, что южнее Шавлишек (Ходский и I батальон 6-го полка. — А.С.), двинулись в атаку. Командир III батальона не имел более возможности отдать соответственный приказ для отражения этой атаки; русские вплотную напирали с величайшей стремительностью, и имели значительное численное превосходство. Таким образом артиллерия, желавшая возможно дольше сдерживать своим огнем атаку противника, не смогла своевременно отойти. Пересеченная ложбинами местность позволила пехоте быстро и частично пользуясь укрытиями отойти; но артиллерии пришлось оставить 5 орудий, которые попали в руки неприятеля.

Так как I батальон был совершенно не осведомлен о намеченном отступлении III батальона, которое получило теперь весьма быстрое осуществление, то он внезапно увидел себя охваченным с левого фланга крупными неприятельскими силами и смог уклониться от больших потерь лишь посредством поспешного отхода назад; все же при этом некоторая часть его бойцов и командир батальона были захвачены в плен.

Потери: I батальон — один офицер ранен, два пропали без вести; унтер-офицеры и солдаты — 12 раненых, 49 пропавших без вести; III батальон — унтер-офицеров и солдат: раненых 44, пропавших без вести 20, убитых 7; пулеметная рота — 6 раненых, 2 убитых; итого 63 раненых, 71 пропавших без вести, 9 убитых.

III и I батальоны достигли своей старой позиции севернее Дукшты и опять засели на ней. Противник далее не напирал, задержавшись на своей бывшей позиции.

Штаб полка, после того как части полка были приведены в порядок, отошел вновь в с. Ойраны.

31 августа 1915 г. (на следующий день после боя) состав 38-го ландверного пехотного полка (всех трех батальонов был следующим: на довольствии — 35 офицеров, 1 811 солдат, 339 лошадей; боевой состав — 24 офицера, 1 497 солдат; количество винтовок, которое он может выставить в окопах — 1 149; больных

при околотке — 65.

Предоставляем читателю самому сравнить это умно, но далеко не искренне написанное командованием ландверного полка объяснение своей неудачи с нашим изложением.

{59}Короткие учения в перерыве между боевыми действиями совершенно необходимы для борьбы с разболтанностью и должны иметь по преимуществу характер муштровки. Разумеется, среди стрелков они не могли пользоваться популярностью, и стрелки острили, что "если немцы узнают, что наш полк сегодня учился, то сейчас же разбегутся"; опять "ведут в баню" (дневник Штукатурова, "Военно-исторический сборник", вып. I, стр. 110).

{60}Ниже на нескольких страницах изложены события, имевшие место на подступах к Вильне в конце августа и в начале сентября. О 6-м Финляндском полке почти ничего не говорится. Здесь выявлены и подчеркнуты слабые стороны частей, которые вели бой по соседству с 6-м Финляндским полком, или изложены действия высших войсковых соединений и главного командования обеих сторон. Хотя многое из всего этого не имеет отношения к теме, текст т. Свечина вследствие интереса его рассуждений и впечатлений, напечатан без изменений. Ред.

{61}Здесь ряд неточностей: 1) со 2 по 12 сентября снаряды батареям могли быть подвезены, 2) трудно представить себе тесную зависимость между числом снарядов, выпущенных двумя батареями, и фронтовой операцией. Как известно, в снарядах тогда ощущался острый недостаток, подвоз их налажен не был, и нередко целые дивизионы по неделям имели лишь запас в орудийных передках (по 36 патронов на 76-мм пушку). Да и почему штаб 2-й Финляндской дивизии обратил внимание на бездействие командиров дивизионов только 2 сентября, а не раньше? Ред.

{62}К моему удивлению пограничники очень неплохо сражались, отстаивая бывший участок 6-го полка: XXI германский корпус атаковал пограничников и гвардейских стрелков 9 сентября и после почти непрерывных боев в течение целой недели, в которых участвовала сильная немецкая артиллерия, немцы сумели потеснить русский фронт только на 4 км, на ту самую позицию у Леvidан, куда 6-й полк отходил в ночь на 30 августа; особенно хорошо дрались части 4-го пограничного полка. Ничего похожего на ковенскую панику не было. Организация позиции 6-м полком и кое-какие его уроки не прошли даром. Правда, пограничники получили подкрепление, но в виде очень разрозненных частей 4-й Финляндской дивизии.

{63}Мне представляется ошибочным способ использования гвардии в 1915 г. Она вводилась в бой на очень важных участках

конечно, но совершенно самостоятельно, несла большие потери, обращалась в такой же потухший вулкан, как и другие корпуса. От раздвигания своих частей по отдельным полкам гвардия энергично и успешно защищалась. А мне кажется, что в условиях лета и осени 1915 г., при общем разложении армии, последний путь представлялся бы более выгодным. Присутствие гвардейских частей в тылу многих дивизий, вроде 124-й, позволяло бы поддерживать в них порядок, являлось бы новым импульсом для энергичного напряжения сил.

Гвардейские стрелки в конце сентября представляли уже совершенно негодные части, и тем не менее наличие их в V Кавказском корпусе оказывало известное влияние, за ними гонялись и стремились получить их на свой участок.

{64}И здесь, как и в других местах своего труда, т. Свечин говорит о своем 6-м Финляндском полке любовно. Все в полку было в порядке. Полк был выдающийся. Все соседи во всех отношениях были менее боеспособны, беднее в хозяйственном отношении и слабее управлялись. Возможно, что это было так. Но во всяком случае не в такой степени, как об этом говорит т. Свечин. Среда, в которой находился 6-й Финляндский полк, не могла не влиять на состояние этого полка. А во-вторых не ясно, какими мероприятиями, да еще в столь короткий срок, т. Свечин достиг поднятия своего полка на такую недостижимую высоту. Ред.

{65}См. черт. 1.

{66}"Стратегический очерк войны 1914 — 1918 гг.", т. IV, стр. 110.

{67}Обвинение гвардии в стремлении не дать финляндцам батарею не обосновано. Ведь сам автор говорит, что гвардейские части были сильно потрепаны и потому естественно больше нуждались в поддержке артиллерии, чем более свежие финляндцы. Да и из текста не видно, сколько батарей поддерживали 2-ю гвардейскую дивизию, занимавшую такой же участок, как и 2-я Финляндская дивизия. Ред.

{68}Людендорф был начальником штаба у Гинденбурга. Ред.

{69}Die Schlachten und Gefechte des Grossen Krieges 1914 — 1918. Quellenwerk nach den amtlichen Bezeichnungen zusammengestellt vom Grossen Generalstab, 1919, S.159.

{70}Совершенно ясно, что командир 6-го полка не сумел установить хороших товарищеских отношений ни со штабом дивизии, ни с соседними полками. Ред.

{71}Сравнение немецкой пехоты 1914 и 1915 гг. мало убедительно. Разве немецкой пехоте в 1914 г. приходилось преодолевать при действиях в поле проволочные заграждения и

мощный огонь многочисленных пулеметов, как то имело место осенью 1915 г.? Если же в 1914 г. немецкая пехота под крепостями наталкивалась на проволочные заграждения, то движение ее вперед оказывалось возможным только после серьезной разрушительной работы немецкой артиллерии. Могла ли германская пехота в 1915 г. мало-мальски успешно вести борьбу с проволочными заграждениями и пулеметами русских, имея только свои пехотные огневые средства? Не грозило ли ей физическое истребление, если бы она имела силы идти вперед без солидной артиллерийской поддержки? В политико-моральном отношении немец 1915 г. был не ниже немца 1914 г. и лишь обучение рядового пехотинца в 1915 г. было быть может незначительно слабее, чем в 1914 г. Зато командный состав, артиллерия, пулеметчики и все технические войска были много опытнее, чем в 1914 г. Война вряд ли портит войска. Германская пехота в 1915 г. нуждалась в более солидной артиллерийской подготовке, чем в 1914 г., не потому, что вообще говоря, она сделалась хуже, а главным образом вследствие того, что средства сопротивления в 1915 г. были много серьезнее, чем в 1914 г. и кроме того она была крайне утомлена предшествовавшими непрерывными боями. Ред.

{72}Из поступившей ко мне с опозданием выписки из дневника XXI германского корпуса, хранящегося в рейхсархиве, следует, что V Кавказский корпус был атакован 145-й дивизией, гвардейский корпус — отрядом Эзебека, а 2-ю Финляндскую дивизию атаковала 77-я резервная дивизия, развернувшаяся от с. Мишкинцы до р. Вилии. Стоявший утром туман заставил отложить начало стрельбы на поражение до 11 часов. Вскоре после полудня начался штурм; дневник перечисляет ряд захваченных населенных пунктов — все они лежали по северную сторону наших окопов. Дневник указывает, что наступление замедлилось, так как русские развернули более сильную артиллерию, чем это было до сих пор (прекрасная аттестация для 10 русских пушек!) После наступления темноты русские отступили. Мой берлинский корреспондент сообщает мне, что из хранящейся в рейхсархиве переписки частей видно, что около 14 часов немцы отказались продолжать штурм, так как русские окопы были построены очень солидно и не были достаточно разрушены. Восточнее 77-й резервной дивизии группа Цеккера пыталась переправиться через Вилию, но своя же артиллерия утопила три понтона ошибочно направленным огнем, после чего переправа была прекращена (дневник XXI германского корпуса).

{73}4-я Финляндская дивизия была повидимому обижена, что ее еще считают боеспособной, и жаждала смешаться с

пограничной дивизией, отходившей с обозами.

{74}"Слободок" на 2-верстной карте много в различных местах района деятельности Флуга. Вероятно, что штаб армии имел в виду "Слободку", напечатанную жирно на 10-верстной карте, на железной дороге Вильна — Солы; во избежание сомнений, лучше было бы выбрать менее распространенное название или сделать оговорку.

{75}Столкновение четырех конных бойцов никоим образом не может характеризовать действия крупных конных масс. Поэтому попытку автора опровергнуть положения тактики конного боя на основании рассматриваемого им незначительного эпизода, — нельзя признать удачной. Ред.

{76}Насколько некоторые "усталые" начальники высоко ценили привилегию отходить не в арьергарде, а в главных силах, видно из следующего эпизода: В ночь на 24 сентября 7-й полк должен был следовать в главных силах, а 6-й — в арьергарде. В довольно темную ночь, в точно назначенное арьергарду время, когда на фронте дивизии остались только команды разведчиков, маскировавшие легкой перепалкой уход полков, я привожу полк к пункту, при прохождении которого дивизия собиралась в одну колонну. Здесь я застаю в нервном состоянии Марушевского с 2 батальонами 7-го полка: ему следовало уходить уже полчаса тому назад, его фронт очищен. а он ожидает замешкавшегося III батальона. Я предложил Марушевскому, чтобы он двигался с 2 батальонами, а затем я вытяну вдоль дороги свой арьергард, но не тронусь, пока ко мне не подойдет его батальон. На этом мы и решили. Когда запоздавший батальон 7-го полка подошел головой к хвосту 6-го полка, я двинул колонну. Все было спокойно; вдруг послышался шум и смятение: командир батальона 7-го полка подполковник Миклуха повел свой батальон бегом, чтобы обогнать колонну 6-го полка. Бледный, обвисший, задыхающийся Миклуха бежал в голове своего батальона, мои офицеры пытались остановить его, но он выглядывал так, как следовало бы высматривать при ударе в штыки, и вопил: "ваша очередь быть в арьергарде, а не наша, мы в главных силах, вперед, бегом, нас не надуешь..." Некоторые стрелки его батальона почти валились от усталости. Чтобы прекратить беспорядок, я остановил 6-й полк и пропустил батальон Миклухи, который продолжал бежать, пока не скрылся в темноте. Я сообщил об этом Марушевскому: оказалось, что Миклуха человек известный, трижды отрешался от командования батальоном, должен был итти под суд за панику, но представил свидетельство о сумасшествии. Действительно, это был психически ненормальный человек, в то же время физический трус.

Марушевский кажется его убрал, но летом 1916 г. он снова выплыл командиром батальона 7-го полка. В 6-м полку его не стали бы держать и 5 минут на взводе.

{77}Связь 28-го Сибирского полка прибыла в д. Захаришки уже в 1 ч. 15 м. утра, т. е. снялась уже накануне вечером. Цифры часов выступления и прибытия в реляциях других батальонов носят следы подчистки.

{78}В донесении Забелина, временно командовавшего 8-м полком, № 48 от 19 сентября, указано начало отхода — 3 ч. утра; время прохождения Осиновки — 5 ч. 30 м.; а он шел в затылок 7-му полку, под общей командой Марушевского (д. 363–911). Повидимому эта колонна двигалась также без привалов, и притом значительно скорее, чем 6-й полк, так как покрыла в 2 ч. 30 м. не менее 15 км. Возможно, что 7-й и 8-й полки снялись с позиции еще раньше указанного срока. А так как к своей позиции они подошли только глубокой ночью, то вероятно они производили не занятие позиции и очищение с нее, а занимались одной дипломатией.

{79}12 ч. 25 м. — 26-я дивизия отходит восточнее Дубников; 12 ч. 40 м. 104-й полк оставляет г. дв. Дубники; 13 час. — в г. дв. Дубники полк немцев, 101-й и 104-й полки в беспорядке к юго-западу.

{80}Командир I батальона 27-го Сибирского полка подполковник Элерт, в 11 ч. 10 м. доносил об отходе в беспорядке своего полка под натиском немцев. Нет причины сомневаться в показании этого заслуживающего доверия свидетеля. А из его даты видно, что неустойка 27-го полка началась позднее, чем на правом фланге 28-го полка.

{81}В первый период операции тыл немецких обходящих частей прикрывался задержанной в районе Свенцяи 9-й кавалерийской дивизией, что было крупной ошибкой и ослабляло VI конный корпус с 4 до 3 кавалерийских дивизий в самый горячий момент его работы.

{82}Французский перебежчик ориентировал германское командование, что французы перейдут в Шампани в наступление 15 сентября. Поэтому и Людендорф был заблаговременно предупрежден, что с 15 сентября у него начнут отбирать дивизии. Французское наступление запоздало на 10 дней, что позволило Фалькенгайну только 19 сентября начать уборку резервов и 25 сентября энергично ее продолжить. Если бы французы не опоздали в Шампани, Виленская операция Людендорфа была бы сорвана в самом начале.

{83}Редакция считает весьма серьезным пробелом отсутствие вполне четких сведений о работе командира полка и сотрудников

штаба полка в течение 16–19 сентября, когда полку приходилось отходить в тяжелых условиях, спешно занимать случайную позицию для обороны и вновь отходить в атмосфере общей паники. Ред.

{84}Редакция не совсем согласна с мнением автора. Неправильность указанных разграничительных линий являлась не продуктом злой воли того или иного командира корпуса, а результатом доведенной до абсурда тактической доктрины того времени, требовавшей чтобы разграничительные линии ни в коем случае не проходили по местным предметам, мешающим маневру вдоль фронта и могущим быть использованными противниками в качестве подступов. Ред.

{85}Как войска относились к болотистому характеру позиций, можно судить по донесению молодого офицера 27-го Сибирского полка, высланного через двое суток для рекогносцировки позиции для отступающего полка: "22 сентября, 9 ч. 55 м. Командиру 27-го Сибирского полка. Позиция сухая — ура! А у противника болото" (дело № 366 — 268).

{86}Дивизия была 16-батальонная, но после бегства днем много людей разбрелось, а до их возвращения некоторые батальоны по два были слиты в один сводный.

{87}21 сентября штаб армии предписал V Кавказскому корпусу даже обозы I разряда держать не ближе 8 км от фронта. Потребности войск, даже чисто боевые, безжалостно приносились в жертву свободе отступательного маневра; но одновременно подкашивалась стойкость и боеспособность войск.

{88}Находившийся 19 и 20 сентября в очень пессимистическом настроении унтерофицер 5-й роты Штукатуров занес в свой дневник: "Полк наш остановился около деревушки, где приказано было окопаться. Почва была болотистая, углубляться было нельзя: мы сделали прикрытие из нарезанных дернин. Начало темнеть. Чтобы было хоть что-нибудь видно впереди, наши (сомнительно. — А. С.) запалили близстоящую деревню. Целое море пламени бросало свет далеко вперед. Было очень холодно и шел дождь. Ноги увязали в болоте. Я было лег, но вода стала наливаться за ворот, и я страшно озяб. С наступлением ночи началась ружейная перестрелка влево от нас, но вскоре прекратилась. Оттуда передавали, что противник наступает и слышны были крики. Один наш трусишка пронзительно крикнул: "Спасайся, кто может", — но вскоре опять успокоилось. Однако прошло не более получаса времени, как открылась в ночной темноте частая стрельба. Из соседней роты нам передали, что немцы забрали одну из наших рот в плен (неверно. — А. С.) и стоят шагах в 200 от стоящей налево от нас

роты. Общее руководство всеми утратилось в ночной темноте, каждый делал, что хотел. Кто отходил, кто занимал еще окопы. Слева к нам несколько раз заходили стрелки соседней роты и просили доложить нашему ротному командиру, что им делать дальше. Но ни нашего, ни их командира не было. Недалеко от нас раздался возглас из цепи наступающей немецкой пехоты на русском языке: "Сдавайтесь!" "В ночной тишине этот возглас несколько раз повторился". "Скоро нам было приказано отходить левым флангом и окопаться лицом к лесу, что мы и сделали. Оттуда нас обстрелял противник, но в атаку не пошел. Когда прекратилась стрельба, нам приказали отходить за деревню, где после некоторого брожения с места на место мы начали окапываться. Не успели мы выбросить несколько лопаток земли, как приказали прекратить работу и идти в те окопы, из которых мы вышли. Мы исполнили приказание (неверно, только к 8 час. утра последовало выдвижение. — А. С.). Из виденного и пережитого мной за последнее время приходится сделать заключение, что главное горе наше происходит от того, что мало хороших, преданных делу офицеров. Правда, в нижних чинах нет прежнего задора и гордости, как в начале войны, но все же при хорошем руководстве много можно сделать. В войсках нет прежнего подъема, видимо люди устали, есть равнодушие ко всему, но, слава богу, уныния нет".

{89} Это мучительное для войск ерзание по позиции являлось неизбежным следствием неофициального приступа к занятию ее, до окончательной выработки приказа по 7-й Сибирской дивизии, когда еще стык со 2-й Финляндской дивизией был неизвестен.

{90} Весьма вероятно, что пока штабы III Сибирского и V Кавказского корпусов не сговорились, 7-я Сибирская дивизия имела в виду протянуть свой фланг до с. Задворники: предусмотрительность штабов III Сибирского корпуса вела к тому, что они отдавали приказы сначала начерно, а затем исправляли их. В делах 28-го полка сохранился следующий обрывок телефонограммы: "19 сентября и 16 час. дня. Было передано по телефону лично командиру полка приказание занять позицию от Задворники — Мешкуцы до перекрестка дорог Задворники в г. дв. Олесино с дорогой Древеники — Пломпаны".

{91} В критические минуты связь по проволоке начинает отказывать, и штабы начинают применять радио для важных оперативных сообщений и тем выбалтывают свои тайны неприятелю. В районе Вильны, пока мы не пользовались радио, немецкое командование лишь с опозданием узнавало о нашей группировке и намерениях. Вечером же 19 сентября радиостанции Флуга, Мехмандарова, V Кавказского корпуса сообщили

Людендорфу своими переговорами, что 10-я русская армия собирается наступать своим правым крылом, поддерживая внезапную атаку 2-й армии на фронт Сморгонь — Вилейка. и успокоили его, что русские не собираются ответить на неудавшуюся попытку окружения немцев большой операцией, общим переходом в наступление для достижения крупных оперативных целей, чего очень боялся Людендорф. Руки у последнего были еще раз развязаны предательством радио.

{92} Речь идет о прорыве, который рисовался штабу армии на всем фронте V Кавказского корпуса, от г. дв. Олесино до м. Шумск: на левом крыле этого корпуса, как было определенно известно, гвардейская стрелковая бригада ушла назад, не заняв своего фронта, а о 2-й Финляндской дивизии ничего не было известно. В связи с уходом гвардейских стрелков ушел и правый фланг II Кавказского корпуса (части 65-й дивизии).

{93} Отчетное донесение, представленное командиром 7-й Сибирской артиллерийской бригады 20 сентября в 21 час. за № 1251.

{94} Для характеристики составителя приведенной реляции интересно следующее его донесение: "Командиру полка. 23 сентября. 11 ч. № 336, поселок Новоселки от подполковника ЭлERTA. Сегодня, осматривая позицию, я один раз обошел и имение Новоселки и, найдя нижних чинов, душивши кур, приказал им их бросить. Возвращаясь назад, я снова обнаружил двух нижних чинов, несущих под руками кур. Приказал им остановиться и подойти ко мне, что эти исполнили не сразу. Желая их напугать, я, не целясь, выстрелил и нечаянно попал в стоящего рядом санитаря 9-роты 7-го Финляндского полка Василия Тришкина. Подполковник ЭлERT".

{95} Здесь напрашивается совершенно такой упрек автору, какой имел место при рассмотрении предыдущей главы. Автор весьма живо и интересно разбирает вопросы оперативного характера, приводит длительные выдержки и из дневника Штукатурова и из донесения командиров соседних полков и батальонов, но не дает ни одного распоряжения или донесения командира 6-го Финляндского полка. Остается опять-таки неясным, что делал командир полка, что делал штаб полка? Остается совершенно неясной вся сумма вопросов, связанных с искусством вождения полка, понимая под этим весь сложный процесс оперативного творчества командира и претворение этого творчества в жизнь через аппарат управления. Ред.

{96} Вероятно такую странную должность — объединение командования двумя батальонами, развернутыми в боевую часть, — Печенов занимал вследствие происходившей смены

командования — прибыл новый командир полка. Иногда такое объединение командования боевой частью устраивалось и без особых причин командирами, предпочитавшими администрировать, а не командовать своим полком.

{97}Любопытно, как Печенов спокойно оценивает свою лесную позицию с ничтожным обстрелом. В русской армии еще в течение мировой войны упорно держались предрассудков против позиций среди леса и гнались за обстрелом в несколько сот шагов. Через несколько дней после описываемых событий мне пришлось сменять Сибирский полк на позиции между д. Богуши и Закошь. Сибиряки расположились по обширной вогнутой дуге, которая имела те свойства, что на трех четвертях своего протяжения пролежала по открытому месту, под наблюдением германской артиллерии в 300 шагах от опушки леса, и только на одну четверть входила в лес, который сибиряки старались расчистить перед окопами. Я приказал бросить сибирские окопы и расположил полк по кратчайшей хорде на три четверти протяжения прямо по густому лиственному лесу с низкими порослями. Стрелки и даже ротные командиры с сомнением смотрели на эту затею и вначале несколько жутко чувствовали себя, имея обстрел максимум в 20s30 шагов. Но вскоре все оценили преимущества этого расположения, совершенно неуязвимого для немецкой артиллерии. В несколько часов выросло между деревьями основательнейшее проволочное заграждение, в котором стволы деревьев заменяли колья. На следующий день все чувствовали себя на этой позиции прекрасно и были убеждены, что ее фронт неуязвим ни при каких условиях. Немцы были в том же лесу на удалении около 1 200 шагов; в 50 шагах от наших окопов были выдвинуты посты. Я позволил себе однажды, под прикрытием партии разведчиков, поверить свое сторожевое охранение со стороны противника, выходя на каждый пост от немцев. Это было совершенно безопасно, но производило на стрелков сильное впечатление.

{98}Безусловно честный бюрократ, начальник штаба 2-й Финляндской дивизии Шпилько никогда не оставлял дивизию в трудные минуты.

{99}Таким образом на 1 км своей позиции 4-я Финляндская дивизия располагала в 6 раз сильнейшими огневыми средствами, по сравнению с 6-м Финляндским полком в описанном выше бою 16 сентября — под Тартаком; сопротивление же, оказанное ею, как будет видно дальше, оказалось бесконечно слабее.

{100}В районе Крево — Молодечно под небольшим глинистым пластом лежит подпочва, пропускающая воду; поэтому в сухую осень, как это было в 1915 г., когда небольшие

поверхностные запасы влаги, в больших искусственных лужах, исчерпываются, с водой становится очень туго. Часто приходилось ходить за водой за 3 — 4 км.

{101}На языке 4-й Финляндской дивизии это означало "стоять в поддержке". Так, Ларионов тому же командиру батальона дал в 10 ч. 20 ч. за № 15/134 такое указание: "Приказываю вам передвинуться влево и стать за сотнями 2-го пограничного полка, а за 16-м Финляндским полком станут в поддержке оставшиеся роты 4-й Финляндской дивизии (две 13-го и 14-го полков)".

{102}Высшие штабы, по донесениям 65-й дивизии, сообщали об этом днем 26 сентября 4-й Финляндской дивизии, но последняя была убеждена, что само м. Крево занято немцами. Разведчики 4-й Финляндской дивизии в само местечко не ходили, а только добирались до штаба Брацлавского полка и питались тыловыми слухами. Лишь на следующий день, 27 сентября, командир 27-го Сибирского полка Афанасьев рано утром доносил, что его разведчики пробрались в м. Крево и обнаружили, что немцев там нет, а опушка местечка занята 65-й русской дивизией. Какое недоверие к соседу!

{103}Вследствие недоразумения, мне не удалось осветить этот вопрос по данным рейхсархива.

{104}И 7-й Финляндский полк, аналогично развивавший атаку, стоя на месте.